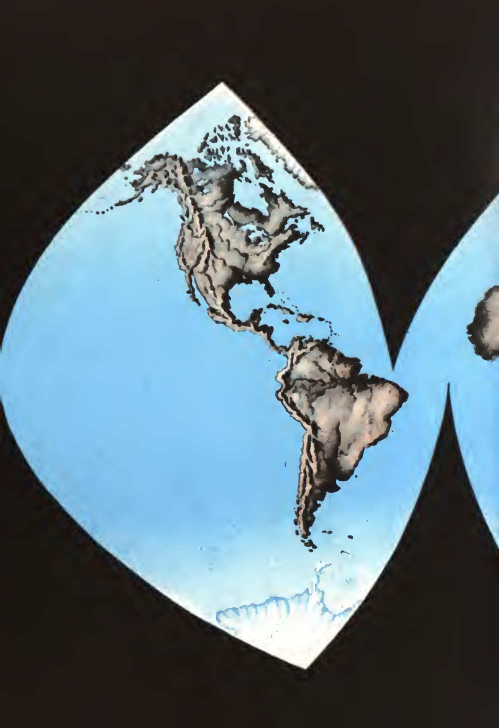

С.В.Обручев
В НЕИЗВЕДАННЫЕ КРАЯ

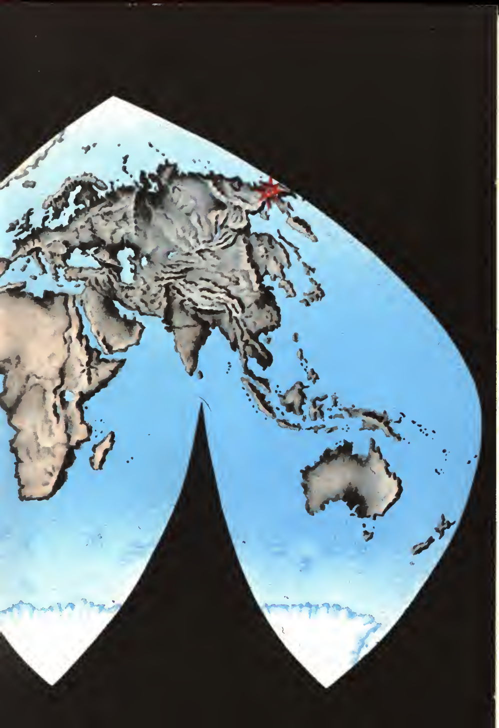

Издательство
«Мысль»

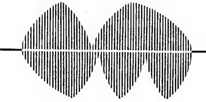
С. В. Обручев

В НЕИЗВЕДАННЫЕ КРАЯ

**XX век: Путешествия
Открытия
Исследования**

91 (С)
О 23

О $\frac{20901\text{-}041}{004\,(01)\text{-}75}$ подписное

С. В. Обручев

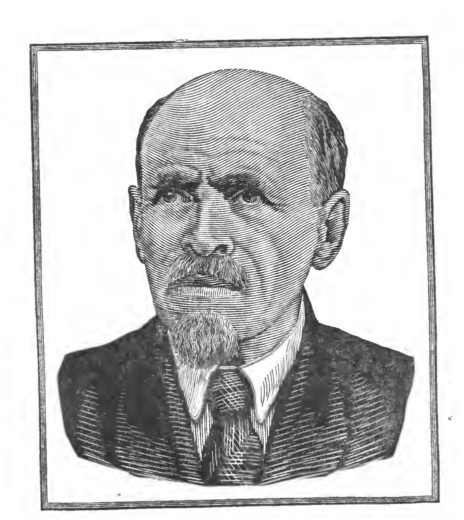
В НЕИЗВЕДАННЫЕ КРАЯ

Послесловие
члена-корреспондента
АН СССР
Н. А. Флоренсова

**Издательство
«Мысль»
Москва
1975**

С.В.Обручев

В НЕИЗВЕДАННЫЕ КРАЯ

Открытие хребта Черского

Задачи экспедиции

6 Если вы взглянете на карту Сибири, то увидите, что к востоку от Лены простирается обширная горная страна, тянущаяся на 3 тысячи километров до Берингова пролива. Область эта орошается тремя большими реками: Яной, Индигиркой и Колымой, достигающими от 1500 до 2 тысяч километров длины. К 1926 году более или менее точно были нанесены на карту Яна и низовья Колымы, а ее верховья и Индигирка были совершенно не исследованы.

Отгороженный от всего мира каменной стеной Верхоянско-Колымский край кроме обычных для северной Сибири болот и лесов славится своим холодом. Метеорологическая станция в Верхоянске давала самые низкие в мире температуры, доходившие в некоторые годы почти до 68°C.

Естественно, что население края тогда было чрезвычайно редким — всего не более 15 тысяч человек; самые крупные поселения, «города» Верхоянск и Средне-Колымск*, имели по 500 жителей, а на остальном пространстве приходился один человек примерно на 100 квадратных километров.

Насколько недоступен этот край, показывало незначительное количество экспедиций, побывавших в нем до нас. Со времени первого исследователя Якутии И. Гмелина прошло почти двести лет, а еще остались огромные площади, равные Франции или Германии, не пересеченные ни одним маршрутом. Большинство экспедиций направлялось от Якутска на север, в Верхоянск, а затем на восток Колымским трактом (собственно говоря, тропой), некоторые экспедиции исследовали морское побережье.

Район к югу от Колымского тракта был не только наименее исследованной областью во всем СССР, но и одним

---

* Географические названия в тексте даются в старом написании.—*Прим. ред.*

из наименее изученных уголков мира. Сюда и удалось пройти нашей экспедиции в 1926 году. До нас здесь, правда, было несколько путешественников, но все они прошли по одному и тому же маршруту, пересекающему область наискось, с юго-запада на северо-восток, к Верхне-Колымску.

Первый из них, флота капитан Гаврила Сарычев, состоявший при морской экспедиции Биллингса, 22 января 1786 года выехал из Якутска и, направляясь на восток верхом, пересек Верхоянский хребет и вышел к верховьям Индигирки, которая здесь, как он сообщал, называлась Омеконь. Отсюда Сарычев проехал на оленях в Охотск. Только в августе вернулся он обратно к верховьям Индигирки уже верхом на лошадях и поехал на северо-восток, в Верхне-Колымск. Сарычев перешел через высокие горные хребты, переправился через мощные притоки Индигирки — реки Неру и Мому. На Колыме он руководил постройкой морских судов, на которых экспедиция должна была изучать моря, окружающие северо-восток Азии. Всего Сарычев провел в этой экспедиции восемь лет — с 1785 по 1793 год.

Сарычев — один из выдающихся русских мореплавателей, и его исследования на северо-востоке России, так же как и позднейшие работы других ученых-путешественников, дали замечательные материалы для познания морей и морских побережий. В изучении Колымско-Индигирского края он был пионером и смело прошел по путям, до того неизведанным.

Но описания Сарычева слишком кратки, касаются только самого маршрута и быта местных жителей. Поэтому из его книги нельзя получить ясного представления о рельефе и направлении горных хребтов. Приложенная к книге карта изученной страны мелкого масштаба, очень схематична и также не дает ясного представления о расположении хребтов. Поэтому мы должны расценивать путешествие Сарычева лишь как первое, рекогносцировочное, для ознакомления со страной, до того абсолютно неизвестной.

По-видимому, тем же путем, что и Сарычев, в 1823 году проехали с Колымы через Оймякон в Якутск спутники Федора Врангеля, мичман Матюшкин и доктор Кибер, но в опубликованных трудах экспедиции нет не только описаний их пути, но даже указания на то, какого маршрута они придерживались. Экспедиция Врангеля и Матюшкина, как известно, имела целью изучение полярного побережья и арктических островов. Матюшкин только определил широту и — очень грубо — долготу Оймякона.

В 1870 году приблизительно тем же маршрутом возвращались участники экспедиции Майделя — топограф Афанасьев и астроном Нейман. От Верхне-Колымска они прошли на юго-запад сначала около 300 километров несколько более южным путем, чем Сарычев, а далее ехали по тропе, близкой к маршруту Сарычева. Съемка, которую вначале вел Афанасьев, была вскоре прекращена, а описание пути не велось: путешественники были утомлены двухлетней работой на Чукотке.

Наконец, в 1891 году известный геолог и географ И. Черский был командирован Академией наук на три года для исследований в области рек Колымы, Индигирки и Яны.

8 В июне 1891 года он выехал с женой (зоолог экспедиции) и двенадцатилетним сыном из Якутска на сорока четырех лошадях. Верхоянский хребет был пересечен их караваном несколько южнее маршрута Сарычева по летней дороге, огибающей реку Хандыгу с юга, по ее притокам. Черский перешел Индигирку в верховьях, в Оймяконе, и далее следовал на северо-восток, опять-таки несколько более южным путем, чем Сарычев. Он вышел на его тропу уже в верховьях Момы. В Верхне-Колымск Черский пришел 28 августа и зимовал здесь. Весной 1892 года экспедиция поплыла вниз по Колыме, но Черский уже зимой тяжело захворал; во время плавания состояние его ухудшилось, и 25 июня (старого стиля) он скончался, не доехав до Нижне-Колымска. Жена путешественника довела исследования Колымы до Нижне-Колымска и потом вернулась вместе с сыном через Якутск и Иркутск в Петербург.

Так трагически оборвалась эта экспедиция, которая должна была приподнять завесу над таинственной страной. Черский во время зимовки в Верхне-Колымске составил и послал в Академию наук предварительный отчет о первом годе работ. Отчет этот, опубликованный в 1893 году, впервые сообщал достоверные сведения о геологическом строении Индигирско-Колымского края и внес много нового в описание географии края, но данные Черского все еще слишком кратки и недостаточны, так как маршрут экспедиции захватил очень узкую полосу.

Из географических наблюдений Черского наиболее важно открытие за Верхоянским хребтом трех других высоких цепей: хребта, названного им Тас-Кыстабыт, на правом берегу Индигирки выше Оймякона, и хребтов Улахан-Чыстай и Томус-Хая на водоразделе между Индигиркой и Колымой. Следует отметить, что Черский, повидимому, уже понял, что расположение хребтов Индигирско-Колымского края совершенно иное, чем рисовали

до него на картах. Но указания ученого в предварительном отчете настолько неясны, что на них не обратили внимания.

После Черского наступил перерыв в тридцать пять лет, в течение которого несколько экспедиций исследовали низовья Яны и морское побережье, но ни одна не заглянула в пределы горной страны.

Верховья Колымы, выше Верхне-Колымска, были посещены за это время только этнографом В. Иохельсоном, который в 1896 году поднялся до устья Коркодона и прошел по последнему еще 100 километров. Экспедиция Иохельсона имела только этнографические задачи.

Таким образом, огромная область, более чем в миллион квадратных километров, имеющая границей Охотское море и Алдан на юге, Яну на западе и 65° широты на севере, пересечена только одним маршрутом Черского. Область, составлявшая одну двадцатую часть всей площади дореволюционной России, все же оставалась столь же таинственной, как верховья Конго или Антарктический материк в начале прошлого века.

Уже давно меня привлекала мысль изучить мощные реки Северо-Востока Азии и огромные хребты, их разделяющие. Но только в 1926 году Геологический комитет был в состоянии наконец ассигновать достаточные средства на эту работу.

По первоначальному плану предполагалось, что первое лето (а может быть, и второе) экспедиция будет работать в средней части Верхоянского хребта и, ознакомившись с местными условиями, в следующие годы перебазируется на Индигирку и Колыму. Обе реки в общих чертах к этому времени должны были быть изучены уже экспедициями Академии наук. Но весной 1926 года план работ пришлось изменить.

Еще в начале 1925 года некий Николаев, белый офицер из шаек, отброшенных при разгроме белых армий на северо-восток, после амнистии возвратился в Якутск и представил в Якутскую контору Госбанка пузырек с платиной. Он заявил, что платина намыта им во время скитаний к югу от хребта Тас-Хаяхтах в районе Чыбагалаха, левого притока Индигирки. Район этот был еще совсем не исследован, и предполагаемым месторождением платины заинтересовались. Якутский Совнарком послал геолога П. Харитонова для осмотра месторождений полезных ископаемых на севере Индигирско-Колымского края и в том числе месторождения платины.

Программа экспедиции была обширна: начав работу в

Верхоянске, она должна была закончить ее на устье Колымы. Но, выехав из Якутска еще по санному пути, Харитонов вскоре вынужден был задержаться из-за ледохода на Алдане. К осени он успел пройти в среднюю часть хребта Тас-Хаяхтах. Путь, который будто бы прошел Николаев, лежал значительно южнее, но Харитонов не решился двигаться дальше на юг.

Несмотря на то что за лето он три раза сменял у местных якутов своих лошадей на свежих, лошади были сильно истощены и сбили себе копыта на галечниках рек; одну из семи лошадей каравана пришлось бросить. Поэтому, совершив экскурсию к юго-западу и собрав сведения
10 ния у местных эвенков, Харитонов повернул обратно и по Колымскому тракту вернулся в Верхоянск.

Месторождение платины, указанное Николаевым, так и осталось не найденным. Правда, существование этого месторождения становилось сомнительным: местные эвенки не слыхали, чтобы во время своих поездок Николаев промывал золото или платину (а в тайге все становится быстро известно); кроме того, анализ платины, проведенный в Геологическом комитете, показал, что она очень сходна по составу с вилюйской и, весьма возможно, что куплена у старателей на Вилюе.

Не доверяя показаниям Николаева, Геологический комитет тем не менее решил послать экспедицию в район, указанный Николаевым, чтобы выяснить геологическое строение этой части горной страны. Эта работа и была поручена нашей экспедиции. Поэтому программа наших работ была спланирована так: из Якутска мы направляемся на восток и, переправившись через Алдан, идем на северо-восток через Верхоянский хребет прямо к Чыбагалаху — по сведениям Харитонова, это самый короткий и легкий путь. Здесь оставляем разведочную партию и уходим на запад; по возможности, несколько раз пересекая Верхоянский хребет, исследуем район между Индигиркой и старым Верхоянским трактом (западный из двух путей, идущих из Якутска в Верхоянск). Наконец по этому тракту выходим в долину Алдана и возвращаемся в Якутск к последнему пароходу — к концу сентября. Разведочная партия, проработав месяц, должна была выйти прямым путем к Алдану.

Такова была программа, составленная на основании самых достоверных сведений.

Но в действительности мы попали после Чыбагалаха не к западу, как планировали, а к юго-востоку, на Индигирку, и вернулись в Якутск лишь к Новому году.

От Якутска до Алдана

В Якутске мы прежде всего постарались найти Николаева. Несколько дней он скрывался от нас, но наконец нам удалось допросить его в присутствии местных представителей власти. Николаев как будто охотно рассказал нам всю романтическую историю находки им платины. В 1922 году он якобы пытался подойти к Верхоянску с востока, но, узнав, что город занят красными, повернул на юго-восток, к Индигирке. Подойдя к верховьям реки Чыбагалах, он с перевала увидел за рекой пять конусовидных гор, напоминавших коровье вымя. В верховьях Чыбагалаха он нашел юрту якута Ивана, отсюда старик ламут (эвен) Никульчан повел его вниз по Чыбагалаху. Пройдя более десяти верст, они перевалили влево, на другую речку, текущую также на северо-восток и впадающую в Индигирку выше реки Момы. По этой речке пошли вниз; на первой же ночевке Никульчан показал Николаеву намытую им платину и продал шесть золотников за табак. Пройдя по речке верст сорок-пятьдесят, они оставили ее вправо и пошли на северо-восток по горам; в 60—70 верстах нашли стойбище эвенов, а пройдя еще верст восемьдесят, вышли к селению при впадении Момы в Индигирку. Здесь Николаев уговорил старика эвена за табак и спирт показать месторождение, где тот намыл платину. Затем, заявив, что в тайге им потеряно ружье, Николаев вернулся со стариком и переводчиком (сопровождавшими его все время) обратно тем же путем. В эвенском стойбище оставили переводчика; далее достигли вдвоем описанной речки, параллельной Чыбагалаху, и поднялись по ней верст тридцать. Здесь, прорвав красноватые утесы, река образует расширение и в нем делает две петли; в первой же петле эвен показал месторождение в обрывах террасы. Весь этот участок занят высокими горами без леса. На месторождении работали четыре дня, причем эвен показал Николаеву, как при промывке, подкладывая кусок сукна, задерживать на нем золото. Всего с двухсот лотков они намыли один или два золотника. Позже Николаев купил у эвенов еще некоторое количество платины. Сделанные им записи — описание месторождения — позже погибли (как это бывает во всех рассказах о кладах).

Мы указывали Николаеву, что рассказ этот расходится с прежними его сообщениями, но он клялся, что окончательную правду говорит только теперь, и составил даже схематическую карту, на которой горы были изображены

в профиль, а деревья — елочками, как на старинных картах.

Детальность карты, живописное описание, обилие подробностей в рассказе Николаева — особенно это «коровье вымя», которое мы должны увидать,— заставляли верить, что он был в описанных им местах. Что же касается самой платины, то многочисленные противоречия в показаниях Николаева внушали подозрения. Казалось, вся история выдумана им, чтобы скрыть действительный источник платины. Все же нельзя было окончательно решить вопрос, не побывав на месте.

Карта и рассказ Николаева значительно облегчали наши поиски. Раньше мы должны были, спустившись с хребта Кех-Тас, искать среди многочисленных речек, впадающих в Чыбагалах, ту, на которой был Николаев. Теперь мы знали ее положение по отношению к Чыбагалаху и к юрте якутов, мимо которых проходит дорога.

Тем не менее цель наша была отдаленная и таинственная: неизвестно, какими путями можно пройти с юга к Чыбагалаху, как далеко до него; существует ли большая река Сюрыктах-Арга, которая, судя по картам, течет параллельно Индигирке от самого Верхоянского хребта и существование которой отрицал Николаев; наконец, где же Чыбагалах Николаева — тот ли это Чыбагалах, который на карте впадает в Индигирку на 65°14′ северной широты, или это приток Сюрыктах-Арги. Никто не мог сказать нам в Якутске, можно ли проехать на лошадях в Чыбагалах, есть ли там корм для лошадей, возможно ли достать какое-либо продовольствие для людей. Кроме Николаева, никто там не был, а с юга никто из русских не ездил к низовьям Индигирки. Недаром исследователь Северо-Востока Майдель называл Кех-Тас одним из самых диких и негостеприимных горных районов Якутии.

За последние пятьдесят лет вряд ли какая-либо русская научная экспедиция отправлялась в такой романтической обстановке: белый офицер, нашедший богатые россыпи, план с двумя крестами, таинственный старик проводник, горы в виде коровьего вымени, красные скалы, безлесные суровые хребты, неизвестная страна, грозящая голодом животным и людям, и, наконец, перспектива застрять там, вблизи Полюса холода, на зиму, если захватят в горах осенние снега!

Подготовка экспедиции была начата зимою. Житель Якутска А. Семенов, помогавший уже организации нескольких экспедиций, принял на себя заботы и о нашей. Еще в феврале, во время съезда представителей улусных

исполкомов, Семенов договорился с председателем Оймяконского исполкома Индигирским, что тот доставит 70 пудов муки, 10 пудов крупы и 6 пудов масла на Чыбагалах, к имеющейся на реке юрте якутов. Индигирский уехал зимой же обратно, и неизвестно, удалось ли ему отправить продовольствие и вообще имелись ли заказанные продукты в Оймяконе. Неизвестно было также, куда он забросит продовольствие, так как он не имел ясного представления о районе работ экспедиции.

К нашему приезду начали уже закупать лошадей. По совету Семенова я решил иметь собственный караван, ибо цель путешествия была неясна и отдаленна, нельзя было ручаться за возвращение в срок, если вообще можно было говорить, что удастся приехать на лошадях обратно. Для многих знатоков края исполнимость этого проекта казалась очень сомнительной. Они считали, что дольше двух месяцев на одних лошадях идти нельзя: лошади будут совершенно истощены и собьют себе копыта; говорили, что во всяком случае обратно через хребет мы на этих лошадях не пройдем — после первого пересечения хребта они смогут идти только по мягкой дороге. Советов давали очень много, и самых противоречивых. Например, люди, имевшие многолетний опыт, рекомендовали нам переждать «время комара» — недели три, когда лошадям идти невозможно; советовали разделить караван на две части, иначе в горных долинах не найдется достаточно корма. Даже расстояние до Оймякона определялось различно: одними в 800 километров, другими в 1300. Можно себе представить, какое настроение создавалось у нас после этих разговоров, когда мы знали, что до Чыбагалаха не менее 800 километров и что надо идти туда быстрым темпом, иначе назад в Якутск на лошадях мы уже не поспеем.

Особенно много беспокойства было связано с ковкой лошадей. Местные жители в один голос советовали не ковать: кованая лошадь легче проваливается в болотах, барахтаясь, ранит подковами ноги и, наконец, провалившись между корнями деревьев, обрывает подковы вместе с краями копыт, что выводит ее из строя. Между тем нам нужно было сохранить лошадей на четыре месяца и перейти при этом несколько хребтов, из которых Верхоянский очень большой высоты, с большими галечниками по речкам и с обширными каменными «морями» на перевалах. Опыт предыдущих северных экспедиций не мог ничего дать: все они шли северными тундрами. Черский пользовался наемными лошадьми и за два месяца сменил их три раза. После двух бессонных ночей я приказал ко-

вать всех лошадей, кроме трех горных, с крепкими копытами, оставленных на пробу. Как оказалось потом, подковы действительно сохранили нам караван.

Рабочие, которые также были против ковки, очень неохотно повели лошадей в кузницу. Занятие это было не из приятных. Семенов отобрал нам самых крепких и свежих лошадей, «жирных», по местной терминологии («сухие» не выдержали бы дальнего пути); большая часть их никогда не ковалась, и заставить лошадь войти в станок было трудно. После ковки некоторые из лошадей вернулись с ободранными ногами, а рабочие совершенно выбились из сил.

14 Очень удивило нас местное вьючное снаряжение. Вместо потника якуты делают толстый матрац из сена, сверху прикрывают его мешковиной, к которой пристеган шпагатом слой сена. Двадцать шесть таких потников, привезенных к нам на телеге, показались возом сена, и я вначале отказался принять их, думая, что это ошибка. Но пришлось подчиниться указаниям знатоков, утверждавших, что при дождях в Якутии такие потники лучше: их скорее можно просушить, чем войлочные. Делать было нечего, тем более что войлока в городе не было. Пришлось взять потники («бото»), к ним соответствующее количество грубо сделанных седел («ханка») и пятьсот сорок метров сыромятных ремней, которые должны были заменить веревки. Русские рабочие, привезенные мною из Иркутска и привыкшие к хорошо прилаженному русскому вьюку, глядели с недоверием на это снаряжение; к их большой радости, удалось прикупить для остальных восьми лошадей русские седла. Наконец уже в день отъезда с только что прибывшего парохода купили еще более 200 метров веревки, но и этого не хватило на обвязку вьюков и на поводы для громадного каравана в сорок четыре лошади. Пришлось скупать ремни по нескольку метров у якутов. Всего мы извели за это лето около 1000 метров веревок и ремней!

Снаряжение — малоинтересная для читателя тема — для экспедиции в труднодоступные районы имеет решающее значение. Неудачно снаряженная экспедиция гибнет или принуждена возвратиться, не сделав и десятой доли предполагавшихся исследований. В особенности трудно снаряжать экспедицию в такие дикие места, как предстояло нам, где район и условия работы неизвестны. Здесь нужно решить многое на авось. Таков был, например, вопрос с продовольствием. Неизвестно, завезут ли заказанные продукты на Чыбагалах, а если нет — можно ли достать там что-либо вообще. Но силы нашего каравана ограни-

чены: тридцать две вьючные лошади могут поднять всего 2400 килограммов, по 75 килограммов каждая,— больший вьюк в болотах гибелен. Увеличивать караван нельзя как из-за недостатка денежных средств, так и из-за отсутствия кормов для такого количества животных. Поэтому мы могли взять продовольствия только на полтора месяца (не считая чая, сахара и т. п., запасы которых рассчитаны на четыре месяца). Больше десятка лошадей занимает наше громоздкое снаряжение, в которое кроме обычных палаток, ящиков и сум входит насос и прочий инструмент для разведок, запас подков и прочее. По расчету, мы должны дойти до Чыбагалаха в один месяц, и останется еще продуктов на две недели, чтобы в случае, если не найдем там ничего, пройти в Мому, где живут якуты и, значит, есть мясо. А если задержимся? Ничего, в крайнем случае начнем есть лошадей... (Это блюдо оказалось у нас на столе гораздо раньше, чем мы предполагали).

Рабочие-якуты, которых нанял для нас Семенов, приехали 12-го вместо условленного срока 4 июня, и с ними прибыло заказанное вьючное снаряжение.

15 июня толпа любопытных, собравшаяся в Якутске на левом берегу Лены, с интересом провела два часа, любуясь «захватывающим зрелищем» — погрузкой лошадей на баржу. Мы переправляли наш караван на правый берег Лены, чтобы оттуда выступить на восток, к Верхоянскому хребту.

Лошади, только недавно приведенные из глухих якутских наслегов *, никогда не видали пароходов и барж. Поэтому завести их на баржу оказалось тяжелой задачей.

Лошадь под уздцы ведут по узкому и качающемуся трапу. Она упирается, храпит, дико поводит глазами и пятится назад, на твердую землю. Более энергичные встают на дыбы, бьют ногами и падают с мостков в воду. Их выводят на берег и снова тащат на мостки. Но когда лошадь заведена на баржу, дело сделано только наполовину: нужно спустить ее по крутой лестнице в трюм. Лестница так узка, что конь едва втискивается в проход; приходится впятером подхватывать коня веревками под зад и вталкивать его в дверцу. Конь отчаянно бьется и лягается, от ударов новых подков летят во все стороны

* Наслег — административно-территориальная единица в Якутской АССР, соответствовавшая сельскому Совету.— *Прим. ред.*

куски палубы. На берегу толпа зевак приветствует шумными криками каждый «удачный» удар.

Баржа маленькая, и в этот день мы смогли перевезти только половину наших лошадей. До другого берега Лены далеко, и переправа совершается медленно. 16 июня те же мучения и страхи испытала вторая партия лошадей, и только ночью мы подошли к низкому правому берегу Лены.

Первый день пришлось посвятить прилаживанию седел и потников и связыванию груза в тюки-боковики по 30 килограммов каждый. Разгорались жаркие споры о превосходстве того или другого способа навьючивания и треножения лошадей. В нашем караване четверо русских рабочих и четверо якутов, и каждый считает, что тот способ, к которому он привык, наилучший. Чтобы прекратить эти споры, я предоставил каждому право вьючить коней своей связки, как он хочет. К концу лета якуты признали преимущество русской обвязки вьюков, а русские убедились, что, например, для тяжелых ящиков очень хорош толстый якутский потник из сена.

Якутский «бото» на первый взгляд очень ненадежен. Кажется, что после нескольких дней пути он развалится; но нет, мы идем день за днем, а «бото» держатся, и только иногда приходится прибавить немного свежего сена и снова простегать их.

17 июня к шести часам вечера все боковики связаны и разложены парами. Начинают ловить и распределять лошадей, каждый рабочий поведет за собой связку из четырех или пяти лошадей. Лошади, необъезженные, дикие, злые, храпят и бьются. Но якуты выбирают себе самых диких; они знают, что это самые сильные, эти лошади лучше вынесут тяжелую дорогу. Русские рабочие менее опытны в дальних переездах по горно-таежным местам и берут тех коней, которых легче вьючить.

А это дело очень трудное: лошади совсем не хотят вьючиться. Несколько человек держат коня на растянутых ремнях, наваливают вьюк, опасливо стягивают подпругу, но, как только вьючка закончена и коня собираются привязать к дереву, он делает дикий прыжок, ремни рвутся, конь мчится по кустам, сбрасывая вьюк и поддавая задом. Рабочие вскакивают на верховых лошадей, бросаются в погоню и ловят беглеца, иногда за несколько километров от стана.

К двенадцати часам ночи покоренных лошадей начинают связывать в связки по пяти. Но, испугавшись соседних вьюков, вся связка сбивается, лошади и кладь

перепутываются, ремни рвутся, и обезумевшие животные вновь мчатся по лугам и кустам.

Пришлось отправлять каждую связку отдельно, не ожидая остальных.

Особенно много хлопот доставила связка якута Иннокентия. Он лучший наездник нашего каравана и выбрал себе самых диких коней. Красивее и сильнее всех Мышка — мышастый верхоянский конь, который впоследствии до самого последнего дня пути сохранил свои силы и начинал каждое утро несколькими прыжками с тяжелым вьюком. Хороша и Рыжка — худощавая, ярко-рыжая, злая и хитрая лошадь.

И когда все связки уже ушли, мы все еще возились с Иннокентием и его лошадьми. Связка сбилась в кучу, разорвала поводья, одна белая лошадь умчалась с вьюком в глубь берега, две лошади спутались и упали вместе. Наш техник Чернов бросается к ним и, лежа вместе с лошадьми, держит их за шеи. Убежавшую лошадь Иннокентий находит только в шести километрах, а за это время обрывается другая лошадь, и долгое время мы стараемся подманить и поймать ее.

Только в пять часов утра, через полсуток после начала вьючки, выступает в путь последняя связка. В 16 километрах от берега на Охотском тракте у первого аласа находим наш караван на отдыхе.

Страна между Леной и Алданом — плоская возвышенность, покрытая лесом. А в этом лесу бесчисленное множество аласов — округлых полян, поросших травой. В середине некоторых аласов лежат озера; раньше они занимали все аласы, но теперь многие озера исчезли.

Вокруг аласов, представляющих великолепные пастбища для скота, обычно и жили якуты. Их жилища были расположены далеко одно от другого, и лишь вокруг больших аласов встречались рядом три-четыре юрты.

Чтобы скорее утомить лошадей и сделать их более покорными, мы простояли у первого аласа всего несколько часов и двинулись дальше по Охотскому тракту. Сухо, дождей нет, и дорога крепкая, почти похожая на парковую аллею.

После переезда по тенистому лесу мы выезжаем на изумрудные свежие весенние луга следующего аласа, и потом дорога снова уводит нас в лес.

Лошади после нескольких переходов понемногу начали успокаиваться, и связки идут стройно одна за другой, растянувшись далеко по дороге. Мы также приходим понемногу в себя после страды первых дней, когда прихо-

дилось идти и днем и ночью. Слышится уже песенка, которую распевает тот или другой верховой, ведя за собой связку коней.

Навстречу попадаются верховые якуты. Мохнатая коренастая лошаденка, большей частью белая, стремена короткие, седло высокое, похожее на казахское. Сзади через седло перекинуты дорожные вьючные сумы, поэтому приходится сидеть высоко подняв колени. В сумах — все, что надо в дороге путнику.

Встречный обязательно останавливается, и возле него задерживаются две-три связки из нашего каравана. Начинаются расспросы:

18 «Капсе!» («Рассказывай!») Это слово заменяет приветствие. Вопрошаемый обычно отвечает: «Нового ничего. Рассказывай ты».

Еще недавно якуты были настоящими кочевниками, последние из них пришли с юга, из Монголии и байкальских степей, несколько сот лет назад. И это приветствие — пережиток кочевого быта, когда каждая новость о местах стоянок, о корме являлась чрезвычайно важной.

И у якутов и у других народов Севера рассказать новости — обязанность каждого путешественника.

Мы проезжаем два больших населенных центра — Чурапчу и Татту. В каждом из них по двадцать — тридцать юрт на пространстве в три-четыре квадратных километра.

В Таттинском исполкоме нам дают проводника-комсомольца, который доводит нас до Уолбы — следующего крупного поселения, лежащего уже в стороне от Охотского тракта, по которому мы шли от Лены. Мы идем по долине реки Татты, занятой лугами, болотами и частью пашнями. Тогда, в 1926 году, пашен было еще очень мало, но в настоящее время площадь их в этой благодатной стране между Леной и Алданом сильно увеличилась. В этом небольшом клине между двумя великими реками Сибири живет около одной трети населения Якутии, и здесь расположена основная житница республики.

От Уолбы мы должны свернуть через низкие лесистые горы к Алдану. На ночевке вокруг нашего стана собираются любопытные и критикуют наших лошадей. Все находят, что они никуда не годятся: слишком «сухие», спины сбиты.

Слышатся мрачные предсказания, подкрепляемые обычным: «Сами увидите».

«От Уолбы до Алдана очень плохая дорога, сплошь бадараны (болота), половина ваших лошадей останется.

Где же в подковах через болота! Через Алдан мы только жирных лошадей плавим, из ваших половина потонет».

В конце концов приводят «жирных» лошадей с глубокой бороздой на широкой спине и предлагают менять на наших с придачей пяти или десяти рублей. Я отказываюсь: все наши лошади осмотрены в Якутске ветеринарами, а этих отдают что-то уж очень охотно. Но тяжелое впечатление от пересудов остается, и мы с опаской поглядываем на своих лошадей: у многих уже сбиты спины, некоторые выглядят утомленными после быстрых переходов.

Дорога от Уолбы к Алдану значительно хуже, и мы получаем первое представление о бадаранах. По этой дороге они все покрыты гатями, но часто бревна совсем сгнили, и из осторожности приходится объезжать гать стороной, прямо по болоту. Лошади падают, их надо развьючить, вынести вьюк на себе до сухого места, иногда 50—100 метров по болоту, помочь лошадям встать. Одна кроткая серо-пегая лошадь, Пегашка, не может сама подняться в болоте, лежит на боку, вся обмазанная грязью, и жалобно смотрит темными глазами; когда мы вытаскиваем ее из болота и ставим на ноги, у нее дрожат бедра.

Через Верхоянский хребет

В ясный день 27 июня мы спускаемся в долину Алдана. Среди лесов и лугов находим несколько юрт — урочище Хаджима. Старик якут, который выходит к нам навстречу, говорит, что большая лодка есть только на устье Амги, в 40 километрах южнее. У них же на берегу нет ни лодок, ни веток.

«А на том берегу Алдана, в Крест-Хальджае?»

«Также нет ничего».

«Если переплыть самим на складной лодке, которую мы везем, то найдем ли Крест-Хальджай?»

«Нет, он километрах в трех от реки, и с берега его не видно».

«Есть ли здесь проводник через Верхоянский хребет?»

«Нет, был один — уехал».

Алдан здесь шириной в несколько километров, разделен на отдельные протоки множеством островов, от самых маленьких до огромных; острова покрыты лесом. По-видимому, нам не удастся построить плот и на нем перевезти лошадей: плот при быстром течении унесет между островами очень далеко. Надо лошадей «плавить».

Выйдя на берег Алдана, к моему большому удивлению, я нахожу три ветки (лодки), и мне удается нанять неуклюжего и молчаливого якута, который перевозит меня на другой берег.

Только через несколько часов мы достигаем противоположного, покрытого лесом берега; вытаскиваем ветку на берег, пересекаем прибрежную полосу леса и через десять минут достигаем юрт аласа Нахсыт, расположенного в стороне от реки. Мое появление вызывает здесь крайнее оживление — со всех сторон сбегаются жители. Проводник с гордостью показывает меня и рассказывает, кто я и зачем приехал; затем слушатели пытаются добиться от
20 меня сведений о приходе парохода. Давно уже должны прийти два парохода из Якутска вверх по Алдану, один на Нелькан, другой на Алданские прииски, и привезти свежие товары в Крест-Хальджай.

Собрав скудный запас якутских слов, которым я научился за две недели, стараюсь рассказать все новости о пароходах, об Уолбе и даже о Якутске. Якуты напряженно стараются понять мое сбивчивое объяснение, составленное из одних существительных и глаголов в неопределенном наклонении, и наконец, уловив содержание, радостно улыбаются. Каждую мою фразу они повторяют друг другу, подкрепляя ее словом «дийде» (говорит).

Отсюда я иду с одним якутом, у которого есть большая лодка, в алас Эбе, где расположено селение Крест-Хальджай. Мне еще в Якутске рекомендовали найти здесь учителя якута Савву Харитонова, который может помочь в найме проводника.

Харитонов принимает меня очень радушно, и с его помощью мне удается столковаться с перевозчиком. Последний берется на своей лодке перевезти весь груз, а лошадей перегнать вплавь. Но переправа займет три дня, что меня очень беспокоит: у нас мало времени, а надо пройти так далеко.

Перевозчик и Савва говорят, что после переправы придется непременно дать лошадям отдохнуть целый день.

С проводниками еще хуже: почти все знающие дорогу разъехались. Есть один старик, Иннокентий Сыромятников, живущий в 15 километрах, за которым Харитонов посылает нарочного.

После ночевки в школе я утром, на заре, возвращаюсь в Нахсыт, чтобы переправиться на левый берег Алдана и успокоить своих спутников, которые с нетерпением ждут новостей о переправе и проводниках.

В Нахсыте все еще спят. Надо подождать, пока приготовят чай: уйти без чая не полагается. Хозяин юрты ста-

рается занять меня разговором, но за недостатком слов разговор скоро прерывается.

Это мой первый визит в юрту, и я с любопытством осматриваюсь. От кочевого быта у якутов остался еще обычай строить две юрты — летнюю и зимнюю. Иногда они строятся в двух-трех километрах одна от другой, иногда дверь к двери и отличаются только величиной: зимняя меньше и утеплена. Я в летней юрте. Она покоится на четырех вертикальных бревнах, поставленных по углам квадрата. Сверху на них лежит венец из четырех балок с одной или двумя поперечными матицами. К этому остову прислонены наклонно тонкие бревна, образующие стены. В стенах прорублены маленькие оконца, в которых вставлены рамы с обломками стекол, нередко вшитыми между двумя кусками бересты. Крыша сделана из жердей с очень слабым наклоном. В одной стороне или чаще в центре очаг — камин с прямой трубой из жердей, обмазанных глиной. Пол земляной. Вдоль стен кругом юрты между вертикальными столбами и наклонными стенами широкие нары — «орон». Снаружи юрта покрыта землей, смешанной с навозом.

Хозяйка вынимает из деревянного шкафчика, когда-то раскрашенного ярким геометрическим узором, фарфоровые чашки. На стол ставят самовар (на Алдане я его видел в каждой юрте) и угощение: лепешки и сливочное масло кусками.

Трое смуглых детей, с темным румянцем на щеках, с блестящими черными глазами, жмутся к коленям хозяина юрты и с любопытством, открыв ротики, рассматривают меня.

Хозяин очень внимателен к ним, сажает их на колени и угощает кусками масла. После чаепития мы едем на тот берег, и вскоре начинается переправа.

Рабочие приводят пять лошадей и со страшными криками загоняют их в реку; лодка отъезжает, лошади плывут за ней, пофыркивая. Рыжая лошадь начинает захлебываться. Михаил Перетолчин, один из русских рабочих, свешивается через борт, хватает ее за уши и держит голову над водой. Наконец лодка подходит к острову, лошади выскакивают на берег и, отряхиваясь, убегают в лес. Лодка идет за новой партией.

Мы с геодезистом К. А. Салищевым, взяв астрономические инструменты, переправляемся в якутской ветке на правый берег, чтобы возле Нахсыта определить астрономический пункт. Переправа продолжается часа два-три. На полянке у Нахсыта расставляем инструменты, палат-

ку; Салищев, как только на темнеющем небе появляются первые звезды, начинает наблюдения.

Утром нас будит какая-то голова, просунувшаяся в палатку. Я довольно нелюбезно огрызаюсь, но, когда после ряда непонятных слов называются фамилия и имя посетителя, которые тоже сразу не поймешь, сон сразу проходит: это сам долгожданный проводник Сыромятников. Он довольно толстый, с длинным упитанным лицом, ласков, но, видимо, себе на уме. Он знает всего два-три русских слова; для переговоров придется ехать к Са́бе (Савва — учитель; якуты называют людей по именам, фамилия употребляется в исключительных случаях, это
 «писаное имя»).

С Сыромятниковым приехал другой якут, и мне любезно дают его лошадь, а он сам идет пешком. Лошадь с якутским седлом, и вскакивать на него приходится спереди, описывая большой пируэт в воздухе правой ногой, чтобы не задеть переметные сумы. Сыромятникова на седло поднимает спутник — у него болит спина. В школе учитель угощает нас чаем. После того как выпито несколько чашек, начинается длинный разговор. Сыромятников сообщает, что прямых дорог отсюда на Чыбагалах никто не знает и никто никогда прямо туда не ездил. Единственный возможный путь — это пройти на Индигирку, к Оймякону, а там уже искать проводника на Чыбагалах.

На Оймякон есть две тропы. Одна — южная, по которой прошел в 1891 году геолог Черский, но на нее отсюда попасть трудно. Другая тропа, северная, идет от Крест-Хальджая прямо на восток, сначала вдоль реки Томпо, затем пересекает реку и поднимается по ее притоку Менкюле. По этой дороге можно выйти на Индигирку в 100 километрах ниже Оймякона, к устью реки Эльги и даже в факторию Тарын-Юрях, которая еще ниже. До Индигирки отсюда больше 75 якутских кёсов * — 750 якутских верст; якуты делают этот путь в двадцать пять дней. Он думает, что мы пройдем не меньше тридцати дней: ко́рма по дороге мало, придется иногда дневать на местах, где есть корм. Дорога тяжелая, очень много болот, и наши кованые лошади не годятся.

Эти сообщения меня поразили. Не только нельзя пройти прямо на Чыбагалах, но даже в верховья Индигирки, куда я вовсе не хотел заходить, мы доберемся только к

---

* Кёс — якутская мера длины, дневной переход; в нем 10 якутских верст; кёс равен семи-восьми километрам.— *Прим. автора.*

началу августа. А я рассчитывал, что к половине июля смогу быть в Чыбагалахе.

Очевидно, приходится теперь оставить надежду на возвращение в Якутск к последнему пароходу.

Скрепя сердце решаю идти сначала на Индигирку: надо попасть на Чыбагалах во что бы то ни стало, любым путем.

Начинаю выяснять, сможет ли Сыромятников довести нас до Индигирки. Но он прежде всего ставит ряд условий, которые учитель передает мне со смущенным лицом.

Наши лошади частью слишком «сухие», частью со сбитыми спинами и негодны для такого тяжелого пути — надо нанять здесь вместо них новых.

На кованых лошадях нельзя идти, надо снять подковы.

Наши русские вьючные седла и потники плохи, надо сменить их все на якутские.

Наши брезентовые мешки и сумы не годятся, они издерутся в тайге, надо взять здесь кожаные якутские сумы.

Надо сменить часть рабочих и взять здешних якутов, привычных к горам. Проводник должен иметь для помощи двух своих рабочих.

Наконец ввиду трудности пути Сыромятников ставит обязательное условие: предоставить ему право распоряжаться всеми силами людей и животных и, если нужно, останавливаться, где захочет, и уезжать в сторону.

Совершенно подавленный, я в силах только спросить, откуда же он знает о состоянии нашего каравана. Сыромятников отвечает: «Люди говорят». Люди — это несколько досужих зрителей, которые видели наш караван. И вот у местных якутов, охотно передающих друг другу слухи, постепенно их искажая, создается убеждение в полной непригодности нашего каравана для предстоящего пути. Эти пересуды отразились и на нашем настроении. Поэтому во время пребывания в Крест-Хальджае рабочие наши были уверены, что караван — если не люди, то лошади во всяком случае — обречен на гибель в Верхоянском хребте.

Что мне оставалось ответить Сыромятникову? Он единственный здесь проводник. Мне хотелось спросить его, сохраняет ли он за мною место начальника экспедиции, или и эта должность перейдет к нему, но вместо этого я осведомился, что возьмет он, чтобы на перечисленных условиях вести нас. Ответ был достоин предыдущего: «Пока я сам не увижу каравана, я ничего не могу сказать; кроме того, я болен, и мне надо отдохнуть здесь некоторое время».

Ясно, что все это — «политика», стремление выжать из экспедиции возможно больше в пользу кулака, крупного владельца лошадей — Сыромятникова. Положение чрезвычайно благоприятно для него и безвыходно для нас.

В Крест-Хальджае Сыромятников — единственный владелец большого количества лошадей. У него или у подставных лиц я должен буду нанимать лошадей, покупать седла и сумы. Его же батраки поедут с нами в качестве рабочих, и он по дороге займется своими торговыми операциями: повезет с собой товары на нанятых у него лошадях, будет задерживать караван, где захочет, и разъезжать по стойбищам своих должников-эвенов, собирать с них долги и продавать втридорога чай, табак и мануфактуру.

А пока его помощники и прихлебатели распространяют слух, что лошади обречены на гибель в Верхоянском хребте.

На всякий случай захожу к фельдшерице, которая осматривала Сыромятникова,— узнать, что с ним. Оказывается, что у него растяжение связок спины.

— Недели две ему нужно пролежать спокойно, но все равно вы раньше и не уедете, у вас лошади очень плохи.

— Но ведь вы не видели каравана!

— Люди говорят.

Я восклицаю с возмущением:

— Мы выступаем через два дня!

Вы представляете, какое было у нас настроение в палатке на берегу Алдана, куда я возвращаюсь после разговора! Перспектива — сидеть в Крест-Хальджае неопределенное время — недели или месяцы, пока найдется другой проводник, или мы выполним все требования Сыромятникова, если только на это хватит остающихся у меня денег. Затем мы пойдем к неизвестным хребтам, где, наверно, погибнут лошади, а сами мы застрянем до зимы.

К вечеру приходит якут, перевозящий наших лошадей через Алдан, и говорит: «Один конь пропал». Какой именно конь и почему — непонятно. По-видимому, потонул при переправе.

Следующий день не приносит ничего хорошего. Я снова иду в школу. Учитель почти так же удручен, как и мы: он чувствует, что на его обязанности разрушить сеть, которую сплели вокруг нашей экспедиции местные кулаки, и помочь научному предприятию.

За время экспедиции мы не раз удивлялись тому исключительному вниманию, с которым относилась к научной работе якутская сельская интеллигенция. Это внимание особенно ярко выделялось в сравнении с жестоким коры-

столюбием кулаков, которые существовали в Якутии до создания колхозов, то есть до 1929—1930 годов.

К вечеру кончается переправа каравана; коней переправляли сначала на остров, а затем на правый берег. Одна из лошадей действительно сдохла еще на острове: переплыв через первую протоку, она зашаталась и упала. Это была очень старая лошадь.

В этом печальном происшествии мы были утешены удачной и быстрой переправой остальных лошадей. А павшую лошадь ободрали и мясо ее стали варить и есть; сегодня осталась от нее половина. Подковы сняли и спрятали, чтобы подковать других лошадей, а шкуру взял себе якут-перевозчик.

Назавтра мы с учителем начали объезжать соседние аласы и опрашивать всех встречных, нет ли где-нибудь хотя и не такого знаменитого проводника, как Иннокентий Сыромятников, но знающего дорогу. Наконец мы узнаем, что бедняк старик Николай Сыромятников бывал на Индигирке и не прочь поехать с нами. Находим его в лесу на озерке, где он ловит рыбу. Это маленький седой человек с кротким морщинистым лицом. Сидя на пеньке, он обстоятельно и медленно отвечает на вопросы, которые переводит учитель.

— Да, я ездил по северной тропе и к устью Эльги, и в Тарын-Юрях.

— А хорошо ли ты помнишь дорогу? Наверно, давно не бывал там?

— Нет, последний раз по этой тропе ходил три года назад. И хотя я стар, а глаза хорошо видят.

— Не устанешь с нами ехать?

— Меня, старика, наверно, не заставите вести вьючных лошадей, а со своей я сам справлюсь!

— Один поедешь? Помощников не надо?

— Зачем помощники? Моего коня разве пасти? Так ваши ребята за ним приглядят.

Нетребовательность и скромность старика Николая по сравнению с его однофамильцем, кулаком Иннокентием, меня поразили; я был бесконечно счастлив, что нашел добросовестного проводника, который соглашается через два дня выехать с нами.

Еще два дня мы проводим на берегу Алдана в ожидании, пока Николай устроит свои домашние дела. Время это мы используем на ремонт вьюков.

3 июля, потеряв на переправу через Алдан и поиски проводников шесть дней вместо одного-двух, как я предполагал, мы выступаем из Крест-Хальджая. У дверей

юрт и домов стоят любопытные, и нам кажется, что они определяют, какая лошадь раньше сдохнет. Но как только мы покидаем селение и томительное ожидание сменяется движением вперед, настроение резко изменяется, мы снова верим в свои силы, и мрачные предсказания крестхальджайцев теряют власть над нами.

Первые 40 километров дорога идет по местности того же характера, что и долина самого Алдана: сосновые, лиственничные, березовые леса, прерываемые лугами. Вначале часто попадаются юрты, потом они становятся все реже, и последние — уже на расстоянии 20 километров одна от другой. Вблизи юрт через некоторые болота положены гати и есть даже мосты через речки, но за последней юртой мы вступаем в область сплошных девственных болот. По этой тропе до подножия гор на 180 километров простирается приалданская низменность.

Взобравшись перед отъездом на колокольню Крест-Хальджая, я увидал на востоке и северо-востоке низкие зубцы и гребни Верхоянского хребта, синеющие на горизонте. Потом все девять дней, пока мы брели по бесконечным болотам, я мечтал об этих синих горах. Только на пятый день сквозь опушку леса наконец начали мелькать вершины хребта, которые как будто оставались все так же далеки и недостижимы. Пока же вокруг нас были только болота!

Болота здесь разнообразны. Во-первых, чистые, безлесные болота с большими кочками, покрытыми травой, и с морем воды между ними. Вечная мерзлота близко, и поэтому, если тропа по болоту уже пробита, идти сравнительно хорошо, лошади бредут по брюхо в воде, но не проваливаются.

Неприятнее болота с редким лесом, покрытые мхами: лошади проваливаются сквозь мох и могут повредить себе ноги, продираясь между упавшими деревьями.

Еще хуже лес по болоту — здесь тропа превращается в ряд грязных топких ям между корнями деревьев, крайне опасных для лошадиных ног. Местами встречаются маленькие открытые болота, где лошади вязнут совершенно.

Лошадь, чтобы спастись из болота, прыгает на корни деревьев, стукается вьюком о дерево; а если на ней сидит всадник, она не обращает на него никакого внимания, и ему приходится во время этих прыжков оберегать свои колени от ударов о стволы деревьев, а глаза — от острых ветвей.

Обходя наиболее глубокие болота, проводники нередко свертывают с тропы и уводят свои связки в чащу. Тут не-

щадно обдираются вьюки и ящики. Скоро на наших вьюках с мукой уже были разодраны в клочья простые мешки, которые мы надели сверху для предохранения брезентовых; якутские ящики, такие беленькие вначале и аккуратно обтянутые кожей, разбились и обтрепались.

Передвижение по болотам очень утомило и людей и животных. Не говоря уже о постоянном вытаскивании лошадей и груза из болот, одно пребывание в седле в течение десяти-двенадцати часов на лошади, которая судорожно бьется под вами, вытаскивая из трясины то передние, то задние ноги, чрезвычайно утомительно; поэтому мы вздохнули с облегчением, выйдя к берегу реки Томпо и увидав в десятке километров к востоку Окраинную цепь Верхоянского хребта.

Томпо — это большая река, которую здесь даже нельзя перейти вброд. Она вытекает из ущелья в хребте и рассыпается на протоки. Между ними галечные острова, покрытые тальниками, по берегам заросли тополей и елей.

В лесу мы нашли спрятанную ветку, сделанную специально для переправы каким-то заботливым путником. Но она мала для перевозки груза, и приходится привязать к ней два бревна. Кроме того, у нас с собой складная брезентовая лодка, которая помогла уже на Алдане. Она очень короткая, плохо управляется, но на нее можно нагрузить очень много.

На следующий день переправляют лошадей: прижав весь табун к утесу, страшными криками пытаются согнать его в воду вслед за несколькими лошадьми, привязанными к лодке. Но лошади убегают, взбираются на крутые осыпи, чтобы избежать воды, и после нескольких неудачных попыток удается заставить только двадцать пять лошадей войти в воду и переплыть реку. Они выходят дрожащие, унылые и покорно стоят на отмели. Остальных переправляют в поводу за лодкой.

Лошадям надо дать отдохнуть после тяжелых переходов по болотам с плохим и скудным кормом, и я отправляю их за три километра, на устье притока Томпо — Куранаха, где хорошая трава. Заодно их там подкуют — уже не меньше сорока подков сорвано в болотах. Мы сами остаемся у переправы, чтобы сделать экскурсию к окраине хребта и дать возможность Салищеву закончить наблюдения, необходимые, чтобы определить здесь астрономический пункт. Такие пункты он будет определять вдоль всего пути на расстоянии нескольких сот километров один от другого. Астрономические пункты будут точно нанесены на карту, и между ними расположатся участки дороги, снятые

маршрутно-глазомерной съемкой, то есть по часам и компасу. Такая съемка дает ошибки в определении длины пути и направления, а астрономические пункты позволяют сделать карту более точной. Особенно важна проверка съемки по астрономическим пунктам при путешествии по лесам, где определения направления и длины пути очень неточны.

Хребет совсем близко, и нам не терпится попасть туда скорее. Что лежит за первой грядой? Может быть, мы увидим главную снежную цепь?

С моим помощником, горным инженером Протопоповым, мы идем пешком в горы вдоль Томпо. С трудом пробираемся по берегу под обрывами и нависшими кустами. Но вскоре утесы преграждают путь, и приходится влезать на склон. Лишь к вечеру мы достигаем устья большого левого притока, почти равного главной реке. Как мы позже узнали, это была река Менкюле.

На отмели мы увидели следы молодых и взрослых лосей, приходивших к водопою, но самих животных не видно. Решаем заночевать километрах в пяти от устья Менкюле: уже поздно, а дальше обрывы окончательно преграждают путь. Менкюле течет здесь в понижении, тянущемся за первой, Окраинной цепью, а Томпо идет навстречу Менкюле с севера. Это было первое географическое открытие нашего путешествия, так как на картах река Томпо была показана текущей прямо с востока. Мы устраиваемся на ночь у громадной кучи плавника — леса, принесенного рекой, и зажигаем его: отчасти, чтобы погреться, отчасти, чтобы отогнать комаров, которые сегодня нам изрядно досаждали.

Всякий опытный таежник, чтобы переночевать с удобством, устроил бы навес из ветвей и перед ним «надью» — два или три бревна, сложенных вместе. «Надья» горит всю ночь и хорошо согревает спящих под навесом. Но у нас не было топора, и мы устроили костер на площади в 200 квадратных метров! Костер горит на славу. Мы согреваем на нем консервы и затем ложимся с краю на горячую золу.

Утром приходится возвращаться: хотя впереди и неизвестная страна, но завтра караван должен выступать. На обратном пути мы взбираемся на Кюрынью — высокую гору в первой цепи к югу от Томпо. На этой горе, по поверьям якутов, образуются дожди; вчера весь день действительно вокруг горы клубились грозовые тучи. Поднимаемся сначала по лесу в влажной тени по глубокому мху; еще рано и холодно. Вскоре появляется кедровый

стланец — цепкий кустарник, преграждающий путь своими бесчисленными ветвями, стелющимися по земле и затем дугообразно загибающимися вверх. Подниматься по зарослям стланца невероятно трудно. На вершине и на полянах следы медведей и ямки, вырытые в щебне: сюда медведи приходят погреться на солнце и отдохнуть от комаров, которые гудят в лесу. Настоящий медвежий курорт! Нигде не видно и не слышно медведей, но, может быть, у них сейчас «мертвый час» и за кустами мы найдем спящего мишку?

С вершины Кюрыньи изумительный вид во все стороны. Прежде всего мы смотрим, конечно, на восток: что там, в неизвестной стране? За понижением, в котором параллельно Окраинной цепи текут Менкюле и Томпо, возвышается высокая цепь с крутым обрывом — Скалистая, как я ее тотчас же назвал. За округлыми предгорьями этой цепи круто поднимаются ее обрывистые гребни с красновато-коричневыми скалами, тянущимися непрерывной стеной с юга на север по всему горизонту километрах в сорока — пятидесяти от нас. Высота ее местами до 2 тысяч метров, и нам кажется, что это и есть водораздельная Главная цепь Верхоянского хребта; но, как оказалось, до последней еще очень далеко.

На север горизонт ограничивают горы, лежащие за узкой щелью Томпо, но зато на запад глаз скользит по бесконечной равнине. Похожая на кожу пестрой лягушки, она покрыта светло-зелеными пятнами громадных болот и темными массивами лесов. Томпо и ее притоки, окаймленные желтыми полосами галечников, делят эту монотонную низину на неправильные треугольники. На горизонте можно различить высокий левый берег Алдана. И нигде ни одного человеческого жилья, ни дымка, ни покоса!

Кто бы мог тогда подумать, что на этой дикой реке в 1933 году начнется постройка культбазы для обслуживания кочевых эвенов; что к 1936 году здесь будут уже больница, школа с интернатом, ветеринарный пункт, зоопункт, электростанция, кинопередвижка; что приезжающие сюда эвены будут отдыхать в красном уголке, слушать радио, читать книги! Здесь впервые эвены увидели свиней и кур, животноводческое хозяйство, опытные посевы зерновых культур и огород.

На другой день мы вступаем в те бесконечные горы, о которых нам рассказали столько страхов. Лошади после отдыха выглядят свежими и веселыми и бойко идут вперед.

Наша тропа проложена по небольшой речке Куранаху. Она так мало протоптана, что часто очень трудно найти ее, особенно при переходе через реку. Постоянно переходя с берега на берег, тропа теряется, но Николай ведет нас уверенно: якут не боится отсутствия тропы.

На якутском языке дорога и след обозначаются одним словом — «суол», и действительно, наша дорога часто только след проехавшего год назад путника. Если дорогу преграждает болото, на котором трава разбита копытами, мы идем по целине или лезем в чащу, обдирая в клочья вьюки.

Николай уже стар, и наши якуты-рабочие втихомолку подсмеиваются над ним и сами часто выбирают дорогу по
30 вкусу, особенно «леший» Оконохой (Афанасий), который никогда не ведет свою связку по тропе: то тропа слишком камениста, то вязка. И, догоняя караван, я всегда вижу по следам: вот прошли другие связки, а здесь, стороной, шел Афанасий.

На Куранахе веселее, чем в болотах Томпо,— светлые тополевые рощи, луга, галечники. Куранах значит «сухой», болот по нему нет. Очень часто мы едем по островам или приречным террасам, поросшим мелким тополем, по крепкой тропе. И лошади и люди отдыхают от бадаранов.

После ночевки на Куранахе мы переваливаем через гору на приток Менкюле — Нижний Харыялах.

По Харыялаху дорога быстро сворачивает в узкую, заросшую лесом долину его правого истока. Я задерживаюсь для осмотра утесов и, отстав от каравана на час, вижу впереди, в верховьях реки, два столба дыма. В июне и июле здесь очень мало дождей, все пересохло, к тому же на Харыялахе густой еловый лес (Харыялах значит «еловый»); в чаще ели увешаны гирляндами сухих светло-серых лишаев, которые мгновенно вспыхивают. Ели загораются одна за другой, и огонь сразу охватывает все дерево, превращая его в колеблющийся столб пламени; как только сгорают лишаи, огонь уменьшается и появляется черный дым.

Мы едем по самому краю обрыва: огонь захватил тропу и прижимает нас к речке. За площадью пожара находим утес, который надо осмотреть. Пока я записываю наблюдения, налетает порыв ветра, и пламя, страшно завывая, прыгает с утеса на утес, перебрасываясь на десятки метров, подобно какой-то гигантской огненной метле, вздымающей искры. Лошадь поворачивается спиной к пламени, прядает ушами, храпит.

Вечером я делаю строгий выговор рабочим за неосмотрительное курение, но никто не признается.

По Харыялаху мы входим в Скалистую цепь. Красноватые утесы известняков возвышаются по обе стороны речки метров на семьсот, от них в долину выдвигаются большие осыпи.

Наш караван медленно поднимается между осыпями, проходит ярко-зеленые лужайки, маленькие озерки и переваливает на восточный склон цепи, на речку Верхний Харыялах.

15 июля по ущелью этой речки спускаемся в широкую долину Менкюле, в то благословенное место с хорошим кормом, о котором нам говорили в Крест-Хальджае: «В Кюель-Сибиктя отдохнете и покормите лошадей перед подъемом на главный хребет».

Но Николай решил пройти дальше и остановился в Ойегос-Оттук («боковой корм») выше по реке. Хотя корм здесь хуже, мы решили сделать дневку, чтобы дать отдохнуть лошадям и осмотреть соседние горы.

С утра все настроены празднично: стирают белье, чинятся, пекут лепешки, идут на реку купаться. В экспедиции это все удовольствия, которым можно свободно предаваться только на дневках. Утром я записываю вчерашние наблюдения. В полдень снаряжаемся для экскурсии.

Уже садясь на лошадей, мы замечаем в полукилометре к северу и востоку два столба дыма. Петр Перетолчин, пожилой рассудительный рабочий, спокойно поясняет: «Это я разложил дымокур на релке *, кони очень бьются, комаров много. Никуда огонь не пойдет — кругом болото. А другой дымокур Михаил на острове разложил».

Я иду проверить, в самом ли деле все так хорошо, и невдалеке от палаток нахожу новый центр пожара в лесу: ветер уже перебросил огонь сюда, а два дымокура превратились в громадные ревущие пожарища, которые ветер гонит в нашу сторону. Мы пробуем ветками забить огонь, но не удается ликвидировать даже самый маленький из новых очагов пожара. Надо бежать: если ветер рванет сильнее, то через десять минут лагерь будет в огне. Прежде всего необходимо найти лошадей, чтобы вывезти груз. В другие дни поиски лошадей иногда затягиваются на два-три часа, но сегодня лошади близко и их вскоре удается привести.

Поспешно свертываемся, упихивая все кое-как; котел с тестом, приготовленным для лепешек, опрокинут, и тесто вытекает на мох. Огонь начинает перекидываться

* Релка — гряда с пологими склонами.— *Прим. автора.*

через последнее болотце в нескольких шагах от лагеря. Мы долго боремся с ним, забивая пламя ветвями; огонь все-таки побеждает, но у нас все уже завьючено, и караван уходит.

Мы идем еще два дня вверх по реке Менкюле. Это большая река, с быстрым течением, брод через которую очень опасен, и поэтому только в конце второго дня, когда река становится мельче, проводник переводит караван на другой берег.

Долина Менкюле здесь имеет ледниковый характер. Следы недавнего оледенения видны всюду: утесы, обточенные льдом, нагромождения валунов и мелкого рыхлого материала, так называемые морены, перегораживающие дно долины или тянущиеся вдоль склонов. Эти морены принес сюда ледник, спускавшийся с Главной цепи хребта и тащивший с собой массу камней, захваченных им со склонов и на дне. Ледник был длиной не меньше 100 километров и заполнил долину до высоты 400 метров. Это было давно, двадцать или тридцать тысяч лет тому назад; тогда весь Верхоянский хребет был покрыт такими ледниками, спускавшимися к равнине Алдана. Позже климат изменился, и ледники растаяли.

С Менкюле мы сворачиваем на ее приток Тебердень, который должен вывести нас к удобному перевалу. Три дня идем вверх по этой речке. Долина становится все мрачнее, горы высятся на целый километр. Наверху уходят к облакам темные утесы, внизу громадные осыпи спускаются к широкому плоскому дну долины, покрытому частью тополевыми зарослями, частью большими безотрадными галечниками (по которым так трудно идти лошадям). Нередко галечники прерываются белыми пятнами наледей.

Наледь, или по-якутски тарын,— это явление, характерное для сибирского севера в областях вечной мерзлоты. Зимой, во время сильных холодов, многие горные реки промерзают до дна, и вода просачивается через галечники берегов. Многочисленными струйками она вытекает из галечников на поверхность льда, разливается по нему тонким слоем, который вскоре замерзает. Таким образом за зиму намерзает слой льда толщиной в два-три метра и даже до восьми метров и покрывает не только реку, но и всю долину ее, иногда шириной до двух-трех километров и длиной от нескольких сот метров до десятка километров.

Зимой, при 60-градусных морозах, тарын всегда покрыт водой, а летом, в июльские жары, это — мощные толщи льда среди зелени, не тающие до самой осени. Тарын за-

хватывает и прибрежные леса, если они лежат на низкой террасе. Деревья от этого постепенно гибнут, и летом в долинах рек, на местах, где тарын стаял, образуются огромные площади галечников с засохшими серыми рощами.

Зимой тарын представляет большие препятствия для передвижения, а летом это излюбленная дорога для караванов лошадей. По тарыну лошадям идти хорошо: они не сбивают себе копыт, как на галечниках, и не вязнут, как на болотах.

На третий день мы начинаем подниматься наконец на Главную цепь, пройдя около 380 километров от Алдана и 190 километров от подножия хребта. Исчезли деревья, дно долины покрыто щебнем и округленными кусками песчаника, по которым лошади идут медленно, осторожно переступая. Наконец мы выходим на широкую седловину перевала. На западе вниз по Теберденю видны острые хребты, достигающие 2500 метров высоты, с обильным снегом, с цирками недавних ледников.

На восток лежит плоская долина, а за ней в мрачной завесе грозовой тучи — округлые горы; утесов почти нет. Это знаменитый Чыстай, который лежит по гребню Верхоянского хребта,— безлесное пространство (от русского слова «чистый»), где летуют эвены со своими стадами. Здесь много корма, но нет топлива, и нам нужно миновать Чыстай сегодня же.

Мы спускаемся по широкой долине — оказывается, это верховья Томпо. Хотя мы уже перевалили через Главную цепь, но все же не достигли бассейна Индигирки. Алданский склон хребта круче, размывается быстрее, чем индигирский, и река Томпо своими верховьями успела проникнуть на восточный склон Главной цепи и похитить верховья прежних притоков Индигирки.

В 15 километрах от перевала у первых деревьев, жмущихся к подножию гор, мы находим чумы эвенов (ламутов) и стада оленей. Становимся возле них на ночлег.

Мы прошли 400 километров, не встретив ни одного человека. Оймяконские якуты, числом около двух тысяч, жили в те годы по долине Индигирки и на нескольких притоках вблизи нее, а эвенов во всем бассейне Верхней Индигирки и в прилегающей части Верхоянского хребта было не более трехсот пятидесяти человек.

В 1926 году снабжение горных районов было поставлено еще плохо, эвены не были объединены в артели и кулаки-якуты могли еще эксплуатировать их, сбывая им по высоким ценам чай, табак, железные изделия и прочие

товары и опутывая долговыми обязательствами. Теперь положение эвенов другое: они объединены в артели, товары получают из лавок и факторий по твердым ценам, никто не спаивает их и не отнимает за долги, как это делали купцы и кулаки до революции, ценную пушнину и оленей.

Утром мимо нас прогоняют оленей; они бегут со странным хорканьем, вытянув морды, и потом тесной кучей ложатся у чума; их рога подобны зарослям кустарников; когда северный олень лежит тихо в лесу на мху, его трудно сразу различить между кустами.

Я пытаюсь расспросить у эвенов о прямой дороге на Чыбагалах, но никто из них не ездил туда и не слыхал, есть ли такая дорога. Приходится покориться судьбе и ехать на Индигирку. Мы решаем, что в Тарын-Юряхе, на Индигирке, где есть фактория Якутгосторга, мы договоримся с доверенным фактории о нашем зимнем возвращении, о найме оленей, ибо ясно, что ни к какому пароходу в Якутск мы не попадем. Сегодня 21 июля, больше месяца со дня выхода; мы прошли 750 километров — по карте как раз столько было прямо до Чыбагалаха, а между тем мы только перевалили через Верхоянский хребет и до Чыбагалаха надо, наверно, идти еще целый месяц.

Расстояние на местности значительно больше измеренного по карте, потому что мы не идем прямо, а делаем большой крюк к востоку по изгибам горной реки.

Переночевав еще одну ночь у эвенов, мы уходим через покрытые травой низкие горы на восток и незаметно переваливаем в верховья реки Брюнгаде, принадлежащей уже к бассейну Индигирки.

23 июля, после двух дней пути по широким долинам вдоль реки Брюнгаде, мы подходим к большой горной цепи, параллельной Главной. Цепь эта, которую я назвал Брюнгадинской, круто обрывается на юго-запад, ниже Главной, и на ней лежат только редкие пятна снега. Долина реки Брюнгаде, пересекая горную цепь, суживается, загромождена моренами древнего ледника, и то справа, то слева к ней подступают крутые обрывы.

На следующий день с утра, чтобы обойти утесы, нам приходится переходить несколько раз реку вброд. Перед этим два дня шел дождь, и Брюнгаде, довольно значительная река даже в сухое время, сильно вздулась. На втором броде последних лошадей в связках течение сдергивает вниз, и они едва добираются до берега. Третий брод страшен: мутная серая масса воды мчится бешеным потоком.

Николай уже не решается искать брода, и вперед едет

попутчик-эвен, который вместе с другим эвеном, якутом и якуткой вчера присоединились к нашему каравану. Эвен храбро гонит лошадь; вскоре она вся скрывается под водой и плывет, высунув голову и пофыркивая; всадник на своем высоком седле поднимает колени к подбородку. Доплыв до того берега, он возвращается обратно, но менее благополучно: поток срывает с седла переметные сумы, и они, как пара огромных пузырей, мчатся вниз по течению. Эвены и якуты уезжают вниз по реке в надежде, не прибьет ли сумы к берегу, а мы останавливаемся у брода. Я посылаю проводника вперед узнать, нельзя ли пройти этим берегом.

С вершины на левом берегу, на которую взбираемся мы
с Протопоповым, открывается обширный вид на долину Брюнгаде и Брюнгадинскую цепь. Брюнгаде здесь стеснена в узкой долине, и древние ледники, спускавшиеся с Главной цепи, принуждены были, сливаясь, громоздиться в этом узком жерле, заполняя его.

К вечеру проводник нашел дорогу по левому берегу Брюнгаде, и мы идем следующий день по ней. Дальше нужно перевалить на север, в бассейн реки Эльги. Местность становится малоинтересной, горы еще высокие, но плоские. Селерикан, большой приток Эльги, вздувшийся от дождей, течет в сильно болотистой унылой долине. Николай дороги дальше не помнит, и караван наш блуждает по болотам и в чаще молодых лиственниц в поисках троп.

На следующий день, 28 июля, выясняется, что проводник уже окончательно не знает, куда идти. Неясные следы ведут вправо от долины Селерикана, и он уводит нас по ним. Взбираемся на перевал через правую цепь и видим на востоке широкую долину с большими лугами и по дальнему ее краю в вечерней дымке плесы большой реки. Это Индигирка.

С волнением смотрю я с перевала. Река, по которой никто не проплывал! Совершенно неизвестная область, куда действительно не ступала нога исследователя. Таинственная Индигирка, которая вдруг превратилась из географического названия в действительность, из тонкой черной полоски на карте — в большую, полноводную реку.

В ветке по Индигирке

29 июля мы спустились к райским пастбищам — в широкую здесь долину Индигирки. Слева в нее впадает река Эльги, и берега ее покрыты пышными лугами с переле-

сками. Даже лиственница, дерево несколько мрачное, кажется на фоне лугов более нежным. Лошади жадно зарывают морды в траву: на последней стоянке в лесу под перевалом им не пришлось особенно много пировать.

Идем наугад на север. Через несколько километров на лужайке попадается пустая юрта, по-видимому, зимник. Все повеселели, ведь мы миновали Верхоянский хребет и мрачные предсказания крест-хальджайцев не оправдались: у нас только одна лошадь хромает.

Вскоре находим другую, обитаемую юрту. Якуты со страхом и изумлением глядят вслед нашему каравану: столько вьючных лошадей здесь никогда не видали.

Встречаются табунки необыкновенно жирных лошадей; поглядев издали на наш караван, они испуганно убегают, вскидывая толстыми задами.

Минуем еще две юрты — Петра Слепцова и Петра Атласова, с которыми в дальнейшем нам придется еще встречаться.

Первого нет дома, а Петр Атласов провожает нас к берегу Эльги, к месту переправы. К устью, где нам хотелось определить астрономический пункт, подойти нельзя: там протоки и острова, поросшие лесом. Придется стать здесь. Атласов ничего не знает про дорогу на Чыбагалах. И немудрено: он бедняк, у него всего три коровы и ни одной лошади. Бедные якуты в те времена далеко не ездили — незачем (разве наймутся в работники к богачу гонять оленей с грузом); Атласов ездил только в Тарын-Юрях — селение в 50 километрах по Индигирке.

Вечером приходит Петр Слепцов, человек более богатый и самоуверенный. Приносит нам «кэси» — гостинец, который всякий гостеприимный хозяин обычно дает гостю, при этом всегда рассчитывая получить что-нибудь в обмен. «Кэси» Слепцова — это туяс молока и утки, за них я даю ему яркий бумажный платок. Разговор, как всегда, затягивается и не скоро доходит до интересующих нас вопросов.

— Есть ли отсюда дорога на Чыбагалах?

— Люди ездят из Тюбеляха, прямо никто не ездил.

— А как далеко до Тюбеляха?

— Кёсов сорок.

— А оттуда до Чыбагалаха?

— Не знаю, однако далеко, еще дальше.

— Не слыхал, где мука и масло, которые из Оймякона исполком повез для нас в Чыбагалах?

— Как же, слышал. Ваш груз месяц назад Мичика в Тюбелях на плоту плавил.

— А в Чыбагалах потом повезли?
— Нет. Люди говорят, в Тюбеляхе оставили.
— Можешь нас повести по Индигирке в Тюбелях с вьючными лошадьми?
— По Индигирке в Тюбелях только на лодке плавают — там ущелье, река глубокая, быстрая, много проток, островов. На лошадях кругом надо ехать.
— Как кругом?
— Через горы, по левую сторону.
— Что, это трудная дорога?
— Трудная: камня много, горы высокие, корм плохой.
— Через Тарын-Юрях пройдем?
— Нет, Тарын-Юрях на том берегу, останется в стороне, кёсах в пяти.
После долгих переговоров Слепцов соглашается провести караван в Тюбелях, если ему дадут шесть пудов муки.
Наш проект — съездить в Оймякон или Тарын-Юрях, прежде чем уходить к Чыбагалаху, и принять меры к организации зимнего каравана для возвращения в Якутию — оказался неисполнимым. В Тарын-Юряхской фактории сейчас никого нет, и она закрыта. А до Оймякона, улусного центра, далеко — около 150 километров, и поездка туда и обратно займет не менее десяти дней. К тому же там, как говорят, никого из нужных нам членов исполкома нет. Мы только зря потеряем драгоценное время.
Поэтому, если мы хотим попасть в Чыбагалах, надо рискнуть идти вниз по Индигирке, пока не думая об обратном пути. Мы должны очень спешить: половина лета прошла, а конечная цель, Чыбагалах, оказывается, все еще очень далеко; сколько до него от Тюбеляха, здесь не знают, и прямой дороги отсюда нет.
Утром я отправляю Михаила Перетолчина посмотреть, нет ли где сухостойного леса возле реки, чтобы сделать плот. Мне очень хочется исследовать Индигирку, проплыть по ней и вместе с тем дать отдых лошадям. Если весь груз мы отправим на плоту, лошади, идя порожняком в Тюбелях, немного отдохнут. Михаил возвращается весь расцарапанный, изъеденный комарами, проклиная протоки, Индигирку и лес. Он выяснил, что сухой лес расположен далеко от реки или на непроходимых протоках и доставлять его к Индигирке слишком долго.
В конце концов удается уговорить Петра Слепцова продать маленькую ветку и дать нам напрокат другую, побольше.
Большая ветка спрятана у Слепцова в кустах, и ее

нам привозят на санях, запряженных быком. На Индигирке тогда еще не знали колесных экипажей, да они и непригодны на болотах; и летом и зимой здесь возили на санях сено, дрова, воду. Запрягали только быков, считая, что они сильнее. Некоторые якуты и выходцы из Лено-Алданского района иногда запрягали лошадей, но эта необыкновенная в здешних местах запряжка повергала местных якутов в изумление.

С устья Эльги я отправил обратно в Крест-Хальджай проводника Николая, который дальше уже не знал дороги.

1 августа наша экспедиция разделилась на две партии. Караван под начальством Протопопова переправился через глубокую Эльги, чтобы идти в Тюбелях через горы. Я с Салищевым и Кононом — якутом, исполняющим обязанности рабочего и переводчика, решили плыть втроем на двух ветках: я в маленькой, а мои спутники в большой. Но и большая лодочка так мала, что приходится привязать по бокам два бревна, чтобы она могла поднять двоих.

Для багажа мы берем на буксире нашу брезентовую складную лодку. В нее погружаем палатку, постели, продовольствие, астрономические инструменты.

В мою лодку беру только плащ и маленькие сумки для камней. Гребем мы легкими двухлопастными веслами, вытесанными из тонкого ствола лиственницы.

Предстоящий путь по Индигирке гораздо интереснее, чем через Верхоянский хребет. О строении хребта мы знали по краткому отчету Черского, а все сведения об Индигирке ограничивались лишь несколькими строками расспросных данных, помещенных в старой сводке географа Майделя. Майдель писал: «В то время как до впадения Нелькана верховье Индигирки с его многочисленными притоками течет по широкой, лишь местами прорезанной горными цепями равнине, с этого места прибрежный ландшафт совершенно изменяется. Левый берег горист почти до места впадения Селегняха, а правый низмен и болотист». И Майдель приводит рассказы об «ужасных болотах» правого берега Индигирки. Так было показано и на картах — низменность по правому берегу Индигирки с севера почти до самой Оймяконской впадины и по ее левому берегу дикий хребет Кех-Тас, отделенный от Индигирки большой рекой Сюрыктах-Арга.

Пускаясь вниз по Индигирке, я не надеялся встретить даже камни, не говоря уже об утесах,— где уж тут, когда берег низмен и болотист,— и я завидовал группе Протопопова, которая сделает интересное пересечение отрогов Кех-Таса.

Но плавание по Индигирке принесло много неожиданностей. Прежде всего река оказалась гораздо более мощной и быстрой, чем мы предполагали.

Как только мы выплыли из лабиринта островов, лежащих у устья Эльги, мы увидели широкую реку, несущую свои воды с бешеной скоростью. Мне в моей легкой лодочке было нетрудно переходить из протоки в протоку и приставать к утесам, но мои спутники скоро оказались в тяжелом положении: ветка с двумя бревнами да еще с брезентовой лодкой на буксире оказалась неповоротливой. Чтобы догрести от одного берега к другому, приходилось долго работать веслами, а за это время лодки уносило на много километров вниз. Поэтому нам сразу пришлось разделиться: я приставал к утесам и производил наблюдения, а Салищев плыл дальше и ждал меня через каждые 10—20 километров.

Моя лодочка была так мала, что, когда я ложился, мое тело заполняло ее целиком, и так неустойчива, что обернуться назад в ней нельзя, можно только слегка повернуть голову. Чтобы посмотреть назад, надо обязательно повернуть всю лодку.

Немного жутко плыть в такой скорлупке одному по большой реке. Лодка вздымается на плоских волнах стремнины и вертится в многочисленных водоворотах. Из всех рек, которые мне приходилось проплывать, Индигирка самая мрачная и страшная по своей мощи и стремительности.

Вскоре мы убеждаемся, как неверны сведения, собранные Майделем в низовьях Индигирки от местных жителей, вероятно никогда не ездивших сюда.

Покрытые лесом горы начинаются по обоим берегам от самого устья Эльги, а у Нелькана (реки, впадающей ниже Тарын-Юряха) на правом берегу вместо предполагаемой низменности поднимаются громадные темные горы с пятнами снега на вершинах, частью закрытых тучами.

На следующий день высокий горный хребет появляется и на левом берегу реки. У устья Неры, большого правого притока Индигирки, черные, голые, еще более высокие горы, покрытые обильными снегами. В виде зубчатых стен по гребням и вершинам выступают жилы гранита, придающие горам еще более мрачный и фантастический вид.

За Нерой долина Индигирки сразу суживается, течение все более и более ускоряется. С обеих сторон большие утесы и горы, покрытые облаками. Уже несколько дней идет дождь. Для первой ночевки приходится ставить палатку

на узкой полосе галечника: каменистый склон слишком крут и на него не взберешься. К вечеру мы с ужасом убеждаемся, что вода необыкновенно быстро поднимается, река буквально вздувается. За час подъем воды достигает 10 сантиметров, а до нашей палатки от воды всего три четверти метра. Ночь проходит тревожно, я много раз выглядываю из палатки и вижу, что вода поднимается все выше и выше. В шесть часов утра приходится сняться с лагеря: вся площадка залита и вода уже лижет вход в палатку.

В течение следующих 10 дней вода в Индигирке упала так же быстро, как поднималась.

40 Еще день плавания по бешеной реке, на быстринах скорость доходит уже до 15 километров в час. Возле утесов плыть опасно: вода с силой бьет в них и от выступов идут гребни валов. Но мне надо держаться возле самых утесов, чтобы их изучать. Работа требует большого напряжения: нужно одновременно править веткой, глядеть на утес, зарисовывать складки пластов, записывать, фотографировать. Как назло, много интересных складок, а чуть положишь весло — ветку в водовороте поворачивает и наносит боком на вал под утесом. А если захлестнет волна, скорлупка тотчас потонет. При таком стремительном движении вдоль утесов надо еще уловить момент, чтобы пристать,— нельзя же проезжать мимо утеса, не осмотрев его. И вот смотришь, нет ли у подножия утеса камня, за которым затишье, и на быстром ходу круто подворачиваешь к берегу, стараясь, чтобы нос лодки попал как раз за камень, иначе снесет или опрокинет.

К вечеру проплываем устье Ольчана, за ним утесы становятся еще грознее. Одна за другой три воющих и шипящих стены проносятся мимо меня. Но вот река мчит прямо на отвесные скалы четвертого утеса, которые острыми зубцами разрезают воду, ревущую и пенящуюся в больших валах. Работая изо всех сил веслом, едва ухожу от страшного утеса, и еще не успевает мелькнуть мысль: «А что случилось здесь с грузовыми лодками?» — как вижу их у берега.

Оказывается, опасаясь утеса, они свернули в протоку у правого берега между галечными отмелями, которая казалась глубокой, а кончилась мелким перекатом. Брезентовую лодку долго тащили по камням, и дно ее, наверно, протерлось.

Становимся на ночлег, перевертываем лодку; действительно, во внешнем брезенте дыра, и надо наложить заплатку.

Утром, пока Конон чинит лодку, мы с Салищевым решаем сходить на соседнюю гору в надежде увидеть на востоке или севере пресловутую низменность Майделя.

Поднимаемся на склон крутой горы, вершина которой скрыта в облаках. С высоты открывается вид вниз по долине Индигирки, низменностей и болот здесь никаких нет. Несколько горных цепей, из которых самая большая закрыта облаками, пересекают реку к югу от Ольчана. Цепи эти идут в широтном направлении, поперек реки, и Индигирка разрезает их по узкой долине, местами превращающейся в настоящее ущелье. Особенно интересны громадные террасы в долине реки на высоте от 10 до 350 метров. Ровные поверхности террас указывают на то, что не так давно вся эта горная страна была гораздо ниже, затем начала подниматься, а Индигирка в это время энергично прорезала свое ущелье.

На этой вершине мы с Салищевым окончательно убедились в том, что нами открыт новый большой хребет. Уже когда мы доплыли до Неры, стало ясно, что цепи левого берега Индигирки продолжаются к востоку от реки. Теперь, глядя на бесконечные горные гряды, преграждающие горизонт на севере и юге, я понял, что мы находимся в сердце огромного хребта. Припоминая описанные Черским на его пути из Оймякона в Верхне-Колымск высокие безлесные цепи, уходившие на северо-запад, и сопоставляя это со сведениями других путешественников, прошедших по Верхоянско-Колымскому тракту, о направлении хребта Тас-Хаяхтах, я решил, что огромный хребет тянется непрерывно от Полярного круга через Индигирку до Колымы. В него входят и хребет Тас-Хаяхтах на севере, и таинственный Кех-Тас на левом берегу Индигирки, и те высокие цепи, которые синеют перед нами, и Улахан-Чыстай Черского.

Эти выводы о существовании единого громадного хребта подкреплялись и геологическими данными: и мои наблюдения, и отчет Черского — все доказывало, что здесь проходит мощная складчатая система, параллельная Верхоянскому хребту.

Возбужденные нашим открытием, полные желания проникнуть скорее на север через эти неизвестные цепи, спустились мы к лодкам.

К полудню Конон закончил починку брезентовой лодки, и мы едем дальше. Погода начинает проясняться, и мы спешим в Тюбелях, чтобы успеть сделать там астрономические определения до прихода каравана. Но вот беда: мы не знаем, где мы! Может быть, мы уже незаметно про-

плыли Тюбелях и скоро попадем на знаменитые пороги? По старым картам селение Тюбелях стоит на правом берегу, немного выше Ольчана, а большая река, которую мы прошли вчера, не чем иным, кроме как Ольчаном, не может быть.

На правом берегу в лесу показывается дымок и несколько пасущихся лошадей. Мы останавливаемся. Конон уходит в лес и находит юрту, где живет семья якутов; но взрослые, оказывается, уехали на отдаленный покос, а дома остались дети, которые могли только рассказать, что до Тюбеляха еще далеко.

На шестой день плавания река становится еще стремительнее. В извилистых ущельях с отвесными стенами она пересекает несколько горных цепей и наконец выносит нас в небольшое расширение. Очевидно, сейчас будет Тюбелях. Вот еще утес, а возле него река уже вся покрыта пеной. Мне удается проскочить, а неуклюжая большая лодка попадает в пенящиеся валы, и ее заливает до половины. Немного дальше, в просвете протоки левого берега, мелькнули две юрты. Я гребу изо всех сил, чтобы пристать к берегу, но быстрое течение уносит ветку далеко вниз, и мне удается задержаться лишь у маленького островка. Вслед за мной идет к берегу и большая лодка. Выйдя с быстрины в заводь, она вдруг ударяется о корягу и опрокидывается. Салищев и Конон летят в воду и выбираются на островок мокрые с головы до ног.

За протокой обширный луг, выбитый скотом, стадо черных с белыми пятнами коров и две юрты — зимняя и летняя. Вдали, у гор, чернеет простой сруб старинной часовенки. В юрте живут старуха, молодая якутка и ребятишки.

Конон начинает длинный разговор: сначала надо рассказать, кто мы и откуда появились так внезапно. Потом переходит к расспросам:

— Чья это юрта?

— Мичика Старков хозяин.

— А где сам Мичика?

— В Оймякон поехал, в исполком.

— Надолго уехал?

— А вот узнает в исполкоме, что делать с мукой, которую он для экспедиции сюда приплавил.

— А где же мука?

— Внизу, у дальнего Егора.

— Где он живет?

— На том берегу, кёсах в двух с половиной.

— А где масло?

— В погребе у нас спрятано.

— Вы не слыхали, есть дорога в Чыбагалах по этому берегу?

— По этому берегу не ездят. Если на тот берег переправиться, можно в Мому поехать, ниже порогов; там много жителей, луга хорошие, скота много.

Женщины живут в этой узкой щели между высокими хребтами, загораживающими солнце, и не знают ничего, кроме Тюбеляха. Даже весь Тюбелях они не видели. Старуха ездила однажды зимой за три кёса вниз, а дальше ничего не знает. Она говорит, что есть где-то внизу, в конце Тюбеляхской долины, в пяти кёсах, дальний Иван, который все знает.

Я решаю стать километрах в восьми ниже юрт, у устья реки Иньяли, куда выйдет наш караван, и постараться собрать в это место масло, муку и затем искать проводника.

Иньяли и впадающая против нее река Еченка текут в мрачных глубоких долинах, среди высоких гор с большими серыми галечниками. Вверх по Еченке видны высокие снежные пики.

Возле устья Иньяли также есть юрта, и жители встречают нас радушно. Но сведения самые неутешительные:

— По этому берегу люди в Чыбагалах не ездят. Переправляйтесь на тот берег, потом горами пройдете в обход порогов, перевалите на реку Тиэхан-Юрях, потом спуститесь в Мому — много людей там живет.

— Зачем нам в Мому? Нам нужно в Чыбагалах.

— А как же иначе? Из Момы переправитесь опять через Индигирку и пойдете на Чыбагалах. Там три брата живут, якуты. Место хорошее, корма много, людей мало.

— Ведь в обход через Мому очень далеко?

— Наверно, далеко, кёсов сорок или пятьдесят.

Вместо остающихся по Индигирке до устья Чыбагалаха сотни километров, оказывается, надо в обход через Мому сделать не менее 350 и при этом дважды переправиться через Индигирку!

Вот она — мчится перед палаткой, а в лесу на том берегу едва различаешь деревья. Как тут на ветках мы будем перевозить две с половиной тонны груза и переправлять через бурную реку наших измученных лошадей?

К счастью, один из здешних якутов, Николай, вспоминает, что есть дорога по левому берегу, также в обход, также не то на 30, не то на 40 кёсов, без переправы через Индигирку, но зато с тяжелыми бродами, с перевалами, болотами. Он сам ездил по ней, но так давно, что не сможет провести.

Еще два дня продолжаются поиски проводника. Наконец приводят дряхлого старика Алексея.

— Рассказывай, друг! Капсе, дагор!

— Нечего рассказывать, стар я стал, никуда не езжу. Что люди расскажут, то и повторяю.

— А раньше ездил?

— Молодая сила была, всюду ездил: и вверх ходил, и в Мому, и на Чыбагалах.

— А на Чыбагалах каким берегом ездил?

— Этим берегом, этой стороной, через горы. Сначала по Иньяли вверх, потом перевал высокий, долго идти. Выйдешь на Юрынью, по ней вниз пойдешь. Давно ездил,

больше тридцати лет прошло. Плохо помню, как ехал.

С трудом вспоминает старик, как идет дорога. В конце концов он соглашается показать нам дорогу, но просит, чтобы помогали ему в пути и на ночевках. Решаем, что лучше такой проводник, чем переправа через Индигирку.

9 августа приезжает Мичика (Дмитрий) Старков. Это человек совсем другого склада. На вид невзрачный: треугольное сморщенное лицо, редкие черные волосы на подбородке (якуты выщипывают бороду), сгорблен. Но он бесстрашный и предприимчивый человек. Узнав в Оймяконе, что мы уже проехали вниз, Мичика проплыл за два дня из Оймякона 400 километров в ветке. Он один из немногих гоняет плоты по Индигирке и дальше всех проникал на лодке в страшное ущелье ниже Тюбеляха. Мичика первый в этом году поднялся на лодке от Тюбеляха до Оймякона, а до сих пор плавали только вниз или поднимались вверх недалеко, не больше 30—50 километров. Надо видеть, как передвигаются по реке якуты в своих лодках, и видеть Индигирку, чтобы оценить этот подвиг. Индигирская ветка, у которой для скорости хода дно закруглено, слишком вертка, чтобы можно было работать в ней шестом стоя, как делают на своих стружках русские; якуты садятся на дно ветки и, быстро-быстро перебирая двумя короткими палочками, медленно передвигаются вверх по реке.

Мичика сразу приводит в порядок все дела. Муку он хочет перевезти на своей ветке на левый берег и сложить километрах в двадцати ниже, откуда мы привезем ее на наших лошадях. Масло уже привезено и лежит на берегу в мохнатой черной коровьей шкуре.

На Чыбагалах через горы Мичика поведет нас сам.

Мы расспрашиваем всех про знаменитое «коровье вымя», о котором говорил Николаев, но никто таких гор

не видел, и Мичика насмешливо улыбается. Про якута Ивана, живущего на Чыбагалахе, он не знает.

10 августа около полудня наконец из ущелья Иньяли появляется наш караван. Лошади имеют очень унылый вид, хотя семь или восемь из них идут порожняком. У многих лошадей видны ребра и выдаются кости таза. Ясно, что необходим отдых, иначе мы не дойдем до Чыбагалаха.

К тому же Петр повредил себе ногу. В первый же день он, нагибаясь к ручью зачерпнуть воды, вывихнул ногу и растянул сухожилие. Вот уже девять дней, как его поднимают на лошадь.

Путь каравана через горы был тяжел: пришлось перевалить через несколько высоких горных цепей, пройти в долинах рек по речным галечникам, по каменистым ущельям, через глубокие броды и болота. Если нам предстоит еще много таких перевалов, то лошади вряд ли выдержат.

После однодневного отдыха я посылаю за мукой по тропе вниз по Индигирке двадцать более крепких лошадей. Одновременно мы с Протопоповым сплывем по реке посмотреть утесы, насколько возможно дальше, и увидать хотя бы начало знаменитых порогов. По рассказам Мичики, ущелье Индигирки в порогах узко и извилисто, так что вода должна с громадной силой ударять в утесы. Берегов, к которым можно было бы пристать, там совсем нет: горы обрываются утесами или крутыми осыпями. Никто из якутов не решался пускаться на лодке или плоту в ущелье, но есть предание, что более двухсот лет назад партия из семи казаков и якутов пыталась спуститься по порогам. Лодка их разбилась, и спасся только один, по имени Тихон. Он выплыл на обломках к устью речки, которую теперь называют Тиэхан-Юрях («Тихонова речка»).

Пороги Индигирки всегда очень сурово встречали исследователей, которые хотели пройти через ущелье. Впервые проплыл страшные пороги Индигирки несколько лет назад геолог Васьковский.

Сам Мичика доходил до начала ущелья, а зимой проезжал его на оленях. Ветер в ущелье так силен, что сдувает снег со льда, а оленей с нартой по льду тащит на утесы.

У нас осталась только моя маленькая ветка. Она поднимает одного человека, и, чтобы сесть в нее вдвоем, придется привязать к бортам два бревна.

Мы выезжаем в самом хорошем настроении. Индигирка снова мчит нас. Первое расширение Тюбеляха быстро кончается; мы проплываем узкое ущелье, где река не более 300 метров ширины, и попадаем во второе расширение.

Впереди серо-розовая гранитная цепь, голой стеной преграждающая путь. Индигирка бросается влево и течет на запад вдоль гор.

Снова начинаются острова. Внезапно между галечниками мы видим ряды высоких скачущих гребней. Они в соседней протоке, и мы отделены от них узким галечным островком, но протоки сейчас сойдутся. Тщетно стараемся отгрестись, течение мчит нас со скоростью поезда, под островом валы захватывают всю реку. Первый же вал, в который мы врезаемся, наполняет нашу лодку до половины, второй заливает ее до краев. Но бревна поддерживают нас, и мы не тонем, а плывем, сидя по пояс в воде. Встречные валы продолжают наступать. Гребем к правому берегу; слева все еще валы, но лодка под водой двигается невыносимо медленно, и ее тащит вниз, ко второй части порога, где начинается ряд новых валов.

Напряженно гребя, нам удается за несколько метров до нижних валов пристать к утесу. Вылезаем на берег, выливаем воду из лодки, из сапог, из карманов — всюду полно.

Осматриваем утес, отбиваем образцы и начинаем готовиться плыть дальше: снимаем сапоги, вешаем пояса с записной книжкой и фотоаппаратом на шею. Со слабой надеждой выгрести через шиверу влево, за валы, пускаемся в путь. Но, конечно, посудина наша слишком тяжела и неповоротлива. Первая гряда валов, несмотря на то что лодка направлена по всем правилам, в разрез вала, заливает ее.

Снова сидим в воде, но на этот раз дело опаснее: здесь водовороты, лодку под водой накреняет так, что мы вотвот вывалимся из нее. Опять надо грести к правому берегу и отливать воду.

Эти два происшествия показали нам, что пускаться с таким судном в большие пороги чересчур опасно.

Вновь садимся в лодку и гребем к левому берегу: надо найти место, куда перевезли муку. Вдоль берега навстречу нам медленно плывет в ветке якут и машет нам рукой — это он возил муку; штабели ее видны на берегу. Как приятно видеть пятнадцать мешков ржаной муки, пшеничной и крупчатки! Это обеспеченная осень и часть зимы. Теперь, во всяком случае, мы не умрем с голоду, даже если застрянем в горах.

Индигирка все так же быстра и мощна. Она, как будто предчувствуя тесноту ущелья, тяжко дышит. Есть места на быстринах, где вздымаются плоские, без гребней, волны в полметра вышиной. Жуткая река! В особенности страш-

но на ней в хрупкой ветке. Колоссальные размеры реки и окружающих гор, бешеный бег воды, грозное шуршание гальки под водой — все это подавляет человека.

Только к вечеру мы достигаем конца расширения. Направо мелькнула юрта дальнего Ивана, «который все знает», налево две пустые юрты. Километрах в пяти ниже начинается ущелье, пересекающее гранитную цепь гольцов. Это действительно узкая извилистая щель в горах, и мы видим только ее начало, где бурлит вода среди голых красно-серых гранитных скатов.

Нам очень хотелось осмотреть начало ущелья, но уже поздний вечер, и экскурсию в ущелье можно выполнить только завтра, затратив на это целый день. А потеря дня,
когда до Чыбагалаха еще 350 километров, недопустима; к тому же я велел Якову, младшему из наших якутов, ждать нас с верховыми лошадьми у штабеля муки только до полудня завтрашнего дня, а туда еще надо пройти пешком 25 километров.

Решаем ночевать в последней пустой зимней юрте. Разжигаем огонь в камельке, находим медный сломанный чайник и устраиваем его над очагом. Только мы с наслаждением начали сушиться перед огнем, как приходит молодой якут. Я объясняю ему, что мы приехали осмотреть ущелье, ночуем в его юрте, и как гостинец — «кэси» отдаю ему лодку. Он улыбаясь объясняет нам, что в юрте ночевать нельзя — много блох, «былахы», и показывает, как они скачут. Действительно, по земляному полу со всех сторон скачут блохи, взбираются по сапогам, по одежде в таком количестве, что становится страшно. После выезда якутов в летнюю юрту блохи развелись на земляном полу из отложенных в пыли яиц и теперь в первый раз в жизни хотят позавтракать свежей кровью.

Опрометью мы выскакиваем из юрты и раскладываем костер во дворе. После нашего сегодняшнего двукратного купания августовский вечер на 65-й параллели кажется прохладным, и нам приятно понежиться у костра. Солнце зашло, и на севере зубчатый гребень гранитной цепи чернеет на светлом небе.

На ночь залезаем в амбарчик и зарываемся в оленьи шкуры, которые обнаружили там. Завтра нам предстоит неприятная прогулка — без дороги по затаеженным горам.

Выходим рано, по мокрой траве. Переход вдоль берега дается тяжело. Всякий, кто ходил по горной тайге, знает, что пройти 25 километров без дороги нелегко. Идете вы по мху — нога вязнет в нем, идете по болоту — тоже

вязнет. По самому берегу Индигирки идти нельзя: часто выступают утесы, и нам приходится несколько раз переваливать из одной долины в другую и снова взбираться по крутому склону. До склада муки добираемся только к вечеру.

Яков, к счастью, догадался ждать нас позже назначенного мною срока.

Темнеет, но надо ехать обратно. До темноты минуем несколько юрт у нижнего расширения Тюбеляха; в них оживление: женщины и девушки доят коров.

Дорога от юрт поднимается сразу на древнюю террасу. Темно, глубоко внизу блестят плесы Индигирки, а за ними чернеют гряды гор, кажущиеся ночью еще более высокими.

Ночи уже темные, и сегодня хорошо вызвездило. Приятная прохлада. Завернувшись в бурки, которые привез Яков, мы наслаждаемся отдыхом после утомительного дня. Около часу ночи приезжаем в лагерь. Похлебка из консервов служит нам лучшей наградой.

Где же наконец Чыбагалах?

Еще два дня мы проводим в Тюбеляхе: надо починить «бото» и Мичика не готов. Опять на траве наворочены целые стога сена, и Афанасий пришивает новое сено к изношенным покрышкам «бото». У нас не хватает шпагата, чтобы сшивать «бото», и приходится изобретать, чем бы его заменить. Обстригаем хвосты и гривы у лошадей и даем якутам сучить нитки. Чтобы заменить порвавшиеся ремни и веревки для увязки вьюков и для поводов, разрезаем черную коровью шкуру, в которую было завернуто масло, привезенное Мичикой.

Я стараюсь уменьшить число вьюков, чтобы увезти с собой побольше муки. Брезентовая лодка нам больше не будет нужна, и мы разрезаем ее на потники, на мешки, на ремни. Весь лагерь занят хозяйственными делами.

Петр сидит у костра и что-то чинит: он не может принять участия в общей работе из-за больной ноги. Я предлагаю ему остаться в Тюбеляхе, с тем что на обратном пути мы пришлем за ним, но он ни за что не хочет: «Я здесь умру от тоски».

16 августа на жирном белом коне приезжает Мичика. Якуты отличают семь степеней жирности коней; высшая

степень — когда на спине слой жира в два пальца. Конь Мичики относится к этой высшей степени жирности. Якуты пускают лошадей на долгие сроки в луга, чтобы потом на такой жирной лошади сделать короткий и быстрый переезд с тяжелым вьюком, доведя животное почти до истощения к концу четырех-пяти недель. Дольше лошадь не выдерживает, сбиваются копыта. Чтобы такая жирная лошадь не опилась и не задохлась, ее перед поездкой выдерживают дня два-три без корма. Мичика первые три дня держит своего коня на привязи — «кормит у столба», как говорят наши русские рабочие,— и отпускает лишь под утро на два часа пощипать травы.

Такой способ особенно пригоден для переездов по районам со скудным кормом и для зимних перегонов.

Якуты очень удивлены, что наши кони идут уже два месяца,— при их системе за это время кони давно бы погибли. Особенно поражают их подковы: на Индигирке кованых коней видят в первый раз. Но я удовлетворен: только благодаря подковам мы прошли так далеко; даже якутские рабочие — непримиримые противники подков — теперь сами подтягивают ослабевшие гвозди. Каждый рабочий начинает дрожать за своего коня, так как запас подков уже кончился.

Мы уходим вверх по долине Иньяли прямо на запад. Дно долины занято то галечниками, то обширными тарынами, то лесами или лугами с обильной голубикой.

С первого же дня выясняется, что лошади далеко не те, что прежде. Карька и Пегашка падают на всех бадаранах, и их приходится развьючивать и поднимать.

Каждый день я отмечаю в журнале: «Лошадь № 1 сильно захромала и с трудом дошла до стоянки», «Лошадь № 5 сильно захромала и освобождена от груза». Что-то будет! Подков нет и «заводных» (запасных) лошадей — также.

18 августа. Долина Иньяли разделяется на две, с юга подходит большой приток Силяп. За ним, южнее, тянется громадная гранитная Силяпская цепь со снегом. Между Силяпом и Иньяли, на стрелке,— огромная изолированная вершина под сплошной шапкой снега. Это группа Чен — самая высокая гора в этой части хребта. Длинные языки снега спускаются с нее в узкие ущелья, загроможденные моренами. Мичика рассказывает, что раз он в погоне за горными баранами поднимался на Чен, шел туда целые сутки, дошел до снега, видел в ущельях ледники — поэтому гора и названа Чен («чен» — лед в углах юрты, скапливающийся зимой под нарами).

20 августа из узкой долины нижнего течения Иньяли мы переходим в громадное расширение ее верховьев. Всю эту котловину наполняли когда-то ледники: одни спускались с Чена, другие — с северных и западных гор и сливались в узкой долине Иньяли.

Два следующих дня мы идем на восток по моренам северного края долины, все время в виду Чена — от него никак не уйдешь. Бесконечные холмы морен занимают все подножие горного склона и поднимаются до высоты в 400 метров над дном долины; следовательно, толщина ледника была здесь не меньше 400 метров.

Каждый день я отстаю, осматривая утесы, и потом на-
50 хожу дорогу по следам. Теперь тропа через Верхоянский хребет кажется мне трактом, так как здешняя тропа не более чем след. На моренах еще хуже — камни, сухой мох, и копыта лошадей не оставляют следа; но я приобрел большой опыт, а кроме того, мой белый конь — настоящий следопыт. Когда мне нужно вести геологические наблюдения и некогда высматривать следы, конь сам находит дорогу, даже на моренах. Почти всегда он безошибочно решает, куда идти, и редко приходится его направлять.

22 августа достигаем прекрасных зеленых лугов в верховьях Иньяли. Лес растет только по краю долины, редкий и кривой; недалеко уже граница леса.

Несколько лошадей в ужасном состоянии: они ходят на трех ногах, поджав заднюю, сбитую. Ясно, что не только до Чыбагалаха, но даже через перевал, который предстоит нам завтра, они не пройдут. Единственное средство — оставить здесь часть груза и наиболее слабых лошадей. К нашему возвращению они могут поправиться.

У края леса на каменной россыпи (чтобы не захватил лесной пожар) строим маленький квадратный сруб. Сверху кладем от дождя брезент и на него бревна и камни — от медведей. От людей охранять не надо: здесь не знают, что такое воровство. Отбираем все, что не понадобится в течение месяца: часть муки и масла, крупы и консервов и всю тюки с коллекциями. Страшно бросить их среди гор, но, кто не рискует, тот не выигрывает.

Пройдя немного дальше к перевалу, оставляем на лугах трех лошадей — Карьку и двух белых коней.

Подъем на перевал в бассейн Чыбагалаха тяжел и каменист. Снова лошади сбивают ноги. Теперь каждый жадно смотрит на мох, не найдется ли потерянная подкова, чтобы можно было отсрочить гибель своего коня. А как вначале смеялись якуты, когда я соскакивал с седла в болотах Томпо, чтобы подобрать подкову! Когда мимо про-

ходит караван, я тревожно смотрю на ноги: у какого коня еще свалились подковы и какой начинает хромать. Яков всегда первый кричит: «Начальник, боккот нет!»

С высокого перевала видны снова снежные цепи: на востоке, западе, на юге и севере. На севере в дымке — какой-то новый хребет. Когда же они кончатся?

По мрачному ущелью небольшой речки опускаемся к Мюреле. Это самый крупный приток Чыбагалаха.

На спуске встречаем первого человека после 200 километров пути: вблизи речки стоит чум бедняка эвена. Семья его состоит из семи человек. Им принадлежит всего семь оленей и две или три собаки. Эвен с сыном приезжает к нам верхом, сидя, согнувшись в комок, на передних лопатках оленя; у оленя маленькое седло в виде двух подушечек лежит прямо на лопатках и стремян нет. С любопытством эвены рассматривают людей, лошадей и палатки. Наш приезд для них так же необычен, как падение метеорита: они в первый раз видят русских. Отец только раз в жизни ездил в Оймякон и, кроме маленького участка верховьев Мюреле, ничего не знает. У него трудно что-либо узнать про дорогу.

— Как пройти на Чыбагалах?

— Какой Чыбагалах? Не знаю, где это.

— Ну, а куда эта река, Мюреле, течет?

— Далеко течет. Узкое ущелье, потом выходит опять на широкое место. В Индигирку течет.

— Прямо в Индигирку или в Чыбагалах?

— Не знаю, сам не видел, люди не говорили. Вот здесь, у себя, знаю, какие реки. Налево кверху Дядя́, потом Дися́. А Чыбагалаха нет...

По мере того как мы идем, Чыбагалах отодвигается все дальше на север.

Но и в географических познаниях Мичики неожиданно сказывается пробел: он дальше дороги не знает. В Чыбагалах он заезжал снизу, от Момы, и на Мюреле никогда не бывал. Однако это его не смущает: как не доехать, если есть след — «суол»! От его храбрости мне делается немного жутко: идти с караваном из сорока истощенных и хромых лошадей — это не то, что проехать налегке на свежей и жирной лошади. Я спрашиваю Мичику:

— Сколько до Чыбагалаха?

— Кёсов двадцать, может, и больше.

— Пройдем ли по Мюреле, говорят, очень тяжелые броды?

— Что ж, обойдем как-нибудь.

Вообще ничего страшного для него нет.

Ущелье Мюреле самое суровое из всех виденных нами до сих пор. За рекой высится новая цепь — гранитная, с рядами вершин, похожих на страшные башни и зубцы. Я стараюсь между ними узнать «коровье вымя» — дойдем же мы до него наконец! Но эти острые вершины похожи не на вымя, а скорее на рога.

Над глубоким и мрачным ущельем реки нависли тучи, и зубцы утесов открываются сквозь них лишь иногда.

Внизу ползет наш измученный караван. Тропа то и дело выходит на галечники, по которым то одна, то другая лошадь скачет на трех ногах. Тропы, собственно, нет, просто Мичика ведет нас по вдохновению. Чтобы избежать утесов, приходится много раз переходить реку; она все многоводнее и бурнее. С гранитного плато спускаются крутые потоки, пенящиеся среди светлых глыб гранита. Один поток особенно хорош. Он идет в узкой щели, засыпанной глыбами гранита величиной с дом. Мутно-зеленая вода его бурлит между глыбами, и с трудом можно заставить лошадь идти вброд.

В ночь на 25 августа в горах выпал снег. У нас начинаются дожди. 26 августа находим в долине большой луг и оставляем на нем еще двух хромых лошадей. Едва освобожденные от седел, они начинают жадно есть траву.

Проходим большой тарын в устье притока, каньон этой речки выходит из гранитов слева. Я доказываю Мичике, что, судя по схеме, которую мне дал в Тюбеляхе якут Николай, дорога уходит в Мюреле именно по этой речке и что пора уходить: броды становятся слишком глубокими. Но Мичика улыбается: «Здесь самые большие горы» — и ведет нас еще два раза через Мюреле. На втором броде последних лошадей в связках сносит — Мюреле стала уже большой рекой.

27 августа — последний день по Мюреле. С утра захромали еще два коня. Мы вступаем в область моренных валов. Между ними болота, в которых вязнут и падают ослабевшие кони. Подходим к месту, где, по мнению Мичики, должен быть брод; но здесь пасует и Мичика, он даже не пробует брода: серо-зеленые валы широкой реки не обещают ничего хорошего. Пробираемся дальше по левому берегу у подножия осыпей, которые здесь опускаются в реку. За ними опять морены и болота. Наконец с перевала через морены видим, что дальше река идет в узком сером ущелье и по левому берегу не проберешься. Смотрю на Мичику. Он спокойно поворачивает в горы: есть след.

Действительно, гранитное плато, сквозь которое мы

шли по каньону Мюреле так долго, кончается. В понижающихся горах есть лазейка — седловина, через которую можно спастись из мрачной долины, настоящей долины смерти.

Но спасение это стоит не дешево: мы поднимаемся на перевал по древней морене, представляющей скопление гранитных глыб, покрытых мхом и редким лесом. Лошади попадают копытами в щели между камнями. Теперь падает не только Пегашка, но и многие другие, которые считались вполне надежными.

С трудом в темноте достигаем перевала. Далеко ли корм, Мичика, конечно, не знает, и приходится стать здесь же, на перевале, на болоте, где свободны от воды только маленькие каменные площадки.

Семьдесят километров каньона Мюреле остались надолго памятными.

С перевала на севере до самого горизонта видны снова гребни гор, но уже не снежные и не такие страшные, как пройденная цепь. Мичика показывает на самую дальнюю: «Вот эти горы за Чыбагалахом». Но как-то не верится: неужели Чыбагалах в самом деле существует?

Утро 28 августа. Сегодня предстоит спуск по таким же покрытым мхом глыбам, по каким мы поднимались вчера.

Через два километра вступаем в долину Нокёна. Это небольшая, но бурная речка, скачущая и пенящаяся по гранитным глыбам. Мичика храбро въезжает в воду, его конь все еще толст и крепок, но нашим это не по вкусу. Злая Рыжка Иннокентия, давно забывшая, как она бросалась на людей, била их копытами в грудь и кусала, падает в потоке. На ее вьюке положен пудовый мешок с образцами горных пород, вода подхватывает его и уносит. Чернов храбро бросается в воду и спасает драгоценный груз.

Еще два брода через Нокён, снова перевал; затем по крутому склону, покрытому мхом, мы сползаем к тому же Нокёну. Чудесная лощина, вся покрытая густой травой, раскидистые лиственницы у воды. Здесь останавливаемся на ночлег. Сегодня прошли только 12 километров, но надо подкормить лошадей: ночью на болоте они напрасно бродили в поисках травы.

Только на следующий день около полудня с обрыва плато мы видим наконец Чыбагалах: глубоко внизу он пересекает долину, подмывает утесы, бурлит. Эта река не меньше Мюреле. Прямо под нами луга, и на них у реки группа юрт.

В бесконечных горах на западе я опять стараюсь разглядеть пресловутое «коровье вымя».

Спускаемся к юртам, разбиваем возле них палатки. Лошадей привязываем всех в ряд у изгороди; теперь их только тридцать семь вместо сорока четырех, выступивших из Якутска. Вечером мы чувствуем себя по-праздничному. И стоит праздновать! Ведь мы надеялись попасть сюда через месяц, а шли два с половиной; предполагали пройти 700—800 километров, а прошли 1500; думали, что пойдем по низменностям, а пересекли столько хребтов, что потеряли им счет. Что бы ни предстояло впереди, цель достигнута!

Братья якуты Сорокоумовы только на следующий день явились с рыбалки, и я устроил им и их женам, сестре и матери подробный допрос. Первые сведения, которые они сообщили, были ошеломляющими. Оказывается, мы еще не дошли до места. В 1922 году Сорокоумовы жили не здесь, а в 12 кёсах выше по Чыбагалаху. В той юрте и был у них Николаев.

Значит, еще несколько дней поисков, а сегодня уже 1 сентября. Мичика заявил, что, если мы хотим выбраться из гор на наших лошадях, надо уходить отсюда не позже 15 сентября.

Все, что мы услышали дальше, совершенно отличалось от рассказа Николаева. Приехал он не в августе, а в сентябре, не втроем, а впятером, с небольшим отрядом. Юрты якута Ивана на Чыбагалахе нет, братьев зовут Сергей, Гаврила и Егор. С верховьев Чыбагалаха для отряда привели не ламута (эвена) Никульчана, как рассказывал Николаев, а Афанасия, и вел он их не до Момы, а всего два-три кёса, потом вел эвен Осип, потом, до Момы,— эвен Григорий.

Это сразу разрушило живописный рассказ Николаева о том, как старый эвен возил его туда и обратно по горам.

Остальное все в том же роде. Кажется, нет ни одного слова в рассказе Николаева, которое соответствовало бы действительности. Особенно важно, что нет такой реки, которая бы текла параллельно Чыбагалаху в небольшом расстоянии от него и по которой на 60 километров шла бы дорога в Мому по совершенно безлесной местности.

На наши вопросы о «коровьем вымени» якуты рассмеялись. Смешно стало и нам.

После долгих расспросов, выяснив все притоки Чыбагалаха, все пути с него в Мому, мы приходим к выводу, что на той дороге, где ехал Николаев, только речка Талынья течет некоторое время параллельно Чыбагалаху.

Решаем идти на Талынью и начинать разведку с нее. Возле юрты Сорокоумовых я оставляю большую часть

нашего каравана, а на Талынью беру только легкую разведочную партию на самых крепких лошадях. Сорокоумовы дают мне проводника — второго брата, Гаврилу, с двумя конями. В уплату за работу я отдаю им двух более слабых коней.

3 сентября мы выступаем. Настроение веселое: ведь сегодня мы знаем определенно, куда идем, и наша последняя цель совсем недалеко, в 10 кёсах.

Особенно довольны рабочие: у каждого вместо связки из пяти коней, цепляющейся за деревья, одна лошадь; у Конона нет лошади с хронометрами, на которые надо все время оглядываться, не задели ли за дерево; Яков избавился от ненавистных тяжелых красных ящиков с научными инструментами, которые изводили его своим весом; даже белый конь, который вез эти ящики, остался на Мюреле.

Мы переваливаем через плато, в обход ущелья, и спускаемся к озерку среди морен. Вокруг него широкий багряно-красный луг — это заросли кустарников березки Миддендорфа в осеннем уборе. За лугом лимонно-желтая оторочка леса: лиственницы тоже уже желтеют; а вдали острая снежная вершина, отражающаяся в холодной воде.

Вскоре неприятный брод через Чыбагалах. Река вся загромождена гранитными глыбами, и пробираться между ними трудно. Брод идет наискось, в очень широком месте. У левого берега несколько лошадей, и моя в том числе, попадают в глубокие ямы и плывут. Все мокро. Брр! Сейчас не лето.

На второй день подходим к устью Талыньи. Выше этой реки долина Чыбагалаха расширяется; здесь когда-то лежал громадный ледник, как в верховьях Иньяли. А на юге видно то самое гранитное плато, которое мы пересекли на Мюреле. Плато тянется на запад вдоль Чыбагалаха до горизонта. Оно сплошь покрыто снегом — не только вершины, как в Силяпской цепи, но даже глубокие седловины. Ряд долин врезается в это плато мрачными ущельями, в их верховьях тоже видны снежные языки. Выдающихся вершин и пиков мало, это одна страшная снежная глыба.

По Талынье доходим почти до границы леса и здесь на террасе останавливаемся.

Пока ведется разведка на Талынье, я делаю с Гаврилой Сорокоумовым на его жирных лошадях поездки в глубь гор, чтобы изучить их строение. Перевалив однажды по момской дороге через высокую горную цепь, мы вышли с ним в долину небольшой речки Ольчан. Оказывается, она

относится уже к бассейну реки Сюрюктях. Вот где наконец нашлась эта таинственная река, которая на всех прежних картах была показана такой длинной и идущей от самого Верхоянского хребта до Момы.

Спускаемся к Ольчану — унылые, безлесные места. Дальше момская дорога уходит вверх по Ольчану, но Гаврила уговаривает меня поехать на юг: по момской дороге на пять кёсов нет леса. Осматриваю галечники и вижу, что Ольчан выносит новые и разнообразные породы; я решаю идти вверх по реке, чтобы изучить новые толщи, которые лежат на севере. Гаврила едет с кислым лицом и время от времени стонет: «Ханна хонобыт?» («Где будем

ночевать?»)

Перевал сплошь покрыт кочковатым болотом; мой жирный конь тяжело переваливается, вздыхает, сопит. Впереди река круто поворачивает в пеструю цепь гор и разрезает ее глубоким ущельем. Кажется, не будет конца горным цепям, а ведь мы уже у полярного круга и прошли от Алдана горами больше 1100 километров.

Вечер, до леса еще два кёса. Надо ночевать. По речке есть кустарники полярной ивы — «талаги», и между ними площадки травы. Хватит для двух чайников и двух коней. Мы собираем сучья ивы; горит она скверно, греет плохо, но чайник вскипел. Я угощаю Гаврилу консервами, он меня — маслом. Потом сидим у огня.

При этой поездке я нашел место, которое наиболее похоже на описание Николаева: на момской дороге действительно есть безлесное пространство длиной шесть кёсов, но оно захватывает не одну речку, а четыре. От всего описания Николаева остается только одна эта широкая полоса гор без леса. И здесь, на Ольчане, можно найти узкие места с утесами, такие, как он описывал. Вернувшись на нашу базу, я рассказываю о своих открытиях, и мы решаем проехать на Ольчан и разведать речку ниже ущелья.

Тогда мы будем спокойны, что разведали все пункты, где мог быть Николаев.

Днем на наш стан на Талынье приходит гость: сначала за горой слышится жалобное блеяние, потом к палаткам выбегает молодой горный баран. Он серо-коричневый, брюшко белое, рога только начинают отрастать. Протопопов поспешно хватает винтовку и выпускает всю обойму. Баран с необыкновенной ловкостью взлетает прямо по крутому склону и исчезает за гребнем. Протопопов, как рьяный охотник, не может себе простить промаха, проверяет винтовку. Оказывается, за два месяца, что ее

везли, приторочив к седлу, прицел сдвинулся и она бьет неправильно.

Здесь немало горных баранов («чубука»): всюду в горах их следы и тропинки по откосам, и нередко в долинах валяются черепа с рогами — трофеи эвенов. Эвены подкарауливали баранов и стреляли их из ружья или настораживали лук на тропинках, где проходят животные, и баран, таким образом, сам спускал в себя стрелу. Этим же способом здесь ловили и диких оленей и зайцев. В настоящее время такой способ охоты запрещен, так как много животных уничтожалось напрасно: охотник не успевал вовремя обойти свои ловушки.

10-го мы едем на один день к Ольчану: вести там более
продолжительную разведку трудно, нет корма и топлива. С собой берем насос и бутару.

Бутара — прибор для промывки — сделана Михаилом из одного вьючного ящика и лиственничных досок. Песок и галька поступают в ящик, промываются здесь на грохоте (железный лист с дырами), затем мелкий материал сносится по корыту, где оседают тяжелые минералы и благородные металлы. Чтобы лучше удержать платину и золото, в корыто кладут сукно.

Бутара работает быстро — только успевают подавать ведра с песком. Весело качает насос, непрерывная струя сносит песок, лопата скребет по грохоту, выбрасывая гальку. За эти дни наши разведчики промыли три тонны песка и не нашли ни крупинки платины.

Проработав день на Ольчане, мы убеждаемся, что рассказ Николаева можно окончательно считать выдумкой. Если бы нам удалось найти признаки платины или хотя бы горные породы, которые ей обычно сопутствуют, мы оставили бы здесь разведочную партию.

Но теперь не имело смысла оставлять людей здесь, в тяжелых условиях. Лучше всем вместе выехать в Оймякон, чтобы изучить подробнее южный район.

К Николаеву, несмотря на все перенесенные нами трудности, мы не питали особенно злых чувств, так как по дороге к Чыбагалаху нам удалось изучить исключительно интересный район, открыть громадный горный хребет, исследовать геологическое строение огромной страны.

13 сентября мы возвращаемся к юртам Сорокоумовых. Лошадям надо дать отдохнуть дня два перед тяжелой дорогой. Здесь трава тоже начала желтеть, опали красные листья березки Миддендорфа, и пейзаж стал унылым.

Обратно к Эльги

В Чыбагалахе перед нами было распутье, как у богатыря в сказке: «Направо пойти — коня потерять, налево — самому погибнуть».

По первоначальному плану нам следовало бы идти отсюда на запад, к старому Верхоянскому тракту, и выйти на него значительно южнее Верхоянска.

Но никто не мог нам сказать, есть ли такая дорога. Даже если мы ее найдем, то с нашими лошадьми не доберемся даже до тракта: зима захватит нас раньше.

58 Самый верный путь — к Оймякону. Во-первых, двигаясь на юг, мы уходим от зимы. Во-вторых, на этом пути у нас оставлены лошади и коллекции: за каждую лошадь мы можем достать два-три оленя, коллекции также лучше везти самим, чем поручить доставку их Мичике. В Оймяконе о нас знают: я писал туда судье Богатыреву и просил обеспечить нам зимний проезд в Якутск. Места нам отчасти знакомы, а пройдя 400—500 километров горами, мы попадем на устье Эльги, где есть жители и где мы, во всяком случае, не пропадем. Кроме того, пройдя на юг по более западному маршруту, можно будет изучить присоединение так называемого хребта Кех-Тас Майделя к Верхоянскому хребту, значит, будет исследован весь Кех-Тас, а если мы пройдем от Эльги до Оймякона, то и все верхнее течение Индигирки.

Но через Чыбагалахскую и Момскую цепи есть только один путь — по Мюреле, и нам до Иньяли придется идти старой дорогой. От Иньяли Мичика обещает провести нас прямо на устье Эльги.

16 сентября прощаемся с семьей Сорокоумовых.

Старший брат, Сергей, ведет нас до Мюреле по новой дороге, в обход Нокёна. Вода сильно спала, и мы лучше попытаемся пройти ущельем Мюреле, чем снова по болотам нокёнских перевалов. С нами якутская лайка Ойюран, пушистый черный пес с белыми лапами, купленный Протопоповым у Сорокоумовых.

В низовьях Мюреле, где мы ночуем, превосходные луга, но никто на них не живет. Только иногда сюда пригоняют с Чыбагалаха табуны. Вечером идет снег, мокрый и густой. Он идет весь следующий день и покрывает горы, но в долине еще тает. Ущелье наполнено белесой мглой, сквозь которую иногда проглядывают пестрые от снега вершины. Внизу склоны черные и скользкие. Холодно, уныло и жутко...

На другой день мы переходим Мюреле вброд шесть раз. Мичика не хочет взбираться на склоны в обход утесов и предпочитает броды.

На третьем броду глубоко, вода хватает вьюки. Иннокентий пробует перейти вброд в нескольких десятках метров выше, и его связка целиком плывет — видны только головы и спины лошадей.

18-го проходим тарын Оньола против гранитного каньона притока. На лугу за тарыном две оставленные нами лошади сами выходят к каравану: они соскучились в одиночестве. Конь Якова толст и крепок, конь Чернова оправился плохо, но уже не хромает.

19 сентября утром 10 градусов мороза. Внизу еще нет снега, но горы в белой пелене.

Мы входим на высоте 800 метров в область, захваченную снегом. Выше уже сплошной покров снега толщиной 15 сантиметров.

Первая ночевка на снегу пугает: мы не привыкли разгребать снег для палатки. Неудобно и необычно — всюду липкий снег: на палатке, на сапогах. Это неприятно, но гораздо страшнее судьба лошадей: корм в долине Мюреле и так скуден, а теперь они должны добывать его из-под снега. В тополевых зарослях на реке, где расположился наш лагерь, трава растет отдельными пучками между деревьями, и мне жутко смотреть, как лошадь раскидывает копытами снег, потом жадно выщипывает этот желтый и жесткий пучок. Если на высоте 800 метров уже лежит снег, то почти до самой Эльги мы, наверно, из него не выйдем: ведь верховья Иньяли лежат еще выше.

20 сентября — дальше по Мюреле. Снежный покров все толще, ночью опять шел снег.

Свернув к перевалу, слышим лай. Чужая лайка бросается к Ойюрану, и за ней из лесу высыпает нестройный караван в десять оленей. Это эвен кочует с семьей. Все спешиваются. Эвен сообщает, что за хребтом на Иньяли снега нет, что он видел наших лошадей — все три пасутся там же, где мы их оставили. Амбар также цел.

Эвен и его жена — превосходная пара. Он высокий, стройный, красивый, ловкий и подвижный, воплощение всех достоинств эвенского народа, этих исконных жителей северной тайги. Его жена с миловидным личиком похожа на мальчика в своих ровдужных штанах. С ними четверо ребят: старший, лет пяти, сам ведет в поводу оленя; следующие два сидят верхом, но оленей ведет мать; последний, грудной, в маленькой люльке в виде кибитки привязан к спине оленя, как один боковик вьюка. Иногда ма-

леньких детей эвены носят в кожаном мешке на спине матери. На дно мешка кладут мох или древесную труху.

Вся семья едет за нами до нашей ночевки; собака с рыжими лохмами мчится впереди, высунув язык, за ней идет мать с детьми и с вьючным оленем. Ее внимание всецело занято нами. Ветки хлещут ребятишек по лицу, но те тоже заняты интересным зрелищем и не обращают внимания на удары. Да они, вероятно, и привыкли ко всему: оба младшие без шапок, несмотря на мороз.

Эвенские дети до перехода эвенов на оседлость рано привыкали к холоду: с раннего детства они полуодетые играли целыми днями на снегу.

60 21 сентября — перевал. Все время идет снег, пурга, все кругом в белесом тумане. Лошади уныло бредут гуськом по глубокому снегу. Может ли быть, что в 10 километрах за хребтом нет снега? Только Ойюран не унывает, снует всюду, пушистый хвост его загнут кольцом.

Едва мы начинаем спускаться с перевала, картина резко меняется: покров снега все тоньше и тоньше. Он лежит только на склонах гор, а внизу видны темные, свободные от снега луга Иньяли. Вот последние пятна снега, и мы идем по траве, хотя и желтой.

На лугах вдали видны три точки, две белые и одна черная,— это наши лошади, оставленные здесь месяц назад. Они одичали, и теперь, чтобы поймать их, караван выстраивается кольцом, и лошадей загоняют внутрь. Крики, лай Ойюрана, ржание, лошади хлюпают в болоте, но наконец все три пойманы. У них прекрасный вид, спины зажили, бока округлились; белые кони обросли густой шерстью.

Наш амбар не сгорел и не разграблен медведями.

Два следующих дня мы идем вверх по правому притоку Иньяли.

Перевал в бассейн Эльги — последняя на нашем пути безлесная зона, Чыстай. Теперь мы будем идти все вниз, не считая перевалов через гребни водоразделов между притоками Эльги. Становимся на ночь на какой-то речке, начинается густой снег. Наше второе лето продолжалось только три дня.

Где мы? Мичика не знает: он бывал только в бассейне Иньяли. Месяц назад он просил передать каким-то эвенам, чтобы его ждали здесь. Мичика отправляется их искать (как всегда, пешком — якуты берегут своих коней), но, пробродив часть ночи, никого не находит.

Мичика тем не менее не унывает. Что же беспокоиться: можно пойти на юг вверх по реке.

Найдет ли он эту дорогу? «Как не найти, большая дорога». А по этой большой дороге раз в лето проезжает один всадник, сейчас она к тому же покрыта снегом.

Следующий день спускаемся по ущелью неизвестной реки, переваливаем через низкие лесистые горы на другую реку, названия которой Мичика также не знает, идем по ней еще два дня, обходим большое черное озеро и становимся в лесу за озером, между двух болот, без корма. Последние дни многие лошади все больше слабеют: сухая трава малопитательна да в болотистых лесах и ее мало.

Мичика снова уезжает искать стойбище эвенов.

Часов в десять вечера сквозь мягкий шелест снега слышим крик — это едет Мичика. С ним два всадника на оленях — Мичика нашел эвенов, их стойбище недалеко в горах. Выясняется, что мы заблудились.

Один из эвенов, старшина наслега Семен Неуструев, соглашается вести нас ближайшие 5 кёсов. Неуструев утром приезжает верхом на олене, ведя другого в поводу. На втором олене — постель старика.

Уже 28 сентября, и природа хочет показать нам, что скоро зима. Вечером 13 градусов мороза, а утром 21. Солнце светит ослепительно ярко.

Еще несколько дней мы идем через низкие горы левобережья Эльги, переваливая через крутые гряды с одной маленькой речки на другую, по лесам и замерзшим болотам. Лошади щиплют на пути желтую траву, но многие из них истощены и постоянно отстают от каравана.

1 октября удается пройти лишь один кёс — до стоянки эвенов. Следующий корм — в четырех кёсах.

2 октября — тяжелый переход. Снег идет до трех часов дня, и все засыпано: деревья, люди, лошади. Лезем на довольно высокий перевал, но при спуске с него Мичика теряет тропу: она ушла в обход по склону. Спускаемся прямо вниз, лошади скользят на задах по мху и снегу. Затем идем по притоку Эльги и ночуем недалеко от его устья, в лесу, на болоте.

3 октября — последний переход к жилым местам — оказывается и переломным днем нашего передвижения. Ночью одна из лошадей попала в яму с водой и просидела там до утра при морозе градусов в пятнадцать. Сегодня, не пройдя и 10 километров, она начала падать, и у первых юрт ее пришлось бросить. Дальше быстро одна за другой стали «приставать» (как говорят в Сибири) другие лошади в «русских» связках. Всего на протяжении 20 километров отстало пять лошадей, которые оказались настолько истощенными, что не могли идти и порожняком.

Часть вьюков и седла раскиданы вдоль пути, люди идут пешком.

К вечеру посланные обратно рабочие приводят четырех лошадей, пятая, простудившаяся, лежит на лугу и не хочет есть. По-видимому, ее дни сочтены.

Целые сутки идет снег и покрывает толстым слоем палатки, вьюки, седла.

Оставаться на этом месте ни к чему, и мы решаем пройти к нашему астрономическому пункту на устье Эльги. Часть людей и груза может остаться на устье Эльги и затем, когда в Оймяконе будут наняты олени, прямо отсюда поехать в Крест-Хальджай. Это даст мне возможность, оставив слабых лошадей на Эльги, уехать на сильных в Оймякон, не нанимая новых у здешних якутов.

Прощаемся с Мичикой: он едет домой через горы.

5 октября — переход на устье Эльги. Идем по широкой долине реки. Леса, луга, где желтая высокая трава своими метелками еще подымается над снегом.

В зарослях у Эльги много заячьих следов. Мы несколько раз встречаем якутов, несущих зайцев,— их здесь ловят петлей, укрепленной на треноге над заячьей тропой.

После вчерашнего снега сегодня опять ясно и холодно — 26 градусов мороза. Но Эльги все еще не стала. У нее большие забереги, и река темнеет широкой полосой среди снегов. Она очень сильно спала против летнего уровня, и говорят, что ее можно переходить вброд. На том берегу какая-то черная фигура прорубает проход в забереге — это Петр Атласов, у юрты которого мы стояли, предупредительно расчищает путь. С этой стороны заберег также прорублен; лошади боязливо заходят в воду, но брод очень мелок, и удается без приключений достигнуть правого берега.

Со следующего дня начинаем устраивать остающихся. Протопопов и Михаил обязательно хотят срубить зимовье, хотя жить в нем придется не более двух месяцев. Они выбирают место в густом лесу, вблизи астрономического пункта. За день русские рабочие спиливают сорок семь больших лиственниц. Якуты отказываются от своей комнаты в зимовье и переезжают в юрту к Петру Слепцову.

Вместе со Слепцовым к нам приходит местный богач с Дыры-Юряха — Федор Кривошапкин. Он одет элегантно: новые, хорошо подобранные из оленьего камуса унты (меховые сапоги), рукавицы с отворотами из лисьих лапок, тарбаганья шапка, суконная куртка на меху, с оторочкой из бурундука — все новое и чистое. Федор дер-

жится очень самоуверенно. Он приемный сын богача, сам человек предприимчивый, имеет сотню оленей; он гоняет плоты по Индигирке.

Федор предлагает провести нас в Оймякон. Он не советует ехать летней дорогой, через горы: там очень крутые спуски и подъемы и сейчас по снегу их не одолеть. Кроме того, корма там плохие, а если пойдем Индигиркой, то можем покупать сено у живущих вдоль реки якутов. Индигирка должна скоро стать.

Я отдаю Федору одну из лошадей, оставленных на последней стоянке, в обмен на корову. Корова на выпасе у Петра Атласова, и ее сейчас же приводят. По-видимому, Федор опутал долговыми обязательствами многих жителей этого района.

Всего на устье Эльги до двадцати юрт, но среди них юрта Петра Атласова, наверно, самая бедная. У него три коровы и ни одной лошади. Коровы дают летом по бутылке молока, зимой, вероятно, три — одну бутылку. Семья Атласова из пяти человек питается этим молоком да зайцами, которых ловят. Он сам нередко заходит к нам в своей потертой оленьей парке, на которой почти не осталось волос, и, сгорбившись, курит трубку у костра. С ним небольшая деревянная лопатка для выравнивания снега: после того как поставлена петля на зайца, надо заровнять следы. На лопатке накручены волосяные петли.

В ожидании постройки избы мы живем еще в палатках у астрономического пункта. Сегодня Салищев наблюдал ночью на морозе в 30 градусов. Тяжелое испытание для наблюдателя: к винтам инструмента нельзя прикоснуться, объектив покрывается льдом. К тому же, кроме полушубков, у нас нет теплой одежды, а в сапогах стоять на морозе несколько часов подряд мучительно.

С 8 октября начинают класть зимовье. Главный архитектор — Михаил. Он ловко владеет топором и хорошо руководит постройкой. Изба строится размерами четыре на шесть метров, из двух комнат.

На второй день положили все семь венцов и накат из тонких бревен и начали заваливать землей крышу. Михаил выстругал доски и сбил из них дверь. Поставили две железные печки, на окна натянули бязь, стены проконопатили осокой, которую привез Атласов.

10 октября почти все закончено, и русские рабочие переселяются в зимовье. На следующий день переезжаем и мы. Очень приятно после холодной и тесной палатки сидеть в тепле, спать раздевшись. Изба сложена так хорошо, что, хотя ночью мы не топим, к утру температура +10

градусов. Чтобы не так выдувало, на ночь окна вместо ставен закрываются сенными потниками — «бото».

Избушка внутри имеет несколько мрачный вид, как и всякое северное зимовье, но все, кому приходилось жить в таких зимовьях, вспоминают потом с удовольствием широкие нары, ружья по стенам, одежду, развешанную у раскаленной докрасна печки, свет свечей, рассеивающийся среди темных бревен стен.

10-го привели оставшихся на последней стоянке лошадей. Пятидневный отдых им нисколько не помог, наоборот, они на вид еще более тощи, чем раньше. Очевидно, сухая трава совершенно не может восстановить силы лошадей,

не привыкших к суровым условиям. Простуженная лошадь пала.

В течение нескольких дней, остающихся до отъезда, я распродаю наиболее слабых лошадей в обмен на мясо, масло, теплые шапки, рукавицы, заячьи одеяла. Ни шуб, ни меховых сапог здесь достать нельзя, и придется прислать их из Оймякона.

В зимовье постоянное оживление: мы готовимся к отъезду, а остающиеся всячески усовершенствуют свое жилище. Нам на дорогу пекут лепешки: вот уже больше двух месяцев, как кончились сухари, и мы живем на лепешках. Заводят пресное тесто, иногда прибавляя для пышности соду, и пекут на сковородках.

Наконец Петр Атласов приносит весть, что стала Индигирка.

Со мной в Оймякон поедут Салищев и трое якутов, кроме Афанасия, который остается на Эльги как переводчик: он немного знает по-русски.

Мы оставляем почти все продукты: муку, табак, сахар. Им хватит на месяц, а за это время я надеюсь прислать на оленях новые запасы. Масло и мясо они достанут здесь, а за спичками и солью отправят Афанасия в Тарын-Юряхскую факторию.

На полюсе холода

15 октября мы выступаем. Под вьюки и для людей выбираются лучшие лошади. Кони, привычные к горам, за десять дней отдыха на сухой траве поправились. На них выросла густая зимняя шерсть, и они от этого кажутся еще толще.

Остающиеся в зимовье провожают нас с несколько

сжавшимся сердцем. И нам жалко покидать эту приземистую избушку в густом лесу — в ней так тепло и уютно.

В юрте Петра Слепцова — прощальный чай. Нам подают лепешки и хаяк. Хаяк — это смесь масла с молоком (иногда с добавлением воды), сбитая и замороженная. Он подается расколотым на куски и превосходен на вкус, когда примесь воды в нем незначительна. В комнате хаяк не скоро тает, если заморожен при температуре ниже 30 градусов, и с горячим чаем особенно приятен. На днях Слепцов прислал нам в качестве «кэси» по кругу хаяка и мороженых сливок.

У юрты Слепцова на одной из наших лучших лошадей нас встречает Федор. Лошадь оседлана богатым якутским седлом с серебряными инкрустациями и с черным чепраком.

Наши лошади собраны, их всего тридцать три. Мои глаза останавливаются на Карьке — эта «лешева скотина» опять нас будет задерживать своими хитростями и прятаться в лесу. Но Федор смотрит на нее восторженными глазами: в Якутии очень редки темные лошади, вороных совсем нет, а карие, которых называют вороными, считаются первоклассными. И Федор с некоторым волнением спрашивает, сколько я хочу за Карьку. Я отвечаю: «Бир мэхак» («Один мешок» — сто рублей; сто — по-якутски «сюс», но для денег употребляется слово «мешок»), и Карька переходит к Федору, к обоюдной радости.

Сборы задержали нас, уже поздно, и поэтому мы быстро идем вперед. Иннокентий гонит табун в двадцать голов; лошади все время отбегают в сторону, в луга, и Иннокентий гоняется за ними с криками. Он умеет, как никто, дико взвизгнуть, гоняя лошадь, так что жутко становится в лесу.

Сегодня мы доходим до конца эльгинского расширения уже в темноте. Ноги в сапогах деревенеют от холода. Несмотря на солнце, уже 26 градусов мороза. Издалека видны искры, снопом выбивающиеся из трубы юрты, где мы должны ночевать; кажется, что никогда не доедем.

Наконец вот и изгородь. Ворота гостеприимно распахнуты; с трудом слезаешь с седла, привязываешь коня к «сергэ» — точеному столбу во дворе. Нагнувшись, входишь в юрту,— она полна якутами, стоящими у камина. Но все они стоят спиной к огню: у якутов не принято греться, глядя мечтательно в струящееся пламя. Огонь в камине силен, и на него даже больно смотреть.

Трудно передать, как приятно после мороза погреться у камина, зная при этом, что лошади стоят в загоне, им дано сено и не надо заботиться об их судьбе.

Начиная с этого дня Федор в счет уплаты за Карьку доставал нам на каждом ночлеге сено. По-видимому, и в Оймяконской долине он также имел много должников.

Обычно путешествующий якут не покупает сена: летом лошадь его пасется на подножном корму, а зимой во всякой юрте не только накормят самого, но и лошадь. Для юрт, стоящих на оживленных дорогах, это тяжелая повинность.

Выше нашей ночевки долина Индигирки сразу суживается, с востока и с запада подступают высокие группы гор. Вдоль утесов выходим на лед Индигирки. Мы с Яковом, как всегда, задерживаемся у утесов и только ночью достигаем расширения Юлдех. Ярко-желтая луна освещает серебряные горы. Вдали видна юрта, как всегда с ярким огнем. Когда подъезжаем к ней, ее силуэт со снопом искр рисуется на иссиня-черном небе.

В Юлдехе мы проводим весь следующий день: надо привести отставших лошадей и накормить их.

Утром я делаю маленькую экскурсию на тот берег, к утесам. Остальной день сидим в юрте. Нам с Салищевым очень любопытен весь домашний распорядок, за которым хорошо наблюдать из нашего почетного угла.

Зимняя юрта в то время отличалась от летней прежде всего тем, что к ней вплотную примыкал хлев — «хотон», дверь в который всегда открыта, чтобы он обогревался тем же камином, что и юрта; вернее, двери нет совсем. Юрта («балаган» — по-якутски) и хотон снаружи прикрыты слоем земли с навозом. Входная дверь обита шкурой, окна осенью со стеклами, но во второй половине октября начинали вставлять на зиму льдины.

Льдину вытесывали по величине отверстия и замазывали снегом с водой. Такое «стекло» лучше сохраняет тепло, чем рама с настоящими стеклами, которые встречались иногда в юртах. Стекла обычно были разбиты, в окно дуло; льдина же прилегает гораздо плотнее, света она дает больше, чем рама с мелким переплетом, затянутая слоем инея. На льдине внутри юрты также оседает слой инея, но его каждое утро соскребают ножом. За несколько месяцев льдина проскребывается, и тогда вставляют новую.

Утром коров выгоняли из хотона через юрту, чтобы не охлаждать хотона. Им давали сена столько, чтобы они не сдохли; удой от этого, конечно, не улучшается. Лошадей сеном кормили только тогда, когда на них ездили; в остальное время они паслись на подножном корму, выкапывая сухую траву из-под снега. Вводить на ночь в хотон лошадь считалось вредным.

В юрте, где мы остановились, на шестке камина стояло несколько котлов со льдом, который растапливался на воду. Воду якуты обычно привозят только в виде льда на санях, так как водоемы сильно промерзают. Воды нужно много, главным образом для чая. Пьют чай без конца, каждого проезжего тотчас поят чаем, и хозяйка или хозяин обязательно пьют с ним. У огня медный чайник всегда наготове, самовар в Оймяконе только у богачей. Вокруг огня все время вертятся ребятишки; они полуголые, несмотря на зиму. У маленького мальчика, который греется у камина, есть кожаные штаны, но они сзади разрезаны, и он ездит задом по земляному полу. Тут же у огня сидит собака. Собак в Оймяконе мало: охота плохая, не стоит держать, а кошек совсем нет. Никто не решался везти сюда кошку через хребет на оленях: были уверены, что олени от этого заболеют и даже могут совсем не пойти.

Но даже в этом глухом углу четверть века назад якуты не были так нечистоплотны, как может показаться читателю. Каждое утро вся семья мылась из тазика, вытирались довольно чистым полотенцем, полоскали зубы, гостям для этого в чашке давали нагретую воду. Грубые фарфоровые чашки всегда чисты, стол вымыт щеткой и вытерт.

Юрта делится на две части: правая от входа — для гостей, левая — для хозяев (в Центральной Якутии расположение обратное). В правой части ряд нар, из которых самые почетные в дальнем правом углу — «билирик» — и «правая передняя нара», где садятся самые важные гости. Наименее почетная — у входа. Несмотря на большое скопление народа, в юрте всегда свежий воздух: камин служит прекрасным вентилятором. К утру обычно градусов пять тепла, рано утром затапливают камин, и он горит до поздней ночи.

Хозяйские нары помещаются на дальней стене, налево от почетных; по левой стене — дверь в хотон и обычно полки для посуды. Шкафчик для чашек и мелочи стоит у хозяйских нар. Передняя стена — для дров. В юрте уходит за день почти кубометр дров, а в больших юртах — и больше.

Снабжать юрту топливом довольно утомительное занятие, тем более что якуты здесь рубят только сухостойные деревья и через несколько лет за ними приходится ездить далеко.

Женщины сидят и работают на хозяйских нарах и, выходя во двор, обходят камин, находящийся посредине, с темной стороны. Старая пословица говорит: «Если женщина проходит между мною и моим огнем, то может мне

испортить промысел и счастье». Вообще женщины, по старинным якутским правилам, должны держать себя скромно и тихо.

Но хозяйка юрты Юлдеха, старая вдова, уже забыла про эти правила. Весь день мы слышим ее скрипучий голос. Она делает выговоры ребятишкам, которые шалят, взрослой дочери, недостаточно внимательной к своим обязанностям. Особенно достается какому-то дряхлому старичку, приживальщику или родственнику, который в темном углу трудится целый день. Ему дали выделывать «камус» — кожу с ног оленя, из которой делают унты и наколенники. Старика хозяйка пилит все время, и

он не покладая рук перетирает кожу руками на доске. Как будто и еды ему перепадает мало.

На днях сын старухи убил дикого оленя, и сегодня все лакомятся оленьими ногами. Ободрав с них камус, отделяют мясо с голени и едят сырым — это считается лакомым блюдом. Потом добывают мозг и тоже едят сырым.

Вечером юноша приносит оленью тушу. Он старается держаться как хозяин; хотя ему едва семнадцать лет, но домашние, даже сердитая мать, относятся к нему с почтением: мужчина, даже если он еще мальчик, считается хозяином дома.

Молодой хозяин греется чаем, затем начинаются расспросы. Наши якуты каждый раз с большим удовольствием рассказывают обо всех приключениях минувшего лета.

Всем нам хочется продать здесь Рыжку или Чалку, чтобы не погубить их на дальнейшем пути. Федор хочет использовать наше положение и предлагает за обеих шестьдесят рублей. Якуты из нашей экспедиции, с жаром рассказывают, какие это были хорошие лошади, особенно воспевают былые подвиги Рыжки. У юноши горят глаза: иметь бойкую лошадь, которая кидается на людей,— разве это не идеал наездника?

И в конце концов мы сторговываемся за пару коротких оленьих шуб (парки), унты и наколенники. Все это захватит Федор на обратном пути и отвезет в зимовье.

Два следующих дня мы идем по два кёса — 15 километров в день. На большее не рискуем.

Второй из этих коротких переходов — до устья реки Кюёнтя, большого левого притока Индигирки, который принимает в себя многоводную, знакомую нам по летней дороге реку Брюнгаде. Кюёнтя еще не стала, но у нее широкие забереги. Мы идем вдоль них, ища брода. Часть нашего табуна подходит напиться, лед подламывается, и

все лошади оказываются в воде. Одна из них, уже сильно истощенная, не может подняться, и ее вместе со льдом относит вниз. Кое-как лошадь выбирается на заберег. С трудом удается перевести лошадей на другой берег, и одну из них приходится оставить у реки: дальше она не может идти.

Мы ночуем в урочище Мойнобут в богатой юрте, при которой нет хотона.

За двадцать пять лет, которые прошли со времени моей первой поездки в Якутию, бытовые условия жизни якутов сильно изменились. Жизнь в общем помещении со скотом, земляной пол, дверь, открывающаяся прямо во двор,— все это источники болезней. Поэтому теперь во многих колхозах, особенно в центральной части Якутии, строятся дома по русскому образцу — рубленые избы с печами и струганым полом, а хотон ставится отдельно.

В 1926 году борьба за отделение хотона от юрты велась с большой энергией в центральных частях республики. Но в Оймяконе в то время отделение хотона проводилось только у богачей, да и то хотон отделяли от юрты хозяина, чтобы присоединить его к рядом стоящей юрте рабочих.

Хозяина нет дома, нас принимает хозяйка, бойкая и словоохотливая женщина, которая, председательствуя за столом, говорит больше всех. Старинные правила поведения здесь уже уступили место новому быту. Сыновья ездят учиться в школу за Верхоянский хребет, в Крест-Хальджай.

В Мойнобуте я расспрашиваю о возможности нанять оленей в Якутск. Здесь слыхали, что я заказывал оленей судье Богатыреву, что я обещал быть в Оймяконе в октябре, слыхали даже, что богатый якут Неустроев ждет нас в Оймяконе, чтобы вместе с нами и со своей семьей ехать в Якутск. Мы должны все узнать в фактории Якутгосторга в Оймяконе. Богатырев, уезжая, поручил заботу о нас заведующему факторией Евграфу Слепцову — это человек ученый, он позаботится обо всем. Говорят даже, что нам заказана теплая одежда.

Сколько в этом правды? Я помню крест-хальджайские испытания и несколько сомневаюсь в добродетелях Неустроева, любезно нас ожидающего. Не новый ли это Иннокентий Сыромятников?

Дорога от Мойнобута до долины Оймякона идет через низкий горный отрог.

В темноте мы выезжаем в долину Оймякона и останавливаемся в бедной юрте в урочище Чангычаннах.

Назавтра здесь днюем: надо собрать ослабевших и отставших в пути лошадей. Приводят всех, кроме Серко: ночью он попал ногой в яму между кочками, сломал ногу и замерз.

Опыт последнего перегона заставляет принять новый план дальнейшего продвижения. Из Чангычаннаха мы выступаем двумя партиями; связку слабых лошадей потихоньку ведет Иннокентий и заезжает среди дня в чью-нибудь юрту покормить лошадей и выпить дежурный чай. Ночуем в урочище Ют-Урбыт («молоко положено») у бывшего учителя оймяконской школы И. Слепцова. Это снова богатая юрта, с полом и перегородками.

70 У Слепцова мы узнаем, что благодетельный Неустроев, ждущий нас в Оймяконе, в действительности является подрядчиком: он вместе с другим дойдунцем, Поповым, подрядился доставить нас через хребет. Дойдунец — это выходец из Дойды; так зовут в Оймяконе Лено-Алданскую область. Дойду по-якутски значит «вселенная» — глухой Оймякон видит в самом деле в Якутске средоточие Вселенной.

Еще один переход, и мы в фактории Якутгосторга.

23-го, выезжая из Ют-Урбыта, мы удостаиваемся видеть одного из наших подрядчиков, Харлампия Попова, по прозвищу Улар (Глухарь). Он приезжает утром и пьет с нами чай. Это грузный человек с отталкивающим лицом. Он критически осматривает наших лошадей. Затем мы видим его еще раз днем: он проскальзывает в стороне мимо нашего каравана.

Фактория Якутгосторга, где мы ночуем, пока помещается в урочище Ебыге-Кюёля («Озеро предков») — это не селение, а опять-таки одна-две юрты. Исполком еще в двух кёсах дальше.

Вечером в факторию является сам «ученый» Евграф Слепцов, короткий, круглый якут с маленькими усиками на упитанном лице. Он быстро вкатывается в юрту, на нем серая суконная куртка и пушистая песцовая шапка.

Вопреки якутскому обычаю сначала поговорить часа два о посторонних вещах и потом перейти к делу я сразу спрашиваю Слепцова, возможно ли нанять оленей до Якутска.

Слепцов охотно отвечает мне:

— Вот от нечего делать я взялся доставить вас в Крест-Хальджай и заключил договор с Богатыревым.

Он показывает мне два договора: первый — между народным судьей Богатыревым и Якутгосторгом, второй — между последним и подрядчиками Поповым и Неустроевым.

Слепцов со снисходительной улыбкой говорит:

— Мы и так имеем очень много хлопот, но нельзя не помочь экспедиции. Мы всегда готовы содействовать научным работам.

Нам ясно, что помощь эта гораздо выгоднее для подрядчиков, чем для нас: вместо того, чтобы гнать оленей, как обычно здесь бывает, порожняком до Крест-Хальджая за грузом, подрядчики получают по шестьдесят рублей за нарту. Настроение в юрте убеждает меня, что здесь я встречу заговор дельцов, желающих эксплуатировать экспедицию не хуже крест-хальджайского, и что пока нужно быть осторожнее.

Действительно, Слепцов с большой поспешностью начинает наступление по главному пункту. Разговор переходит на лошадей.

— Да, видел я бедняжек. Много пришлось им перенести. По-моему, вам прежде всего надо заняться их спешной ликвидацией.

Я предлагаю фактории купить всех лошадей.

Слепцов отвечает саркастически:

— Нет уж, я не рискну на такую операцию.

В конце концов он склоняется взять их на комиссию, но считает, что лошади очень плохи.

Мы выходим с ним во двор. Показывая на лошадь, Слепцов говорит:

— Вот эти четыре не переживут нынешней ночи, эта — тоже, эта — тоже; вот эти никуда не годны, эти еще хуже, у вас есть только одна хорошая лошадь.

— Проще всего вам продать лошадей сразу в одни руки. Здесь есть такие лица, которые могут купить всех. Развяжетесь, по крайней мере.

В юрте уже появился наш подрядчик Харлампий Попов. Он греется у огня в ожидании чая. Слепцов приглашает его к нам за занавеску. Я сообщаю ему свои цены: сто рублей за плохую лошадь, сто пятьдесят — за среднюю, двести — за хорошую (я слышал, что к весне в Оймяконе лошадь стоит триста-четыреста рублей).

На хищном лице Попова появляется улыбка удовольствия. Он ласково и очень подробно объясняет мне, что прокормить до весны лошадь стоит сто рублей, что половина наших лошадей за зиму сдохнет и поэтому он мне даст на круг по пятидесяти пяти рублей за лошадь — и это окончательная цена. А ведь за самых плохих лошадей на Эльги мы выручили по семьдесят-восемьдесят рублей! И я отказываюсь от переговоров.

Слепцов отзывает меня во двор и настойчиво советует

уступить всех лошадей по семьдесят рублей. Я по-прежнему тверд, но в душе скребут кошки: мне Конон сообщил на ухо, что здесь все в руках Харлампия, что, если мы ему не продадим, никто не решится перебивать у него, что сено Слепцов отпустил плохое и мало, что в районе, где расположен исполком, сена нет.

Между тем мы ведем переговоры с Поповым о перевозке нас в Крест-Хальджай. По договору он должен подать оленей к 21 ноября и взять нас у исполкома Оймякона. Я пытаюсь его уговорить, чтобы он подал оленей раньше и на устье Эльги, а не сюда. Харлампий твердо стоит на своем: все равно пока снегу мало и на Эльги ему не по пути. За

триста рублей он согласен перевезти наших с Эльги, даже не в Оймякон, а прямо на южную зимнюю дорогу.

Но я хочу сделать смелый удар и, пока тая свои планы, отказываюсь от предложения Попова. Мне Конон уже шепнул, что проводник Федор не прочь взять подряд на перевозку с Эльги до Оймякона.

Вечерний чай проходит в тяжелом напряжении. Мы сидим между врагами, которые готовы накинуться на караван, а пока угощают нас превосходным хаяком.

После чая я перехожу в наступление. С любезной улыбкой говорю Слепцову, что забота о продаже наших лошадей причинит ему, видимо, очень много хлопот, поэтому завтра же утром я уведу их к исполкому. Слепцов сразу меняется в лице и лепечет, потеряв свой самоуверенный тон: «Это невозможно, там нет сена». И затем старается представить мне радужные перспективы комиссионной продажи лошадей через Якутгосторг.

Я наношу второй удар: сообщаю, что нанимаю Федора, нашего проводника, доставить груз и людей с Эльги в Оймякон. Федор за время дороги оценил достоинства красивого серого коня Мышки и хочет взять его в уплату за доставку. Кроме того, он покупает одного из плохих коней. Таким образом, переезд наших товарищей в Оймякон обеспечен.

Утром еще маленькое развлечение. Харлампий Попов с видом благодетеля предлагает продать ему десять самых плохих лошадей по моему выбору. Мы выстраиваем их на дворе, и Попов дает на круг по пятьдесят рублей. Это лучше вчерашнего, но все еще мало: я считаю, что только четыре из этих десяти совсем плохи. После долгой торговли сделка опять расстраивается. Попов отходит с таким видом, который ясно говорит: «Ну, от меня вы все равно не уйдете», и уезжает домой, как я узнал после, чтобы путем давления на своих должников (а ему все должны в

Оймяконе) заставить их воздержаться от покупки лошадей и перед нашим отъездом купить их самому за бесценок.

Когда мы уезжаем, Евграфу Слепцову делается обидно: «Неужели из-за Попова упустить таких превосходных лошадей!», и он просит отдать для фактории двух из хороших лошадей по сто сорок рублей. Это уже совсем другие песни, и для почина, «из уважения к Якутгосторгу», как я говорю Слепцову, я отдаю этих лошадей. Через некоторое время они оказываются во владении одного богатого якута.

До исполкома всего 17 километров, и мы проходим их благополучно.

Исполком помещался тогда в старом центре Оймяконской долины. В 1926 году это поселение, носящее название Томтор, состояло из двух деревянных церквей, юрты священника, большого здания школы, больницы, дома судьи и четырех или пяти юрт местных жителей. Этот поселок называли тогда также Оймяконом. В здании школы, где нас поместили, было три класса, но в одном пока помещается кооператив, в другом — изба-читальня, которую освободили для нас. Ученики в школе разделены на четыре группы, но учитель один, и ему одновременно приходится учить и самых маленьких, которые учат всё по-якутски, и старшую группу, которой он должен преподавать все по-русски. Раньше, до революции, в Оймяконе была церковно-приходская школа, в которую из Якутска присылали учителя, не знающего якутского языка, и он обучал детей, не знающих ни слова по-русски; все преподавание велось тогда на русском языке.

Учеников двадцать четыре, от малюсеньких хорошеньких детей до неуклюжих юношей. Пока в школу могут посылать детей только состоятельные родители: нужно содержать ребенка отдельно, а это в якутском хозяйстве тяжелый расход. Позже был устроен бесплатный интернат при школе, и число школьников сразу возросло.

Все утро за перегородкой слышно, как повторяют младшие дети склады, а старшие учат стихи. В переменах они возятся в коридоре и стараются заглянуть в щели нашей двери.

Сейчас в Оймяконе нет ни предисполкома Индигирского, ни судьи Богатырева. Судья уехал вместе с начальником милиции (он же единственный милиционер) в Сеймчан, селение на Колыме, в 700 километрах на восток. Вся Верхняя Колыма в 1926 году входила в Оймяконский улус. Всем улусным властям приходилось делать концы по

500—700 километров при объезде улуса, и судья, уехав осенью, не вернулся еще к декабрю.

Индигирский был вызван летом в Якутск, и до сих пор о нем ничего не слышно. Только приехав в Якутск, мы узнали, что он был арестован за крупную растрату.

В Оймяконе в 1926 году почти все экономическое влияние находилось в руках десятка дойдунцев, появившихся здесь во время гражданской войны, несколько лет назад. Семьи их остались на Алдане, и многие из них даже не имели здесь своих юрт. Они являлись посредниками в торговле между факториями и эвенами, а также и далеко живущими якутами и фактически сделались повелителями

целых районов. Например, эвены Охотского побережья еще недавно владели собственными стадами, а в 1926 году по большей части олени уже принадлежали якутам. Наиболее крупными из этих дельцов и были наши подрядчики Харлампий Попов и Павел Неуструев. В их руках кроме торговли был сосредоточен и почти весь крупный транспорт. У них больше тысячи оленей, которые энергично оборачиваются всю зиму: возят грузы Якутгосторга и Дальгосторга из Охотска и Крест-Хальджая в Оймякон и из последнего вниз по Индигирке до Абыя и даже на Верхоянск и Усть-Янск.

Неуструев посетил нас через несколько дней. Это человек совсем другой, чем Попов, с холодным и решительным лицом. Он кончил реальное училище в Якутске, говорит спокойно и сдержанно.

Местное население смотрит с изумлением и негодованием на быстрое обогащение пришлых. Но среди оймяконцев мало ловких дельцов.

Черский писал, что в 1891 году в Оймяконе были владельцы стад в пятьс т голов, но теперь самый большой богач владеет сотней голов, включая телят и жеребят. При том низком качестве коров, о котором я уже писал (удой — бутылка молока в день летом), 20—40 коров — это только ведро или два молока.

В Якутске в то время уже хорошо знали, что фактически в Оймяконе все в руках нескольких кулаков, но оказать влияние на оймяконскую жизнь в 1926 году было еще трудно. Оймякон был слишком удален от Якутска, который не имел еще возможности выделить сюда достаточное число работников. Настоящим представителем центральной власти в то время в Оймяконе был только Богатырев — судья-коммунист, присланный из Якутска, и его секретарь, комсомолец.

Вскоре в Оймяконе произошли значительные изменения.

Первые две недели в Оймяконе я провел в очень оживленной деятельности: надо было заготовить теплую одежду, продукты и продать лошадей. В первое же утро по прибытии я продал четырех лошадей по сорок — пятьдесят рублей и, главное, в обмен получил сено для остальных коней. В тот же день были проданы еще две средние и две хорошие лошади, последние по сто пятьдесят рублей, и настроение рынка сразу изменилось. Первыми стали покупать члены исполкома и другие оймяконцы, которые не хотели, чтобы Попову дешево достались хорошие лошади. Попов до конца вел агитацию против нас и лично не купил ни одной лошади (хотя, может быть, и были подставные покупатели — его агенты). Неуструев же к концу попросил продать ему одну лошадь среднего качества. Нам стало ясно, что враги экспедиции были разбиты. К концу двух недель все лошади были распроданы по хорошим ценам.

За лошадей мне очень редко давали деньги, приходилось брать пушнину, шубы, унты, шапки, рукавицы, оленьи шкуры, мясо, молоко, хаяк. На большую сумму принял дебиторов Якутгосторг; купив у нас лошадей, дебитор обязывался уплатить фактории пушниной, и эти суммы шли на уплату за наш оленный транспорт.

Теплые вещи для рабочих я собрал по частям, научным же работникам Богатырев уже заказал четыре комплекта одежды. Каждый получил пару унтов (из камусов), пару оленьих чулок, надевающихся внутрь унтов, пару заячьих рукавиц, штаны из пыжика, пыжиковую шапку и оленью шубу. Для наших спутников, оставшихся на Эльги, теплая одежда была отправлена 8 ноября вместе с гостинцами — хлебом, табаком и конфетами.

В первые же дни по прибытии в Оймякон Салищев начинает вести астрономические определения возле школы, и я помогаю ему. У нас еще не было тогда теплой одежды, и приходилось трудно.

Зато мы имели возможность любоваться каждую ночь северным сиянием. Оно перекатывается по небу складками, как свернутая занавеска. «Юкагирский огонь» — якутское название северного сияния: якуты увидели его впервые, придя на Север, в страну юкагиров (одулов). Здесь северное сияние производит сильное впечатление: кругом тишина, нет ветра, все спокойно и безмолвно. И это причудливое холодное пламя, которое, извиваясь, движется по небу!

В Оймяконе зимой не только почти нет ветра, но и очень мало осадков. За месяц, что мы были там, снег выпадал

очень редко. Небо то сияющее, то затянутое легкой дымкой или серым туманом, из которого падает легкий мельчайший снег.

И это неудивительно. Оймякон закрыт от ветров и доступа влаги со всех сторон высокими хребтами. Эти же барьеры в связи со значительной высотой местности обусловливают и скопление в Оймяконской впадине холодного воздуха. Уже с 10 ноября замерз ртутный барометр (спиртового у нас не было: мы не собирались зимовать в горах), и температура даже днем держится все время ниже 40°С. Только в конце ноября на три дня наступает «оттепель», когда днем температура поднимается до минус

30 градусов, и мы выскакиваем из дома неодетые, без шапок. Надо думать, что по ночам уже в ноябре температура была ниже 50 градусов.

Между тем на полюсе холода, в Верхоянске, средняя температура ниже 30 градусов держится с 6 ноября, а ниже 40 градусов — только с 22 ноября. Сравнение с Верхоянском даже этих наблюдений конца октября и ноября показало, что Оймякон должен быть настоящим полюсом холода. И действительно, метеорологические наблюдения, которые позже были поставлены в Оймяконе, показали, что средняя температура зимних месяцев здесь всегда на 3—4 градуса ниже, чем в Верхоянске.

Чтобы использовать полнее пребывание в Оймяконе, я решил, закончив все хозяйственные дела, съездить вверх по Оймяконской долине, в верховья Индигирки, к горячему источнику Сытыган-Сылба. Нам дают «подводы» — трех лошадей и проводника для поездки. Со мной едет оймяконский фельдшер Н. Харитонов. Благодаря его настояниям исполком построил избу у источника.

Утро 10 ноября, в день нашего выезда, на редкость морозное. Сегодня окончательно замерзла ртуть. Над Куйдугуном, большим притоком Индигирки, вблизи которого расположены дома Томтора, стоит густой покров тумана, закрывающий горы. Это пар над незамерзшей рекой. От Томтора на юг по широкой долине Куйдугуна идет дорога на Охотск. Вверх по Индигирке идет дорога на Колыму и к источнику Сытыган-Сылба.

Нам подают мохнатых лошадей: мне темно-серую, фельдшеру белую. На третьей — молодой парень Мичика Винокуров. Фельдшер одет соответственно погоде: сверх короткой шубы у него ровдужный верх от кухлянки с капюшоном, на голове шапка из волчьих голов, с рысьей оторочкой; на ней даже торчат волчьи уши. На шее боа из беличьих хвостов — это колымский шарф, на него идет

около двухсот хвостов. Он очень удобен тем, что заиндевевшее место можно сейчас же продвинуть назад.

Я решаюсь ехать в своем полушубке, но надеваю штаны из белого камуса и белые же унты (самый щегольской цвет, по якутским понятиям). Верхний край унтов оторочен разноцветными полосками материи. Якуты не умеют делать красивых наборных унтов, но у оленных народов — эвенов, коряков — унты бывают иногда изумительны по разнообразию рисунка, состоящего из чередования кусков белого и темно-коричневого камуса.

С места мы выезжаем якутской рысцой, шесть километров в час, и всю неделю, что длилась поездка, трусим этой «хлынью», как говорят в Сибири. Некоторые лошади, идя таким аллюром, могут вытрясти у всадника всю душу.

Путь все время вдоль левого склона долины Индигирки. Там, за рекой, нестерпимо сияет белыми цепями хребет Тас-Кыстабыт, идущий параллельно реке. Впереди лесистая долина Индигирки с белыми пятнами озер и лугов. Нередко попадаются юрты. Эта часть долины Индигирки населена сравнительно густо.

Ночуем у богатого якута, старика Готовцева. В честь нашего приезда он специально натопил юрту. В юрте просторно и чисто, в окнах вставлены льдины, пол покрыт сеном.

Первым делом, входя в юрту, каждый снимает с себя рукавицы, сматывает мерзлую шаль (якуты носят не шарфы, но женские шерстяные шали) и постепенно разоблачается. Как приятно стоять перед «госпожой печкой» (так именуется она в якутских сказках) и прогревать у сильного огня руки, ноги, особенно спину! Хозяева предупредительно вешают мерзлую одежду на жерди под потолком, придвигают низенькие табуретки, у которых ножки не по углам, а по середине сторон.

Затем сейчас же чай. Чтобы согрелись ноги, надо выпить чашек пять — тогда чувствуешь, как живительная теплота растекается по всему телу. Якуты считают необходимым и перед выездом пить и есть побольше, и действительно, после еды не так холодно.

У Готовцева рядом зимняя юрта, в ней также гости, но не особенно почетные. Сам он с женой сидит все время с нами. Тут же в юрте находятся работник и работница. Нас кормят обедом: мне и фельдшеру на тарелку кладут по утке, по куску гуся и куску мяса, а Мичике только мясо. Наши объедки забирает работница и вместе с работником обсасывает кости.

В этом глухом углу Якутии в те годы не были еще изжиты различные формы кулацкой эксплуатации. Батраки Готовцева, вероятно, формально считаются «итемни» — обедневшими и разорившимися бедняками, которые содержатся за счет улуса. Конечно, богачи, у которых они живут, беззастенчиво пользуются их трудом и кормят их плохо.

Другая обычная форма эксплуатации в те годы в Якутии — это «воспитанники». Богатые якуты и частью середняки, имевшие мало детей или не имевшие их вовсе, брали на воспитание чужих детей, получая, таким образом, дешевую рабочую силу. Еще в 1930 году шестнадцать процентов якутских хозяйств имели «воспитанников».

Наконец, очень часто в якутской юрте жило вместе несколько семей. В зимнее время якутский камин с его прямой и широкой трубой, топящийся весь день, требует очень много топлива. Мне говорили в Оймяконе, что за год в одной юрте уходило до трехсот кубометров дров. Заготовка такого количества дров не под силу одной семье, и в одной юрте собиралось два-три, иногда даже четыре хозяйства. Если сожители, «дюккахи», как их называют, были одинаково состоятельны, то они поровну выполняли все работы по дому. Но когда бедняк шел на квартиру к зажиточному, то, конечно, на него падала вся тяжелая работа.

Это эксплуатация в скрытой форме, которую сначала трудно заметить.

Наконец, была еще одна форма кулацкой эксплуатации, которую я отмечал уже не раз: скот богача отдавался на выпас в бедные хозяйства. Поэтому не только у бедняка Атласова оказывалась корова Федора Кривошапкина, но и большие стада оленей у эвенов часто принадлежали какому-нибудь богатому дойдунцу.

Жизнь бедняка якута в Оймяконском районе в те годы была очень тяжела. Если мало скота и нельзя убивать его на мясо, то вся надежда зимой на зайцев. Целая семья иногда сидела по три-четыре дня в ожидании, пока в петлю заскочит заяц. Все это время пили только пустой чай, даже не чай (на него также нет денег), а настой из травы.

Кроме мяса зайцев и домашнего скота основной пищей был тар. Тар — кислое молоко, которое все лето сливается в ушаты или берестяные чаны. Молоко предварительно, до закваски, кипятят. В чанах тар держат до зимы и затем замораживают его в больших формах. Последние лепят из навоза; изнутри форму замазывают снегом, чтобы тар не

прикасался к навозу. Потом большие плиты тара держат в амбаре вместе с кругами молока и хаяка. В жидкий тар часто бросают разные остатки: хрящи, кости, коренья; все это растворяется в молочной кислоте. Из тара готовят похлебку с примесью небольшого количества муки.

Хлеб в Оймяконе в 1926 году был очень дорог, и ели его только богачи. Теперь оймяконское население снабжается совершенно иначе, и государственные торговые организации завозят достаточно продуктов питания и других товаров.

Еще два дня мы едем вверх по Индигирке через обширные луга, покрытые снегом, ночуем в юртах, греемся вечером у камелька. Встаем часа в три утра, но традиционное чаепитие перед отъездом задерживает всегда до семи или восьми часов. Уехать без чаю нельзя — обидишь хозяина.

На третий день пересекаем большую реку, один из истоков Индигирки. Река уже покрыта толстым льдом.

Еще один раз ночуем в бедной юрте у озерка Санга-Кюёль и на следующий день едем уже не по наезженной дороге, а по едва протоптанной тропке — это след якутов, посланных Харитоновым вперед, чтобы вставить ледяные окна и протопить избу у источника.

Путь к источнику лежит через большое озеро. Оно заходит длинными заливами между остатками морен и «бараньими лбами» (выступами коренных пород, обработанными ледником). Сейчас озеро блестит на солнце, его поверхность гладка, только кое-где виднеются трещины с вздыбленным вдоль них льдом.

Источник вытекает из моренного холма ленивой струйкой. Несмотря на то что мороз держится ниже 40 градусов, температура источника +26 градусов, а вокруг него на камнях сосульки. Вода сильно пахнет сероводородом и на вкус омерзительна. Население давно лечится этой водой от ревматизма и кожных болезней, приезжая сюда, чтобы на час-два опустить в источник руку или ногу. Лечат и скот, собирая глину у источника и прикладывая ее к больному месту.

В 1926 году организация курорта у источника только начиналась. На бугре была построена русская изба, но пока что с ледяными окнами и якутским камином. Проконопачена она очень плохо, и в избе ужасно холодно: пока мы топим, возле камина всего 4 градуса тепла. Мы жмемся к огню и пьем побольше чаю.

Ночью в избе 12 градусов мороза, и у нас пропадает охота провести здесь еще одни сутки, тем более что про-

бы воды из источника взяты, утесов вблизи нет и смотреть больше нечего.

Назад едем новой, прямой тропой. Собственно, это даже не тропа, а только следы копыт лошади в снегу. Я постепенно отстаю: плетка бессильна подвинуть вперед моего ленивого коня. Мичика уезжает с фельдшером вперед: они знают, что я привык находить следы и езжу без провожатых.

Наконец мне надоедает стегать коня. Я слезаю и тащу его в поводу, хотя он упирается. Тогда я пускаю его вперед, предполагая, что после длинного пути с Мичикой из Охотска по глубоким снегам конь сильно истощен.

80 Через некоторое время устаю брести в своих мехах по ямам и хочу сесть на коня. Но чуть только я намереваюсь схватить его за узду, конь бросается в сторону. Я останавливаюсь, он тоже и, косясь на меня, пытается сорвать верхушки трав (я привязал узду к седлу так, что он не может наклонить головы). Тихо, едва переступая, снова подвигаюсь к нему, но, когда я бросаюсь к узде, конь бьет задом.

Так бежим мы по тропе долгое время. С меня льет пот в три ручья. Я сбрасываю шарф, рукавицы, развязываю шапку, расстегиваю полушубок и готов, кажется, постепенно скинуть все.

Когда я открываю уши, то слышу странный шум: как будто пересыпают зерно или ветер стряхивает с деревьев сухой снег. Куда ни обернусь, всюду этот шум, а между тем ветра нет и деревья не шелохнутся. Наконец догадываюсь, что это шуршат кристаллики льда, образующиеся из влаги выдыхаемого мною воздуха. Черский уже описывал этот характерный шум, он появляется при морозе ниже 50 градусов. Якуты называют его «шепотом звезд».

Совсем стемнело. Мы прошли уже около десяти километров — лошадь впереди, я за ней. Иногда ей приходит в голову уйти от следа, и тогда надо забегать кругом и гнать ее на тропку. Наконец ей это надоело, и, встретив узкий ручей вроде рва, она убегает по нему вскачь обратно. Мне это тоже надоело, и я отправляюсь один дальше по следу.

Вскоре встречаю Мичику, которого фельдшер послал мне навстречу. Мичике удается поймать лошадь, и мы едем с ним дальше.

В следующей юрте нас ждал фельдшер. Был приготовлен обильный ужин, даже со стаканом сливок на десерт. Но семья хозяина в унынии: сам он только что приехал от эвенов, куда ездил за пушниной, а вернулся со свежей бленорреей глаз. Он сидит у огня с обвязанной головой

и стонет. Фельдшер успел перевязать его и выбросить лекарство — беличий хвост,— которое было приложено к глазам. Он велит ему приехать в больницу, но хозяин отговаривается усталостью.

Глазные болезни, главным образом трахома, раньше сильно были распространены среди якутов. Их передаче способствовали общий таз для мытья и общее полотенце.

Но уже в 1926 году в глухом Оймяконе якуты начинали лечиться в больнице, слушались указаний фельдшера и просили лекарства. Они постепенно отвыкали от прежних, знахарских способов лечения...

Наш обратный путь в Оймякон лежал через те же места, с ночевками в знакомых юртах.

Вернувшись в Оймякон, мы получили первое письмо от наших товарищей, оставшихся на Эльги. Протопопов подробно описывал жизнь зимовщиков. Очень опечалило нас сообщение о тяжелой болезни Афанасия. 1 ноября он почувствовал себя плохо и затем так разболелся, что не мог подниматься и от приступов боли кричал. Старику, как оказалось, шестьдесят семь лет, а при найме он говорил, что пятьдесят пять, и к тому же он застарелый алкоголик. Сейчас боли прекратились, но слабость такая, что он не может сидеть на нарте. Неизвестно, удастся ли его привезти в Оймякон.

Другое, но уже радостное сообщение Протопопова заключалось в том, что 26 октября сделана закваска из кислого молока и сахара и 27-го удалось выпечь хлеб. Вырыли яму и в ней сделали хлебную печь. Это коллективное творчество: закваска — Протопопова, печь — Михаила, а выпекает Петр. Нам прислали в гостинец хорошо выпеченный, вкусный хлебец из пшеничной муки.

Протопопов сделал три термометра для низких температур: один из медной проволоки, другой спиртовой и третий газовый, и будто бы они показывают согласно. Протопопов пишет: «Можете себе представить, какой эффект произвели сумы с одеждой!» И действительно, никто из них не знал, удастся ли мне заготовить одежду или придется ехать в летнем обмундировании.

21 ноября в тумане от оленьего дыхания наши товарищи явились и сами, в больших оленьих шубах, закутанные шарфами. Афанасий приехал также; ему гораздо лучше, он даже может ходить, но я помещаю его в больницу.

Михаил и Петр ворчат. Они представляли себе поездку на оленях спокойным удовольствием, а тут мерзнут ноги, леденеет лицо, а рядом с нартой не побежишь — снег и кочки.

Сегодня 21 ноября, но вместо оленей я получаю от Попова записку: «Во-первых привет и почтение вчера приехал с тунгуса гр-н Николаев Егор и говорит загонял волк оленей не известна сколько оленей свел сколько дней будут содержатся».

По устным сведениям, волки угнали оленей куда-то далеко и их ищут. Целых семь дней прошло, пока снова собрали всех оленей, и только 28 ноября удалось нам двинуться.

За это время открылась еще одна уловка Попова. Уезжая в Сеймчан, Богатырев оставил нам письмо; оно было передано исполкомом Якутгосторгу, Якутгосторгом — Попову для доставки мне. Попов благоразумно его припрятал — мало ли что лишнего может писать судья! Случайно это все вышло теперь наружу, и Попову пришлось отдать письмо. Печати на нем целы, оно предусмотрительно прошито, с иронически теперь звучащей надписью «срочно». В письме Богатырев объясняет, что он должен был поспешить заключить договор с Якутгосторгом на доставку экспедиции, так как весь транспорт в Оймяконе находится в руках нескольких «мощных» лиц, которые с меня иначе сдерут втридорога. К письму был приложен договор. «Мощные» лица все-таки нами попользовались, но благодаря заботливости Богатырева экспедиция пострадала минимально.

Мы используем неделю отдыха, чтобы приготовить для поездки палатки и печки.

Наши короткие печки сдваивает попарно Никульчан — здешний мастер, большой искусник. Он умеет делать все, даже починяет карманные часы, хотя никогда не выезжал из Оймякона. Особенно хорошо он делает ножи, оттачивая их из напильников.

Афанасий все в том же положении — слабость и легкие боли в желудке, но он ни за что не хочет оставаться в Оймяконе: он боится, что одному ему потом никак не выбраться отсюда, а Иннокентий и Яков довезут его до дому. Для него делают специальную нарту: сиденье оплетают веревками и ставят верх из брезента.

В горных ущельях при 60 градусах мороза

28 ноября с утра лихорадочно укладываемся — сегодня приходят олени. Подают нарты: тринадцать для людей (включая двух проводников) и восемь для груза. Все на-

селение Томтора собралось посмотреть на отъезд и попрощаться с нами.

Сначала никак не могут распределить груз, людей, оленей, потом все кое-как улаживается, и в половине четвертого, после заката солнца, мы выезжаем. Олени еще не приспособились к нартам: они молодые и многие в первый раз в упряжи. Два моих оленя совсем дикие — едва тронув с места, они сцепляются рогами и падают. Весь поезд останавливается, оленей расцепляют. Через несколько минут другое происшествие: в овраге моя нарта опрокидывается и я вываливаюсь. Все очень рады, а в особенности довольны приехавшие с Эльги: они все уже вываливались из нарт и теперь считают себя опытными путешественниками.

Нарта сделана так, что опрокидывается очень легко. На двух широких полозьях укреплены плоские столбики — «копылья», соединенные поперечинами из тальника или иногда лиственницы. Спереди полозья соединены дугой из тальника — «бараном».

Упряжка оленей необыкновенно проста и остроумна: широкая ременная петля, перекинутая через шею, проходит под передней внутренней ногой; ременная постромка идет от этой шлеи к саням, перекидывается через баран и протягивается к другому оленю. Запрячь и распрячь оленей — дело одной минуты: накидывают петлю на голову оленя, поднимают ему ногу и просовывают в петлю. Если один олень тянет плохо, другой сейчас же оттягивает постромку вперед, и ленивый олень попадает ногами в баран. Таким образом, оба принуждены тянуть одинаково.

Общий ход регулируется передними нартами. Обычно проводник ведет связку из десяти нарт, каждая пара оленей привязана к предыдущей нарте недоуздком. Как только трогает передняя нарта, следующие принуждены бежать. Трогают они легко, сразу переходя на рысь. Если нарта из связки слишком раскатывается, олени разбегаются в стороны, а нарта, ударяясь бараном об идущую впереди, останавливается. В нарте нет ни одного гвоздя, все ее части связаны ремешками.

Грузовые нарты имеют ширину около шестидесяти — семидесяти пяти сантиметров, а длину в рост человека. Беговые, на которых ездят эвены или проводники-якуты, не шире пятидесяти сантиметров и почти на метр длиннее. У них спереди есть еще вертикальная дуга, за которую можно держаться, когда бежишь рядом. Эти нарты еще легче опрокидываются, но якуты и эвены никогда не лежат

на нарте, а сидят, свесив ноги и поддерживая нарту ногой, когда она накреняется.

Мы устраиваемся по-барски: сзади к нарте привязываем груз, подкладываем под себя оленью шкуру, и, таким образом, можно полулежать и даже спать, но это опасно. Спит только один техник Чернов. Нередко слышишь дикие крики «Тохто!» («Стой!») и затем видишь Чернова, волочащегося по снегу под опрокинутой нартой, а возница не слышит (или из озорства делает вид, что не слышит), продолжая мчаться вперед.

В первый день мы делаем немного — всего 15 километров. Ночевка в лесу. Для первого раза тепло, всего только 35 градусов мороза, но с непривычки кажется тяжело. Надо разгрести снег, нарубить и связать жерди, поставить их двумя пирамидами и к положенным сверху продольным жердям привязать палатку. Потом поставить печку, приладить трубы. Сегодня это все делается очень медленно, все не налажено; долго приходится ждать, пока принесут жерди, напилят дрова. В темноте никак не собрать печку, трубы не приходятся друг к другу, хотя в Оймяконе они хорошо подходили. Наконец печка нагрелась, можно скинуть с себя часть мехов.

На следующий день пересекаем плоские отроги Верхоянского хребта и выходим на Ючегей-Юрях, приток Кюёнтя. На речке несколько юрт. Вокруг много болот, снега очень мало, и нарты постоянно опрокидываются на кочках. Проводник этого не видит и не слышит; олени тащат нарту полозьями вверх по кочкам, и ящики и сумы одна за другой рассыпаются по пути. Много времени пройдет, пока едущие сзади докричатся проводника.

1 декабря проезжаем юрту нашего проводника и пьем у него чай. Это последнее жилье, а дальше на 500 километров ледяная пустыня без жилья. Разве только встретим эвенов. Юрта стоит в урочище Джакай — это расширение в горах, где сходятся три реки, образующие вместе большую реку Кюёнтя. К северу от нас высятся уже большие горы, продолжение Брюнгадинской цепи, которую мы пересекали летом.

Прояснилось, небо сияет, мороз днем ниже 40 градусов. От тряски на кочках у Афанасия снова начались боли. Он почти ничего не ест, только пьет чай да немного молока.

Начиная с этого дня до 9 декабря мороз нас не оставляет. По-видимому, по ночам около 60 градусов, а днем до 50. От дыхания оленей, когда они бегут, поднимается такое облако пара, что совершенно не видно не только гор, но

даже ближайших деревьев. В тумане различаешь только соседнюю нарту, следующая уже скрыта. Только когда караван останавливается и олени дышат не так порывисто, можно разглядеть окрестности; в это время слышен шорох дыхания. Солнце стоит низко, мы едем по ущелью и его почти не видим. Сейчас самые короткие дни, уже в половине четвертого совсем темно. Все время едем во мгле, завернутые до глаз в шарфы. Когда у задней нарты рвется постромка, олени убегают вперед, а нарта остается; но никто не замечает потери. Только случайно на остановке в пути она обнаруживается. Поэтому, чтобы не терять нарт, мы сзади каждой связки привязывали нарту, на которой ехал кто-либо из рабочих.

Холодно. Несмотря на теплые унты, меховые чулки, две пары шерстяных носков, войлочные стельки, ноги быстро мерзнут. Чтобы защитить себя от холода, надо было бы сделать меховые одеяла и сидеть, закутавшись в них, но все время нарта наклоняется на кочках и камнях, надо ее подталкивать, поднимать. Мы предпочитаем подражать проводникам: когда становится холодно, соскакивать и бежать рядом с оленями. Скорость их рыси около восьми километров в час, и, если не слишком много надето меховой одежды, нетрудно держаться наравне с ними. На проводниках почти ничего нет: драная, безволосая парка, ровдужные штаны да ровдужные холодные унты. Они бегут почти все время: в таком костюме долго не усидишь. Наши якуты одеты немногим теплее, только что парка новая, но штаны и унты у них тонкие. Якуты удивительно изящны, стройны и ловки. Особенно хороши Яков и Иннокентий, когда они сбрасывают парку и легко бегут рядом с нартой в одной курточке, туго стянутой скрученным ситцевым поясом. Мы рядом с ними как медведи, какие-то кучи меха в своих дохах и громадных унтах.

Я также еду сравнительно легко одетый, в одном полушубке; но на это есть серьезные причины: в кухлянке к утесу не проберешься, не достать ничего из кармана, а сбрасывать ее каждый раз невозможно, каждое лишнее прикосновение к холодным предметам замораживает руки. Я предпочитаю соскакивать каждые полчаса с нарты и бежать рядом с оленями, пока не начинаю задыхаться.

Лица у всех нас, даже у якутов, завернуты шалями или шарфами; все время оледеневшая маска на лице, в узком просвете у глаз нарастают сосульки и иней, ресницы покрываются льдом, глаза закрываются.

Но это все пустяки, главное — руки. Чтобы иметь возможность работать, мы обшили металлические дощечки

компасов материей, сняли кожаные поясные сумки; Салищев держит записную книжку и компас в холщовом мешочке на шее, а я — в карманах полушубка. Я еду в двойных рукавицах, а Салищев пришил большие волчьи рукавицы к шубе, внутри — заячьи рукавицы, дальше — перчатки; для работы рука просовывается в прорез рукавицы на запястье — по эвенскому образцу.

Но ничто не помогает — в эти дни и в двойных рукавицах руки у меня совершенно холодные. Не успеваю я вынуть руку из рукавицы, взять компас и книжку, как рука деревенеет и нельзя записать наблюдений. Особенно мучительно брать образец или делать снимки. Не раз случалось, что, вынув аппарат и раскрыв его, я не был в состоянии нажать спуск; тогда приходилось прятать аппарат в карман, сложив его кое-как. А затем мучительное отогревание рук в холодной рукавице. Салищев в отчаянии стал засовывать руку сквозь все меха и греть ее о голое тело. Это, кажется, самое верное.

У него еще другое несчастье: останавливаются часы; он перепробовал все наши часы — ни одни не выдерживают. В кармане везти их нельзя — не достанешь на морозе, а внутри двойной рукавицы через два-три часа замерзает смазочное масло, и часы останавливаются. Он пробовал их даже надевать на ногу под шубу — также мало толку.

Ничего подобного не испытываешь при морозах меньше 40 градусов. Тогда можно писать без особых мучений. А теперь каждая пуговица, которую надо застегнуть, представляет препятствие. Расстегнув полушубок, чтобы достать из внутреннего кармана аппарат, я иногда еду так несколько километров, пока не нагреваются руки, или прошу о помощи Якова.

Меня поражали якуты, особенно проводники; они вообще необыкновенно выносливы, а благодаря тому, что они все время бегут, у них горячие руки. Ломается нарта, и по пятнадцать-двадцать минут проводники голыми руками перетягивают ремни, развязывают узелки, строгают.

А нарты ломаются часто. Мы мчимся, не разбирая камней и кочек. Нарты ударяются о дерево, о камень, подскакивают, на спусках с размаху стукаются друг о друга. Проводники не обращают на это никакого внимания. На спусках тормозит задняя пара оленей. Упираясь, олени тянут за недоуздок, которым привязаны к передней нарте. К самой задней нарте привязывают запасного оленя, который также тормозит. Но если спуск крут и передних оленей начинают бить по ногам задние нарты, олени от-

скакивают в стороны, нарты с размаху ударяют баранами о впереди стоящие, и вся вереница нарт, давя друг друга, мчится вниз. Несколько нарт при этом обязательно опрокидывается. Хорошо еще, что у нас все крепко увязано.

Олени бегут очень весело, берут с места охотно и легко. Когда я отставал на утесах, Яков, ехавший со мной на передней нарте, пускал нарты галопом, со скоростью километров до пятнадцати. Хороша такая езда — дух захватывает: впереди пара скачущих оленьих задков, тучи мелкого колючего снега летят в лицо, нарта сильно раскачивается, только успеваешь перекидываться на ухабах с одного ее края на другой, чтобы нарта не опрокинулась.

Двигаемся мы теперь почти все время по рекам, где дорога ровнее и можно быстро ехать. Во многих местах тарыны — свежий лед, захватывающий всю долину. Олени широко расставляют ноги, копыта у них расползаются. Нередко олень падает, но связка не останавливается, она тащит оленя, пока он не ухитрится встать. Мы сначала кричали «Тохто!» («Стой!»), но главный проводник каравана якут Уйбан (Иван) сказал: «Один олень упал, два олень упал — ничего, все олень упал — мой бежит, ничего, едем». И теперь мы равнодушно смотрим, как то одного, то другого оленя его товарищи тащат на боку.

В самом деле, оленей так много, они так часто попадают ногой куда не следует, что нельзя постоянно останавливаться, тем более что во время остановки олени обязательно переступят постромки или станут ногой в дугу барана. Они при этом забавно чешут задней ногой морду, счищая лед, или трут морду о спину пассажира. Вообще у них нет такого делового подхода к работе, как у лошадей: на остановках сразу ложатся, в пути начинают драться друг с другом, с ними можно шалить, дергать за хвост, за рога. У нас олени почти все серые и коричневые, белых два или три. Рога спилены до половины, чтобы не цеплялись за соседа. Олени очень кротки, безропотно сносят побои, не кусаются, не лягаются. Впрочем, их почти не бьют.

Правят одной вожжой, привязанной справа к голове правого оленя. Чтобы заворотить направо, достаточно потянуть вожжу, но налево не повернешь никак. Поэтому проложенная оленным караваном по широкой реке дорога представляет странное зрелище: она не идет прямо к цели и все время крутит. Мы видим, как возникают эти изгибы: олени идут вправо до тех пор, пока ямщику не надоедает; он соскакивает, догоняет оленей и бьет правого по морде, тогда олени поворачивают и начинают закру-

чивать уже влево. Ямщик тянет за вожжу направо, и вся история начинается сначала.

Говорят, что в других районах олени понимают какие-то слова и идут куда надо. Но у нас передовой нарте случалось описывать полный круг на потеху остальным. Тогда вперед выезжает Иннокентий — он всегда хочет поддержать честь своего улуса перед оймяконцами,— но, как назло, его олени тоже кружат, только в противоположную сторону.

Особенно забавны олени на тарынах, на которых лед покрыт тонким слоем воды, еще не успевшей замерзнуть. Оленям не хочется идти в воду — кому же придет охота

мокнуть при 60 градусах мороза,— они всячески стараются свернуть в сторону. Когда же их заставят пойти по тарыну, они поднимают хвостики, как будто бы их можно подмочить, и, расставив широко ноги, торопятся перебежать тарын. Пассажирам тоже приходится беречь ноги, чтобы не замочить унтов.

Как только стемнеет, мы останавливаемся, так что всего едем пять-шесть часов в день. С оленей сбрасывают лямки, и они убегают в гору, грациозно подняв голову. Более хитрым привешивают на ремне к шее бревно — «чанкай», которое бьет по ногам, мешая убегать. Размеры бревна тем больше, чем более непослушен олень. Как только отпущены олени, все принимаются за устройство ночлега, разгребают снег под палатки, рубят жерди, натягивают палатки. Это мучительная операция: надо привязывать палатку к жердям голыми руками, а концы пальцев замерзают. Все страшно холодное: палатки, жерди, веревки. Деревья так замерзли, что звенят от удара топора. Печка холодная, дрова тоже, разгораются плохо. Почти час мы сидим в палатке, ожидая, пока она нагреется настолько, чтобы можно было раздеться. Сначала снимаешь рукавицы, шарф, потом шапку и наконец полушубок. Дальше ничего снимать не приходится: наша печка в эти морозы слабо нагревает, возле нее мех на одежде горит, а в задней половине палатки на стенах осаждается толстым слоем иней.

Как только разогрелась печка, вытаскиваем из мешка кусок масла; оно колется, как стекло, на тонкие осколки. Мы поглощаем их в большом количестве с сухарями, подогретыми на печке. Чай поспеет еще не скоро: надо растопить лед, а где нет льда — снег. Однажды мы получили чай с резким запахом, вроде мыльного,— это попал снег с листиками багульника.

Вечером все четыре палатки сплошь завешаны меховыми

вещами. Ведь каждый снимает с ног штук десять-пятнадцать всяких обуток да еще рукавицы, шапки, шарфы; все это надо просушить. Сохнет плохо: ночью палатки выстывают.

Но нам ночью тепло без печки. В палатке научных сотрудников едва хватает места для нас четверых, и когда мы залезаем в спальные мешки, покрываемся дохами, то в этой меховой куче мороз не пробивает. Спим одетые, в меховых штанах и теплых фуфайках и снимаем только унты, заменяя их запасными меховыми чулками.

Самое неприятное — утреннее разжигание печки. Делает это дежурный, а остальные лежат в мешках, пока палатка не нагреется.

Утром Уйбан приманивает оленей солью; он берет несколько крупинок на руку и кричит: «Мэк, мэк, мэк!» Пока олень облизывает руку, другой рукой хватают его за недоуздок и ведут к саням. Далеко у нас олени не разбегались — мы собирали их за два часа. За всю дорогу на них истратили, наверно, не больше фунта соли. Это все, что они получали от человека.

От Джакая мы едем короткое время вверх по долине реки Суантар, затем сворачиваем в узкое ущелье реки Кюнгкюняс. На слиянии этих рек во льду огромная яма — это вода из-подо льда ушла, просочившись в галечник, а выше русло промерзло до дна, и вода не может больше проникнуть в яму.

Кюнгкюняс прорезает южную часть Брюнгадинской цепи. Черные скалы, сейчас мрачные, громоздятся кверху. В шарфе и шапке трудно задрать голову, поэтому кажется, что едешь в темном коридоре, где никогда не бывает солнца.

Из-за поворота на паре хороших оленей вылетает нарта, на ней кто-то в кухлянке. Наш караван останавливается, и все собираются у головной нарты. Встречным путником оказывается миниатюрная эвенская девушка с открытым, несмотря на мороз, лицом. Она держится с достоинством, степенно отвечая на любезности якутов. Вот олени помчались, и девушка легко вскакивает на ходу: не полагается садиться до того, как двинулась нарта, потому что оленям трудно сдвинуть ее с места и лямка сбивает им плечи. Когда кто-нибудь лениво лежит на нарте при отправлении, на лицах якутов можно видеть насмешливую улыбку.

Как только ветер относит густой пар от каравана, я вижу впереди Уйбана, который бежит рядом с нартой, держась за ее дугу левой рукой. Помню, еще в детстве я с любопытством рассматривал в старинных книгах о

северных путешествиях картинки, изображающие бегущего рядом с нартой человека. Теперь час за часом целых две недели сквозь пар дыхания я вижу эту картину, столь же старую, как сама езда на оленях.

Мы идем теперь по древнему пути: здесь проехал верхом в феврале 1786 года путешественник Гаврила Сарычев, который прошел из Якутска в Верхне-Колымск и построил там суда для исследования побережья Ледовитого океана.

К вечеру 2 декабря выходим из ущелья в расширение долины Кёбюмы, выше которого река поворачивает на запад. Еще три дня едем вверх по этой реке между пологими склонами слабоволнистых гор. Это тот же пейзаж, что в верховьях Томпо на северном пути. Обгоняем партию якутов, везущих пушнину из Оймякона. Зимний тракт, оказывается, гораздо оживленнее летнего.

Мороз как будто все время усиливается. 5 декабря переваливаем через Чыстай, где нас захватывает холодный ветер. Все тело леденеет, не знаешь, куда деться в этой открытой долине.

Перевал здесь, на границе леса, в широкую ледниковую долину вскоре врезается узкая долинка реки Хандыги. Мы снова в бассейне Алдана. Быстро спускаемся по Хандыге.

Назавтра входим в широкую долину. Здесь горы той же абсолютной высоты, как на Кёбюме, но долина все углубляется и скоро переходит в такое же глубокое ущелье, как по Теберденю. Голые скалы по обе стороны, ребристые скаты до километра высотой. Это углубленная ледником и засыпанная позже речными галечниками долина.

На Хандыге мы знакомимся еще с одним из зимних препятствий — водой. Из галечников выбиваются струи воды, которая приходит из глубины и не успела еще замерзнуть. Струи эти сливаются в целую протоку, которую нужно перейти. Олени останавливаются перед ней и, несмотря ни на какие крики и побои, не хотят идти в воду. Уйбан уже разбил в кровь морду головного оленя, но тот тоскливо отворачивается. Людям тоже не хочется мочить ноги, хотя брод только до колен; но что потом делать с обмерзшими унтами? Вдруг Яков берет своих оленей и храбро пускается вброд. Другие проводники гонят свои связки поспешно за ним — речка пройдена. Желтые щегольские унты Якова покрыты до колен льдом. Я предлагаю ему запасные, но он отказывается: через его новые унты вода не прошла. Он только сбивает палкой и ножом лед, и мы снова мчимся.

Помните, в «Дочери снегов» Джека Лондона героиня попадает в мокасинах (в меховых сапогах) в воду и сколько из-за этого потом шуму: разрезают мокасины, разводят костер. А ведь в Клондайке никогда не бывает таких морозов, как здесь.

Днем еще брод более глубокий; вода заливает нарты поверх досок, и наши подстилки и груз обледеневают.

Еще день идем вниз по Хандыге, ущелье становится все грандиознее. На Кёбюме белые, как будто бы сахарные, горы вырезывались на фоне желтоватого, светло-соломенного неба в час заката; здесь, на Хандыге, солнца не видно совсем. Серебристые (от снега и инея) леса сияют на тусклом сером небе днем, на иссиня-черном — ночью.

Вечером санный след привел нас к эвенской юрте. Это черное низкое строение из бревен, сделанное в глухом лесу по образцу якутской юрты, но гораздо теснее и грязнее. Снаружи оно завалено оленьими сумами. Мы приподнимаем рваную ровдужную завесу на дверях и вползаем внутрь. Там полутьма, в очаге тлеют угли. Сначала видишь только их: очаг в углу, вровень с полом, и над ним в потолке просто дыра. Немного свыкнувшись с темнотой, различаешь человек семь или восемь эвенов, сидящих на земле у огня. Грязь страшная, неуютно, холодно, нет ни нар, ни стола, нет даже шкур на земле. У огня старуха в грязных и рваных ровдужных штанах пьет чай. Чашки стоят прямо на земле. Тут же лежат две собаки, короткомордые и печальные.

Это жилище, которые я видел четверть века назад,— последний остаток мрачной дореволюционной эпохи. С 1929 года эвены начали в этом районе переходить на оседлость, селиться в домах русского типа.

В этот день накатанная дорога кончилась. Мороз, несмотря на безветрие, прохватывает еще сильнее.

8 декабря мы подходим к Скалистой цепи. Долина Хандыги превращается в извилистое ущелье. Опять тарыны, но на этот раз грозные, с водой, заливающей все ущелье.

Мы избираем другой путь: по рытвине в скалистом крае долины взбираемся на поверхность древней террасы. Подъем трудный — узкая ложбина с камнями; нарты опрокидываются, возок Афанасия перекидывается через верх, старик в снегу. Мы общими усилиями вытаскиваем нарты и помогаем ему взойти на террасу.

Но скоро терраса кончается, приходится снова спускаться в ущелье, залитое водой. Нарты мчатся одна за другой: каждый боится отстать — тогда олени не пойдут. Одна связка обгоняет другую. И вот в тот момент, когда Ко-

нон в этой необычной скачке поравнялся с моей нартой, раздается треск, и три нарты — Конона, Якова и моя — проваливаются сквозь лед. Под верхним слоем воды оказался другой этаж наледи, со слабой верхней коркой льда, еще только начавшей замерзать. Мы проломили эту корку и провалились до следующего слоя. Вода заливает нарты, олени бьются, разбивают кругом лед и падают. Их кроткие черные глаза выражают крайнюю степень ужаса. Вода зловещим пятном расползается во все стороны.

Конон и Яков бредут по воде; мне очень не хочется идти за ними: я не верю в непромокаемость своих унтов. Ближайший край льда рассечен трещиной — выдержит ли? Но раздумывать некогда, решаюсь прыгнуть. Мне повезло: льдина не обломилась, и я выбираюсь на сухое место. Чернов успевает обрезать постромки задних оленей, чтобы они не стянули в полынью остальные нарты, и олени вытягивают нарты на лед.

Снова мы мчимся галопом: караван ушел вперед. Вдруг я замечаю, что в утесах вместо черных сланцев появляются известняки с новым и необычным для Верхоянского хребта простиранием слоев. Останавливаю Якова, но впервые за полгода слышу от него ответ в резком тоне: «Тох нада, у бар!» («Что надо, вода!») Он боится отстать от других в этом гибельном ущелье. Приходится покориться. Только в небольшом расширении дальше я наконец могу осмотреть утесы и взять образцы, насколько это позволяют замерзшие руки.

Конон меняет здесь прямо на морозе унты, а Яков опять только сбивает палкой лед со своих унтов.

Нам повезло. Если бы нижний этаж тарына был глубже или под ним находилась тонкая кровля над третьим слоем, мы наслаждались бы полным купанием. По рассказам, в этом ущелье были случаи гибели эвенов, провалившихся вместе с оленями под лед.

Ночью все время дует ветер с гор. К утру он достигает такой силы, что рвет палатку. Просыпаемся со странным ощущением: тепло! Высовываемся из палатки — можно рукой брать что угодно. Начинаем гадать, сколько градусов: один говорит сорок, другой осмеливается поднять до двадцати пяти. Но термометр показывает головокружительную цифру: 15 градусов мороза! Невозможно поверить: такие температуры здесь неслыханны. Но ртуть все время повышается, и в десять часов доходит до 9 градусов. Что-то невероятное!

Весь день в спину, вниз по ущелью, дует страшный ве-

тер, но впервые мы едем с открытыми лицами; снегу много, олени бегут быстро, не хватает только бубенчиков, чтобы была полная иллюзия праздничного катания. К вечеру —6 градусов и наконец утром 10 декабря —5 градусов. В Якутске метеорологи не хотели нам верить: в эти дни там было 19 градусов мороза. Сильный циклон захватил Алданский склон Верхоянского хребта, это он создал необыкновенное потепление.

Но вскоре температура начала еще быстрее падать: к вечеру 10-го было уже —25 градусов, а 11 декабря замерзла ртуть, и наступили холода, хотя и не оймяконские, но все же почтенные.

Из всего пережитого за зиму меня более всего ошеломила эта оттепель. Сидеть в палатке в одном костюме, без мехов, не видеть над собой висящих хвостов инея и, главное, трогать все предметы голой рукой — после двух недель ледяного режима! — казалось невероятным. И даже первая ночевка в юрте на Алдане после этого не оставила большого впечатления.

Снéга на этом склоне хребта все больше и больше. Когда идешь к утесам, проваливаешься по пояс и набираешь снег в унты. Под палатку мы уже не разгребаем снег, а слегка утаптываем и, чтобы не провалилась печка, кладем под ее ножки камни и небольшие бревна.

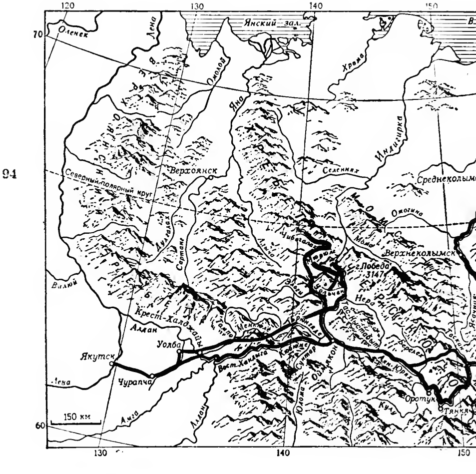
После того как мы вышли из Главной цепи, на дне долины появились первые ели, но на склонах гор все та же лиственница, запорошенная слегка снегом, и на мутном, сером небе странно серебрятся гребни гор с зубцами леса.

Только 11 декабря пересекаем Окраинную цепь и выходим на Алданскую низменность.

Наши олени начинают утомляться, часто ложатся, хромают, худеют — у них уже видны ребра.

12-го и 13-го все еще спускаемся вниз по Хандыге. Вблизи хребта мы встречаем три нарты с великолепными белыми оленями; первая пара сейчас же начинает бодаться с нашей головной, а мы сбегаемся посмотреть встречных. Белые олени в семь дней промчали 600 километров от Оймякона до Крест-Хальджая, отдохнули и вот возвращаются в Оймякон — везут нового председателя исполкома. Несколько минут расспросов, и белые олени мчат нарты в горы. От председателя я узнаю, что в Крест-Хальджае нас ждет какой-то якут, который заготовил лошадей, чтобы отвезти экспедицию в Якутск. Опять кто-то ждет! Нет, довольно таких любезных благодетелей, объедем их лучше стороной!

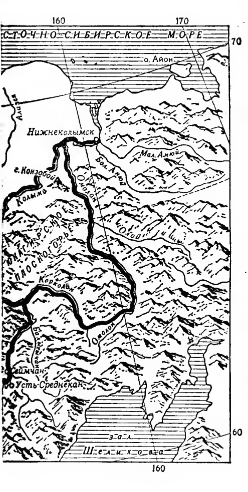
Сзади белая стена хребта становится все меньше и мень-

Маршруты экспедиций С. В. Обручева по Северо-Восточной Сибири в 1926 году и в 1929—1930 годах

ше. Когда-то за ее увеличением мы так жадно следили на томпинских болотах, теперь никто не оборачивается посмотреть, как она исчезает. Смотрят только вперед.

14-го в полдень выходим по Хандыге на Алдан. Здесь он снова стеснен плоской возвышенностью, узок и весь в торосах. Дорога идет вдоль реки, а затем через леса наискось к устью Амги. Начинаются юрты, и мы, конечно,

заворачиваем напиться чаю. Здесь уже не подают к чаю хаяк, а чистое масло и гору лепешек: хлеб есть и свой и привозной. У Петра улыбка не сходит с лица: он увидал гумно и скирду хлеба.

Начинается санная дорога со следом посредине — это ездят на лошадях, и нашим оленям, которым нужно два параллельных следа, некуда ставить ноги. Они спихивают друг друга в снег, бодаются, каждый старается бежать по среднему следу.

Ночуем в юрте Харлампия Попова в урочище под странным названием Былахы («блоха»). Здесь — семья Харлампия, а сам он в Оймяконе, так сказать, на отхожем промысле. Юрта построена как русская изба, и только плоская крыша и камин еще остались от старого. Нары вдоль стен превратились в широкие скамейки. Несмотря на свое богатство, хозяева и не думают нас угощать.

Сын Харлампия не менее предприимчив, чем отец, и вызывается собрать по соседям лошадей, чтобы отвезти нас в Якутск.

На следующий день первый перегон половина каравана идет еще на оленях: лошадей привели прямо в якутское поселение, близ устья Амги. В последний раз смотрим на круглые серые спины милых животных. Даже Михаил, завзятый лошадник, и Петр, который не хотел садиться на оленей: «В кустах все глаза выхлещут», жалеют расставаться с ними и сменять на лошадей, в особенности на местную упряжку: здесь запрягают коня в те же оленьи нарты, приделав к ним оглобли. Лошадиные копыта у самого передка, и невольно представляешь себе, как разнесет лошадь это легкое сооружение, если оно опрокинется.

Особенно легки и изящны легковые санки: они очень коротки, сзади сплетена спинка, а человек сидит спереди, верхом, погрузив ноги в снег, поистине «бразды пушистые взрывая».

20 декабря достигаем Охотского тракта и селения Татта, где есть почтово-телеграфная контора. Отправляю целую пачку телеграмм, которые выводят из равновесия даже меланхолического заведующего конторой,— вероятно, с ее основания здесь не подавали таких чудовищно длинных телеграмм.

Экспедиция настолько затянулась против всех мыслимых сроков, что нас, очевидно уже считали погибшими.

К Якутску мы подъезжаем вечером 24 декабря. На Лене туман, из которого время от времени выскакивают сани: туда и обратно едет много народу. Все — и мужчины и женщины — закутаны шалями, так что видны только глаза: на Лене почти всегда ветер.

Показываются огни Якутска. Странно, какая масса огней в одном месте!

В начале января, закончив ликвидацию экспедиции, мы выехали из Якутска на лошадях через Алданские прииски на железную дорогу.

Хребет Черского

Я не рассказывал подробно о тех научных наблюдениях, которые мы вели ежедневно. Ведь не для того мы мучили и себя и животных, чтобы только поглубже забраться в неизвестную страну. Нашей целью было возможно более полное исследование всех этих бесчисленных хребтов.

Ежедневно, невзирая на дождь, снег и холод, как бы ни беспокоила нас судьба каравана, мы занимались своим делом — геологией и топографической съемкой.

Чего же мы добились?

Вы помните, что, двигаясь по Индигирке вниз от устья Эльги, мы нашли на месте низменности, которую по расспросам здесь указывал Майдель, высокие горы — целый ряд скалистых цепей, тянувшихся с востока на запад.

Сопоставив эти наблюдения с геологическим строением гор, с наблюдениями Черского и исследованиями других путешественников на Севере, я пришел к выводу, что мы открыли громадный хребет, пересекающий страну параллельно Верхоянскому хребту.

До нашей экспедиции на картах северо-восток Азии изображали в виде получаши, окруженной с запада, юга и востока стеной хребтов Верхоянского, Колымского и

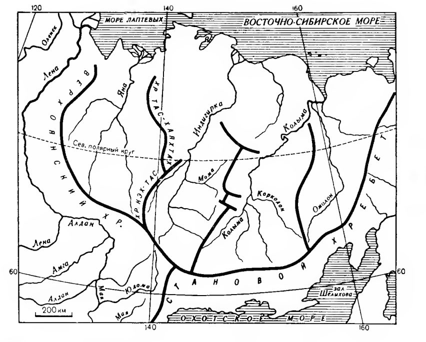

Схема хребтов
Северо-Восточной Азии
до экспедиций С. В. Обручева

Анадырского; от этих хребтов отходили внутрь по радиусам, подобно спицам в колесе, меньшие хребты, разделяющие реки Яну, Индигирку, Колыму и Омолон (см. карту на этой стр.).

В действительности оказалось, что и реки и хребты расположены совсем иначе. Верхоянский хребет — очень широкий, мощный хребет, состоящий из нескольких параллельных цепей. За ним лежит обширное высокое Оймяконское плоскогорье и затем новый громадный хребет, состоящий на Индигирке из девяти цепей. Он тянется далеко на север и доходит до хребта Полоусного, а в другую сторону, на юго-восток, уходит далеко за ту тропу, по которой прошел Черский (см. карту на стр. 98).

Что делается с хребтом дальше к востоку? Заворачивает ли он на юг, параллельно Верхоянскому хребту, или на восток и потом в виде дуги на северо-восток, вдоль Колымского хребта?

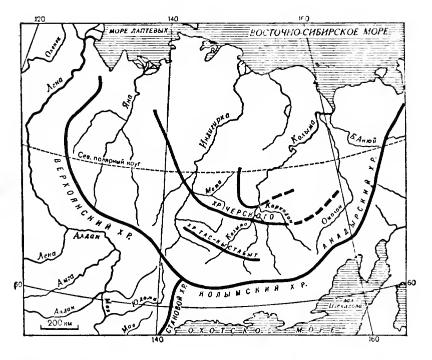

Схема хребтов
Северо-Восточной Азии,
составленная по работам экспедиции
С. В. Обручева 1926 г.

В 1926 году никто этого сказать не мог, потому что весь бассейн Колымы выше Верхне-Колымска был не изучен. Там побывал только ссыльный этнограф Иохельсон; из его краткого описания было видно, что Колыма ниже Коркодона пересекает какие-то горы, сложенные известняками, и из этого можно было заключить, что древние свиты, слагающие северную полосу хребта, проходят, изгибаясь дугой, к Коркодону. Может быть, и весь хребет поворачивает туда? Наши геологические исследования показывали, что Верхоянский хребет, Оймяконское плоскогорье и новый хребет составляют одну огромную область, смятую в складки в мезозойское время. На север эта складчатая зона идет до Ледовитого океана, но что с ней делается на юго-востоке?

Нашей экспедицией мы захватили краешек огромной неизвестной страны. Множество новых вопросов встало пе-

ред нами, и, чтобы хотя бы в общих чертах выяснить строение северо-востока, нужно было проникнуть еще дальше на восток, на притоки Колымы, изучить эти бесконечные горные цепи.

Но как назвать новый хребет?

Географическое общество Союза ССР, рассмотрев представленные нами материалы, решило назвать его хребтом Черского — в честь Ивана Дементьевича Черского, замечательного исследователя Сибири, политического ссыльного, умершего в 1892 году на Колыме.

Черский родился в 1845 году в Виленской губернии. Восемнадцатилетним юношей был сослан за участие в польском восстании в Сибирь и служил шесть лет солдатом в Омске. С 1871 года он работал в Иркутске, где скоро стал крупным геологом. Он написал там ряд интересных работ по геологии Сибири, обративших на себя общее внимание. Талантливый самоучка, он дал схему строения Сибири, которая далеко опередила тогдашние воззрения на геологию этого края. После амнистии Черский в 1885 году поселился в Петербурге и вскоре организовал экспедицию в Якутию, о которой он мечтал.

В 1891 году Академия наук командировала его на три года в область рек Колымы, Индигирки и Яны. В июне 1891 года он выехал из Якутска вместе с женой в экспедицию, о которой я уже упоминал выше.

В Верхне-Колымск он прибыл 28 августа и зимовал здесь. Весной 1892 года экспедиция поплыла вниз по Колыме.

Черский, человек слабого здоровья, зимой серьезно заболел: по-видимому, это была сильная вспышка туберкулеза легких. К весне он понял, что дни его сочтены, и торопился привести в порядок свои наблюдения. Выезжая из Верхне-Колымска 31 мая, он говорил одному местному жителю: «При самых лучших условиях я надеюсь протянуть еще недели три, но больше вряд ли». И зная это, он все-таки выехал! «Я сделал распоряжение, чтобы экспедиция не прерывалась до Нижне-Колымска даже в том случае, когда настанут мои последние минуты, и чтобы меня тащили вперед и даже в тот момент, когда я буду отходить». Он считал необходимым довести работы до Нижне-Колымска, чтобы была исследована вся Нижняя Колыма.

Первое время — до 10 июня — он сидел в лодке и давал указания жене и сыну, которые осматривали утесы. На ночь он перебирался в каюту, сделанную в лодке, но спать ему не удавалось из-за глубокого кашля. 10 июня приплыли в Средне-Колымск; здесь его видел наблюдатель метео-

рологической станции. По его словам, «Иван Дементьевич скажет слово и минут пять—десять ждет прекращения горловых спазмов, чтобы сказать следующее слово, а тут опять те же спазмы прерывают надолго его речь».

С 20 июня Черский уже не в силах писать дневник и передал его ведение жене. И вот записи шести последних дней жизни своего мужа во исполнение его непреклонной воли вела М. П. Черская, чередуя наблюдения геологические и метеорологические с короткими и трагическими фразами: «Мужу хуже, силы его совсем слабеют».

Мужество не оставляло Черского до последней минуты, и он даже давал распоряжения, что делать маленькому сыну с его бумагами, если жена не переживет его.

Черский умер в 10 часов 10 минут вечера 25 июня (старого стиля) у устья реки Прорвы. Его жена записала в своем дневнике в эти дни следующие строки:

«Июня 24. Боюсь, доживет ли муж до завтра. Боже мой, что будет дальше?!

Июня 25. Всю ночь мой муж не мог уснуть: его мучили сильные спазмы. В 12 ч. дня у мужа сделалась сильная одышка. Пристать к берегу нельзя, потому что крутые яры. Муж указал рукой на шею, чтобы прикладывать холодные компрессы. Через несколько минут одышка уменьшилась, и сейчас же пошла кровь из носу.

Пристали к 3^h $30'$ к речке Прорве.

Муж умирает.

Он скончался в $10^h 10'$ вечера».

Буря задержала М. П. Черскую у Прорвы на двое суток, и только 28 июня ей удалось приплыть к устью Омолона. Лишь к 1 июля была выкопана могила и сделан гроб, и в четыре часа Черского похоронили против устья Омолона. На следующий день в дневнике опять записи барометра и температуры, которые с 26 июня жена Черского иногда забывала вносить.

3 июня Черский шутливо говорил: «Впрочем, смерть меня не страшит: рано ли, поздно ли, но всем одна дорога. Я могу только радоваться, что умираю в ваших палестинах, через много-много лет какой-нибудь геолог найдет, может быть, мой труп и отправит его с какой-нибудь целью в музеум и, таким образом, увековечит меня».

Желание Черского исполнено, но иначе: его памятник— горный хребет в 1000 километров длины, 300 километров ширины и до 3000 метров вышины; он выше всех хребтов Северо-Восточной Азии и по площади превышает Большой Кавказ.

Два года на Колыме

Успех экспедиции 1926—1927 годов превзошел наши ожидания. Нам удалось проникнуть в сердце горной страны, где не бывал ни один исследователь, открыть громадный хребет, нанести на карту большие реки. Но на северо-восток простирались еще огромные неизученные пространства. Надо было исследовать среднее течение Индигирки и почти весь бассейн Колымы, а дальше манила нас таинственная Чукотка.

Только в 1929 году мне удалось продолжить исследования дальше к востоку. На этот раз экспедиция была организована Якутской комиссией Академии наук.

В январе мы покинули Ленинград. Из Иркутска большая часть экспедиции выехала с грузом на санях по Лене, а мне удалось воспользоваться только что открытой авиалинией и прилететь в Якутск задолго до приезда моих спутников. Это позволило заняться здесь организацией экспедиции и закупкой снаряжения и продовольствия.

База Академии наук уже заранее заключила договор с якутом Сыроватским, который должен был доставить нас до Оймякона.

Передвижение экспедиции по Лене сильно замедлилось, и только за двое суток до назначенного для выезда из Якутска срока мои спутники начали прибывать один за другим поодиночке. Научную работу в этой экспедиции кроме меня должен был вести снова геодезист К. Салищев, которому помогал радист В. Бизяев.

На быках и на оленях

4 марта приходит первая часть подвод, нанятых для нашего переезда к Алдану,— десять тощих лошадей и три быка. Судя по ним, первый этап пути вряд ли сулит мно-

го удовольствия: подвод слишком мало для нашего груза, а быки обещают томительное, скучное передвижение со скоростью не более трех километров в час. Подрядчик или, вернее, брат подрядчика, так как сам он уехал вперед на Алдан заготовлять оленей, убеждал нас, что быки гораздо лучше: сейчас на пути бескормица, лошади обессилели, а быки крепче.

6 марта ушла вперед большая часть груза — восемь тяжело нагруженных саней с рабочим Василием С. В тяжелой собачьей дохе он сел на последнюю подводу. Больше до Алдана мы с этой партией не встречались, только иногда на снегу у дороги видели подпись Василия и жало-

бы на медленное продвижение. 8 марта приходят остальные пять лошадей, и мы выезжаем.

И тотчас за Леной, как только мы вступаем в область лесов и аласов, начинается непрерывная борьба за скорость, за темпы.

Ямщики были правы: действительно, во всей полосе вдоль тракта был недород, сено для лошадей купить трудно; на ночлегах, повинуясь обязательным на Севере правилам гостеприимства, продают на ночь после долгих уговоров на пять лошадей только один пуд сена.

Лошади заметно худеют и слабеют. На второй день уже одна из пяти отказывается везти, половина груза с нее перекладывается на других, и мы идем часть дороги пешком. На следующей день удается нанять быка, и мы очень рады, что нашелся сговорчивый якут и дал это медлительное животное, от которого два дня назад мы отказывались. Бык делает три километра в час, но наши лошади идут не скорее.

Так с каждым днем все хуже: лошади устают все больше и больше, приходится постоянно идти пешком, перекладывать груз с одной подводы на другую, помогать лошадям. Нанимать быков трудно, почти весь скот угнан из этого района в другие, более обеспеченные сеном, и часто удается достать только на короткое расстояние маленького быка. За день иногда проходили только 15 километров. В нашем караване постоянно новые лица: то громадный якут в мохнатой шапке, то совсем маленький мальчик, школьник, который везет с собой учебник и на ночлеге учит уроки.

16 марта, подъезжая к улусному центру Уолбе, от которого еще более 50 километров до Алдана, мы убедились, что на лошадях подрядчика Сыроватского до Крест-Хальджая нам не дойти. В Уолбу мы все уже доходим пешком, сняв свои тяжелые собачьи дохи.

С надеждой на скорое избавление от быков подходим мы к школе — большому зданию без крыши, где и находим временный приют.

В Уолбе в улусном исполкоме меня встречает давно жданный и не раз уже проклинаемый Сыроватский, молодой и стройный якут с энергичным лицом. Он прерывает мои жалобы на скверных лошадей сообщением, которое заставило сразу забыть обо всем остальном: «Знаешь, я ведь оленей не нашел».

Действительно, оленей у него не было.

Чтобы понять всю трагичность нашего положения, надо знать, что оленей непосредственно на Алдане достать нельзя, нужно заранее сговориться с оленеводами — эвенами и якутами, держащими свои стада в 300—400 километрах от Алдана, чтобы они привели подводы к назначенному сроку. К концу зимы свободных ездовых оленей вообще нет: они уже заняты перевозкой грузов или истощены непрерывной работой. Во второй половине марта ехать в центральные части хребта и искать оленей — дело почти безнадежное. Поэтому не только становилось невозможным достижение по зимнему пути Колымы, а было сомнительно, дойдем ли мы до Оймякона. Нам угрожало сидение до лета на Алдане, затем предстояла организация вьючного каравана и выход к Колыме только осенью. А по плану работы я предполагал достигнуть верховьев Колымы к весне, использовать весеннюю распутицу на постройку лодки и затем все лето посвятить изучению Колымы.

Как выяснилось потом, Сыроватский никогда не занимался перевозкой грузов на оленях. Узнав о выгодном подряде, он явился на базу Академии в Якутске и на устроенных там торгах предложил самые низкие цены. Другие соискатели — памятный нам по 1926 году крест-хальджайский кулак Иннокентий Сыромятников и подрядчик оленевод Колодезников — коварно отступились и посоветовали ему взять подряд: «Не беспокойся, в феврале приедешь на Алдан и найдешь сколько угодно оленей: в это время там всегда есть обратные нарты».

Они даже обещали ему достать двадцать пять нарт к условленному сроку и взяли под них задаток. Сыроватский, заключив договор 19 декабря, до 21 февраля безмятежно жил в Якутске, затем поехал на Алдан в наивной уверенности, что там ему приготовлены олени. Тут начался второй акт «комедии»: Колодезников и Сыромятников вернули задаток (весьма предусмотрительно — прямо в улусный исполком) и сообщили, что оленей они найти не могли. Расчет их был ясен: кроме них, оленей на Алда-

не ни у кого нет, и экспедиция будет принуждена нанять оленей именно у них и по любой цене.

Следующие дни в Уолбе мы проводим в очень напряженной деятельности и в крайне подавленном настроении: если не удастся достать во что бы то ни стало оленей, вместо двух лет придется провести на Колыме три.

Но в Уолбинском улусном исполкоме мы встретили самое предупредительное отношение, и нам удалось избежать ловушки, уготованной подрядчиками. В Уолбе как раз в это время были представители Годниканского эвенского рода — председатель Гаврила Баишев и писарь, молодой якут Александр Егоров, прибывшие для урегулирования вопроса о переходе эвенов на оседлость и постройке для них поселка. Эвенам отведены были участки на устье Амги и на Алдане, на первое время им давали муку и денежное пособие. Вот эти годниканцы и должны были спасти нас: у них, возможно, удастся достать оленей. В этом отношении большую энергию проявил председатель Уолбинского исполкома. Через четыре дня мы получили от Комитета Севера, от окружного исполкома и от Совнаркома Якутии разрешение нанять у эвенов оленей.

Пока я вел переговоры с Якутском, мои спутники уехали в Крест-Хальджай на новой смене быков.

Я же остался в Уолбе и поселился в просторном зале школы, обширное помещение которой, еще не вполне достроенное, днем наполнялось шумной толпой детей. Иногда дверь в мою комнату отворялась, и в пролет ее выглядывало с десяток черных круглых головок с блестящими глазами, громко шепчущих: «Нучча» («Русский»), «Обручев».

18 марта меня попросили потесниться: в зале давался вечер в память Парижской коммуны; в программе пьеса «Казнь коммунара» и декламация. Дети старались играть с достоинством и серьезностью. Парижане, конечно, были в русских костюмах; особенно забавен парижский мэр в сапогах бутылкой, в черной рубашке и пиджаке, в картузе и с цепью и звездой на груди. Называют его «гражданин голова» (спектакль шел на якутском языке, но некоторые русские слова входят в якутский язык с небольшими изменениями). Когда уводят на казнь коммунара, его жена, розовощекая девочка в платочке, падает в обморок — и вдруг весь зал разражается смехом: по прежним якутским понятиям для женщин смешно и неприлично так афишировать свои чувства.

Из Уолбы я уезжаю 21 марта в большой компании, на трех легких маленьких санках. Исполком командировал

для сбора оленей в район Верхоянского хребта самого председателя, а с ним должны ехать Баишев и Егоров. Им предстоит заехать в горы на 200—300 километров, посетить ряд стойбищ и 12 апреля прислать оленей к устью Амги. В Крест-Хальджае к нам присоединился еще Голиков, стройный и ловкий эвен средних лет, также должностное лицо в Годниканском наслеге — заместитель председателя.

В Крест-Хальджае, где мы провели в 1926 году памятные томительные дни в поисках проводника, нам снова предстояло ждать и бесцельно терять время. Я нашел здесь в школе всех своих спутников, включая Василия; радист Бизяев уже успел наладить радио. По вечерам послушать хабаровскую станцию собираются к нам учителя. Нельзя не вспомнить еще раз с благодарностью то радушное гостеприимство, которое мы всегда встречали в якутских школах.

30 марта — прощальный школьный вечер перед роспуском на каникулы, и мы удивляем школьников пятидесятисвечовой электрической лампой, питающейся от нашей походной динамомашины. А школа угощает нас длинным театральным представлением — сначала драмой из якутской жизни, затем декламацией.

6 апреля мы расстаемся с крест-хальджайской школой и отправляемся вниз по Алдану к устью Амги, куда должны быть приведены олени. Снова на быках, на этот раз уже почти без участия лошадей. Медленно, но по крайней мере надежно. Быки считаются более нежными животными, чем лошади; среди дня им обязательно надо отдохнуть, а ночевать надо в тепле, в хотоне, в то время как лошадь можно пустить пастись и в снег: разрывая снег копытами, она достает траву. И мы останавливаемся постоянно в юртах, долго пьем чай, ведем бесконечные разговоры. На переходах быки идут медленно и степенно, равнодушно пережевывая жвачку. Иногда вся вереница завертывает к проруби; ямщик прорубает свежий лед пешней и очищает прорубь лопатой, а быки медленно тянут морды к воде.

Через три дня после выезда из Крест-Хальджая мы доходим до Ынгы. Это небольшое поселение якутов на устье Амги — левого притока Алдана. Здесь нас должны встретить нарты с оленями, но вместо них является Александр и сообщает, что олени еще не готовы и будут ждать нас в лесу на устье Хандыги. Снова возникает очень сложный вопрос о том, как нам перебросить груз на Хандыгу. Ямщики не хотят везти дальше, утверждая, что в лес ведет

только нартовая оленья дорога, неудобная для быков, к тому же в лесу быкам негде ночевать, если запоздаешь в пути. Поэтому и местные якуты долго не соглашаются везти нас на устье Хандыги. Наконец после долгих уговоров удается нанять новую партию быков. Когда мы выходим на Алдан, начинается метель, дорогу быстро заносит, и передняя часть каравана скрывается в вихрях снега. Только иногда во мгле мелькает задок саней или рогатая голова, уныло опущенная навстречу ветру.

В лесу на маленьком озере нас ожидает Голиков с нартами. Оленей еще нет, их собирают еще два дня, и все это время мы стоим на озере и подготовляем нарты. 12 апреля наконец удается двинуться в путь.

В 1926 году мы проходили Хандыгу зимой, в самые сильные холода, в серые вечные сумерки. А сейчас нестерпимо яркое апрельское солнце освещает блестящий снег и вершины Верхоянского хребта сияют вдали, как головы сахара. Снег уже тает, и местами поверхность реки покрыта водой. Это не те зимние тарыны, с которыми мы познакомились в 1926 году, занимающие обычно сравнительно небольшие участки, не более двух-трех километров длины; вода идет теперь сплошной массой по снегу и покрывает реку на десятки километров.

Дорога (вернее, след проехавшего каравана, занесенный снегом) проложена по самой реке, и нам приходится ехать почти все время по воде. Иногда Голиков, который ведет первую связку нашего каравана, пытается выбраться на береговую террасу; но там еще хуже: на самой кромке берега мокрый снег вместе с водой образует густую кашу, в которой тонут олени и вязнут нарты. После нескольких попыток ехать по берегу мы снова возвращаемся на реку и миримся с тем, что вода заливает не только полозья наших нарт, но нередко и самый груз.

По мере того как мы приближаемся к Верхоянскому хребту, количество весенних наледей все увеличивается. Мои русские спутники начинают приходить в отчаяние; кажется, что впереди предстоит бесконечная борьба, что мы никогда не дойдем до Оймякона, а ведь мы должны достигнуть его самое позднее в начале мая. Сейчас, еще не дойдя до Верхоянского хребта, мы делаем в сутки иногда не больше 10—15 километров, тратя большую часть дня на вытаскивание нарт из снеговой каши и отыскивание проходов через опасные места. Олени выбиваются из сил. Проводники бродят все время по колена в холодной воде (по ночам морозы доходят до 40 градусов), и даже Александр, привыкший к здешним дорогам, начинает унывать.

Он говорит: «Один олень сила кончал. Много олень сила кончал. Все свалом помирать будем — проводник, олень свалом».

Но на эвенов эти наледи не производят никакого впечатления. Голиков в самые трудные моменты так же весело поет песни, прыгает и танцует, как это он делал на хорошей дороге.

Через три дня после выезда с устья Хандыги мы вступаем наконец в Окраинную цепь Верхоянского хребта. Долина Хандыги здесь сразу суживается и идет то вдоль подножия, между параллельными цепями, то пересекая их. Вскоре после вступления в горы можно заметить на склонах ясные следы ледниковой деятельности. Сначала это курчавые склоны — отшлифованные льдом выступы скал на склонах долин, а затем ригели — пороги, перегораживающие дно долины; через эти пороги когда-то круто спускался ледник, образуя ледопады. Теперь река проложила в ригелях узкие ущелья. Знаменитое ущелье Юн-Кюрме, выше устья Куранаха, в котором в 1926 году три наших нарты провалились в воду, также прорезает ригель.

При входе в ущелье лед покрыт на 20—30 сантиметров водой. В самой середине ущелья на маленьком взлобке стоит большой чум Баишева, коричнево-желтый в лучах заходящего солнца. Сам Баишев, выехавший заранее с реки Томпо для заготовки оленей, встретил нас, в нескольких километрах не доезжая Юн-Кюрме. В чуме собралось человек десять эвенов — хозяев оленей, а вместе с ними их жены и дети, играющие возле чума в снегу.

Обычно сбор оленьего каравана продолжается очень долго: только часам к одиннадцати удается найти всех оленей и запрячь их в нарты. Но после Юн-Кюрме эта операция еще затянулась. Дело в том, что у годниканских эвенов было слишком мало ездовых оленей, они привели нам не только важенок (самок), но и диких, то есть неезженых, оленей. В это утро диких оленей должны в первый раз запрячь в нарты. Они были отпущены пастись с большими бревнами, привязанными к шее, но все-таки поймать их было очень трудно. За некоторыми, самыми дикими оленями эвены гонялись на лыжах в течение всего утра.

Окружив оленя с нескольких сторон, эвены бросают свой аркан «мамыкта» — длинный ремень, нечто вроде лассо с костяным кольцом на конце. Когда дикий олень пойман, его привязывают к дереву в ожидании отправки.

Я пробовал подходить к такому привязанному оленю, чтобы его сфотографировать, но он тотчас начинал хра-

петь, биться и дико поводить своими красивыми темными выпуклыми глазами.

Наконец все олени пойманы и запряжены. Как только караван двигается в путь, дикие олени снова начинают биться и опрокидывать нарты.

В этот день нам нужно пройти верхнюю часть ущелья, также покрытую водой на протяжении нескольких километров; к счастью, вода нигде не достигает настила нарт. Выше ущелья лежит большой тарын. Как можно было видеть по стволам деревьев, мощность льда в этой наледи равна нескольким метрам. Выше тарына мы снова останавливаемся: здесь эвенам хочется провести два дня. Они смотрят на нашу экспедицию как на обычную кочевку и совсем не собираются торопиться.

Но в этом месте для стоянки есть серьезная причина: у важенок, которые шли с нами, начали рождаться оленята и как раз в Юн-Кюрме появилось на свет три олененка. Необходимо дать отдых важенкам, тем более что до сих пор они чрезвычайно добросовестно исполняли свои обязанности.

Оленята почти тотчас после рождения начинают проявлять инстинкты взрослого оленя. Хотя они еще не могут есть мох, но начинают уже копытить снег. Обычно на стоянках они лежат, свернувшись возле матери, иногда встают на свои тонкие ножки и оглядывают людей мутными и еще бессмысленными глазами. Важенка ревностно охраняет своего олененка и с яростью бросается на самцов и собак, которые приближаются к нему. Самцы сейчас уже потеряли свои рога, и у них начинают расти новые — нежные, пушистые и толстые. Важенки же до мая сохраняют старые рога, необходимые для защиты детей.

Две маленькие эвенские собаки и наш громадный Чонка трусливо убегают, как только к ним приближается важенка с опущенной рогатой головой. Чонка — большой пес из якутских лаек, родом с реки Чоны (приток Вилюя); он жил в базе Академии наук в Якутске и пристал к нашему каравану. Он очень оживляет наше путешествие и весело бежит то впереди каравана, то сбоку. Пока мы шли по населенным местам, он заводил оживленные знакомства и игры с местными псами или отыскивал где-нибудь в кустах куски заячьих тушек, брошенных якутами, и тащил их с собой, ложась время от времени на дорогу, чтобы закусить. Когда мы вступили в Верхоянский хребет, ему пришлось гораздо хуже: снег был слишком глубок, и, попрыгав без дороги несколько километров, Чонка смирился и поплелся уныло позади каравана. Сей-

час на ночевках его преследуют важенки, и жизнь собаки стала очень печальной.

Наши проводники едут со своими семьями. Баишев везет с собой жену, а Голиков — жену, свояченицу и маленькую двухлетнюю дочь Лидию. Взрослые женщины правят оленями, ставят палатки (а жена Баишева — чум), готовят пищу. Все это входит в женские обязанности. Мужчины заняты мужским делом — охотой. Лидия едет закутанная в меха, но на стоянках она выползает в своем легком костюмчике, в кожаных штанах с широким разрезом сзади, и садится в снег играть. Она забавно подражает взрослым; как-то раз у костра она хотела выдернуть палочку, воткнутую в снег, и, когда та не поддалась, вытащила из чума тяжелый топор и пыталась рубить палочку под самый корень.

Переходя Верхоянский хребет, мы встретили несколько оленных караванов, идущих из Оймякона на Алдан. В одном из них мы увидели старых знакомых — «ученого» Евграфа Слепцова и бухгалтера. Они недавно были арестованы за растраты и хищения, и теперь милиционер вез их в Якутск.

Мы поднимаемся несколько дней вверх по Хандыге и затем по реке Кёбюме спускаемся в бассейн Индигирки. Это тот же путь, который мы прошли в 1926 году, но какая разница в впечатлениях! Тогда нестерпимый мороз, пар оленьего дыхания и окутывающий все полумрак вечных сумерек. А сейчас ясные солнечные дни, тающий снег, теплый, ласкающий встречный ветерок.

Но в мрачном ущелье Кюнгкюняс, несмотря на конец апреля, нас все-таки захватила пурга. Извилистое узкое ущелье с черными скалами, которые время от времени появляются среди вихрей снега, имело очень мрачный вид. Остановившись вечером на ночлег у выхода из ущелья, мы недосчитались одного олененка. Сейчас число новорожденных достигает уже шести, часть из них бежит за нартами, а более слабые едут на нартах, закутанные в шкуры. За ними присматривает Баишев. Бедный олененок отстал в пургу, и его мать напрасно кричала. Баишеву пришлось возвращаться обратно за потерянным олененком, которого он нашел в нескольких километрах от стана.

Нам можно наконец расстаться и с оленятами и с важенками. Здесь нас встретили эвены, у которых мы и оставляем их на попечении жены Баишева, худой и мрачной женщины в островерхой шапке и сборчатом кафтане. Она сурово управляет мужем; впрочем, и другие эвены иногда

обижали милого и простодушного старика. Он отводит душу только у нас в палатке, где, разомлев от жары и выпитого чая, долго рассказывает о событиях своей длинной жизни и о предстоящей дороге, тыкая пальцем в грудь и восклицая по-якутски: «Мин, Баисев, белем!» («Я, Баишев, знаю!»).

Наступило уже 1 мая, становится жарко, и наши сильно уставшие олени едва могут идти. В середине дня они начинают падать один за другим: сначала олень спотыкается и падает в упряжке, его поднимают, заставляют идти дальше, он падает опять, и так раза два-три. Наконец олень отказывается идти, его выпрягают, привязывают сзади к последней нарте, он идет так некоторое время, потом начинает качаться, как пьяный, и падает, не поднимаясь больше, несмотря ни на какие крики и побои,— даже если щекочут его нежные весенние мохнатые рога. Тогда его отвязывают и тащат за ноги к нарте проводника, с тем чтобы везти пассажиром до ближайшей стоянки. Несколько оленей нам приходится оставить: они слишком ослабели; эвены должны захватить их на обратном пути. Падают даже самые крупные олени из диких, как говорит Александр: «Самый дикий олень силы кончал».

Это производит сильное впечатление только на нас, но эвены находят это обычным и не унывают.

4 мая мы наконец входим в Оймякон. Здесь мало снега, и в самом селении приходится тащить нарты по земле. Тепло, и, по-видимому, наша мечта — дойти по зимнему пути до Колымы — совершенно неосуществима.

К истокам Колымы

В 1926 году мы приехали в Оймякон зимой. После тяжелой и долгой экспедиции он показался нам очень приятным местом, почти земным раем. Но весной Оймякон особенно хорош. На северо-востоке возвышается громада хребта Тас-Кыстабыт, еще покрытого снегом. Дно долины пестреет от пятен снега, начинают появляться фиолетовые прострелы, которые здешние жители называют тюльпанами. С колокольни старой церкви открывается обширный вид на долины Куйдугуна и Индигирки.

Нам отвели помещение старой церкви, которая превращена в клуб. В Оймяконе при четырех юртах постоянных жителей имелись две церкви, построенные когда-то местным богачом Кривошапкиным. При нас снимали кресты и купола со второй, «новой» церкви. В ней должны были поместить больницу.

Многое изменилось в Оймяконе: нет уже той ловкой компании дельцов и бандитов, которую мы нашли здесь в 1926 году, во главе исполкома стоят приехавшие из Якутска коммунисты, в больнице новый фельдшер.

В Оймяконе нам предстояло разрешить сложную транспортную задачу. Исполком старался достать нам оленей, но было уже поздно: снег стаял, эвены, которых мы еще застали в Оймяконе, собирались вернуться к себе в горы на восток; они категорически отказались везти нас на Колыму. Надо было организовывать вьючный транспорт.

Для нашего груза требовалось до пятидесяти лошадей. Такое количество обычно в Оймяконе достать можно, но в этом году много лошадей должны были послать для доставки продовольствия из Охотска, которое не успели привезти по зимнему пути. Поэтому исполком не мог разрешить нам нанять и увести с собой так много лошадей.

В это же время в Оймяконе производилась закупка лошадей для Сеймчанского района (верховья Колымы). Из Оймякона должны были пойти порожняком в Сеймчан до восьмидесяти лошадей. После долгих переговоров мне удалось убедить уполномоченного по закупке дать нам этих лошадей, с тем чтобы перевезти наш груз до Колымы. При этом я должен был взять на себя обязательство, что доставлю лошадей целыми и невредимыми до Сеймчана и буду отвечать не только за павших, но даже за похудевших лошадей и уплачу за них наемную плату.

В течение нескольких дней мы производили приемку и клеймение лошадей. Я должен был осмотреть всех лошадей, выяснить их болезни и определить, какая из них в полном теле, какая в среднем, в плохом, и занести все это в акт. Каждый из продавцов, приведших лошадей, старался доказать, что его конь самый лучший, и заставлял его скакать и бегать, несмотря на преклонные иногда годы несчастного животного.

Наконец лошади были отобраны, заклеймены и весь табун перегнан на другой берег Куйдугуна.

На следующий же день лошади разбежались, и прошло два или три дня, пока их собрали опять.

Долгие дни ожидания в Оймяконе мы использовали на перепаковку нашего груза, заготовку вьючных седел и потников. У нас не было с собой кошмы, и нам пришлось заказывать якутские «бото» из сена и покупать арчаки (деревянная основа седла). Одновременно приводили в порядок наблюдения и проявляли многочисленные фотоснимки.

Во время нашего предыдущего пребывания в Оймяконе я тщетно пытался узнать, проходимы ли верховья Колымы на лодке. Оймяконцы рассказывали, что недалеко от верховьев Колымы находятся страшные пороги, по которым никто никогда не мог проплыть. В этом году мне удалось найти якута, который в молодости был на Колыме и несколько раз сплыл на плоту через эти пороги. По его словам, весной по большой воде через пороги можно проплыть на плоту. На лодке это сделать невозможно: валы очень высоки и зальют любую лодку. Другой оймяконец, который проезжал по верховой тропе вблизи порогов, рассказывал, что в узком ущелье вода падает со страшным шумом и в русле видны громадные камни.

Так мы и не могли узнать, можно ли плыть со всем грузом с самых верховьев Колымы. Пришлось организовать наш переезд таким образом, чтобы караван вышел к устью Дебина или Таскана — больших левых притоков Колымы, находящихся в 500—600 километрах от Оймякона. Я предполагал, как только мы достигнем такого места Колымы, где будет возможно плавание на лодке, отправить караван с Салищевым, а самому поплыть вниз на складной байдарке, которую мы везли с собой.

Верховья Колымы до нашей экспедиции изображались на картах только по расспросным сведениям. Они были нанесены очень схематично, река имела почти прямолинейное направление. В 1926 году мы получили в Оймяконе от местного жителя Малкова карту, составленную им вместе с бывшим псаломщиком оймяконской церкви Шариным. Шарин в течение восьми лет, покинув церковную службу, торговал с эвенами в верховьях Колымы и благодаря этому мог составить очень интересную карту, которая, как выяснилось потом, довольно точно изображала действительное расположение рек и хребтов.

В Оймяконе трудно было найти проводников, знающих дорогу к устью Дебина, и достаточное количество погонщиков для нашего большого каравана. Только к концу мая удалось нанять почти полный комплект.

Нам хотелось выступить раньше, но долго пришлось ждать, пока пройдет лед и затем пока спадет вода. Лишь в последних числах мая вода в Куйдугуне упала настолько, что можно было перегнать лошадей вброд.

30 мая перевозчик, который состоял при казенном перевозе через Куйдугун, прибежал к нам в страхе и сказал, что вода в Куйдугуне начинает подниматься и необходимо немедленно переправляться, иначе течение будет слишком бурное и переправа станет невозможной.

30 и 31 мая мы перевозили груз через Куйдугун и ждали на другом берегу, пока соберут всех лошадей. Вода в Куйдугуне быстро и непрерывно падала, и, закончив работу, перевозчик поспешил скрыться, потому что с этого дня можно было уже смело переезжать реку вброд, и если бы не его хитрость, то ему не пришлось бы взять с нас перевозную плату!

За рекой мы собрали лошадей и отправили с грузом к следующей переправе через Индигирку, в 15 километрах к востоку.

Долина Индигирки у Оймякона широка и покрыта большими кочковатыми лугами и перелесками лиственницы, а возле самой реки — зарослями тополей и тальников.
Зеленая трава только начинает пробиваться, и, чтобы очистить луга от прошлогодней сухой травы, якуты ее зажигают. Со всех сторон видны столбы дыма, и трудно найти нетронутое пастбище.

Индигирка у места переправы против Оймякона уже большая река, с очень сильным течением. Весь груз надо перевезти на ветках. Лошадей перегоняют вплавь, и утром 2 июля мы уже стоим на правом берегу Индигирки.

Следующие 100 километров проходим вдоль реки в пределах Оймяконской долины, в которой кое-где раскиданы редкие якутские юрты. Мы идем по обширным лугам между приречными лесами Индигирки и подножием хребта Тас-Кыстабыт. С самого же начала громадные размеры нашего каравана (вместе с лошадьми, принадлежащими проводникам, с нами было до девяноста голов) причиняют нам много хлопот. Лошади на стоянках все время убегают, и поиски их продолжаются весь день, так что мы выступаем иногда в шесть часов вечера и идем ночью. Иногда один из проводников остается на старой стоянке, чтобы отыскать какую-нибудь особенно хитрую лошадь.

На второй день пути по Индигирской долине мы достигаем устья Хатыннаха, небольшого правого притока, вытекающего из хребта Тас-Кыстабыт. По этой речке когда-то поднимался Черский, чтобы перевалить через хребет и попасть в бассейн Неры.

Еще через два дня мы дошли до верхнего конца Оймяконской долины, где находится громадный тарын, до пяти километров в поперечнике. Здесь Индигирка собирается из нескольких речек. Нам надо подняться по правым верховьям Индигирки, выходящим из хребта Тас-Кыстабыт.

Выше тарына стоит одинокая юрта «последнего жителя». На северо-востоке Якутии, где якутами в то время были

населены только долины крупных рек, а пространства между ними шириной в несколько сот километров посещались только кочевыми эвенами, каждое встреченное на пути жилье приобретало большое значение. От одной жилой юрты, где можно остановиться путнику, до другой расстояние иногда достигало 500 километров. «Последний житель» Оймяконской долины был очень беден.

От этой юрты мы двигаемся на юго-восток, пересекая наискось широкие долины речек, вытекающих из Тас-Кыстабыта. Сам хребет тянется на северо-востоке высокой стеной, покрытой еще остатками зимних снегов.

На первой же стоянке, у подножия Тас-Кыстабыта, утром опять недосчитываемся шести лошадей. Они убежали обратно в Оймяконскую долину, где трава была им больше по вкусу. За ними едут проводники. Но уже с десяти часов утра в той стороне, куда они уехали, мы увидели густые клубы дыма. Это загорелись от брошенной ими спички сухие луга. Сначала мы ждем спокойно, думая, что речка, отделяющая нас от пожарища, предохранит караван. Но вскоре загорается лес вблизи самой реки, и затем пожар начинает перекидываться на наш берег. В густом дыму приходится спешно вьючить караван, и едва-едва мы успеваем выйти из приречного леса, как он загорается. Когда мы переваливаем долину следующей речки, пожар захватывает уже всю широкую долину между холмами перевала и передовой цепью хребта Тас-Кыстабыт.

Проводники вернулись часа через два после начала пожара, объехав его кругом, и отнеслись очень равнодушно к нашим переживаниям. Для них это было самое обыкновенное происшествие; они даже считали, что сделали хорошее дело: после пожара новая трава будет лучше расти.

Мы переваливаем в долину большой речки Баягап-Юрях с рядом тарынов. Совершенно неожиданно верховья реки переходят в плоскую долину на противоположном склоне хребта. Оказывается, что Баягап похитил часть речек, текших по другому склону хребта, и выходит своими верховьями уже на северо-восток. Я думал, что после перевала мы попадем в бассейн Колымы, но оказалось, что перед нами расстилаются верховья Неры — большого правого притока Индигирки, впадающего значительно ниже Оймякона; мимо устья Неры, как вы помните, мы проплыли в 1926 году на лодке.

Северо-восточное подножие Тас-Кыстабыта полого падает к широкой долине, за которой на горизонте тянется

обширное, очень низкое и плоское плато. Только километрах в двухстах за ним видна в дымке цепь снеговых вершин, уходящих на северо-запад. Это передовые цепи хребта Черского.

Значит, здесь, так же как и в верховьях Эльги, хребет Черского отделяется от южных цепей обширным плоскогорьем.

Но не только Баягап обкрадывает верховья Неры: с другой стороны к ней подобрался один из истоков Колымы, Аян-Юрях, и похитил у Неры и озеро на перевале, и большую долину, в которой мы останавливаемся на ночлег. Эта речка называется Борочук, в честь какого-то легендарного топографа, проезжавшего здесь много лет назад и поставившего «столб». Ни в одном из отчетов о прежних экспедициях нет упоминания об этом топографе. Единственный путешественник, проезжавший по этой дороге до нас, — это сотник Березкин, который в 1901 году прошел с Охотского побережья в верховья Колымы и отсюда в Оймякон в поисках путей для грузов, предназначенных для снабжения края. Березкин в своей краткой статье описывал бесконечные болота, по которым ему приходилось идти, и широкие болотистые долины между горами. Он жаловался, что иногда целые десятки километров не найдешь места, чтобы поставить палатку,— так мокро и топко везде.

Несмотря на раннюю весну, уже и сейчас начинают появляться кое-где болота, и, когда мы с рабочим едем в сторону от тропы, вверх по Борочуку, чтобы проникнуть в среднюю группу хребта Тас-Кыстабыт, наши лошади часто проваливаются на топких берегах ручьев.

Выше границы леса горы еще покрыты снегом, но между пятнами снега уже появились первые цветы — низкорослые желтые рододендроны. Мы поднимаемся на гору, с перевала видим наконец долины речек, текущих в Аян-Юрях — левый из истоков Колымы.

Что-то готовит нам эта река? Как мы пройдем ее пороги и далеко ли они?

К вечеру спускаемся в верховья Аян-Юряха и двигаемся по следам каравана, который оставил после себя широкую полосу разбитой ногами лошадей болотистой почвы. Нас догоняет самый энергичный из наших проводников, Василий Скрыбыкин. В этот день, как обычно, утром мы недосчитались нескольких лошадей, и он оставался их искать. Но когда Василий нашел последнюю лошадь и собрался гнать ее вслед за караваном, к покинутому стану подошел медведь. Человек и зверь долго сиде-

ли друг против друга у потухшего костра, не решаясь двинуться. Скрыбыкин был без оружия, с одной только нагайкой, а медведь, наверно, был очень любопытен.

В течение нескольких дней мы идем по Аян-Юряху среди мелкогорья, лежащего у северо-восточного подножия Тас-Кыстабыта; долина реки все больше расширяется, скоро сама река принимает значительные размеры, и брод через нее становится опасным.

В 67 километрах от верховьев в Аян-Юрях впадает большой приток Эелик. Здесь, на краю большого веселого луга, у речных зарослей, стоит первая юрта — якута Николая Сивцова. Старик Николай принимает нас очень гос-

теприимно и после долгих переговоров соглашается сопровождать меня в ветке на протяжении 100 километров до большого якутского поселения Оротук. Сам он до порогов летом не доходил, но говорит, что внизу мы встретим знаменитого проводника Степана, который плавает через пороги.

Через пороги к Таскану

На следующий день мы расстаемся с караваном. Он под начальством Салищева пойдет по левому берегу Аян-Юряха, а мы с переводчиком Говязиным и стариком Сивцовым поплывем вниз. В ветку Сивцова мы нагружаем более объемистый груз, а сами садимся в складную байдарку. Нос и корма байдарки закрыты брезентом, точно так же может быть закрыто резиной все остальное открытое пространство, и в этой лодочке не страшны никакие волны. На носу есть даже петля, в которую можно вставить флаг, и нередко мой спутник вставляет в нее букетик весенних цветов.

Сивцов плывет впереди на своем кривом челноке. Он охотно называет нам все реки и долины, причем, когда у него не хватает названий, он придумывает новые в честь своих родственников. Вскоре на нашей карте появились Андрюшка-Юрях, Дарья-Юрях и другие («юрях» — по-якутски река, речка).

От Эелика Аян-Юрях уже довольно большая река, но все еще с мелкими протоками, быстрым течением и корягами, торчащими из воды. На нашей легкой лодочке мы быстро несемся вперед и несколько раз встречаемся с караваном, который тянется по тропе вдоль левого берега.

Вблизи устья Эмтегея на левом берегу и ниже его на правом Сивцов показывает нам рощи лиственниц, где казаки строили лодки для сплава по Колыме. Нижнее из этих мест носит название Ыстаннах (искаженное «станок»).

Верхнее течение Колымы до 1929 года было совершенно неизвестно географам, но простые русские люди бывали здесь давно. В XVIII веке по Колыме плавали казаки. Память об этих путешественниках сохранилась лишь в архивах, а жители верховьев Колымы помнят только, что когда-то сплавлялись по Колыме два паузка (большие лодки) с хлебом и что они разбились на порогах. После этого сплав был прекращен.

На старых картах в верховьях Колымы значится «Плотбище», а у Черского показаны здесь «Хлебные магазины». Но нигде в литературе нельзя было найти сведений об этих «плаваниях», и даже Майдель подвергал сомнению существование «Плотбища» и предполагал, что оно выдумано картографом.

Экспедиции Наркомвода в 1928—1929 годах удалось в архивах Якутска, Колымска и Иркутска собрать сведения об этих древних перевозках. Они начались в половине XVIII века и продолжались до начала XIX века. Хлеб и другой провиант завозился вьюками из Якутска в верховья Колымы через Оймякон. Сюда приезжали из Нижне-Колымска казаки, строили паузки и сплавляли на них грузы.

Казаки сначала ездили в верховья Колымы кружным путем: с низовьев Колымы на запад, в Зашиверск, оттуда вверх по Индигирке до Оймякона. Потом стали ездить более прямой дорогой через Верхне-Колымск, минуя Оймякон. Они привозили с собой железные части, необходимые для постройки судов. Ежегодно для трех-четырех судов требовалось до сорока человек сплавщиков. Вместе с зимним путем сплав занимал больше полугода. Это настолько тяготило колымских казаков, что они постоянно старались избавиться от тяжелой повинности; и поэтому когда установился вьючный путь через Верхоянск, то опасный путь по Колыме забросили настолько, что даже перестали сплавлять грузы по судоходной части реки ниже Средне-Колымска. Кроме старика Сивцова, на Аян-Юряхе почти никто и не слыхал о прежних плаваниях.

В верховьях Аян-Юряха на расстоянии 20—30 километров одна от другой были раскиданы якутские юрты. Это большей частью бедные жилища. Пастбища в этих местах довольно обширные и на них можно развести много скота.

Якуты появились в верховьях Колымы сравнительно недавно, лет сто тому назад. Сначала они поселились в урочищах Оротук и Таскан, а потом уже из этих двух центров стали расселяться вверх и вниз по течению реки.

На устье речки Лошкалах (от русского «ложка») мы еще раз встречаемся с нашим караваном, отдаем собранные образцы горных пород и плывем дальше. Тотчас ниже Лошкалаха нас ожидает неприятное приключение. У ближайшего утеса Сивцов свертывает в сторону, в мелкую протоку, а мы, не желая перетаскивать байдарку через перекаты, обдирающие ее дно, плывем прямо к утесу. В быстрине нас подхватывает крупная волна и моментально заливает байдарку почти до края (мы не затянули ее резиной сверху). Это опаснее, чем для простой лодки: байдарка тотчас должна потонуть. Но берег недалеко, нам удается выбиться к нему. Перевернув байдарку и вылив из нее воду, мы отправились дальше.

Несколько ниже Лошкалаха в Аян-Юрях слева впадает большой приток Бёрёлёх. Он берет начало в хребте Черского и сходится своими верховьями с истоками Неры. От устья Бёрёлёха мы увидели на востоке отдельные высокие горные группы и короткие цепи.

Как бы боясь вступить в эти мрачные горы, Аян-Юрях уходит на юго-восток. Немного ниже Бёрёлёха он сливается с Кулу (Кулу — истинное название Колымы; когда-то всю реку — до появления здесь якутов и русских — эвены называли Кулу).

От устья Кулу долина Колымы все расширяется, и островов и проток становится больше. Поселения якутов все еще редки: до Оротука я насчитал только три юрты.

Весь день мы плывем в своих маленьких лодочках. Я задерживаюсь возле утесов, осматриваю их, отбиваю образцы. Вечером выбираем удобную отмель и останавливаемся на ночлег. Ставим свою маленькую палаточку с затягивающимся в виде мешка входом. Как приятно залезть внутрь, затянуть вход и избавиться наконец от комаров, которые весь день так жестоко преследуют нас!

20 июня мы подплываем к Оротуку. Тогда это был главный центр всей Верхней Колымы, в нем насчитывалось до двадцати юрт. Все они расположены, как обычно якутские поселения, в стороне от реки.

В Оротуке Сивцов нас должен оставить, и мы ищем проводника через пороги. Как раз в это время сюда приехал знаменитый Степан Дягилев — знаток порогов. К вечеру он приходит к нам на берег. Это очень черный и мрачный

якут высокого роста. К предложению спустить нас по порогам он относится без особого восторга. Степан рассказывает, что спускался по порогам только один раз по весенней воде на плоту и не знает, можно ли пройти их на лодке. Он предлагает нам лучше сделать плот и спуститься на нем, а если это будет невозможно, то объехать пороги на лошадях.

Мы решаем плыть с ним вместе до его юрты, находящейся немного выше порогов, и там выяснить, как двигаться дальше.

В присутствии посторонних старик Сивцов держит себя необыкновенно важно. Он вдруг начинает говорить со мной по-русски, но, к сожалению, понять ничего невозможно. Когда-то он был в Средне-Колымске и выучил несколько искаженных русских слов. Особенно он любит говорить слова «немчик» (ямщик), «модалах» (модный) и «страсть» — это любимое слово колымчан, которое они часто употребляют в смысле «очень», «сильно», «ужасно».

Кроме Степана я нанимаю в Оротуке еще одного молодого парня, Михаила Протопопова, который берется провести нас от порогов до устья Таскана и дальше до Сеймчана.

На следующий день отправляемся на Оротук. Мы двое по-прежнему в байдарке, а Степан с Михаилом и еще третьим спутником на плоту. Степан везет с собой покупки, продовольствие и какие-то железные предметы. Он кузнец и приезжал в Оротук, чтобы сдать и получить заказы; теперь он везет их вниз за 200 километров, а через несколько месяцев привезет обратно заказчикам. Его плот настолько мал, что пассажирам приходится стоять над грузом, раздвинув ноги.

Тотчас ниже Оротука Колыма вступает в извилистое ущелье. Она начинает прорезать здесь южный конец хребта Черского.

Оказывается, что хребет Черского от Улахан-Чыстая вытянут не на восток, как я предполагал в 1926 году, а на юг, параллельно Верхоянскому хребту, и распадается здесь на короткие отдельные гряды. Здесь нет уже мощных непрерывных больших цепей, как на Индигирке; они размыты, уничтожены выветриванием, и остались только группы гор, разделенные долинами. Но группы эти все еще высоки.

Ущелье ниже Оротука проложено рекой в гранитных горах. Громадные темные осыпи спускаются по склонам. Кое-где сохранились от выветривания столбы гранита, так называемые кигиляхи (от слова «киги» — человек).

Берег реки завален громадными глыбами гранита. Здесь нет еще порогов, только небольшие стремнины, громадные камни у берегов и быстрое течение.

На второй день мы выходим из ущелья на юг, к расширению устья правого притока Колымы — Тянкя, где тогда было небольшое поселение якутов.

Тотчас ниже устья Тянкя Колыма уходит на север, опять прорезая тот же гранитный массив. Здесь уже появляются первые шиверы *, предвестники будущих порогов, пока еще не очень опасные. Ниже ущелья — новое расширение с более низкими горами. Несколько якутских юрт ютится в урочище Санга-талон.

И на юг и на север от Санга-талона возвышаются отдельные горные массивы. Самый красивый из них — это Большой Ангачик, тянущийся в виде гребня, перпендикулярного к реке. Не только в крутых цирках между вершинами, но даже на пологом подножии этой цепи лежит еще снег. К сожалению, время не позволило пробраться поближе и сфотографировать изумительные пики и скалы этого гребня.

Ниже Большого Ангачика Колыма идет по узкой долине, часто по ущелью, окруженному обрывами высоких террас; подобных тем, которые мы видели на Индигирке.

В одном из маленьких расширений этой узкой долины, на террасе среди темных лиственниц, расположена юрта Дягилева. Здесь мы останавливаемся для ночевки. Скрепя сердце Дягилев соглашается сплавить нас вниз через пороги не на плоту, а на лодке. Для груза он продает нам одну из своих долбленых душегубок, немножко кособокую.

До начала порогов Колыма идет в таких же мрачных ущельях. Начались дожди, тучи спустились низко и закрыли всю верхнюю часть гор. Нам приходится остановиться перед началом порогов: Степан не решается начинать спуск во время дождя.

На следующее утро дождь не прекращается, и наша палатка, которая слегка протекала, постепенно наполняется водой, заливающей вшитый наглухо пол.

Только в полдень Степан решается выступить. В нескольких километрах ниже начинается ущелье порогов. При входе в него с одной стороны гранитные башни, носящие название «Ампартас» («амбар-камень»), а с другой, на устье бурного ручья, с пеной скатывающегося по крутому руслу,— большая наледь.

---

* Шивер — галечный, каменистый перекат на реке, поперечная каменная гряда.— *Прим. ред.*

Ниже первого порога Степан решает заночевать: все еще идет дождь и он боится идти дальше. Весь вечер мы сидим у костра, греясь и просушивая одежду, а Степан рассказывает нам о своих похождениях. Особенно живописен рассказ о встрече с медведем. Медведь напал на него, когда с ним был только нож, с которым якуты никогда не расстаются. Медведь схватил Степана за плечо, но он догадался схватить медведя левой рукой за морду, затем вытащил нож и заколол его. Степан изображает чрезвычайно живо, как медведь вытягивал губы и хотел схватить его за лицо. В доказательство Степан завертывает рукав рубашки и показывает шрам на левом плече.

Утром погода становится лучше, и мы проходим остальные пороги. Степан с Михаилом и третьим помощником, маленьким стариком якутом, переносят груз по берегу и затем осторожно проводят душегубку между прибрежными камнями.

Ущелье, где лежат пороги, Колыма проложила в высоких гранитных горах с большими осыпями, и лишь кое-где среди осыпей торчат останцы — кигиляхи. Подножие гор у воды завалено громадными глыбами гранита, но все же вдоль реки можно пробраться пешком.

Порогов всего пять, и между ними несколько шивер. Они расположены на протяжении 10 километров, и промежутки со спокойной водой очень незначительны. Самые скверные из этих порогов — первый и пятый: здесь река очень узким потоком ударяет о правый берег и затем поворачивает вдоль него, образуя громадные валы. Вдоль левого берега остальная часть реки перегорожена гранитными глыбами, торчащими из воды. Эти два порога для больших лодок опасны: вдоль левой стороны на лодке из-за камней нельзя спускаться, а вдоль правой течение несет лодку на утесы и отгрестись от них очень трудно. В маленькой же лодке соваться в большие валы и вовсе опасно — зальет.

Мы проводим лодку Степана вдоль левого берега. Байдарку я спускаю в некоторых порогах по главной струе. Но так как валы слишком велики и могут перевернуть ее, я проскальзываю на краю струи. В первом и пятом пороге приходится держаться все же ближе к левому берегу.

Ниже последнего порога мы ночуем. Впереди остается одна шивера, и Степан должен был нас провести назавтра через нее. Но утром, когда мы просыпаемся, Степана и его спутника нет. Куда же они исчезли? Михаил так же проспал, как и мы, и ничего нам не может объяснить. По-видимому, Степану надоело возиться с нами, и он

решил лучше оставить недополученную часть условленной платы, чем терять еще день. Через последнюю шиверу мы благополучно спустились сами.

Ниже порогов Колыма выходит из последнего гранитного массива в широкую долину. Справа впадает большой приток Бохапча.

Над галечником на устье Бохапчи на одной из лиственниц белеется затес. Мы с любопытством выскакиваем посмотреть, что это такое. На затесе надпись — письмо, настоящее письмо, адресованное мне! Это первая весточка от экспедиции геолога Ю. Билибина, которая в прошлом году начала работать на Колыме. Билибин просит определить астрономический пункт на устье Бохапчи. Но это невозможно, так как Салищев идет с караваном где-то далеко на севере, в горах.

От устья Бохапчи Колыма течет в одном русле, без островов, в широкой долине. Только от устья следующего большого притока, Дебина, начинаются снова острова, покрытые строевым лесом, лиственницей и тополем. До сих пор, начиная от самого Оротука, в узких ущельях Колымы мы не видели другого леса, кроме плохой горной лиственницы, растущей на склонах. Редко-редко попадался белый стволик березы.

Дебин течет в такой же широкой долине, как и Колыма. Когда мы выезжали из Оймякона, предполагалось, что караван выйдет к устью Дебина. Но потом выяснилось, что Сеймчанская тропа — единственный путь в этом районе — пересекает Дебин слишком далеко от устья и пройти по нему вниз почти невозможно из-за больших болот. Другой вариант — идти по тропе вдоль левого берега Колымы, огибая пороги по боковым долинам,— еще более труден из-за тяжелых перевалов. Поэтому пришлось отнести место встречи с караваном еще дальше на восток, к устью следующего большого притока Колымы — Таскана.

Устье Таскана должен показать нам наш новый проводник — Михаил Протопопов, которого мы взяли с собой из Оротука. Это маленький, очень медлительный и флегматичный якут, который уже от самого устья Бохапчи стал обнаруживать полное незнание местности. Между тем найти устье какой-нибудь реки здесь бывает часто довольно трудно из-за множества островов. Никогда не знаешь, что это — река или только протока. У нас была с собой карта Шарина, полученная в Оймяконе, и мы надеялись с ее помощью как-нибудь отыскать устье Таскана, так как против него находился длинный узкий хребет Басыканья.

Я предлагаю перейти на левый берег и идти по самым крайним протокам; Михаил успокаивает меня, говоря, что до устья Таскана еще далеко, не менее 10 километров.

Но вскоре после того, как мы все-таки по моему настоянию подошли к левому берегу и поплыли вперед, отыскивая левую протоку, Михаил, плывший на своей ветке отдельно, стал вдруг кричать, что из протоки выходит вода другого цвета и что, может быть, Таскан остался позади. Он пробует выйти на берег и пройти немного влево, но там только непроходимая болотистая тайга.

Мы плывем еще немного дальше, пока река не подходит опять к подножию Басыканьи. Я взбираюсь на несколько сот метров по ее склону, и передо мной открывается широкая плоская долина Таскана, уходящая на север, в леса; кое-где блестят изгибы реки. Далеко на северо-востоке лежит высокая скалистая гряда, отделяющая Таскан от Сеймчана,— это последняя восточная цепь хребта Черского — Туоннах.

Надо возвращаться обратно. Мы понуро впрягаемся в бечеву и тащим свои лодки вверх по течению. Пришлось тащить шесть километров, пока мы добрались до той протоки, из которой выходила светлая вода.

Только мы останавливаемся передохнуть, как неподалеку раздается стук топора. Говязин хватает ружье и несколько раз стреляет. Сейчас же в ответ совсем близко раздаются выстрелы, и через несколько минут из-за тальников показывается ветка. Но это не наши спутники. В лодке сидит уполномоченный, от которого мы принимали лошадей в Оймяконе, и два незнакомых якута. Оказывается, что наш караван не мог дойти до устья Таскана из-за отсутствия дороги и болот и остановился в 20 километрах выше. Один из якутов послан на устье Таскана, чтобы караулить нас здесь и показать дорогу до стоянки.

Утром якуты сделали плот из сухих тополей, связали его ветками тальника, и уполномоченный вдвоем с одним из якутов отплыл в Среднткан, а мы потянули свои лодки вверх по Таскану.

После Колымы Таскан кажется нам очень маленьким, хотя это довольно большая речка, достигающая 300 километров длины. Подниматься по ней очень трудно: все время встречаются мелкие острова, покрытые тальником, быстрые протоки, заломы, мешающие подниматься как бечевой, так и на шестах. За весь день мы не могли пройти 20 километров, которые отделяли нас от стоянки каравана.

Караван остановился вблизи последней юрты тасканских якутов. Главное их поселение, составляющее четырнадцать юрт, расположено в нескольких десятках километров выше по реке, где есть большие луга. Здесь же, в глухой тайге, поселилась семья братьев Сивцовых. Возле их юрты Салищев и расположился для определения астрономического пункта.

Путь нашего каравана по Сеймчанской тропе, которая срезает большое колено Колымы к югу, между устьем Бёрлёха и Таскана, был очень труден. По-прежнему приходилось все время вести борьбу с лошадьми. Ямщики ни за что не хотели путать лошадей, да это было и почти невозможно: в Оймяконе мы не могли достать достаточного количества волосяного аркана для пут, а делать вервочные путы в болотах очень опасно — мокрые путы стягиваются и портят лошадям ноги. Поэтому проводники предпочитали отпускать лошадей на свободу и утром отыскивать их по следам. Пятнадцать худших лошадей, самых сухих, шли без груза, и их гнали маленьким табуном, который все время разбегался по сторонам или по боковым тропинкам в поисках лучшего корма. Иногда часть этого косяка убегала совсем.

Большею частью караван выступал только после полудня, и кто-нибудь из проводников еще оставался позади, чтобы отыскивать убегавших лошадей.

Начали таять болота. Когда мы вышли из Оймякона, они были еще крепкие и легко проходимы, а к началу июля оттаяли совершенно. Пошли дожди, и передвижение день ото дня становилось труднее. Наконец появилось множество комаров и слепней.

На берегу Таскана мы выбрали место с достаточным количеством строевого леса и с удобной площадкой для постройки большой лодки. Мы хотели построить большую лодку, которая подняла бы больше трех с половиной тонн груза, привезенного караваном. Михаил Перетолчин, наш главный судостроитель, остановился на ленском типе лодки — большая плоскодонная посудина с острым носом и кормой. Длина ее должна была равняться десяти метрам, а ширина — трем. Для лодки надо заготовить длинные доски и целый ряд упругов (шпангоутов). Для упругов Михаил отыскал среди принесенного водой леса на берегу реки подходящие кокоры (так называют корни деревьев вместе с нижней частью ствола).

Для пилки досок мы захватили с собой продольную пилу, но первый же опыт показал, что в это время года пилить лиственницу продольной пилой очень трудно: дерево

слишком вязко из-за обилия смолы. Можно пилить только тополя, легкие и хрупкие, доски из которых решили ставить вперемежку с лиственничными для облегчения веса лодки. Больше половины досок пришлось вытесывать первобытным путем: дерево раскалывали вдоль клиньями и затем каждую половину обтесывали — получались две толстые доски.

Вся эта работа сейчас, в самую жаркую пору, довольно тяжела, тем более что из-за тучи комаров, которые не дают нам ни минуты покоя, приходится работать все время в сетках-накомарниках и в толстых рубашках. Давно уже стоит сухая погода. Уровень воды в реке падает, и мы каждый день с ужасом думаем о том, что до осени, может быть, нам не удастся выбраться из Таскана из-за мелководья.

На «верфи» сначала появляется большое толстое бревно — киль, к которому присоединяются вскоре изогнутые кокоры на носу и корме. Затем к ним прибиваются поперечные упруги (шпангоуты), сделанные из корней лиственницы. После этого упруги начинают обшивать досками. Потом появляются борта, и лодка почти закончена. Предстоит ее конопатить: лежа на спине, забивать паклю плоской конопаткой в пазы. После этого заваривают пазы варом и смолят лодку. Это самый ответственный момент.

Наконец наступает торжественный день 22 июля, когда лодку можно спускать. С большой осторожностью, под постоянные окрики Михаила, который боится, что слишком расшевелят лодку и лопнет вар, мы стягами спихиваем лодку со стапелей. Она соскальзывает и плывет.

К вечеру этого дня Михаил начинает опять волноваться. Вар вздувается пузырями и из-за жары плохо пристает, кроме того, в Якутске нам сделали его слишком жидким. Вода начинает выступать снизу сквозь пазы. Опять приходится вытаскивать лодку на берег и заваривать ее еще раз. И только через два дня мы наконец можем покинуть место нашей трехнедельной стоянки.

По Колыме до Средне-Колымска

Отплываем мы без проводника, потому что из-за горячей сенокосной поры никто не соглашается сопровождать нас до Средникана; якута Михаила, нашего неудачного проводника из Оротука, не было смысла везти дальше.

До самого устья Таскана проходим благополучно, сев на мель только три раза. К вечеру все препятствия реки как будто уже пройдены, и мы ночуем близ устья. Но на следующий день, едва отплыв от места ночевки, снова попадаем на необыкновенно широкий и мелкий перекат. Он тянется наискось через реку, и после того, как мы благополучно отгреблись от ее правого берега, основательно садимся на мель у левого.

Здесь нам суждено было провести весь этот день. Вскоре начинается проливной дождь, и до четырех часов вечера мы всячески стараемся протащить нашу громадную лодку через мель. Сначала поднимаем лодку стягами, потом заводим оплеухи — это две большие доски, привязанные одним концом к носу лодки, которые ставятся наискось к течению, с тем чтобы вода бросалась под лодку и поднимала ее. Ничто не помогает, и мы пробуем прорывать лопатами канаву в гальке для прохода лодки, но быстрое течение сейчас же заваливает ее снова. Наконец приходится прибегнуть к единственному верному способу — начать свозить груз на берег. После того как половина груза свезена и мы совершенно промокли, лодка наконец трогается. Пришлось остановиться тут же на берегу и сушиться у костра.

После этой ночевки мы выплыли на главный фарватер Колымы и двинулись дальше почти без приключений. От Таскана до Сеймчана Колыма течет в пределах последних восточных цепей хребта Черского. На реке довольно много островов, покрытых лесом, но долина ее сравнительно узка.

На второй день пути после Таскана по правому берегу реки в устье небольшой речки внезапно показалась палатка. Высадившись на берег, я вхожу в нее и вижу человека с большой бородой, сидящего на земле, поджав потурецки ноги в широких черных шлепанцах. В нем очень трудно узнать геолога Ю. Билибина, которого я видел до этого в Ленинграде в городской одежде и тщательно выбритым.

Билибин со своей экспедицией приехал в предыдущем году с Охотского побережья на Колыму. Здесь его четыре партии работали зимой. Весной он отправился вверх по Бохапче, чтобы доставить сплавом по ней продовольствие, недостаток в котором зимой остро чувствовался. Бохапча, так же как и Колыма, пересекает гранитные массивы хребта Черского и образует множество порогов, поэтому сплав по ней даже по весенней воде довольно труден. Билибин уже кончал свои геологические исследования и осенью

должен был выехать на Охотское побережье. Я привез ему совсем «свежие» письма, написанные в январе, но это была первая почта, которая вообще пришла к нему, с тех пор как он выехал полтора года тому назад из Ленинграда.

На следующий день у левого берега показалась тяжело нагруженная лодка с несколькими сотрудниками Билибина и двумя собаками. Люди имели очень странный вид: одеты в широкополые шляпы, высокие резиновые сапоги с раструбами на голенище, ковбойские рубашки; у некоторых на шее были повязаны яркие платки, у других головы были обвязаны цветными платками.

Вместе с рабочими прибыли две собаки — два сеттера. Мы невольно с горечью еще раз вспомнили нашу собаку, якутскую лайку Чонку, которая только вчера пропала. Она шла с нами все время — и зимой, через снег и наледи, и летом, через горы, тайгу и болота, но, когда мы построили лодку и пробовали посадить в нее собаку, она ни за что не соглашалась. Ее втаскивали в лодку на веревке, но собака вырывалась со страшным воем. Пришлось отпустить ее бежать по берегу. Каждый раз, когда лодка отходила от одного берега к другому, Чонка переплывала вслед за ней Колыму. И вот вчера Чонка бесследно пропала. Утонула ли собака, переплывая реку, или не могла нас найти и потерялась в тайге — неизвестно.

Мы угощаем приезжих рыбой. С нами ставная сеть, и почти каждый день в нее попадается несколько рыб. Как раз накануне Михаил добыл штук двадцать чукучанов. Это довольно смешная рыба, с длинной мордой и с круглым ртом, с присосками, расположенными на нижней стороне головы. Рыба эта встречается только в Северо-Восточной Сибири. Ее ближайшие родственники живут в Китае, а большое число видов — и в Северной Америке. Она принадлежит к представителям животного мира, общим для Восточной Азии и Северной Америки и доказывающим существование в области Берингова пролива твердой земли, связывавшей раньше оба материка. Хорошо, что эта рыба не успела проникнуть дальше к нам на запад,— в ней ужасно много костей!

Через два дня после встречи с Билибиным мы достигли наконец реки Средникан. На устье этой бурной речки стоит амбар и несколько палаток, а у берега — те паузки, на которых недавно Билибин приплавил продовольствие по Бохапче. Само поселение, возникшее только три года назад, находится выше по реке.

Немного ниже Средникана впадает справа большой при-

ток Колымы — Буянда. Отсюда начинается среднее течение реки. Хребет Черского остается позади, долина расширяется, река разбивается на множество проток. Это Сеймчан — благодатное место с тучными лугами, но, как обычно, луга эти перемежаются с кочковатыми болотами и летом здесь много комаров.

Самый Сеймчан — поселение, состоящее из двух десятков юрт, раскиданных далеко в стороне от реки на лугах и у маленьких озер поймы. Среди них заброшенная церковь и бывший дом священника, используемый теперь под склад для кооперативных товаров.

Мы задерживаемся в Сеймчане, чтобы поставить на свою лодку брезентовый верх, который избавил бы нас от необходимости ежедневно терять время на разбивку палаток. Кроме того, ставим мачту и налаживаем парус, чтобы облегчить плавание в нижней части реки, где предстоит плыть по большим плесам с тихим течением и с сильными ветрами. Уже в Среднекане досужие болтуны пугали нас, что вниз по Колыме плыть на нашей лодке очень опасно, что нужны борта не меньше метра высотой, потому что ветер разводит очень сильные волны, особенно вблизи утесов, где он дует с большой силой. Но, как бывает часто, рассказы оказались баснями, и наша лодка превосходно дошла до Средне-Колымска.

Из Сеймчана видны на западе высокие гребни цепи Туоннах. Отсюда кажется, что цепи хребта Черского уже все ушли на юг, к Охотскому водоразделу. Что же простирается на восток? Колымские ли горы, нарисованные на карте, идущие на север между Колымой и Омолоном, или какие-то новые хребты, параллельные Охотскому водоразделу, как я предположил в 1926 году? Пока на востоке видно только волнистое плато с округленными вершинами.

Мы пробыли в Сеймчане два дня в поисках проводников. Опять никто не хочет ехать с нами: сейчас пора сенокоса. Приходится плыть дальше снова одним.

На повороте реки ниже Сеймчана вдруг раздается характерный звук мотора. Сначала не видно ничего ни на небе, ни на воде, ни в лесу. Затем из-за поворота показывается моторный катер. Это экспедиция Наркомвода, которая работает второй год на Колыме; часть сотрудников сейчас возвращается домой через Среднекан на Олу. Их катер — первый, поднявшийся в среднее течение Колымы; до сих пор катера доходили только до Верхне-Колымска.

Ниже Сеймчана на протяжении почти ста километров Колыма течет в северо-восточных предгорьях хребта Чер-

Определение астрономического пункта на берегу Алдана

►

Наледь в Верхоянском хребте

►

Индигирка в хребте Черского

►

Бутара для промывки песка

►

В северных цепях хребта Черского

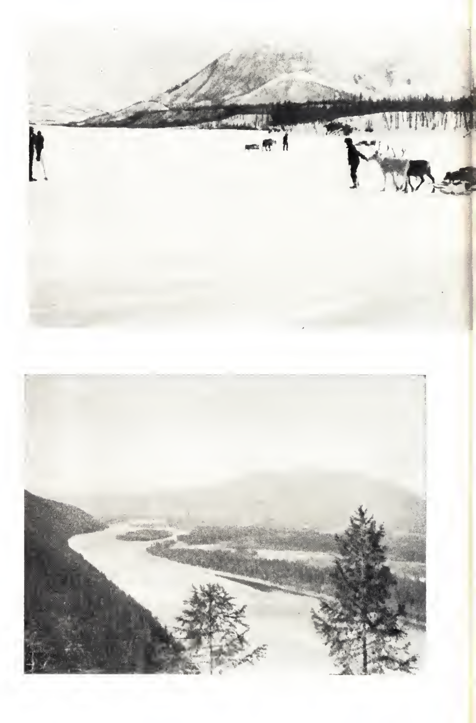
Определение астрономического пункта

◄

Тяжелый подъем в ущелье реки Хандыги

Подъем на Верхоянский хребет

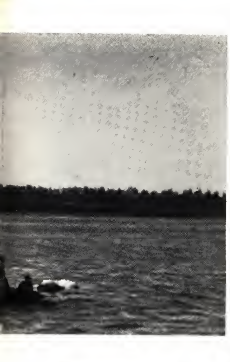
По льду Хандыги весной

Верховья реки Колымы

Караван на наледи

Ночной привал

►

Первомайская демонстрация в Средне-Колымске у дома исполкома в 1928 году

►

В низовьях Колымы

►

Каменные ламуты (эвены) в Средне-Колымске

►

Вниз по реке Колыме

◄

Ущелье Колымы перед порогами

◄

Верховья Омолона

Селение Певек в Чаунской губе

►

Утесы полуострова Певек

►

Яранги береговых чукчей

►

Высадка в прибое между льдами

►

Средне-Колымск в феврале. Олени поданы

◄

Пароход «Колыма» в тяжелых льдах

◄

Старик юкагир — проводник

◄

Зимой в Средне-Колымске. Дом утеплен снегом

Спокойная гавань у мыса Турырыв

Столбы песчаника у мыса Млелин

ского, в узкой долине, но у горы Шапка, повернув к северо-востоку, она врезается уже в окраину лежащего восточнее плоскогорья.

Здесь Колыма широко разливается, имеет много проток и стариц. Все острова и прибрежная часть поймы покрыты густым лиственничным и тополевым лесом. Кроме высоких и стройных бальзамических тополей нередко встречаются большие заросли чосении («кореянка» — один из видов ивы). Деревья эти достигают высоты 10 метров и очень похожи на наши ивы, но с совершенно прямым стволом. Здесь также несколько видов тальника; особенно любопытен один из них, который растет маленькими деревьями с тонкими, прямыми, стройными стволиками, насаженными тесно один возле другого, и напоминает бамбуковые заросли. Среди них нередко мелькает бурая морда медведя.

В этой части Колымы медведи попадаются постоянно, и за те две недели, что мы плывем от Средникана до Коркодона, мы встретили их более десятка. Одни из них пугливо убегают вдоль по берегу; другие останавливаются и с большим любопытством смотрят на проплывающую лодку, которую видят, может быть, первый раз в жизни.

Одна медведица стояла в тальниках вместе с двумя медвежатами и глядела на лодку. Когда кто-то из наших неугомонных охотников выстрелил в нее из винтовки, она мгновенно встала на задние лапы, повернулась и скрылась в зарослях тальника, а за ней рядышком, плечом к плечу, побежали светло-бурые медвежата.

В другой раз, когда мы с Говязиным подплывали на байдарке к нашей большой лодке, остановившейся на ночлег, невдалеке от нее на берег вышли два медвежонка, залезли в воду и, стоя на задних лапах, стали поливать друг друга водой. Я хотел их сфотографировать, но мой спутник был настолько возбужден, что мне удалось сделать снимок только на большом расстоянии. Потом началась стрельба, и после безрезультатных выстрелов медвежата убежали в лес.

На нашей байдарке мы постоянно уклоняемся от главного фарватера в маленькие боковые проточки в поисках утесов. Очень интересно плыть по этим совершенно неизвестным протокам в густом лесу, видеть на отмелях следы медведей и ждать новых встреч за каждым поворотом.

На Колыме очень много заломов — это большие груды стволов, которые весеннее половодье наносит на острова и отмели; вступая в маленькую проточку, никогда нельзя

6 № 2222

быть уверенным, что где-нибудь в середине нет залома, перегораживающего путь. Иногда течение все ускоряется, и наконец вода с ревом устремляется в извилистый узкий проход между торчащими навстречу острыми бревнами, угрожающими гибелью нашей легкой лодочке. Как-то раз мы наехали на одно из таких бревен и мигом опрокинули лодку, к счастью, на не особенно глубоком месте; стоя по грудь в воде, удалось выловить вещи и весла и вытащить байдарку на берег.

Среди этого лабиринта островов и проток иногда очень трудно найти идущую впереди большую лодку, которая поджидает нас дважды в день: в полдень и вечером. Мы
130 условились с нашими спутниками, что встречи будут всегда происходить у утеса, и большей частью нам удавалось благополучно встречаться с ними как раз к обеду.

Нам предстояла теперь трудная задача: найти без проводника устье большого правого притока Колымы — Балыгычана — и определить здесь астрономический пункт.

Балыгычан впадает в Колыму среди множества островов. В нескольких километрах от устья реки, у подножия гор, на болотистых лугах лежит поселение якутов — всего четыре юрты. Пожалуй, это одно из самых уединенных поселений во всей Якутии. До ближайшего населенного пункта, Сеймчана, от них более 200 километров, а до улусного (то есть волостного) центра Оймякона, к которому был отнесен тогда Балыгычан, 900 километров по тропе и 1200 по реке. Тем не менее жители Балыгычана поддерживали сношения с Оймяконом: во время нашего пребывания в Оймяконе мы встретили там одного балыгычанца, который приехал сватать себе невесту.

Ниже Балыгычана Колыма образует любопытную двойную петлю на протяжении 10 километров, прорезая узкую долину в низком и ровном плато. Дальше долина опять расширяется, справа впадает большая река Сугой и несколько ниже — Коркодон. Возле последнего Колыма круто поворачивает на северо-запад и прорезает гряду древних пород. Здесь те красивые утесы известняка, о которых сообщает мельком Иохельсон в своей этнографической работе о Коркодоне. А в середине реки поднимается остров с острой и высокой скалой, носящей название Столб. По-видимому, когда-то он служил местом для жертвоприношений юкагиров: на его вершине еще можно видеть остатки жертвенной кучи с камнями и с кусками дерева.

По юкагирскому преданию, происхождение этого острова таково: напротив устья Коркодона есть острая гора,

называемая Большое Сердце («Чомо-Чуводзэ»). Чомо-Чуводзэ — имя женщины. Она была в связи с юношей Когэлгиэ — так назван утес на левом берегу Коркодона — и родила от него ребенка. Но другой юноша — Лягаек (утес правого берега) также ухаживал за Большим Сердцем. Тогда начали бороться. Большого Сердца ребенка Лягаек в реку бросил. Там, спустившись, у островного мыса ребенок остановился. Это теперь Столбовой остров.

Сейчас у подножия утеса на острове стоит маленький дом — фактория Якутгосторга, а рядом изба юкагира Дмитрия Винокурова. Летом он живет в чуме, покрытом берестой, на ближайшей отмели, а зимой перекочевывает в избу рядом с домом фактории, которую он охраняет. Недавно ему прибавилась еще одна забота: экспедиция Наркомвода поставила здесь столб, отмечающий астрономический пункт, и поручила юкагиру охранять его. Поэтому, когда мы приехали к острову, Винокуров сейчас же заявил: «Мин — карауль» — и повел к столбу, чтобы показать, что у него все в порядке.

У Винокурова мы встретили еще нескольких юкагиров, приехавших с Коркодона, из селения, расположенного в 90 километрах от устья, и расспросили их о зимнем пути по Коркодону, куда мы предполагаем поехать следующей весной.

Юкагиры, или одулы, в небольшом числе живут по некоторым притокам Верхней Колымы и частью на Омолоне и в западной тундре. Когда-то они населяли почти всю Восточную Якутию. О них я подробнее буду говорить позже.

Ниже Коркодона мы остановились возле утеса Чубукулах, с которого открывается обширный вид на север. Здесь Колыма выходит из гряды древних палеозойских пород в Верхне-Колымскую впадину — южный конец Колымской низменности, тянущейся на север до моря.

К западу от Верхне-Колымской впадины видны последние цепи хребта Черского, а на востоке и севере — только волнистая поверхность плоскогорья, которое тянется до Омолона.

Несколько выше Верхне-Колымска, между Колымой и рекой Ясашной, есть протока Прорва. Найти ее довольно трудно, но нам встретились здесь два юкагира, которые и показали вход в эту протоку. По ней мы вышли незаметно в Ясашную и приблизились к Верхне-Колымску. По-видимому, когда-то Колыма в нижней своей части протекала там, где сейчас течет Ясашная.

Город Верхне-Колымск вряд ли в те годы заслуживал название города. Когда-то в нем было пятьдесят домов и жило много казаков, но ко времени нашего посещения сохранилось только семь жалких юрт и разрушающаяся церковь. Уже много лет, как вся жизнь перешла из Верхне-Колымска в центры якутских наслегов.

Верхне-Колымск расположен на самом берегу Ясашной, на узкой полосе сухой земли, между берегом и болотами. С одной стороны подходит грязная и топкая речка. На ее берегу растет один из видов смородины с продолговатыми, темными и довольно вкусными ягодами, который встречается также и на Охотском побережье; ягоды эти даже вывозят оттуда в Якутск в замороженном виде и продают под названием дикого винограда.

Из достопримечательностей Верхне-Колымска следует отметить избу, где Черский провел зиму перед своей последней поездкой; мы видели здесь маленький огород, который уже много лет служит робким началом будущего земледелия. Условия для развития овощного хозяйства и даже для земледелия в южной части Колымского края вполне благоприятны, и в то время, когда здесь жили политические ссыльные, у некоторых из них были превосходные огороды. В 1929 году снова было обращено внимание на сельскохозяйственные культуры, и опыты хлебопашества и огородничества стали производиться на Колыме в ряде мест (Верхне-Колымск, Балыгычан, Сеймчан и др.), где они дали хорошие результаты.

От Верхне-Колымска начинается нижнее течение Колымы. Река здесь идет большею частью одним широким руслом, острова редки. Течение становится все медленнее и медленнее, встречаются часто большие плесы, по которым хорошо идти с попутным ветром, но приходится отстаиваться при злых низовках. Мы испытали это уже на следующий день, когда, несмотря на все усилия, нельзя было двинуться вперед против набегавших больших волн.

Начиная от Верхне-Колымска, долина Колымы уже в 1929 году была населена сравнительно густо, но все это якутское население жило главным образом в стороне от реки, у озер и лугов, а на самой реке никто не селился. Только изредка встречались якуты, выехавшие на реку для рыбной ловли. Животных и птиц также мало: иногда попадаются утки, раз мы встретили двух орлов, довольно часто видели горностаев в летней шубке, которые приходили к нашей лодке посмотреть, нельзя ли чем-нибудь поживиться.

Несмотря на все мрачные предсказания, которые мы слышали о предстоящей нам поездке по нижнему течению Колымы, это плавание оказалось не таким трудным. Идя то под парусами, то на веслах, мы в восемь дней доплыли до Средне-Колымска. Несколько выше города начинаются заимки, небольшие поселки или отдельные избы, в которых колымчане живут летом во время рыбной ловли. Сам город расположен в излучине реки, в довольно унылом месте. Уже издалека показывается высокая мачта радиостанции, а когда подплываешь ближе, виден первый ряд домов, вытянувшихся вдоль берега.

В Средне-Колымске в 1929 году почти все дома были без крыш, накат потолка просто покрыт землей. Это объясняется тем, что здесь мало дождей и плоская крыша достаточно предохраняет дом; к тому же на Колыме не было лесопилки. Только новые постройки — радиостанции и некоторые другие дома были покрыты крышами.

Средне-Колымск разделяется скверной речонкой Анкудинкой на две части. Старая часть, так называемый город, лежит ниже по течению, на более низкой террасе, и весной нередко заливается весенним половодьем. Новая часть, с исполкомом и клубом, расположена несколько выше.

Мы не задерживались долго в Средне-Колымске. Сюда мы должны вернуться на зимовку, а сейчас нам предстояло исследовать нижнее течение Колымы до устья Омолона.

Уже 1 сентября, и до конца месяца нужно попасть обратно, чтобы не замерзнуть где-нибудь в нижнем течении. Я надеялся от Средне-Колымска плыть уже на моторной лодке, но ни горючего, ни нашего мотора, которые должны были прийти из Владивостока еще в прошлом году, до сих пор не было.

Приходилось организовывать экспедицию снова своими средствами. Плавание на нашей большой лодке ниже Средне-Колымска было бы слишком трудно: течение здесь очень медленное и еще больше встречных сильных низовок. Нам удалось купить местный карбас. Карбасами на Колыме называют небольшие лодки, которые делают в Верхне-Колымском районе юкагиры. К долбленому днищу прибиваются в два ряда доски, и получается довольно вместительная лодка с крутыми бортами, устойчивая на волне. Исполком кроме лодки отыскал для нас и проводника — молодого колымчанина Ивана Березкина.

В низовья Колымы по следам Черского

6 сентября, после первого снега, в холодную осеннюю погоду, мы втроем с Березкиным и Говязиным выезжаем вниз по реке. Первый наш привал в 14 километрах ниже города, у утесов Половинного Камня. Эти утесы в геологическом отношении одно из интереснейших мест Колымы: здесь много окаменелостей. Я провел возле Половинного Камня целые сутки и по возвращении в Средне-Колымск в конце сентября еще раз проехал сюда на моторной лодке, чтобы собрать полтонны окаменелостей — кораллов и раковин плеченогих. Эти сборы позволили определить возраст отложений у Половинного Камня.

На левом берегу, ниже Половинного Камня, начинаются заимки; они расположены на высокой террасе реки, перед ними обычно лежит пологий илистый пляж, на котором стоят невода и карбасы, а над низкими избами с плоскими крышами почти всегда на длинном шесте возвышается крест. В эти заимки на лето съезжается городское население для ловли рыбы. Когда-то почти по всей Колыме были расположены поселения русских, которые явились сюда раньше якутов. Но в 1929 году большая часть реки была населена якутами. Русские жили лишь вблизи Средне-Колымска и Нижне-Колымска и почти все возвращались на зиму в город.

Колымское население кормится главным образом рыбой. Часть ее ловится в озерах, а часть — в самой Колыме. Колыма обладает превосходными сортами рыбы. Главные промысловые рыбы — это сиговые (семейство лососевых): ряпушка (сельдятка), чир, муксун, омуль, пелядка и сиг. Еще вкуснее громадные нельмы. В реке довольно много и налимов, и щук, и чукучанов, но эта рыба идет главным образом на корм собакам. Точно так же собаки поглощают большую часть сельдятки и все рыбьи внутренности, вплоть до икры, которую люди едят мало. Собаки в общем потребляют не меньше половины всего улова, и задача прокормить собак является для колымчан едва ли не более важной, чем прокорм семьи. Недаром, когда спрашивают про колымчанина, большое ли у него семейство, говорят: «Большое, у него шестнадцать душ», а потом выясняется, четырнадцать из этих душ — собаки. Рыба для колымчан — это «святая еда», но значительная часть ее используется очень неумело. Та рыба, которая идет на корм собакам, хранится в скверно построенных погребах, просто в ямах, начинает сквашиваться и издает не-

приятный запах. Большею частью скверно пахнет и рыба, идущая в пищу людям. Засол рыбы производится очень редко, ее обычно замораживают; много заготовляется юколы — вяленой и копченой рыбы.

Юкола бывает двух сортов: белая, только вяленая на солнце, и коричневая, которую после вяления коптят в специальных шалашах. Последняя очень вкусна. Для изготовления юколы мясо вместе с кожей снимают с костей и потом мелко надрезают с внутренней стороны. После того как снято мясо, остаются кости. Если на них почти нет мяса, то их называют «собачьи кости», или, как здесь говорят, «кошти». Если на них осталось немного мяса, то они идут в пищу людям и называются «едомные кошти».

Население Колымы говорит на очень странном наречии, шепелявящем и картавящем, свойственном некоторым северным областям Сибири. Кроме того, в языке колымчан сохранилось много древних слов и выражений, занесенных сюда казаками и еще не вытесненных, несмотря на постоянный приезд новых людей. На таком же языке говорят русские, живущие в низовьях Индигирки.

Осенью население заимок начинает возвращаться в город, или, как здесь говорят, «кочует». Но сейчас эти кочевки совершаются частью на моторном катере, и в Кульдине одна старуха говорила мне: «Ныне кочующим долго пришлось дожидать катера». Все уезжают; с высоких жердей, поставленных для вяления рыбы (быгальниц), снимают последнюю юколу, и в заимке остается только несколько человек для зимнего подледного промысла.

Самая большая заимка на Колыме — Кульдино, ниже Половинного Камня. Дальше на расстоянии 10—30 километров одна от другой нам попадались другие заимки. Между заимками Петровой и Жирковой впадает справа, среди островов, значительный приток Колымы река Березовка. На ней, километрах в ста тридцати от устья, был найден в 1900 году труп мамонта. Академия наук послала специальную экспедицию, и мамонт был благополучно извлечен из оползня, в котором он лежал; шкура, скелет и часть мяса были доставлены в Ленинград, где чучело мамонта стоит и сейчас в Зоологическом музее.

От самого Средне-Колымска и до устья Омолона характер Колымы сохраняется один и тот же. Это широкая, мощная река в низких берегах, покрытых лесом и болотами. Время от времени река подходит к западной окраине Юкагирского плоскогорья и подмывает длинные утесы, сложенные покровами молодых лав. Ниже начинают появляться большие яры рыхлых четвертичных отложе-

ний — как их тут называют, «талы», среди которых иногда выглядывают глыбы льда, образовавшиеся из надувов снега.

У подножия тал обычно в большом количестве попадаются кости крупных четвертичных млекопитающих: мамонта, носорога, бизона, северного оленя, лошади, лося. Если вы пройдетесь по берегу вдоль какой-нибудь большой талы, то, наверное, на протяжении километра насбираете целый мешок костей. Но трупы мамонта попадаются очень редко и обыкновенно уносятся водой или съедаются песцами и собаками, прежде чем их найдут люди, поэтому пока только два мамонтовых трупа — и притом один из них неполный — попали в музеи.

Ниже Средне-Колымска исчезают галечники и берег покрыт вязким серым илом, так называемой няшей. В некоторых местах, в низовьях, эта няша настолько жидка, что может засосать человека, и местные жители ставят тут сигналы в виде двойного конуса из прутьев.

Одна из заимок правого берега называется Помазкино. Сейчас тут стоит только одна жалкая избушка, но когдато, очевидно, было большое поселение. В стороне от берега видно много могил, некоторые кресты относятся еще к XVIII веку. Колымчане рассказывают, что будто бы сюда приехали первые русские и хотели основать город. В соседней протоке, в которую впадает река Осетровка, они поймали большого осетра, сварили его и съели. Осетр оказался ядовитым, и они все умерли. Остался в живых только один, который уходил в это время на охоту. После этого решили здесь города не ставить, и он был основан на месте Средне-Колымска. Предание это исторически неверно, но местные жители рассказывали его как достоверное.

Последний утес правого берега — скала Конзобой, длинная, низкая грива, которая высовывается на север в виде туши кита. Колыма поворачивает вокруг него на восток и вскоре сливается с своим самым большим притоком — Омолоном.

С утесом Конзобой связана следующая легенда: когдато возле этого утеса «лесной» и его жена бегали по льду реки Колымы; «лесовиха», обгоняя мужа, провалилась сквозь лед, и «водяной» поймал ее за ноги. Муж стал тянуть за голову, а «водяной» — за ноги, и они оторвали ей голову. Муж обиделся и забросил голову на утес, где она лежит и сейчас в виде большого камня.

Еще в конце XIX века, как сообщает этнограф В. Богораз, колымчане верили, что и реки, и леса, и горы насе-

лены различными мифическими существами. В реке есть водяницы, водяные бабы, в лесах — лесной хозяин, в горах — горный хозяин. Потом есть еще упырь, железнозубый еретик, пужанка, чудинка и суседко.

Мы останавливаемся под скалой Конзобой у амбаров, куда привозят иногда продовольствие для окружающих заимок. Далее нам ехать в этом году не стоит: ниже Конзобоя утесов нет до самого Нижне-Колымска. Мы решили дождаться здесь катеров, которые должны идти из Нижне-Колымска в Средне-Колымск с грузом, привезенным морским пароходом. Возле Кульдина мы уже встретили два таких каравана, состоящих каждый из катера с несколькими маленькими баржонками — кунгасами. Скоро должен пройти вверх еще один.

Пора возвращаться: на берегах выпал снег, начали появляться маленькие забереги. Горностаи уже сменили свою темную шубку на белую, зимнюю, и ныне ночью один из них пришел в нашу лодку, чтобы поживиться лежащей там рыбой. Я пробовал сфотографировать его, но горностай сердито огрызался и так вертелся, что все снимки оказались неудачными.

С вершины Конзобоя открывается далекий вид. На западе и севере видна громадная низина левого берега Колымы, вся испещренная множеством озер-стариц. Они уже замерзли, а на Колыме по обоим берегам белеют полосы снега. Пока мы стоим у Конзобоя, начинается перелет птиц на юг, и за два дня над нами пролетают буквально десятки тысяч уток и гусей. Иногда с почти человеческими криками летят небольшие стаи лебедей. Но чаще лебеди летят только втроем или вчетвером, каждое семейство отдельно.

19 сентября мимо нас вниз по реке проходят катера с кунгасами. Внезапно от одного из них отделяется моторная лодка, и в ней мы узнаем нашего радиста Бизяева. Оказалось, что наш мотор как раз в это время пришел в Средне-Колымск и Бизяеву удалось получить для него лодку и горючее.

20 сентября мы двинулись обратно. Первая наша ночевка — немного выше Конзобоя, на правом берегу, в уединенной заимке Горнице. В этой заимке провел свою последнюю ночь, 24 июня 1892 года, Черский...

Первые два дня мы наслаждаемся быстрым ходом моторной лодки, но на третий температура воздуха сильно падает, и мотор начинает пошаливать.

На следующий день мы проходим всего несколько километров: по реке уже плавает тонкое сало, мотор замер-

зает и совсем перестает работать. Бизяев разбирает его до последнего винтика на берегу, на замерзшей няше *. При этом общими усилиями мы выломали часть цилиндра, но Бизяев нас утешает, что это даже к лучшему, потому что как-то особенно удачно будут выходить газы. День этот кончается печально — ночевкой на берегу в одном-двух километрах выше места ремонта мотора.

25 сентября надежды на быстрое достижение Средне-Колымска становятся еще более слабыми: местами забереги достигают уже 100 метров ширины. Мы решаем забыть про мотор и идти бечевой. Но возле заимки Быстрой, в самом опасном месте, где нельзя идти бечевой и надо

подниматься по быстрой протоке, мотор вдруг начал работать и помог нам на протяжении нескольких километров. Но потом он снова забастовал, и нам пришлось идти бечевой еще два дня до заимки Жирковой.

Утром неожиданно снизу подошел караван судов, и мы, не дожидаясь, пока заведется мотор, подъехали к катеру на веслах. Караван, состоящий из вереницы маленьких кунгасов, тянули два моторных катера.

По Колыме можно плавать не только на катерах, но и на больших судах, и вскоре здесь появились пароходы.

29 сентября с караваном судов мы подошли к Средне-Колымску. Через несколько дней река стала, и город был отрезан от всего мира.

Снова олени

В Средне-Колымске мы провели самые тяжелые и холодные месяцы — до начала февраля. Горсовет отвел нам для зимовки юрту на окраине города, в которой мы устроились с большими удобствами. После восьми месяцев почти беспрерывной езды было приятно отдохнуть в теплом помещении, разобрать и привести в порядок свои материалы, проявить фотоснимки.

Зима в Средне-Колымске по сравнению с Оймяконом и Якутском теплая; за то время, что мы пробыли здесь, только три раза температура спускалась ниже 50 градусов.

В середине декабря скрылось солнце. Город лежит немного к северу от полярного круга, и настоящей полярной ночи здесь нет. Солнце скрывается на двадцать дней, но

* Няша — вязкий грунт, обнажающийся на берегах рек при низкой воде.— *Прим. ред.*

и в это время в продолжение четырех часов среди дня бывает достаточно светло, чтобы можно было читать у окна. Это скорее сумерки, чем ночь.

При сильных морозах столбы дыма над городом поднимаются прямо кверху, горизонт становится темно-серым. Вскоре за лесом на юге начинает вырисовываться красный полукруг солнца.

Как только появилось солнце, нам надо было думать о поездке на юг.

Для того чтобы изучить возможно полнее бассейн Колымы, необходимо было сначала подняться по одному из больших правых притоков Колымы — выйти по нему куда-нибудь в верховья Омолона и затем спуститься по последнему до Нижне-Колымска. Наибольший интерес в первой части пути представлял Коркодон. По Коркодону в 1900 году прошел этнограф В. Иохельсон. Попал Иохельсон в эти края не по своей воле: в конце XIX века он был сослан на Колыму. Так же как и другой политический ссыльный — В. Богораз, он в течение нескольких лет производил этнографические исследования в составе экспедиции Восточно-Сибирского отдела Географического общества.

Летом 1900 года Иохельсон вышел из Гижиги на лошадях верхом, перевалил через хребет и проехал до среднего течения Коркодона. Отсюда он спустился на плоту в Верхне-Колымск. Съемки пути при этом он не вел и описания маршрута не давал, интересуясь только этнографическими исследованиями, так что после его экспедиции вся эта область изображалась на карте по-прежнему по расспросам.

С Колымы проникнуть по Коркодону к Омолону очень трудно, и из местных торговцев никто не ездил торговать в верховья Коркодона. Точно так же никто из якутов не поднимался вверх по Коркодону с Колымы, и из числа эвенов, общавшихся с русскими и якутами, не было ни одного, который знал бы реку в ее среднем и верхнем течении. Таким образом, среди всего населения Колымы не было ни одного проводника, который мог бы повести нас по Коркодону и найти перевал на Омолон. На Коркодоне, конечно, не может быть никакой зимней накатанной дороги, и ее придется прокладывать самим.

Единственный человек, который, как полагали, может найти дорогу на Омолон,— это якут Дьячков, по прозванию Бека. В середине зимы, во время его приезда в Средне-Колымск, мне удалось повидать его. Бека ездил несколько раз по другому притоку Колымы, Сугою, на Охот-

ское побережье. На самом Коркодоне он был только в низовьях, но ему были знакомы в горах многие эвены, и он надеялся, что удастся отыскать среди них проводников. Он согласился взять на себя организацию оленного каравана для переезда на Омолон. Мы должны были явиться в середине февраля в Верхне-Колымск и оттуда уже на заготовленных Бекой оленях двинуться дальше вверх по Колыме и затем по Коркодону. Бека уехал обратно еще в декабре, и после этого мы не имели от него никаких известий до самого отъезда из Средне-Колымска.

Зимой нас покинул радист Бизяев, которому надо было вернуться в Москву, и К. А. Салищев кроме топографической съемки и астрономических работ взял на себя также и прием сигналов времени, необходимый для определения астрономических пунктов.

Нам предстояла, казалось, сравнительно простая задача — собрать в Средне-Колымске продовольствие и затем отправиться с ним до Верхне-Колымска. Но и то и другое оказалось очень трудным.

Продовольствие, отправленное нам Академией наук, лежало еще в Нижне-Колымске, куда его доставил осенью пароход. Нам с большим трудом удалось получить от Якутгосторга в счет этого продовольствия необходимые продукты. Оленей для проезда из Средне-Колымска в Верхне-Колымск мы могли собрать очень мало и большею частью истощенных. В конце января я отправил вперед с партией груза колымчанина Ваню Березкина (ездившего с нами в низовья Колымы), а 12 февраля мы вышли сами с остальными оленями.

Найти на Колыме проводника для Омолона так же трудно, как и для Коркодона: колымчане ездят только в низовья этой реки.

Один лишь Березкин в прошлом году вместе с экспедицией гидролога Б. Зонова прошел через среднее течение Омолона в Гижигу и, выйдя оттуда обратно в верховья Омолона, проплыл весной по нему около 700 километров. Таким образом, он являлся здесь единственным человеком, знающим Омолон.

Я послал Березкина вперед, с тем чтобы он с первой партией груза возможно скорее достиг Верхне-Колымска и там проверил, подготовляются ли олени для поездки вверх по Коркодону, и по возможности ускорил их заготовку. Но уже через несколько дней после его выезда я стал получать от него душераздирающие письма. В первый же день (26 января) он писал мне:

«Доехали до первых жителей; сообщаю вам, что уже два

оленя в дороге упали, кое-как довели до отары, не знаю, как дальше будем ехать, олени очень плохи, вблизи корма нет для них. Всем привет, доехал хорошо».

Далее было с каждым днем все хуже, и 31 января он писал:

«Уведомляю вас, что я в безвыходном положении... Олени не могут без дороги груз (везти), только осталось восемь оленей, которые могут еще идти, везти груз, отара очень далеко. Некоторые олени без нарты кое-как тащат ноги, а дать долгий отдых оленям — нет такого кормовища хорошего и снег глубокий, олени пристали, они и снег не могут как следует копать, очень, очень плохие олени».

И последнее письмо, адресованное «Товарищу начальнику Академии наук», сообщало, что он остановился в
200 якутских верстах (около 160 километров) в местности Алы-Кюёль и ехать далее не может: «Если ехать, то пошлите распоряжение, как ехать, а олени эти не повезут, а если повезут, то будут пропадать. Я не желаю, чтобы убивать оленей».

Олени, на которых едем мы, не в лучшем состоянии: они истощены гоньбой. Первый день мы проезжаем (выехав под вечер) только пять километров. Путь очень тяжел: снег глубок и дорога занесена.

На второй день нарта нашего подрядчика Петра Сивцова наехала на одного из оленей и повредила ему спину. Олень не мог встать, и его пришлось бросить. Останавливаемся в трех километрах дальше. Остальные олени так устали, что на следующий день решаем сделать дневку; ясно, что груз, который у нас с собой, увезти невозможно, хотя при выезде из Средне-Колымска я уже оставил почти тонну разного груза. Здесь же у ближайшего жителя мы оставляем еще два мешка муки, ящик свечей и станки от палаток. Но это не помогает; в девяти километрах от юрты Сивцов оставляет в лесу двух уставших оленей и бросает одну нарту, чтобы забрать их на обратном пути.

В следующие дни проезжаем в день всего лишь километров пятнадцать, причем на половине пути мы останавливаемся и даем отдых оленям.

Нанять еще оленей или лошадей негде: местность почти безлюдна.

На пятый день мы с Говязиным выезжаем вперед, чтобы достичь мест, где можно нанять лошадей и достаточное количество подвод для помощи нашему каравану. В бедном селении Камса мы проводим около двух суток в ожидании отставшего каравана. Здесь недавно был «муньях»— собрание, и поэтому скопилось довольно много якутов.

Я предлагаю очень щедрую плату — вдвое против обычной, и нам удается нанять шесть подвод.

Во время переезда до Верхне-Колымска мы могли хорошо ознакомиться с бытом колымских якутов, потому что часто приходилось сидеть полсуток или даже целые сутки в юртах в ожидании лошадей. Покосы колымских якутов представляли тогда основу их хозяйства, так как скотоводство наравне с рыбной ловлей являлось главным источником питания. Поэтому богачи, владевшие близкими и хорошими покосами до раскулачивания, которое было проведено в 1930 году, могли широко эксплуатировать безземельных бедняков.

Обычно в юртах нас встречали очень гостеприимно, как и на западе Якутии, но угощение здесь несколько иное. В то время как в Западной Якутии дают масло или хаяк, здесь основное угощение — строганина. Чтобы изготовить ее, превосходного большого чира (шириной в восемь-десять пальцев, по здешней мере), только что принесенного с мороза, немного нагревают у камелька, срезают ножом чешую вместе с кожей и затем настругивают очень изящными тонкими стружками. Строганину эту едят обычно только с солью, без хлеба, и она превосходна на вкус.

Один путешественник писал, что ничто не может сравниться по вкусу со строганиной: она гораздо нежнее, чем устрицы, и замечательно тает во рту. Даже в бедных юртах, где и самим нечего было есть, старались принять нас как можно лучше и давали иногда несколько кусочков мяса на блюдечке.

От Камсы наш караван разделился. Салищев уехал на лошадях и должен был ночевать в юртах, так как лошади зимою, когда они заняты работой, нуждаются в сене. Я поехал дальше более медленно на утомленных оленях. Встреча была назначена в Алы-Кюёль, где ждал нас Березкин. После шума в юрте в Камсе мне доставило большое удовольствие ночевать в палатке, несмотря на мороз, который достигал еще 45 градусов. Теперь эта температура не казалась мне так ужасна, как в 1926 году, и вечером, приехав к месту ночлега, я вместе с моим спутником, рабочим Василием, ставил палатку, заготовлял дрова и растапливал печку, а потом в ожидании, пока вскипит чай, ел строганину из чиров, которыми мы были снабжены в достаточном количестве.

Салищев по мере движения вперед все увеличивал свой караван, нанимая лошадей. Таким образом, он мог высылать мне подводы навстречу, и я постепенно отсылал обратно наиболее утомленных оленей.

Колымская упряжка лошади представляла тогда очень забавное зрелище: здесь еще не применяли оглоблей и в оглоблях ходили только быки. Лошади возили сани за веревку, привязанную к обычному седлу. В сани клали только десять пудов (сто шестьдесят килограммов), а сам ямщик садился верхом на лошадь. Когда нужно спускаться с горы, то, чтобы сани не наезжали на лошадь, ямщик слезал и придерживал сани за задок. Колымчане утверждали, что лошадям так гораздо легче.

В Алы-Кюёль я догнал Салищева и нашел там Березкина с нашей первой партией.

От Алы-Кюёль мы едем, разделившись на четыре отряда, из которых три передовые на лошадях, а сзади — отряд на оленях. За этот путь я больше, чем во время перевала через Верхоянский хребет, познакомился с предельной силой оленей. Олень — очень покорное животное и тянет до тех пор, пока у него остается хоть немного сил. Самый верный признак, по которому узнают, устал олень или нет,— это хвост. Когда олени бегут бойко и держат свой маленький хвостик кверху, значит, они свежи и полны сил. А когда хвостик опущен, значит, олень устал. Особенно уставших оленей, которые не могли идти, Петр Сивцов лечил очень оригинальным способом. Он связывал им четыре ноги вместе и потом, подняв оленя за ноги, встряхивал несколько раз в воздухе.

Первый раз, когда я это увидел, я подумал, что Сивцов хочет убить бедное животное. Но он развязал оленю ноги, и тот, как встрепанный, побежал в лес; очевидно, это местное народное средство.

Раз по дороге нам удалось нанять несколько нарт с оленями в помощь нашим. Это были совсем молодые, годовалые оленята с прелестными темными глазами, окруженными светлой каймой. На остановках у юрт они грызли куски рыбы, которые валялись на дворе, и старались их копытить, как мох. Все окружающие обращались с ними чрезвычайно нежно.

Невдалеке от Верхне-Колымска нас обогнал Бека, ехавший из центра улуса, где он собирал последних оленей, и сообщил, что все уже готово.

2 марта, с опозданием на две недели, последняя из наших партий пришла в Верхне-Колымск, или Крепость, как поселок еще назывался по старой памяти.

Таким образом, путь от Средне-Колымска до Верхне-Колымска, обычно простой и легкий, был проделан нами с затратой больших средств и сил.

В Верхне-Колымске после долгих переговоров был

заключен договор с Бекой и Верхне-Колымским нацсоветом. Олени принадлежали целому ряду жителей наслега, и Бека являлся только их уполномоченным. Для нас должны были заготовить тридцать нарт с четырьмя проводниками. За каждую упряжку я платил сто семьдесят пять рублей — за эти деньги можно было целиком купить обоих оленей с нартой. Но такую высокую цену пришлось заплатить, чтобы соблазнить владельцев отпустить оленей в страшные и неизвестные места.

В стране юкагиров

144

4 марта подают новых оленей. После наших жалких и истощенных эти кажутся необычайно сильными и жирными.

От Верхне-Колымска нам предстоит сначала пройти немного вверх до Ясашной и от нее наискось пересечь водораздел к Колыме. В низовьях Ясашной расположено небольшое селение юкагиров — Нелемное. Тут живет большая часть верхнеколымских юкагиров.

Когда-то юкагиры были многочисленным и сильным народом, населявшим Северо-Восточную Азию. Юкагирская земля занимала бассейны Яны, Индигирки, Колымы, Анадыря и на восток протягивалась до Анадырского залива. Когда русские пришли сюда, здесь еще не было якутов (кроме самых верховьев Яны), а эвены кочевали в небольшом количестве в горах. Юкагиры жили главным образом в долинах рек; но постепенно количество юкагиров сократилось, и Иохельсон в начале 1900-х годов насчитывал их всего лишь 700 человек. Из них более 300 кочевало в Западной тундре, между низовьями рек Индигирки и Колымы. В верховьях Колымы, по Иохельсону, жило около 200 юкагиров, и немного их оставалось в низовьях Омолона. По тем сведениям, которые мне удалось собрать в 1930 году, в верховьях Колымы жило всего 125 юкагиров. Врач Мицкевич, работавший в прошлом веке на Колыме, описывал юкагиров следующим образом: «Юкагиры — это стройные, легкие люди невысокого роста, с продолговатыми лицами, светлыми карими глазами, с черными, прямыми, до плеч волосами, почти без растительности на лице».

Экономическое положение юкагиров до Советской власти было чрезвычайно тяжелым. Исконные охотники и рыболовы, они жили главным образом вдоль рек, и жизнь их в значительной степени зависела от улова рыбы. Оле-

ней верхнеколымские юкагиры не держали, но и настоящего колымского скота — собак — они также имели очень немного: в одной семье обычно три-четыре собаки. Во время весенних перекочевок юкагиры должны были сами впрягаться в нарты, чтобы помогать собакам.

Уже во время нашего пребывания на Колыме специальные разъездные агенты Госторга доставляли продовольствие в места, где жили юкагиры, а позже на устье Коркодона была построена культбаза, которая теперь ведет большую работу по культурной помощи этому маленькому народу и по изменению его быта.

От Нелемного к нашему каравану присоединился еще один спутник. Бека взял с собой, чтобы довезти до Столбовой, какую-то дряхлую старушку в меховом чепчике и ровдужных штанах. Во время остановок она разводила костер и потом долго сидела возле него с трубочкой в зубах, грея руки.

От Нелемного и до Коркодона мы могли ехать по санному следу: здесь в начале зимы провезли груз в факторию Госторга, находящуюся на устье Коркодона; пурга уже замела этот след, но опытный проводник мог найти его — на нем снег гораздо тверже и нарты проваливаются не так сильно.

Мы двигаемся вверх по Колыме сравнительно медленно, от 20 до 30 километров в день. Каждые три дня устраиваем дневку, чтобы дать отдохнуть оленям, которые должны добывать себе мох из-под довольно глубокого снега. Поэтому только 17 марта добираемся наконец до фактории у устья Коркодона.

В фактории кроме нашего старого знакомца Дмитрия Винокурова встречаем Бережнова, члена Колымского окружного исполкома и одновременно агента Госторга. Когда он уезжал из Средне-Колымска, я просил его, чтобы он постарался достать нам проводника до Коркодона. В феврале сюда приходили эвены с верховьев правых притоков реки Коркодон — Рассохи и Сугоя — для закупки товаров. Бережнов потратил несколько дней на разговоры с эвенами, но ему не удалось убедить их провести нашу экспедицию по Коркодону.

Они говорили, что по Коркодону сейчас невозможно идти, что там были недавно большие пожары, которые выжгли все моховища, поэтому оленей там негде кормить, а Коркодон во многих местах покрыт полыньями и по нему невозможно ехать на нартах.

Дальнейший путь предстояло, очевидно, совершать так же, как и плавание по Колыме в прошлом году, то есть

без проводников. Первый участок Коркодона — около 90 километров, до устья Рассохи,— пройти нетрудно. Здесь часто ездил Бека и хорошо знал дорогу, а на устье Рассохи мы должны найти зимнее поселение юкагиров.

В Столбовой мы несколько реформировали наш караван: Бека оставил здесь часть плохих оленей и маток и взял взамен своих оленей, пасшихся вблизи под надзором эвена. С нами теперь шло восемьдесят четыре оленя, запряженных в тридцать пять нарт. Вверх по Коркодону вместе с нами поехал Бережнов. Он хотел отвезти юкагирам на устье Рассохи муки, так как на своих немногочисленных собаках они сами не могли доехать до фактории.

На третий день пути по Коркодону мы в первый раз встретили большие наледи. Вода на значительном протяжении покрывала протоку, по которой мы ехали; были видны и открытые полыньи. Это еще раз подтвердило мрачные предчувствия наиболее пессимистически настроенных участников экспедиции, которые невольно вспоминали предсказания эвенов о непрерывных полыньях.

На четвертый день мы дошли до устья Рассохи, но и тут нас ожидало разочарование: в стойбище юкагиров не было ни души.

Юкагирское поселение на устье Рассохи, называющееся Чинганджа, состояло из нескольких юрт, построенных по якутскому образцу, и нескольких лабазов (амбаров). Здешние лабазы, чтобы предохранить продукты от диких зверей, ставятся на один или два высоких столба, так что попасть к ним можно только по стремянке. Кроме этих сооружений вблизи юрт были будки для собак, сделанные из сухой травы.

Вблизи селения на реке мы нашли юкагира — немого старика, который остался здесь ловить рыбу. Он знаками объяснил Бережнову, что остальные юкагиры ушли вверх по реке ловить рыбу, как они делают обычно в марте. У него было достаточно продовольствия, и он припас шкурки белок, чтобы уплатить за товары, привезенные Бережновым.

У устья Рассохи мы простояли сутки, чтобы дать возможность Салищеву определить астрономический пункт. Я в это время сходил вверх по реке изучить утесы и посмотреть, что за таинственная страна расстилается к востоку. Когда я взобрался на лыжах на гору, передо мной открылся далекий вид: между Рассохой и Коркодоном тянулось низкое ровное плоскогорье. Долина Коркодона уходила на восток, вдали блестели снежные вершины гор.

Когда мы проложили на карте направление долины Кор-

кодона, оказалось, что она идет в нужную нам сторону и по ней мы попадем к устью реки Крестик на Омолоне. С горы было видно, что во многих местах Коркодон не замерз: еще темнела открытая вода, а на большом протяжении по правому его берегу простирались огромные пространства, выжженные лесными пожарами. Значит, когда мы пойдем дальше, нам нужно будет отыскивать не только дорогу, но и кормовища для оленей. Может быть, восточнее пожар перекинулся и на левый, южный берег Коркодона, и нам придется свернуть в сторону от реки и обойти сожженные, голодные места.

Чтобы обеспечить продвижение каравана на Омолон по намеченному маршруту, я обещал Беке большую премию в случае, если он выведет нас до вскрытия рек в верховья Омолона к Крестику.

Три дня мы медленно двигаемся вверх по Коркодону по следам узких нарт юкагиров. Видно, что они часто останавливались и пробивали ряд прорубей в реке, чтобы ловить рыбу подледной сетью. Наконец у одной из их стоянок Бека заявляет, что теперь юкагиры уже близко — след совсем свежий — и можно стать на ночь, не доходя до них. Мы оставляем наших спутников и вдвоем с ним едем отыскивать юкагиров.

В нескольких километрах далее, во впадине у высокого речного обрыва, у рощи тополей, мы увидели стан юкагиров. Вечернее солнце ярко освещало коричневые шкуры недавно поставленного чума. Мужчины ушли на рыбную ловлю, а несколько женщин занимаются расстановкой чумов и палаток. На пучках сухой, желтой травы сидят по две, по четыре вместе маленькие черные собаки с острыми мордочками; им подложена теплая подстилка, чтобы они не простудились. Тут же рядом в мехах на снегу лежат грудные дети. У одного из юкагиров не чум, а палатка; палатки при перекочевках гораздо удобнее, чем кожаные и берестяные чумы, они уже прочно привились у якутов и проникают к юкагирам и эвенам.

Вскоре после нашего прихода появляются мужчины. Первыми приходят маленькие мальчики, лет пяти-шести. Они идут на лыжах, широких и коротких, подражая в походке мужчинам. Затем появляются взрослые в просторных меховых парках. Нас принимают в самом большом чуме и угощают обязательно чаем со строганиной. Все население Коркодона — двадцать душ — собралось в этом чуме посмотреть на нас.

На другой день юкагиры явились к нам, чтобы получить у Бережнова продукты и сдать ему пушнину. Между

нашими нартами была поставлена тренога и подвешены весы. Взвешивали муку, нюхали и делили табак, щупали мануфактуру. Женщины в расшитых нагрудниках, рисунок которых заимствован от эвенов, стояли степенно. Особенное впечатление на всех наших проводников произвела молодая девушка, лет семнадцати-восемнадцати, с ярким цветом лица — знаменитая охотница Ольга. Она уже ведет самостоятельную охоту и нынешней зимой убила пятьдесят белок. Юкагиры сдали Бережнову не только свою пушнину, но и перекупленную у горных эвенов, которые иногда заходят к ним.

При помощи Бережнова мы долго уговариваем юкагиров дать нам проводника вверх по Коркодону. Юкагиры обычно в конце зимы поднимаются вверх по Коркодону, чтобы ловить рыбу, и в конце апреля возвращаются обратно на устье Рассохи, а затем летом спускаются вниз по Коркодону до Колымы. Далеко по Коркодону никто из них не заходил, и юкагиры долго не соглашаются дать проводника.

Сидя кружком на полу палатки, попивая медленно чай, мы ведем очень длительные дипломатические переговоры. Юкагиры хотят показать, что они делают большое одолжение даже тем, что пришли сюда к нам и разговаривают с нами. Старый юкагир Григорий говорит:

— Из-за того, что мы сегодня не откочевали вверх по реке и остались на старом месте, мы не могли поймать рыбы и голодаем. Вчера мы хотели просить вас, чтобы вы перекочевали вместе с нами вверх, но мы знаем, что вы собираетесь в дальнюю дорогу, мы не хотели вас беспокоить.

Потом нам сообщают, что если кто-нибудь из мужчин пойдет с нами проводником, то всем им опять-таки придется голодать, потому что улов рыбы будет меньше. Наконец после десятой чашки чая, выговорив большую плату, юкагиры соглашаются дать нам в проводники одного из стариков.

Бережнов кроме торговых дел должен был в качестве члена местного исполкома провести «муньях» (совет). Для обслуживания юкагиров предполагалось создать культбазу в фактории на Столбовой, и надо было уговорить их перейти на оседлое жительство в окрестностях базы. Но на все убеждения Бережнова, что возле базы жить им будет легче и что никогда не будет голодовок, юкагиры отвечали отказом. Они говорили: «Живите сами в культбазе, а нам не выжить; если мы должны будем отказаться от вольного воздуха и перекочевок, мы умрем». Так Бе-

режнов и уехал обратно, не убедив их в этот раз променять вольную кочевую жизнь на более обеспеченное оседлое существование. Но позже, когда была построена культбаза, юкагиры стали постепенно селиться возле нее.

После встречи с юкагирами решено было по их совету покинуть Коркодон, потому что на нем слишком часто начали попадаться опасные полыньи, в которые легко могли провалиться нарты (накануне один олень в моей нарте наполовину провалился сквозь лед, пробитый копытами передних оленей), и двинуться прямо через болота и леса вдоль подножия гор левого берега.

Это сильно сокращало наш путь, так как Коркодон выше Рассохи извивается среди широкой долины и образует мелкие протоки и острова.

Юкагиры перешли немного выше по реке и начали здесь ловить рыбу. Поперек реки пробили несколько прорубей, сквозь них пропустили сеть. Этим занимались все мужчины, включая мальчиков.

Покинув Коркодон, мы двинулись наискось через кунтук — так колымчане называют редкий лес, покрывающий террасы между рекой и подножием гор. Вскоре оказалось, что старик юкагир, очень милый и ласковый человек, как проводник никуда не годится. Идти вперед на лыжах и прокладывать путь (лыжницу) для передовых оленей он не в силах, а в выборе дороги для оленьего каравана он ничего не понимает. Поэтому, посмеявшись над ним немного, Бека посадил его на одну из задних нарт.

Следующая надежда была уже на встречу с горными эвенами. Поэтому мы внимательно смотрим, не попадется ли где-нибудь след верхового оленя.

Найдем ли перевал?

Долина Коркодона в низовьях очень широка, километров до семи-восьми. Мы идем вдоль гор левого берега, которые почти не имеют утесов. Чтобы осмотреть одновременно утесы по правому берегу, мне приходится пробегать на лыжах это большое пространство и потом, пройдя вдоль утесов по реке, возвращаться обратно в лес к условному месту встречи с Березкиным, который вел мои нарты. В Верхне-Колымске я купил себе для этого местные лыжи, подбитые мехом с оленьих ног (камус). Ширина их показалась бы невероятной лыжнику-спортсмену: она дости-

гала двадцати восьми сантиметров в средней части. Но ходить на таких лыжах очень хорошо, и они удобны для подъема на горы.

Зимой без лыж человек здесь совершенно беспомощен. У наших проводников лыжи как бы приросли к ногам. Бека и его помощники то прокладывают лыжницу впереди каравана для передовой нарты, то идут рядом, то садятся на минутку на нарту, не сбрасывая лыж, а свесив ноги сбоку. Интересно смотреть, как они ловят оленей. Иногда олени забираются очень высоко на горы, и Бека проворно бегает за ними и с невероятной быстротой спускается вслед за бегущим стадом с крутой горы среди гус-
150 того леса и кочкарника.

На третий день пути по Коркодону, не доходя реки Билирикен, мы пересекаем следы эвенов, ушедших на юго-запад. Наши якуты тотчас же собираются вокруг остатков становища и определяют по следам, кто тут был; решают, что эвены ушли не далее трех переходов, что здесь было двадцать оленей, женщины, трое мужчин, детей не было. Я проникся большим почтением к этому искусству чтения следов и невольно вспомнил рассказы о славных следопытах.

Увидев следы, Бека немедленно снарядился в дорогу. Он взял немного еды, легкую парку, сбросил все тяжелое и отправился по следам на юго-запад. А мы идем дальше вверх по Коркодону и у устья Билирикена неожиданно натыкаемся еще на одно становище. Весь снег истоптан оленями, на реке вдали стоит человек. Увидев наш караван, он бросает мешок, который держал в руках, и убегает в лес. Мы решаем стать невдалеке и воздержаться пока от поисков эвенов до возвращения Беки: никто из нас, кроме него, не знает эвенского языка.

Бека прошел в погоне за эвенами несколько десятков километров, нагнал их, переночевал и вернулся утром к нам. Эвены, которых он нашел, не согласились идти с нами: у них был только один мужчина, который не мог оставить детей. Он послал нас к другой семье, возле которой мы как раз и стояли.

После этого я немного разочаровался в наших следопытах: они ведь говорили, что там трое мужчин и нет детей.

С утра Бека уходит уговаривать эвенов. Сначала он побывал в ближайшем чуме, но, не достигнув здесь никаких результатов, отправился за несколько километров в сторону, где стояла еще одна семья. Эвены в ближайшей юрте отказались идти с нами и, как рассказывал Бека,

очень испугались. Они были напуганы шайками белогвардейцев, бродившими здесь несколько лет после революции и отнимавшими продовольствие и оленей. Прослышав о нашей экспедиции, они думали, что это опять военный отряд и что у них могут увести оленей, а самих мужчин забрать в проводники.

Днем к нам пришел — вероятно, на разведку — невзрачный мальчик лет семнадцати. Войдя в палатку, он остановился, поискал глазами икону и, не найдя, перекрестился несколько раз на висевшие рукавицы. Потом сел у входа и долго молчал, пока мы не стали его расспрашивать.

Другое посещение было более эффектным. Пришел эвен средних лет в ярко-желтом кафтане, расшитом красными и синими блестками по бортам и вокруг карманов. Ехать с нами он не хотел: он прибыл сюда с верховьев Сугоя за серьезным делом — высватать невесту. Мы пробовали уговорить его нарисовать нам верховья Коркодона и Сугоя. Он взял в руки карандаш, хотел провести линию — эвены вообще хорошо рисуют карты известных им мест,— но потом боязливо отказался.

Днем я ходил вдоль по Коркодону, чтобы осмотреть прибрежные утесы, и видел еще одного эвена, ловившего рыбу из проруби. Он сидел совершенно неподвижно на льду, скорчившись над прорубью и спустив в нее лёсу, и даже не поднял головы, когда я подошел. На мое приветствие он ответил «здорово» и опять уставился в прорубь. Одежда на нем была вся рваная. Совершенно голая, вылезшая парка, ошейник-боа из потертой росомахи и роздужные перчатки с прорванными пальцами. Результат такой рыбной ловли здесь очень скудный, но, как передавал Бека, эвены были очень довольны. Они стояли только неделю и уже поймали пять рыб; жизнь этих эвенов была нелегка.

Бека возвратился из второй юрты с тем же отрицательным результатом. По его словам, никто из эвенов не соглашается ехать с нами, утверждая, что они верховьев Коркодона не знают. Эти эвены кочуют по водоразделу среднего течения Коркодона и Сугоя, никогда не выходят ни на Колыму, ни на Охотское побережье и никогда не видели ни русских, ни торговцев-якутов. Закупки для них делает один богатый эвен, который живет значительно выше по Коркодону, и никто из них не только сопровождать нас, но даже рассказать дороги не сможет. Только один старик сжалился над нами и дал Беке краткие сведения о предстоящей дороге.

Вечером мы с Бекой едем к старику, с тем чтобы по возможности добыть у него побольше сведений. Чум стоит на горе, над рекой, среди редкого лиственничного леса. Нас усаживают на почетную сторону, на оленьи шкуры. Старуха принимается готовить угощение. Прежде чем начать резать мясо, она моет руки и лицо, прыская водой изо рта. Чай подается на маленьком низком деревянном столике, на эмалированной тарелке разложены кусочки оленьего мяса.

Старик рассказывает, что в молодости он бывал в верховьях Коркодона, что идти еще очень далеко и что мы не прошли даже полпути. Дальше будет еще узкое место— ущелье с отвесными скалами, называющееся Абкит («ущелье» по-эвенски). От этого ущелья до верховьев реки столько, сколько до ее устья.

Далеко за ущельем, на левом берегу, будут крутые утесы Элень. Против этих утесов находится речка, по которой когда-то русские купцы приезжали на собаках из Гижиги через Омолон. Эта речка называется «Русская река», и по ней можно перевалить на Омолон, а сам Коркодон уходит дальше между двух высоких гор и разделяется на две речки.

Мы долго сидим у старика, но, видимо, он действительно позабыл многое и не может указать нам точных расстояний и названий тех рек, которые нам будут встречаться.

Все время, пока мы находимся в чуме, взад и вперед шныряет собака, которая хочет получить подачку со стола. Вскоре приходят дочь и сын хозяина и садятся скромно по ту сторону очага. Сын принес тушку зайца, которую тут же принялись разделывать.

На следующий день мы отправляем обратно нашего старика юкагира, так как дальше все равно ни дороги, ни названий он не знает, и идем снова без проводника. Сначала, как рассказывал эвен, нам нужно идти в стороне от реки, через болота, для сокращения дороги, а также и потому, что вблизи реки по правому берегу на значительном расстоянии все кормовища выжжены. Днем мы двигаемся среди полного безмолвия. Часто попадаются только следы белок, лисиц и зайцев. Иногда пролетит кукша или черный мрачный ворон.

Впереди каравана обычно идет старший помощник Беки — якут по прозвищу Кука, старый, опытный проводник, который хорошо умеет выбирать и прокладывать дорогу. Это далеко не простое дело и к тому же очень утомительное: надо все время идти на лыжах по снегу

и тащить за собой связку нарт. Передовая нарта идет почти совсем пустая, и олени только пробивают снег. Следующая — с небольшим грузом, а дальше идут уже груженые нарты, на каждой из которых лежит около ста пятидесяти килограммов. Передние олени часто выбиваются из сил, и их приходится сменять. Но Кука весь день неутомимо идет вперед, всегда веселый, мурлыкая какие-то песни. То он бросает связку и отходит вперед, чтобы выбрать хороший спуск в ручей или в протоку реки, то прорубает заросли, через которые мы пробираемся.

Следом за связкой Куки идет другая связка, которую ведет сам Бека, а затем другие ямщики, Димитрячка и Конон. Димитрячка — маленький, немного горбатый якут. Конон — веселый молодой парень.

Кука оптимистичен, в то время как остальные, в особенности русские рабочие, начинают унывать. Кука считает, что все обстоит превосходно и мы, несомненно, выйдем на Омолон.

На стоянках, место для которых выбирает Бека или Кука, раскопав снег и освидетельствовав мох, оленям предстоит новая работа — копытить снег, чтобы добывать мох. По мере того как мы двигаемся на восток, приближаясь к морю, снега становятся глубже, и все труднее пробивать дорогу и кормить оленей. Но на дневках у них все же остается достаточно времени, чтобы слоняться по лагерю в поисках чего-нибудь соленого. При этом они жуют все, что попадется,— мешки, меховые рукавицы, шапки, пробуя все на вкус. Один олень из моей упряжки раз ночью съел четыре килограмма топленого сала и потом трое суток страдал желудком.

Дня через три после того, как мы покинули стан эвенов, мы увидели, что впереди Коркодон разделяется на две долины: одна уходит на юг, а другая — в высокие горы к северо-востоку. Кажется, это то направление, которое нам необходимо, и, когда я догоняю Куку, остановившегося среди равнины, чтобы поправить оленей, он с радостью сообщает:

— Это, наверное, Коркодон уходит в горы. Он обязательно должен идти налево. Я очень рад: завтра, наверное, дойду до Омолона.

К вечеру мы доходим до разделения рек, и, хотя в горы на восток отделяется сравнительно небольшая речка, Кука отправляется вверх по ней, уверяя, что Коркодон не может уходить на юг. Только когда он ушел на целый километр, его догнал Бека и заставил вернуться назад, доказывая, что Коркодон никак не может быть таким маленьким.

Мы становимся на устье этого неизвестного притока Коркодона — вероятно, это Джигуджак, о котором нам рассказывал старик. Здесь хорошее место для астрономического пункта: на самом устье реки растет живописная лиственница, на которой высится громадное орлиное гнездо.

Следующий день очень неблагоприятен для астрономических наблюдений: ночью начинается снег, который продолжается целые сутки; сквозь белесую мглу не видно даже ближайшего леса. Все сидят в своих палатках и мрачно думают о предстоящем пути. Коркодон, несомненно, уходит круто на юг, почти параллельно Омолону, и тем самым очень удлиняет наш путь. Наиболее мрачные предсказания делаются в палатке русских рабочих. Распространитель самых страшных известий — Ваня Березкин. Вообще это очень милый молодой человек, с хорошим характером, прилежный в работе и отличный оленный, а также собачий каюр, но, как и все колымчане, он очень любит передавать слухи и страшные известия. Еще в начале дороги из Верхне-Колымска он писал домой жене: «Обручев ведет нас в такое место, где мы все пропадем, олени и люди».

Об Омолоне, на котором Березкин был в прошлом году, он рассказывает самые ужасные вещи: в верховьях, где мы хотим весновать, нет леса для постройки лодки; течение такое быстрое, что невозможно удержаться у берега; чтобы остановить лодку, нужно привязывать ее к дереву веревкой, и что у них даже веревки лопались и лодку уносило; вся река покрыта камнями, а где нет камней, там громадные заломы принесенного водой леса, при ударе о которые лодка должна обязательно опрокинуться.

Все эти разговоры передаются мне другими русскими рабочими в еще более преувеличенном виде и с самыми мрачными предсказаниями о предстоящей гибели.

На устье Джигуджака из-за снега не удается определить астрономический пункт и нельзя взобраться на горы, чтобы посмотреть вперед. Только на второй день кончается снег и можно двинуться далее. Лишь через два дня мы доходим до ущелья Коркодона. До сих пор мы шли в пределах обширного плоскогорья; оно занимает все пространство между Омолоном, Колымой и Сугоем, которое на существовавших тогда картах обозначено как Колымские горы. Мы предложили назвать это плоскогорье Юкагирским, и так оно и именуется на современных картах.

Выше Джигуджака Коркодон течет уже по окраине

плоскогорья, вдоль большого горного отрога, отходящего от Охотского водораздела.

Ущелье, знаменитый Абкит, в действительности не такое страшное. Здесь нет ни одной большой скалы. В середине его мы сделали обычную дневку после трехдневного перехода, и тут Салищев определил астрономический пункт. Бека со своей связкой нарт отправляется вперед на несколько переходов для того, чтобы отыскать следы эвенов, потому что положение делается все более и более напряженным: мы ведь не знаем, где же наконец будет эта «Русская река», которая должна вывести нас на Омолон.

Во время дневки я поднимаюсь на соседнюю гору, которая возвышается над долиной реки. С нее открывается чудеснейший вид на все стороны, кроме востока, где горизонт закрыт ближайшими горами. На юг видно, что выше ущелья долина Коркодона опять расширяется и верховья реки представляют очень плоскую и длинную впадину между двумя цепями гор. С востока долина Коркодона окаймляется высокой непрерывной цепью гор с редкими острыми вершинами. В эту щель уходит несколько речных долин мелких притоков Коркодона, и какая-то из них должна быть Русской рекой. Нам предстоит в ближайшие дни выбрать себе путь через эту горную гряду.

На другой день мы выходим из Абкита в следующее расширение долины Коркодона. В самом верхнем конце ущелья Абкит лежит громадный тарын, занимающий все пространство между крутыми склонами гор.

На первой же нашей остановке к вечеру к нам возвращается Бека, страшно усталый, едва волочащий ноги. Он уходил за эти два дня на лыжах очень далеко, оставив оленей в месте первой условленной стоянки, но эвенов не догнал. Видел довольно много их старых следов, но до свежих дойти не удалось. Нужно, очевидно, двигаться дальше вверх по Коркодону в надежде увидать наконец утес Элень, против которого должна была быть Русская река.

Еще три дня мы идем вверх по этому расширению Коркодона. Долина углублена и расширена во время прежнего большого оледенения хребта. Современное ущелье Коркодона промыто рекой, которая не могла преодолеть нагромождения морен и льдов и пробила себе новую дорогу через гранитный массив Абкита.

На третий день на левом берегу реки показались мелкие утесы — это и был долгожданный Элень. Возле него мы обнаружили радостные признаки: рыбные заездки, то

есть перегородки из кольев, оплетенных прутьями, сделанные еще летом, а рядом свежие следы оленей. Это эвены объезжали настороженные на пушного зверя пасти еще сегодня утром. Опять мы останавливаемся в ожидании известий, а Бека уходит искать эвенов. На следующий день Бека возвращается к двум часам дня, найдя эвенов в 12 километрах от нас. К вечеру приезжают верхом на оленях три эвена.

На Коркодоне и вообще у горных эвенов Колымского района употребление нарт тогда было совершенно неизвестно, они летом и зимой кочевали с вьючными оленями.

По словам эвенов, дорога на Омолон идет как раз по речке, впадающей против нашей стоянки. По ней лет пятьдесят тому назад действительно приезжали из Гижиги русские купцы. До Омолона на лыжах эвен может дойти в два дня. После сравнения различных расстояний и долгих расспросов мы установили, что это расстояние равно приблизительно 100 километрам.

Эти эвены охотно вступают в переговоры о продаже оленя на мясо и о проводнике. Сперва они не хотят продавать оленя, но, когда я показываю яркий кусок кретона и выясняется, что по твердой колымской цене за оленя я отдам весь кусок (олень расценивался в 1930 году на Колыме от тридцати до семидесяти пяти рублей), старик спешит заключить сделку и забрать скорее материю. Плата, предложенная за проводника, кажется также настолько большой, что эвены не торгуются. Только в конце, перед отъездом, им, по-видимому, становится жалко, что они не взяли еще чего-нибудь, и они начинают говорить, что проводнику будет очень страшно и одиноко возвращаться одному и что следовало бы взять с собою другого человека и заплатить ему такую же цену.

Уезжая, эвены поразили нас проявлением своей образованности: когда я фотографировал их во время посадки на оленей, один из них стал кричать: «Аракай!»— оказалось, что это искаженное слово «карточка». Они уже слышали об этом изобретении и даже, по-видимому, видели чьи-то карточки. Олени шарахались и храпели и, когда эвены вскочили на них, помчались быстрой иноходью, разбрасывая глубокий снег.

На другой день мы передвигаемся ближе к стану эвенов. На полдороге они выходят нам навстречу.

Хотя Омолон был уже как будто близко, в палатке рабочих вновь и вновь дебатируется вопрос о том, хорошо ли мы делаем, что идем на Омолон, не застрянем ли мы там и не будем ли «куковать на Омолоне». Михаил Пере-

толчин уговаривает меня: лучше выйти на морское побережье к Гижиге, и, когда я говорю, что до Гижиги дальше, чем до Омолона, он уверяет, что напротив: «Гижига близко, я уж знаю, как мне не знать?»

Весело и бодро мы двигаемся дальше. Теперь уже нет никаких сомнений, что так или иначе на Омолон мы попадем, и нет тяжких колебаний в выборе пути. Мы оставляем широкую долину Коркодона, уходящую далеко на юг, и поднимаемся на восток по Русской реке, углубляясь в высокую цепь гор, отходящую от главного Охотского водораздела — хребта Гыдан — и тянущуюся далеко на север.

Новый проводник оказывается очень мало полезным: он не умеет выбирать дороги для большого оленного каравана. На второй день Бека решает его отослать обратно.

На Русской реке скоро появляются тарыны, занимающие почти все дно долины, а на склонах — остатки ледниковых морен и «бараньих лбов». Километрах в пятидесяти от устья долина реки сразу расширяется и на юг открываются высокие горы Иняга. Все долины, идущие из этих гор, загромождены моренами, и вдоль склонов тянутся также ряды морен. Мы останавливаемся на ночлег у подножия холмов на опушке редкого леса с кривыми стволами.

На следующий день приходится выяснять, куда же идти. По словам отпущенного нами проводника, чтобы сократить путь, надо, не доходя истоков реки, перевалить через холмы правого берега. И вот Кука внезапно свертывает к цепи холмов и заставляет весь караван подняться по ближайшей лощине. Но с перевала приходится спускаться обратно, к той же Русской реке, повернувшей немного к востоку. Все смеются над Кукой, потому что он проворонил настоящий поворот, который сокращает расстояние, и заставил нас напрасно взбираться на холмы.

Но мы так и не смогли точно установить, где находится истинный перевал между бассейнами Коркодона и Омолона. Широкая ледниковая долина переходит совершенно незаметно в другую, спускающуюся уже к Омолону; здесь течет речка, также называющаяся Русской рекой. С юга все время тянется непрерывная высокая стена гор Иняга, а на севере сквозь туман и снег проглядывают такие же крутые склоны гор Молькаты.

Огромная долина шириной до пяти километров, по которой мы переваливаем, была когда-то проложена большим ледником. Ледник этот шел откуда-то с востока, с существовавших тогда плоскогорий, переходил через Омолон и переваливал на запад в долину Коркодона.

Несмотря на то что почти все время идет снег и пасмурно, блеск снежных равнин, не смягченный лесом, который кончается уже на высоте 800 метров, совершенно нестерпим. Все мои спутники давно уже надели снеговые очки, опасаясь снеговой слепоты. Я долго храбрился — сквозь очки смотреть неприятно, они запотевают, и их приходится протирать,— но в конце концов у меня заболели глаза, и я с трудом мог глядеть. Среди эвенов и якутов теперь уже широко распространены очки с темными стеклами. Те, кто их еще не имеет, носят или особый козырек, сделанный из длинной шерсти, или примитивные северные снеговые очки — дощечку с узкими щелками.

158 2 апреля мы спускаемся с перевала в более низкие области. Долина Русской реки перегорожена высоким моренным валом, и ниже его лежит громадный тарын. Над тарыном, на склоне горы, острые глаза Куки разглядели чум и оленьи стада. Решено остановиться выше тарына, который представляет большие трудности для перехода, и расспросить жителей этого чума о дальнейшей дороге.

Бека, наш дипломатический посол, отправляется для переговоров. Но тут не нужно было уговаривать: жители чума немедленно приезжают сами. Это эвены и коряки, работники богатого оленевода коряка Каменкина, которые пасут одно из его стад. Один из коряков оказался чрезвычайно бойким. Он немедленно садится у нас в палатке, начинает поедать все, что стоит на столе, и просит:

— Господин, дай маленький.

Это значило, что ему надо дать маленький стаканчик водки. Он говорит очень много, энергично жестикулируя, стараясь убедить в превосходных качествах оленя, которого он собирается продать нам, и в том, что он может хорошо вести нас по Омолону.

Здешние коряки и эвены уже нередко выходят на Охотское побережье, посещают русские фактории. Мы покупаем у них одного оленя и договариваемся, что они поведут нас вниз по Омолону, который, оказывается, совсем близко, тотчас за тарыном и ближайшим лесом.

Но эвен не сулит нам ничего хорошего на этом пути. Он говорит, что снег на Омолоне во многих местах настолько глубок, что кочевки эвенов не могли пройти вниз по реке.

Разбитной эвен вместе со своим товарищем коряком является на следующее утро для того, чтобы вести нас вниз по Омолону. Коряк пришел на широчайших лыжах, даже более широких, чем мои,— каждая была шириной в тридцать пять сантиметров, и так как коряк ходил,

несколько раздвинув ноги, то захватывал полосу шириной до метра. Эвен приехал на корякских нартах.

Приморские корякские легковые нарты резко отличаются от тех эвенских и якутских, которые мы видели до этих пор внутри страны. Это очень легкое сооружение; копылья сделаны из приморской кривой березы и представляют ряд дуг, упирающихся в полозья,— нечто вроде шпангоутов лодки. На нарту может сесть только один человек; она узкая и легкая, очень удобна для быстрой езды, но непригодна для перевозки грузов. Олени здесь меньше эвенских, сухопарые и почти черные.

Тотчас ниже стана лежит большой тарын, его поверхность совершенно гладкая, и он доставляет нашим оленям очень много неприятностей. Они не могут идти по этой гладкой ледяной поверхности, так что многие нарты приходится отпрячь и передвигать силами людей. Когда связка вступает на лед, ямщик старается тащить ее бегом, не давая останавливаться, потому что сдвинуть с места тяжелую нарту на льду олени уже не смогут. Если несколько оленей падают, ямщик не обращает на них внимания, и связка тащит оленей, лежащих на льду в самых живописных позах: на спине, на боку, с болтающимися кверху ногами. Только если падает большая часть оленей, по необходимости приходится останавливаться и разделять связку на части.

Низовья Русской реки ниже и выше тарына заросли превосходным лесом. Наши рабочие смотрят на деревья с вожделением: это строевой лес, из которого можно построить лодку для сплава. Все начинают смеяться над Березкиным, пугавшим нас полным отсутствием леса в верховьях Омолона.

Мы едем вниз вдоль реки по широкому кунтуку. Эвен как проводник мало полезен. Его легкие сани не могут проложить пути для нашего каравана: снег здесь действительно глубок и сверху покрыт очень твердым слоем наста. Первая же нарта разбивает наст и глубоко проваливается в рыхлый снег. При виде этого наста лица наших якутов делаются все мрачнее: они представляли себе, как вечером тяжело будет оленям разбивать своими нежными копытами этот крепкий панцирь, чтобы выкопать из-под него мох.

Временами мы выходим на самый Омолон. Здесь другие трудности. На этой реке еще больше полыней, чем на Коркодоне; они тянутся иногда на километр и больше, и надо осторожно выбирать путь, чтобы внезапно не провалиться в какую-нибудь полынью, только слегка при-

крытую снегом. Эвен, конечно, не умеет выбирать дорогу, потому что на его легкой нарте можно проехать всюду, и Куке приходится останавливать караван, идти вперед и пробовать твердость наста. Передняя нарта теперь запряжена двумя парами оленей: одной не под силу пробивать дорогу. Некоторые полыньи приходится переходить по узким ледяным мосткам с нагроможденным на них снегом, иногда эти мостки проваливаются под тяжелыми нартами.

На второй день такого пути недовольство проводников переходит в определенное возмущение. Бека является вечером к нам в палатку и заявляет, что он дальше по Омолону вести не может, что олени здесь должны будут погибнуть от бескормицы и что он не успеет вернуться по санному пути.

Хотя по предыдущей договоренности Бека должен был вести нас до Крестика и затем вернуться санным путем до верховьев Коркодона, откуда он предполагал сплыть на лодке, оставив оленей у эвенов, я решаю пойти на уступки и стать на весновку у первого леса, подходящего для постройки большой лодки. Омолон кажется уже достаточно большим для безопасного сплава, но до сих пор мы не видели ни одной рощи, пригодной для «верфи», за исключением устья Русской реки, оставшегося далеко позади. При этом я все же ставлю обязательным условием, чтобы ниже нашей весновки на Омолоне не было тарынов: мы боимся, что большой тарын может надолго сохраниться в долине, перегородить течение реки и помешать нам выбраться вовремя к устью Колымы.

Строгий допрос нашего проводника-эвена, кажется, дает удовлетворительные результаты: он клянется, что тарынов ниже на самой реке нет, они есть только на протоках Омолона. Он не советует идти ниже, говоря, что вскоре Омолон входит опять в ущелье и там, у подножия утесов, снег достигает громадной толщины. Проводник снова рассказывает, как во время недавней перекочевки они не смогли даже пройти дальше к Крестику и должны были возвратиться обратно.

Мы останавливаемся у устья Малой Абыланджи, большого правого притока Омолона. Отсюда Перетолчин с Березкиным отправляются вниз на лыжах поискать рощу хорошей строевой лиственницы для постройки лодки, а Бека уходит на лыжах в горы, чтобы отыскать богача Каменкина, владельца всех стад и хозяина встреченных нами пастухов.

В семи километрах ниже устья речки Мунугуджак уда-

ется найти хороший строевой лес, которого должно хватить на одну большую лодку. К сожалению, этот лес лежит несколько в стороне от Омолона, на одной из проток Мунугуджака. Но невдалеке есть хорошее место для стоянки, под утесами, на самом берегу Омолона. Кука, который отправился на лыжах вниз для того, чтобы посмотреть, нет ли там хорошего леса вблизи самой реки, возвращается с известием, что строевого леса нигде нет, тарынов далеко не видно и снег везде очень глубок. Очевидно, единственное место для «верфи» — устье Мунугуджака.

На следующий день мы перекочевываем к месту нашей будущей весновки. Быстро и дружно разгружаются нарты, и груз складывается в кучу у подножия утеса. Пустые нарты отгоняют в сторону и связывают по две, одна на другую,— на обратном пути большая часть оленей пойдет порожняком.

Вечером к нам приезжает богач Каменкин со своим секретарем. Каменкин — коренастый смуглый коряк, очень немногословный. Он долго сидит сначала в палатке Беки, затем у нас. Я пробую уговорить его дать мне оленей, чтобы съездить по Малой Абыландже километров за сто, до Охотского водораздела, и потом, на обратном пути, сделать пересечение хребта еще по Большой Абыландже. Но его невозможно соблазнить ничем: ни сахаром, ни мукой, ни сухарями, ни чаем, ни мануфактурой, ни деньгами. Всего у него вдоволь, и ему не хочется отпускать рабочих от своих стад. Оленей у него очень много — три или четыре стада, всего до десяти тысяч голов. Сам Каменкин по-эвенски и по-якутски не говорит, для переговоров с ним ездит секретарь в круглых американских очках. Секретарь одет в обычную поношенную эвенскую одежду, а на Каменкине франтоватый меховой костюм из почти черного оленя, обшитый белой меховой каймой.

Он уезжает обратно к своим стадам, с тем чтобы вскоре откочевать вместе с ними ближе к водоразделу. На другой день уехал и Бека с ямщиками, получив продовольствие на дорогу и денежную премию, которую я обещал ему, если мы благополучно достигнем Омолона.

Вниз по Омолону

Мы остаемся одни и прежде всего устраиваем свой стан. Первый день посвящен созданию домашнего уюта в наших палатках, устройству склада и метеорологической

будки для наблюдений. Следующий день, 1 мая, мы отдыхаем и наслаждаемся весенней погодой (в ночь на 2 мая, впрочем, температура упала до 30 градусов мороза).

Почти полтора месяца мы проводим здесь в полном одиночестве, отрезанные от всего мира. Только иногда забегают горностаи, чтобы поживиться нашими запасами, или прибегают белки, смотрят на нас своими круглыми любопытными глазками и гоняются друг за другом по снегу и по деревьям. Постоянные посетители — кукши сидят на деревьях и все время высматривают, что бы такое схватить из съестного. Как-то раз приходила к нам очень сердитая белка, которая отнеслась враждебно к сидевшей на дереве кукше и немедленно согнала ее. Кукша перелетела на другое дерево, за ней помчалась белка и, злобно цокая, опять согнала ее.

Перелет водяной дичи, на который мы возлагали очень много надежд, оказался ничтожным. В середине мая появляются чайки, которые и остаются в нашем районе, а гусей, лебедей и уток почти не видно. Поэтому весенняя охота была чрезвычайно скромная.

В одном километре от стана находится тот лес, который Перетолчин выбрал для постройки лодки. Это роща громадных лиственниц. Здесь рабочие рубят деревья и распиливают их продольной пилой на длинные доски; потом доски вытаскивают поодиночке по снегу в протоку к устью Мунугуджака, куда, как мы рассчитываем, должна дойти весенняя вода. Лодку решено сооружать такого же типа, как мы делали на Таскане, но несколько короче, так как наш груз в этом году значительно меньше, а управляться с длинной лодкой в узких извилистых протоках Омолона должно быть труднее. Кроме того, нужно сделать небольшую лодку для разъездов и для связи с берегом на случай посадки на мель.

Рабочие с утра уходят на «верфь» и остаются там весь день, а мы с Салищевым сначала приводим в порядок материалы зимнего переезда, а потом начинаем экскурсировать на лыжах по окрестным горам. Снег тает так медленно, что до самого конца мая везде можно пройти на лыжах, а по утрам, когда наст достаточно тверд, можно ходить даже без лыж, совершенно не проваливаясь. Весна наступает не спеша, только 16 мая прилетают первые лебеди, а за неделю до этого появляются первые паучки и жучки.

18 мая — знаменательный день в жизни нашей весновки. Мы с Салищевым поднимаемся на большую вершину, лежащую в шести километрах за Омолоном. Сначала идем

на лыжах, потом, когда склоны становятся очень круты, а наст тверже, лезем пешком. Вершина в зимнем уборе имеет совершенно альпийский вид, с крутыми склонами и громадными надувами снега. Мы сидим на ней, удобно устроившись во впадине, и греемся в лучах солнца; но, посмотрев вниз по Омолону, я внезапно вижу всего километрах в шести ниже нашего стана громадный тарын как раз в том месте, где река суживается у утесов, у тех самых утесов, где, как клялся проводник-эвен, лежат громадные толщи снега.

Мы возвращаемся в очень печальном настроении. Будущее представляется довольно мрачным. Когда растает этот тарын и растает ли вообще или останется лежать мощной толщей льда, преграждающей реку, которая найдет себе проход в узком канале подо льдом? Мы решаем ничего не рассказывать рабочим, ведь они с такой энергией и увлечением занимаются постройкой лодки.

Через два дня мы с Салищевым идем осматривать тарын. На твердом насте хорошо видны следы лыж Куки, который недавно ходил сюда. Они уже оттаяли и выделяются в виде продолговатых бугров над поверхностью снега. Мы идем по этим следам до самого тарына, убеждаемся, что Кука останавливался над тарыном и спускался к его нижнему концу и, несомненно, хорошо его видел. Теперь ясно, почему Кука так поспешно ушел из нашего стана, даже раньше Беки, и почему так холодно с нами расстались якуты, несмотря на щедрое вознаграждение, которое я им дал. Им, по-видимому, было стыдно, что они нас обманули.

Тарын занимает всю реку, но толщина его, вероятно, не очень велика, так как он захватывает только первую террасу с деревьями. В нижней части по нему уже течет обильная вода, и после прогулки на лыжах по яркому солнцу приятно лечь на лед и напиться свежей воды прямо из потока. Выше тарына во многих местах на Омолоне видны длинные полыньи — вернее, узкие щели во льду с редкими хрупкими мостиками. 29 мая местами на Омолоне появляются уже три параллельные щели, намечающие русло реки.

Конец мая я посвящаю экскурсиям на вершины левого берега Омолона. Мне нравится в полном безмолвии подниматься на широких лыжах по лесным склонам и взбираться на вершины, с которых открывается обширный вид, а потом быстро скользить вниз по насту крутого склона. Только к вечеру наслаждение уступает место усталости — в рюкзаке за спиной скапливается больше пуда камней,

лыжи вязнут в снегу, который после полуденного солнца становится вязким и липким. Лыжи, которых утром я совсем не замечаю, к вечеру кажутся пудовыми гирями, и, подходя к стану с особенно тяжелым грузом камней, я иногда отдыхаю через каждую сотню метров.

Во время этих экскурсий я хорошо изучил геологию и рельеф района нашей стоянки. Долина Омолона расположена вдоль Охотского водораздела, но она является юной, не связанной с направлением хребта и имеет различные по происхождению участки. Одни из них очень широки — это остатки древних ледниковых долин; другие — почти ущелья, с крутыми склонами; эти участки проложены

рекой в обход ледниковых долин. С ближних гор виден на востоке ряд цепей, составляющих Охотский водораздел. Эти цепи входят в состав хребта, носящего на прежних картах название Колымского, который местные эвены и якуты называют Гыдан, то есть «морской».

Признаки весны начинают становиться все обильнее. 26 мая расцветают тальники, но снег еще лежит толщей в тридцать сантиметров, и ночью температура падает до 13—14 градусов мороза. 28-го мы услыхали кукушку, голос которой, несмотря на его резкость, очень приятен в безмолвии здешних лесов. Но в ночь на 29-е стал опять падать снег, и утром снова все было покрыто белой пеленой.

Мунугуджак постепенно набухает, наполняет водой главное русло и ряд проток, идущих через лес к нашему стану, но на Омолоне все еще очень мало воды.

1 июня мы с Говязиным отправляемся в далекую экскурсию вверх по Мунугуджаку, в цепь гор, западный конец которой мы пересекли по реке Русской. Цепь эта не имеет общего названия, и мы назвали ее Конгиинской — в память одного из вымерших юкагирских родов, Конгиинидзе.

Я наказываю Салищеву навещать время от времени тарын. Мы уходим на лыжах, потому что снег еще достаточно толстый, хотя местами виднеются значительные участки сухой земли, которые приходится обходить. На этих площадках уже 24 мая показались цветы, сначала пострелы, а к концу месяца и ветреницы, и даже начали летать отдельные, очень редкие комары. Пауки же настолько осмелели, что стали бегать по снегу.

На третий день мы доходим до снежных вершин западной цепи. Здесь еще зима, лежат громадные толщи снега, и глазам нестерпимо больно. Мой спутник в этот день заболел тяжелой формой снежной слепоты: не мог больше

ничего делать и сидел в маленьком шалашике, который мы сделали для ночевки.

За два дня весна подвинулась вперед так сильно, что нам приходится бросить наши лыжи в лесу, даже не доходя до шалаша,— их невозможно тащить, особенно после того, как у нас появился тяжелый груз камней. На наше несчастье, я нашел очень много окаменелостей, которые жаль оставить, и изрядно нагружаю наши рюкзаки. Говязин, как неисправимый охотник, захватил с собой винтовку, но ему удается только посмотреть свежие следы горных баранов.

Назад мы возвращаемся ночью: у Говязина так сильно болят глаза, что днем он совершенно не может идти. Маленькие ручьи, впадающие в Мунугуджак, настолько вздулись, что переход через них представляет большие трудности. Нам приходится отыскивать деревья, лежащие над потоками, и переползать по обледенелому стволу в брызгах ледяной воды. Болота покрыты водой, вода хлюпает даже в наших ичигах, протертых от ходьбы по весеннему насту.

На нашем стане царит оживление. По Омолону двигается сплошная масса льда, а маленькая канава, проходящая вблизи стана, оказалась главным руслом, в которое бросился теперь Мунугуджак. Сухопутное сообщение с «верфью» прекратилось, и приходится пробираться к ней на лодке. Салищев накануне ходил смотреть тарын; тот все еще стоит неподвижно, хотя ледоход нагромоздил на нем громадный затор льда; вода скрывается куда-то вниз, под тарын, а его поверхность так же чиста и ровна, как раньше.

Лодка уже спущена, и сомнения, которые так долго мучили Перетолчина, правильно ли он выбрал место для «верфи» и будет ли здесь достаточно воды, благополучно разрешились. Рабочие предлагают назначить выезд в ближайшие дни, и приходится наконец сказать им, что наш выезд зависит не от нас, а от зловещего тарына.

Вода в Омолоне поднимается непрерывно, уже достигает более двух метров высоты и начинает подступать к нашей стоянке. 6 июня мы идем к тарыну — он уже взломан, и вместе с ним уходит весь лед.

Можно считать, что начинается лето. 8 июня — первая ночь с температурой выше нуля, и распускается лиственница. 9-го мы решаем выехать: весь лед прошел и все готово к отъезду.

Порядок плавания предполагается тот же, что и в прошлом году: я с Говязиным поеду на байдарке, а остальные

в большой лодке. Но Перетолчин, наш главный лоцман и рулевой, упал на днях на берегу и ударился боком о корягу. Теперь он чувствует себя настолько плохо, что не может стоять у руля, и мне приходится ехать на байдарке одному. Я пробую ставить Перетолчину компрессы, но только впрыскивания морфия позволяют ему уснуть. Мы уже подумываем послать его вперед на легкой лодке, с тем чтобы возможно скорее доставить в больницу в Нижне-Колымск, но дня через три он почувствовал себя гораздо лучше, и боль скоро прошла. Даже после первого дня плавания, к вечеру, он вдруг поехал на лодке ловить рыбу: «Чтобы разогнать кровь».

166 Как только большая лодка выходит из затона у весновки, река подхватывает ее и мчит с невероятной быстротой. Отчасти оправдывались слова Вани, что задержаться у берега очень трудно. Конечно, это не невозможно, и канаты не обрываются, но привязывать лодку к деревьям все же приходится. И чтобы остановить большую лодку у берега, требуются большая ловкость и умение.

Первые дни вода все еще поднимается. Она вскоре заливает не только все острова, но и берег с лиственничными лесами. Вода мчится через тальники и захватывает местами всю долину реки. На островах возвышаются страшные заломы, которые топорщатся множеством острых стволов и коряг, торчащих навстречу лодке. Благодаря искусству Перетолчина, вскоре ставшего опять к рулю, лодка избегает этих заломов, несмотря на быстроту течения. Раз только крушение кажется неминуемым: лодку бросило прямо на залом, и она, придавленная водой книзу, чуть-чуть не встала на ребро, но Перетолчину удается направить ее так, что она ударяется серединой и идет, как говорят на Лене, «на отурок», то есть повертывается на 180° и двигается кормой вперед.

В такой обстановке нормальная работа по осмотру утесов очень затруднительна. С трудом можно задержаться в нужном месте, а во многих случаях совершенно нельзя ухватиться за берег, тем более что в байдарке первые дни я плыву один, пока Говязин помогает грести в большой лодке.

Омолон ниже Мунугуджака делает в своем ущелье крутой поворот и выходит к устью Большой Абыланджи.

Большая Абыланджа в это время действительно большая река. Она, так же как и Омолон, заливает своими мутными водами окружающие леса.

Мы можем руководствоваться в плавании только короткими и несколько сбивчивыми рассказами проводника-

эвена, сообщившего нам сведения об Омолоне, его притоках и окружающих горах. И поэтому с нетерпением ожидаем, что несколько ниже Большой Абыланджи выплывем к устью Крестика, где весновал Ваня Березкин вместе с экспедицией Зонова и откуда он должен хорошо знать реку.

Расставаясь утром у Абыланджи, я прошу Салищева, который плывет на большой лодке, остановиться у устья Крестика и ждать меня. Отыскивать друг друга в этой сети островов еще труднее, чем на Колыме, потому что здесь масса маленьких проток, особенно многочисленных весной, которые во время моих поисков утесов заводят меня очень далеко от главного русла.

К концу дня я вижу справа большую долину, очень похожую на ту, которая, по словам эвенов, находится у устья Крестика. Мы с Говязиным пытаемся пробраться к ней, но течение уносит нас от протоки, идущей направо, и приходится невольно снова идти к левому берегу. Неожиданно показывается несколько свежеободранных деревьев на острове, а в затоне за мысом мы видим наши палатки. Эти деревья оказались приметным знаком, сделанным нашими товарищами, чтобы мы не пропустили стоянки.

Я убежден, что мы стоим напротив Крестика, но Ваня категорически заявляет, что этого места он не узнает, что окружающие горы совершенно другие, что они с Зоновым жили в избушках на правом берегу Омолона на лугах, за приречным лесом, и против них находилась большая гора, покрытая снегом. Между тем на склонах той горы, у подножия которой мы стоим, совершенно нет снега, гора небольшая.

Несмотря на полное совпадение описаний эвенов с той картиной, которая открывается перед нами, приходится верить Ване.

На следующий день, очевидно, мы должны дойти до настоящего Крестика, так как расстояние между ним и Большой Абыланджей не должно быть больше двух переходов. Мы снова расстаемся: большая лодка идет вперед, а мы в байдарке направляемся к утесам правого берега. Они кажутся бесконечными.

Начинается проливной дождь, который затягивается до ночи. Занявшись осмотром утесов, только поздно вечером мы выплываем к устью какой-то большой реки, впадающей в Омолон справа. На стрелке под самым утесом на маленьком островке, только что высохшем после паводка, обнаруживаем нашу палатку.

В середине этого дня на правом берегу во время экскурсий к утесам мы нашли репер, поставленный Зоновым во время съемки в прошлом году. Поэтому я был вполне уверен, что мы ночевали против устья Крестика, а большая река, к которой сегодня приплыли,— это Кегали, следующий большой правый приток Омолона. Высадившись на берег у палатки, я поздравляю спутников с тем, что мы достигли реки, от которой Омолон является уже судоходным, но на лицах их написано недоумение. Ваня только что уверил их, что эта река ему также совершенно неизвестна, и они гадали о том, не может ли она быть Большой Абыланджей. Я с усмешкой рассказываю Ване о репере, который видел сегодня днем, но он не верит и несколько раз упрямо повторяет: «Этой местности я признать не могу, и реки не признаю, и гор не признаю».

Только на следующий день, когда мы переходим несколько ниже к другому берегу и выбираем место для определения астрономического пункта, Ваня, увидав еще один репер с той же надписью и собственные свои инициалы, вырезанные им на стволе дерева, соглашается наконец, что здесь он действительно был в прошлом году.

Так рушились наши надежды на последнего проводника. Впрочем, мы еще надеялись, что в 400—500 километрах ниже устья Олоя нам могут встретиться юкагиры или эвены, которые, может быть, расскажут о названиях притоков Омолона.

При дальнейшем плавании Ваня несколько раз пытался восстановить свой авторитет проводника, но это каждый раз кончалось неудачей: он очень плохо помнил берега Омолона.

Омолон — одна из самых пустынных рек этого края. Путь на Гижигу по ней очень труден, и колымчане почти никогда не поднимаются по Омолону выше Олоя.

До Зонова Омолон от устья Кегали проплыл в конце шестидесятых годов прошлого века топограф экспедиции Майделя — Афанасьев, который составил очень небрежную и неверную карту.

На протяжении около ста километров от Кегали Омолон идет в широкой долине прямо на север. Здесь его сопровождают справа сначала все более понижающиеся отроги Гыдана, а потом широкая болотистая впадина, по которой текут реки Молонда и Уяган. С севера эта Уяганская впадина ограничена большим широтным отрогом Гыдана — цепью Ушуракчан. Против нее на левом берегу Омолона высятся красивые утесы Гремячего Камня, состоящие из черных базальтов и других лав.

Мы останавливаемся ниже этих утесов, чтобы сделать экскурсию в конец цепи Ушуракчан. Я отправляюсь пешком с моим неизменным спутником Говязиным, взяв с собой легкую палатку. Салищев остается на Омолоне для определения астрономического пункта.

Путешествие гораздо утомительнее, чем по Мунугуджаку, потому что болота растаяли и до подошвы гор мы бредем по громадной топкой равнине. Но зато восхождение на горы вознаграждает нас снова чудесным видом на Уяганскую впадину и на Юкагирское плоскогорье, которое расстилается на запад до горизонта.

Ось цепи Ушуракчана сложена гранитами, и когда мы достигаем ее центральной части, то видим красивые столбы-останцы — кигиляхи.

От Кедона пейзаж изменяется. Омолон идет по восточной окраине Юкагирского плоскогорья, подмывая то на правом, то на левом берегу отдельные группы утесов, выдающиеся над плато и состоящие из изверженных пород. Долина реки все время широка, и сам Омолон имеет много проток. Если посмотреть с одного из утесов, так называемых Камней, на долину реки, то вы увидите очень сложную сеть проток и между ними множество островов, покрытых лиственницами, бальзамическими тополями, чосенией и тальником. Эти тальники служат приютом для лосей, и, как нам рассказывает Ваня, когда появится много комаров, лоси будут выходить на берег и хлопать ушами. Но мы относим эти рассказы к области обычных басен Вани.

По обе стороны долины Омолона вдоль подножия гор лежат громадные болота и болотистые леса. Долина реки, по рассказам, еще более трудно проходима, чем долина Колымы.

За сорок лет путешествий по Сибири я никогда не встречал так много комаров, как здесь.

Комары не оставляли нас в течение всего дня! Даже на середине большой реки при слабом ветре они носились тучами вокруг лодки, сидели сплошными массами на поверхности брезента, покрывающего лодку, и на нас самих. Нельзя было что-нибудь делать не только без сетки, но даже без перчаток. Спать пришлось в специальных пологах, которые мы тщательно подтыкали под себя на ночь, а для письменных работ ставить на берегу палатку и засыпать ее края внизу землей или галькой, чтобы не пролезали комары. Только во время очень сильных дождей и ветра мы от них избавлялись.

Не удивительно, что лоси, которым некуда деваться от

этого страшного бича, выбегают на берег, где хоть немного дует ветер, и залезают до самой морды в воду.

Ниже устья Большого Олоя мы наконец видим первого лося. Он стоит в воде и действительно хлопает ушами, отгоняя комаров. Тотчас начинается ожесточенная стрельба из всех имевшихся ружей. Попали только две пули, и рьяные стрелки долго спорили, кто выпустил их. После первого выстрела лось повернулся и побежал к берегу, но второй выстрел свалил его на мелком месте вблизи берега. Это был молодой, двухгодовалый зверь.

Эта первая жертва оказывается и последней. Мяса так много, что его хватает до устья Омолона, и, несмотря
170 на повторяющиеся в ближайшие дни постоянные встречи с лосями, нам совестно их убивать.

В течение нескольких дней мы часто встречаем лосей. Одни из них лежат в воде, развесив громадные ветвистые рога, другие, более молодые выходят на отмели, с любопытством разглядывают нас и позволяют подплывать к ним на 80—100 метров и фотографировать. Более осторожные звери, завидев нас издалека, убегают своей крупной и легкой рысью, высоко подняв голову и энергично бросая вперед горбатое крепкое туловище.

Два раза попадаются нам лосихи с молодыми лосятами. Одна из них убежала по зарослям, а за ней на некотором расстоянии бежали два рыжих лосенка. Другая стояла с лосенком на отмели как раз вблизи нашей стоянки и, когда Салищев подкрался к ним, чтобы снять их поближе, переплыла на тот берег, а лосенок, побоявшись широкой реки, остался на отмели, жалобно крича, пока наконец решился плыть вслед за матерью.

Ниже Большого Олоя мы увидели жилища единственных летних жителей Омолона эвенов, стоящие на отмели реки. Здесь довольно живописное место с видом на дальние вершины Юкагирского плато и с густой стеной леса вокруг. Но комары не оставляли людей ни на минуту: не только снаружи нельзя было стоять без сетки, но даже и внутри чума все время нестерпимо кусали комары. Мы пробыли у эвенов очень короткое время, расспросив их о названиях соседних речек. Они сами ходили вверх по Омолону недалеко и могли сообщить названия рек только для самых ближайших окрестностей. Обычно они кочуют между Омолоном и верховьями Березовки, большого притока Колымы.

Зимой, когда мы еще были в Средне-Колымске, оттуда на Олой поехал ветеринарный врач Поляков. Его задачей было изучить условия оленеводства на Олое и выяснить

возможность улучшения стад чукотского оленя и разведения лучших пород ездовых оленей. Здесь, на Омолоне, мы пытаемся узнать у эвенов что-нибудь о Полякове. Никто не видел, чтобы он проезжал, и так как врач должен был выехать с Олоя по весенней воде, то Ваня немедленно решил, что Поляков погиб.

Когда мы выехали на Колыму и выяснилось, что Поляков туда действительно не приезжал, догадки Вани превратились в уверенность, и он всем стал рассказывать о гибели Полякова, постепенно приукрашивая свой рассказ. Велико же было его удивление, когда однажды в Нижне-Колымске, встречая прибывший сверху катер, он увидел Полякова, обросшего огромной черной бородой. Поляков поздоровался с ним, но Ваня сделал последнюю попытку спасти созданную им легенду и сказал: «Я вас не признаю».

Поляков во время своей поездки долго пробыл у чукчей. В одном из стойбищ он встретил последнего эрема чукчей — «короля», как его называли в официальных бумагах прошлого века. То был Тынапо, сын Эгели, о котором сообщал Богораз (Тан), и внук могущественного эрема Амвраургина, с которым в семидесятых годах вел переговоры Майдель. Последний представитель этого королевского рода, съев всех своих оленей, жил в качестве приживальщика у богатого чукчи, владевшего стадом в пять тысяч голов. Поляков убедил чукчей, что власть короля Тынапо давно кончилась, и провел выборы наслежного совета. Поляков хотел вывезти с собой в Среднеколымский музей и «облачение» короля — красный фрак, подбитый горностаем, но чукчи не согласились: «Мы устроим музей у себя, чтобы наши дети могли видеть, как одевались наши эремы». Полякову удалось увезти только «королевский архив», состоявший из записок духовных пастырей — колымских священников — с требованием о своевременной уплате пушнины за требы и печатных бланков с текстами присяги на двух языках — русском и чукотском.

Ниже Большого Олоя долина Омолона довольно однообразна: она еще шире, чем раньше, и река образует в ней множество проток с бесчисленными островами. «Камни»— утесы, которые несколько разнообразили путешествие по Омолону,— становятся все более редкими. Некоторые из них носят своеобразные названия, например Шепеткой на левом берегу Омолона, что на местном русском языке значит «красивый». На одном из высоких «камней» правого берега стоит старинный столб с надписью конца

XVIII века. Омолон и его правые притоки уже в XVIII веке служили путем, по которому перевозились грузы на Анадырь; другой путь лежал через Большой Анюй.

Течение постепенно становится медленнее, наконец в низовьях кончаются «камни», и Омолон начинает напоминать низовья Колымы. Появляются такие же талы с массами костей четвертичных животных у их подножия *. Относительно одной из тал, лежащей вблизи заброшенной заимки «Сибирь», Ваня особенно предупреждал нас, что подплывать к ней чрезвычайно опасно: не раз бывали случаи, когда юкагиров, плывших на маленькой лодке, затягивало под эту талу и они погибали под обвалом.
 Тала эта тянется на два километра и представляет интересное зрелище: река бьет под нее на повороте, тала образует непрерывный вертикальный обрыв, основание которого все время подмывается.

В низовьях Омолона на протяжении последних пятидесяти километров расположен ряд заимок; на них иногда выезжают для рыбной ловли жители из ближайших к устью Омолона постоянных заимок на Колыме.

12 июля мы выплываем на Колыму на веслах, потому что течение в устье Омолона слишком медленно, и останавливаемся у правого берега у высокой талы.

Предстоит позаботиться о дальнейшем пути до Нижне-Колымска. Снова мрачные предсказания Вани. Уже задолго до выезда на Колыму он рассказывал, что в низовьях встречные ветры часто задерживают лодку и оставшиеся нам 140 километров можно будет, вероятно, пройти не меньше чем в неделю. Действительно, вскоре после выхода на реку начался низовой ветер, который задержал нас на некоторое время.

Мы воспользовались этим для того, чтобы поставить мачту для паруса и съездить на другой берег, на заимку Колымскую. В ней живут юкагиры, которые в настоящее время совершенно обрусели и не знают юкагирского языка, а говорят по-русски и по-якутски.

В середине заимки, возле сруба маленькой часовни, находится могила Черского. Раньше тут был простой крест, поставленный в 1892 году еще М. Черской. В 1929 году экспедиция Наркомвода поставила столб с медной доской. Здесь, в вечно мерзлой почве, за полярным кругом, лежит Черский, этот, как нам говорил один старичок

---

* Тал (тала) — обрыв по берегам рек бассейна Колымы, сложенный рыхлыми четвертичными отложениями, в которых находят обильные костные остатки фауны копытных.— *Прим. ред.*

в Средне-Колымске, «знаменитый экспедитор, императорских наук академик». Позже на могиле Черского был поставлен каменный обелиск.

Назад на свой берег мы вернулись в большую волну, которая здесь легко разводится при всяком ветре, так как река достигает значительной ширины. Еще целый день мы сидим на берегу, следя за колебаниями ветра, который время от времени как будто собирается повернуть и перейти в попутный.

Но вот ветер повернул только на 90° и стал дуть в бок. Пришлось рискнуть, и к вечеру мы отплыли.

Наша мачта представляет сооружение, далеко не удовлетворяющее правилам мореходного искусства. Это две большие жерди, прикрепленные к бортам лодки и связанные наверху вместе. Перетолчин применил эту якутскую систему оснастки, чтобы не пропускать мачту сквозь середину брезента, из которого сделана крыша на нашей лодке.

Первое время плыть очень трудно, потому что приходится все время отгребаться от берега и мелей, к которым нас прибивает ветер. Кроме того, с запада хлещут большие волны, заливающие через борт. Ваня испытывает полное удовлетворение: его слова блестяще подтверждаются.

Но вскоре направление реки немного изменяется, ветер становится более благоприятным, и наше неуклюжее плоскодонное судно идет быстрым ходом.

Ветер дует без перерыва, мы быстро скользим мимо заимок. Наступает вечер, но мы решаем плыть всю ночь, чтобы не упускать такого благоприятного случая. Среди ночи ветер немного стих, все легли отдохнуть. Я стоял на вахте, пока наконец на рассвете погода не засвежела и мне одному нельзя было удержать тяжелый руль. Надо заметить, что еще с вечера мы подшили к имеющемуся у нас парусу, достигающему около 12 квадратных метров, еще кусок ткани в 7 квадратных метров, и сейчас такой большой и высокий парус становится опасным для плоскодонной лодки. Приходится взять по всем правилам рифы и идти с уменьшенной парусностью.

Эта часть Колымы довольно скучна. Утесов нет совершенно, и только по правому берегу нередко тянутся большие талы. Против заимки Дуванное, по рассказам местных жителей, лет шесть назад был вымыт рекой из обрыва труп мамонта. Отсюда мне потом привезли в Нижне-Колымск череп носорога и большую редкость — череп молодого мамонта с бивнями всего в 20 сантиметров длиной.

Кусок черепа еще более маленького мамонта с малюсенькими зубками я нашел у талы выше Средне-Колымска.

Прошлой осенью, когда снизу шел последний катер, капитан его, приближаясь к Дуванному, увидал странное зрелище: кто-то черный сидел на крыше избы, а кругом ходили какие-то черные звери. Оказалось, что это медведи, которые уже в течение двух дней осаждали заимку и не давали ее жителям — пожилой женщине с дочерьми — выйти. На катере были охотники, и в последовавшем сражении один медведь был убит, а остальные убежали.

Не так давно эта часть Колымы была богата дикими животными. Еще лет десять тому назад стада диких оленей

переплывали через Колыму с одного берега на другой, а теперь только при особенно удачном рейсе попадаются навстречу катеру один или два плывущих лося.

Через 20 часов после отплытия от устья Омолона мы подходим к Нижне-Колымску. Города с реки совершенно не видно: он лежит в глубине, а вдоль берега, на краю террасы, растут обильные тальники.

Ко времени нашего прихода к Нижне-Колымску ветер начал спадать, но, воспользовавшись его последними порывами, мы подошли к пристани на парусах по всем правилам парусного спорта. В последний момент я имел удовольствие отдать фал и сбросить парус и видеть, как лодка врезается в топкую прибрежную няшу.

Среди полярных льдов

В Нижне-Колымске в 1930 году было только тридцать или сорок домов, расположенных на маленьком возвышении, тянущемся между двумя болотами с озерками. Вблизи самого города лес вырублен, остались только тальниковые кусты. Дома той же обычной колымской архитектуры — без крыш. В церкви помещался клуб, а на колокольне можно было еще видеть вырезанные инициалы и подписи побывавших здесь в годы гражданской войны командиров разгромленных белых армий, докатившихся в своем паническом бегстве до крайнего северо-востока. Это были бандитские шайки, грабившие население.

Одна из подписей белого офицера Бялыницкого привлекает наше внимание. Это человек, который сыграл важную роль в появлении чыбагалахской платины Николаева.

Как мне рассказывали в Средне-Колымске, история пузырька с платиной, которую принес в Якутский госбанк Николаев, очень сложна. В 1913 году на Колыму был сослан революционер Тменов, до этого работавший на Вилюе. Он привез с собой маленькую бутылочку с платиной, добытой из вилюйских россыпей. Когда Колымой овладели белогвардейские шайки, Тменов был убит, и все его имущество, в том числе пузырек с «белым золотом», оказалось у Бялыницкого. Этот офицер через некоторое время перешел на сторону Советской власти и был убит белыми в Абые. Его имущество хранилось у его хозяйки, от которой Николаев и получил пузырек с «белым золотом». Вероятно, эту платину, даже в том же самом пузырьке, он и сдал в Якутске.

В Нижне-Колымске нам предстоит провести время в ожидании прибытия парохода. Приход его зависел от ледовой обстановки.

В Нижне-Колымске уже собралось значительное количество служащих из Средне-Колымска, которые должны были в этом году выехать на «материк», как здесь говорят, то есть во Владивосток, а на смену им ждали приезда с пароходом новых.

Скоро пришло первое известие о пароходе. В Нижне-Колымск прибыл радист из Средне-Колымска и установил здесь маленькую приемо-передаточную станцию. Ежедневно с утра до вечера он должен был отбиваться от любопытных, желавших узнать, когда придет пароход и возможно ли будет в этом году выехать из Нижне-Колымска. Несмотря на то что рейсы через Ледовитый океан на Владивосток начались уже с 1911 года, все же в 1930 году плавание этим путем не было вполне обеспеченным, и на обратном пути суда иногда зимовали.

В колымские рейсы ходили тогда только два парохода — «Колыма» и «Ставрополь», совершенно не приспособленные для работы среди льдов, и шхуны американца Свенсона, направлявшиеся на Колыму по особому договору с Госторгом (позже с Наркомвнешторгом).

Рейсы этого года с самого начала стали проходить при довольно мрачных предзнаменованиях. Уже при входе в бухту Лаврентия «Колыма» получила повреждение дна. 16 июля, войдя в Ледовитый океан, пароход сразу же попал в тяжелые льды у мыса Сердце-Камень. «Колыма» пробивалась здесь пять дней, то останавливаясь среди льдов, то дрейфуя с ними обратно на восток, то спасаясь под самым берегом от нажима льдов. Только 22 июля с большим трудом «Колыма» дошла до Колючинской губы.

Два или три дня «Колыма» пробивалась затем у острова Шалаурова и помогла здесь шхуне «Кориз», принадлежавшей Свенсону и шедшей также на Колыму.

1 августа, проходя возле острова Айон, лежащего у входа в Чаунскую губу, «Колыма» в тумане ударилась о большую льдину правой скулой и, отскочив от нее, ударилась другой стороной о соседнюю льдину. Оказалось, что у парохода подводными выступами льдин пробиты обе скулы вблизи носа. Несмотря на работу всех отливных машин, вскоре вода в трюме достигла 7 футов. Поэтому капитан «Колымы» Д. Сергиевский решил выброситься на отмели острова Айон. Вода в трюме прибывала и достигла уже
176 11 футов. Пришлось спешно разгружать передний трюм, наваливать груз на палубу и частью на подошедшую на помощь «Коризу». Подвели брезентовый пластырь и закрепили его. В таком состоянии пароход пошел дальше к Колыме. Во время плавания во льдах у парохода оказались отбиты две лопасти винта и поврежден руль.

В Нижне-Колымске мы не знали обо всех этих подробностях; было известно только, что пароход получил какие-то повреждения, вследствие которых часть груза подмокла и его пришлось перегружать. Тем не менее стали уже распространяться самые мрачные слухи, которые приводили в уныние малодушных.

От Нижне-Колымска до устья Колымы еще около 200 километров. Здесь есть серьезные препятствия для морских судов — перекаты и бары *. Для провода судов до Нижне-Колымска обычно откомандировывается лоцман из местных жителей. Но в этом году Якутгосторг поскупился, взяв наименее сведущего лоцмана и не обставив знаками как следует реку. Поэтому, поднимаясь по Колыме, пароход сел на мель и должен был выгрузить часть груза на баржи.

В Нижне-Колымске, несмотря на то что время было сравнительно позднее (14 августа), работы по выгрузке производились очень медленно. 6

Только 18 августа мы погрузились на пароход и он вышел из Нижне-Колымска. С самого выхода начались приключения. Уже в десять часов утра по небрежности лоцмана пароход садится на мель. В течение нескольких часов капитан пробует сняться с мели, но ничего не выходит, и приходится прибегнуть к единственно возможному способу — свозить груз на берег на кунгасах, которые

* Бар — отмель на устье реки, перегораживающая фарватер.— *Прим. автора.*

мы везем с собой на палубе. Для этого мобилизуются кроме команды все пассажиры; и в продолжение ночи мы выгружаем тяжелые ящики, кули с мукой и солью, весь зимовочный запас парохода, а затем кирпичи, которые везут для устройства печей на случай зимовки. После этого пароход снимается с мели. Затем надо снова все свозить с берега обратно, и только в пять часов вечера 19 августа «Колыма» двигается дальше.

В течение следующих двух дней пароход дважды садится на мель, и 200 километров мы идем трое суток. В конце концов капитан ссадил лоцмана на шлюпку и отправил его обратно, решив пройти остальную часть реки на свой риск.

Первые льдины мы встречаем тотчас по выходе в океан; сначала их еще мало, и первые две ночи пароход идет без остановок. Благодаря этому уже 24-го утром мы проходим Чаунскую губу и в отвратительную погоду, в тумане, который закрывает берег, в темноте приближаемся к Шелагскому мысу — северной оконечности этой части континента.

Приняв почту от учителя, недавно поселившегося на Шелагском мысу, двигаемся дальше.

Уже в 12 километрах от острова Шалаурова встречаются такие тяжелые льды, что пароход не может пробиться. Ночью давление льдов усилилось, был поврежден руль, и «Колыма» получила сильную вмятину правого борта.

К утру 26 августа выясняется, что положение наше довольно безнадежное, по крайней мере в ближайшем будущем. Мы стоим в восьми милях на запад от острова Шалаурова среди сплошной массы тяжелых льдов. Тяжелыми льдами называют льды, состоящие не из одного ледяного слоя, лежащего горизонтально, а из массы льдов, переломанных, сдавленных и спаянных вместе в новые толстые льдины. Толщина их нередко достигает пяти-шести и даже десяти метров. Обычно в подводной части льдины, на глубине одного-трех метров, выдвигается ледяной таран: верхняя часть льдины быстро тает, а нижняя несколько запаздывает. При сдавливании льдов во время ветров эти льдины с очень большой силой давят на подводную часть корабля, а так как «Колыма» совершенно неприспособлена для плавания во льдах и борта ее при плоском дне почти вертикальны, то давление льдов может произвести сильные разрушения.

В течение четырех дней «Колыма» пробует пробиваться, маневрируя между льдинами. Это продвижение идет край-

не медленно и очень тяжело для всего экипажа. Самый простой способ борьбы со льдами заключается в том, что «Колыма», отойдя немного назад, на тихом ходу подходит вновь к льдинам и затем старается на полном ходу раздвинуть их. Непрестанно с капитанского мостика передается в машинное отделение команда: «Назад!», «Тихий вперед!», «Стоп!», «Назад!» и т. д.

Когда льды не поддаются и дорогу загораживает особенно большая льдина, ее стараются оттащить в сторону. Для этого на льдину спускают матроса, сносят на нее небольшой якорь; затем трос, ведущий от якоря, наворачивается лебедкой на барабан, и льдина медленно, едва заметно для глаза, отплывает вбок, а пароход получает возможность продвинуться на несколько метров. Затем новый разбег вперед, новые страшные толчки, и опять следующая маленькая льдина отодвинута.

Но иногда приходится прибегать к еще более энергичным способам. На лед спускается помощник капитана с двумя матросами, и в какое-нибудь отверстие во льду спускают патрон динамита с бикфордовым шнуром. Шнур поджигают, из отверстия вылетает столб воды, и льдина трескается на несколько частей. Но на «Колыме» очень мало динамита, поэтому его экономят и прибегают к взрывам в редких случаях.

Долгие часы, а иногда и целые сутки «Колыма» стоит во льдах, ожидая подвижки льда, крепко зажатая громадными торосистыми льдами. Во время этих вынужденных стоянок матросы и пассажиры выходят на лед погулять, пострелять (если не в птиц и нерп, то в пустую жестянку), а капитан использует стоянки, чтобы запасти свежей воды из больших луж с поверхности льдин, образовавшихся от таяния снега. Для этого на льдину ставят насос и протягивают шланг на палубу.

28 августа удается продвинуться на четыре мили к острову Шалаурова. 29-го капитан направляет судно поближе к берегу и здесь в небольших прогалах между льдинами подходит к проливу между островом Шалаурова и материком. В это время ветер усиливается до шторма, тем не менее лед не двигается. Пробуем пройти между островом Шалаурова и материком, но здесь слишком мелко, придется огибать остров.

30 августа в течение двенадцати часов, с четырех утра и до четырех вечера, пароход обходит этот маленький островок. Льды обступили его со всех сторон, и только вблизи самого острова остается проход, иногда шириной всего лишь в 20—40 метров. Капитан Д. Сергиевский, который

уже на пути в Нижне-Колымск выяснил, что можно проходить очень близко к береговым утесам, решил теперь идти вблизи самого острова. Слышится зловещий шорох, но податься влево невозможно: там выдвигаются льдины. Мы теряем еще одну лопасть винта и теперь неповрежденной остается только одна, последняя. Чтобы защитить винт от ударов льда, около кормы все время стоят пассажиры и матросы и отодвигают льдины шестами.

За эти пять дней нередко начиналась пурга и берег скрывался от нас. Это довольно унылое побережье, хотя уже невдалеке от берега возвышаются высокие горы; местами стоят яранги чукчей, покрытые шкурами.

31 августа мы идем довольно быстро вдоль кромки льда; возле берега остается все-таки значительная полоса, в несколько километров шириной, свободной воды. В этот день начинается пурга с сильным штормовым ветром. От мыса Якан мы опять попадаем в тяжелые льды и к концу дня принуждены остановиться, закрепив якоря на большой льдине — стамухе.

Стамуха — это большая ледяная масса, которая по внешнему виду напоминает ледяную гору, но совсем другого происхождения. В то время как ледяная гора (айсберг) представляет оторвавшуюся часть наземного ледника, стамуха образуется из морских льдин, нагромождающихся постепенно друг на друга. Она возвышается над уровнем воды иногда до десяти метров и сидит на несколько десятков метров в воде. Обычно эти стамухи сидят на мелких местах, и ряды их обозначают границу более глубокой части моря.

Ночью на «Колыме» снова были неприятности, которые прошли незаметно для пассажиров. Лопнул проволочный трос, прикреплявший пароход к стамухе, судно понесло, и при этом трос намотался на винт. Пришлось бросить якорь и начать очистку винта. Но здесь прибавилось новое несчастье: на якорный канат навалилась большая льдина, которая грозила порвать его. С большим трудом удалось справиться со льдами, и к утру мы укрылись в расщелине между двумя стамухами. Стамухи, сидящие на мели, представляют лучшую защиту для парохода, потому что не двигаются и сдерживают напор льда, который непрерывно дрейфует под влиянием ветра и течения.

1 сентября, пробираясь вдоль берега и лавируя между тяжелыми льдами, мы наконец приближаемся к мысу Северному (теперь мыс Шмидта). Мыс Северный совсем не самый северный мыс этого побережья, Шелагский мыс расположен значительно дальше к северу. Но так назвал его

английский мореплаватель Кук, который в XVIII веке, пройдя на своих парусных судах через Берингов пролив, доходил до этого мыса.

Но в этот день «Колыме» все же не удается дойти до самого мыса Северного, нас отделяет от него полоса очень тяжелых и сплоченных льдов. На следующий день мы начинаем пробираться через них, хотя временами кажется, что это невозможно. Капитан решает отправить кого-нибудь в факторию, расположенную на берегу возле мыса. Вызвались ехать трое: второй механик, радист из Средне-Колымска и я. Мы спускаем маленький складной брезентовый ботик и тащим его через льды. В некоторых местах между льдинами свободные пространства воды и можно проплыть на веслах несколько десятков метров.

Наш ботик совершенно дряхлый, ему не меньше двадцати лет, и после того, как мы его протащили больше километра по льду, пересохший брезент разрывается; когда мы доходим до края сплошных льдов и пускаемся через отделявшее нас от берега водяное пространство, ботик начинает наполняться водой. К счастью, в полынье плавает несколько льдин. У первой же из них приходится пристать и отлить воду. У второй, находящейся на середине полыньи наше путешествие кончается. Когда мы подходим к этой льдине, ботик наполняется наполовину и ледяная вода заливает нам ноги.

Льдина, на которой мы спасаемся, имеет в поперечнике всего три метра. Мы вытаскиваем на нее ботик, вылезаем сами и ждем помощи. В это время «Колыме» удалось пробиться через льды и даже опередить нас, и наши спутники сидя на палубе, издеваются над нашим печальным положением. На берегу собрались чукчи, которые наконец сжалились и вывезли нас с льдины поодиночке: их байдара была слишком мала, чтобы поднять сразу трех человек. Вода уже покрылась тонким слоем льда, который звенел и трещал под напором легкой лодочки.

На берегу мы прежде всего забираемся на утес на северном конце мыса; с него открывается далекий вид на море, покрытое сплошными тяжелыми льдами; только у северного подножия мыса несколько наискось тянется небольшая полынья, в которую следует пробиться «Колыме».

В то время на мысе Северном не было еще ни полярной станции, ни самолетов, и из русских там жили только научный работник этнограф Н. Шнакенбург и заведующий факторией.

Местных чукчей мы встретили на берегу. Они только что приехали в большой байдаре с охоты на тюленей и вытас-

кивали свою добычу на берег. Большая чукотская байдара поднимает до тонны груза; это лодка с плоским дном и крутыми бортами, сделанная из деревянных или костяных упругов, обтянутых моржовой кожей.

Капитан пробует пробиться вокруг мыса Северного таким же образом, как мы это делали у острова Шалаурова. Но здесь льды еще тяжелее, и никакие усилия не помогают. К вечеру на западе в отдалении от мыса показывается небольшая узкая полынья, и капитан решает вернуться назад, чтобы попробовать пробиться через нее. Но чтобы повернуться, приходится рвать льды динамитом, растаскивать их якорями и тросами. Только на рассвете 3 сентября пароход наконец вырывается в большую полынью.

Дальнейшее плавание до острова Колючина, лежащего у входа в Колючинскую губу, прошло без особых приключений. Только у реки Амгуемы мы ненадолго сели на мель возле лагуны. В этой части Чукотского побережья лагуны достигают громадного развития. Лагуны — это участки моря, отчлененные намывными косами, которые, постепенно вырастая, совершенно отделяют от моря продолговатые заливы, превращающиеся в озера. В глубине страны видны высокие горы, закрытые тучами.

Все надеются, что больше льдов не будет, потому что восточная часть этого побережья почти всегда свободна ото льда, а за Колючинской губой можно считать, что опасное плавание уже кончилось. Да и «Колыме» пора отдохнуть ото льдов. У мыса Северного мы повредили еще одну лопасть, и у нас осталась всего половина одной и треть другой. Удивительно, как с таким винтом «Колыма» могла еще идти вперед.

Но возле острова Колючина нас снова встречают тяжелые льды, и целый день мы пробиваемся сквозь них. Все пространство на востоке, как оказалось вплоть до самого мыса Дежнева, забито льдами. Вблизи мыса Сердце-Камень «Колыма» в течение пяти дней борется со льдами. С 5 сентября вплоть до 10-го «Колыма» шаг за шагом, раздвигая льды, пробирается к востоку, и каждую ночь обратное течение относит ее к западу. Несмотря на то что здесь, согласно лоции, должно быть течение, направленное вдоль берега к востоку, каждое утро мы просыпались всегда западнее той точки, у которой стали на ночь вечером. Ночью идти очень опасно: ночи уже темные и можно разбить судно. Правда, нередко и днем наваливается туман, и движение вперед прекращается. Но в конце концов капитан все-таки рискнул идти и ночью и днем, в пурге и тумане вперед.

В ночь на 11 сентября наконец льды стали редеть и можно двигаться вперед малым ходом. Утром открывается вдали мыс Дежнева.

За Уэленом мы выходим в Берингов пролив. Он редко бывает открыт, здесь почти всегда гнездятся туманы, но в этот раз туман поднялся, и нам удалось увидать величественные и мрачные скалы и между ними, на полусклоне, селение эскимосов Наукан, напоминающее кавказский аул. Яранги наполовину сложены из камней, и только верхняя часть их покрыта крышей из шкур. Иногда от мыса Дежнева бывают видны берега Америки; сейчас они закрыты туманом, и удается разглядеть только один из ма-

леньких островов Диомида, лежащий в Беринговом проливе. Островов Диомида два: остров Ратманова — наш, а другой, более восточный, остров Крузенштерна,— американский.

В Беринговом проливе льды нас еще не оставляли. Только 12 сентября исчезает последняя маленькая льдина. Здесь льды уже не страшны: они растаяли, стали рыхлыми и ноздреватыми. Как только мы выходим изо льдов, обнаруживается, что «Колыма» не в состоянии дойти даже до Камчатки. Волны расшатывают носовую часть парохода, разбитую льдами, все клинья и бревна, которые ее держали, выскакивают, и в переднем трюме появляется течь; насосы не могут откачать прибывающую воду. Надо спешить пройти куда-нибудь в спокойную бухту, чтобы зачинить пробоину. Следует также переменить винт, потому что с этим винтом пароход не может выгрести против шторма.

Для стоянки была выбрана бухта Провидения — большой залив на юго-востоке Чукотского полуострова.

Мы вошли в узкий извилистый залив между высокими мрачными горами и спрятались там в спокойную маленькую бухту Эмма. Здесь мы простояли восемь дней, сменили винт, отремонтировали подводную часть судна и пошли дальше. В бухту Глубокую, на корякском побережье, мы зашли за водой, потом забрали с рыбалки возле Усть-Камчатска соленую рыбу, консервы и рабочих.

Только через два месяца после выхода из Нижне-Колымска мы вошли в Золотой Рог — гавань Владивостока. Все стоявшие там суда были расцвечены флагами в честь прихода «Колымы», благополучно закончившей тяжелый полярный рейс.

Условия плавания вдоль полярного побережья Чукотки через несколько лет сильно изменились. Были построены полярные станции, ведущие непрерывные наблюде-

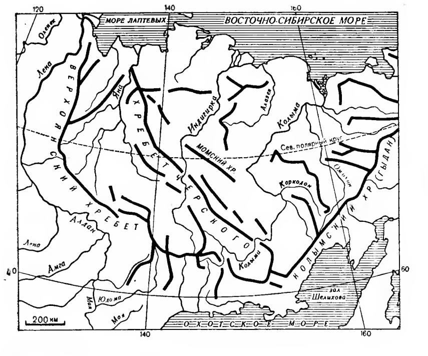

Схема хребтов Северо-Восточной Азии, составленная после экспедиции С. В. Обручева 1929—1930 годов

ния над погодой и льдами. Пароходы сопровождаются ледоколами, которые пробивают дорогу во льдах, и самолетами, отыскивающими полыньи и полосы разреженного льда. Поэтому суда могут двигаться быстрее и безопаснее.

Этим трудным плаванием закончилась наша вторая экспедиция на Северо-Восток. Результаты ее были так же интересны, как и первой. Нам удалось выяснить, куда продолжается хребет Черского. Оказалось, что он не поворачивает к северо-востоку, как я думал вначале, а уходит к югу, пересекает Колыму у ее порогов и рассыпается на ряд цепей, кончающихся у Колымско-Охотского водораздела. Мы проникли в самые недоступные части хребта Колымского, или Гыдана («морского»), как его называют местные жители. Мы установили, что между Колымой и Омолоном, где на картах показывали хребет Колымский,

расположено обширное плоскогорье, названное нами Юкагирским. Мы изучили и нанесли на карту большую область верховьев Колымы.

Во время двух экспедиций 1926—1930 годов мы с Салищевым покрыли своими маршрутами огромные пространства Колымско-Индигирской горной страны; во многих изученных нами районах до нас не был ни один исследователь, и они не были до этого нанесены на карту.

Что касается геологии, то, кроме участка Колымы между Верхне-Колымском и Нижне-Колымском, где проплыл умирающий Черский, все наши маршруты пролегали по не посещавшимся ни одним геологом путям. Конечно, за три года нельзя изучить как следует горную страну площадью в миллион квадратных километров, и я мог дать лишь общую схематическую картину геологического строения изученных хребтов; многочисленные геологические исследования, которые были произведены на Северо-Востоке позже, показали, что моя схема была в общих чертах верна, и она явилась основой для последующих работ.

Наши исследования 1926—1930 годов и карты, которые составил на основании своих маршрутных съемок и астрономических определений Салищев, дали совершенно новое представление о расположении горных хребтов и рек Северо-Востока. Дальнейшие географические работы и топографические съемки добавили, конечно, много нового и более точного, особенно в не посещенных нами районах, но основы новой географии Северо-Востока были прочно заложены нашими экспедициями.

Ознакомление с бассейнами рек Индигирки и Колымы поставило перед нами ряд новых вопросов. Вся восточная часть хребта Гыдан осталась неисследованной: неясно было его геологическое строение, его рельеф, сочленение его на севере с Анюйскими хребтами, на северо-востоке — с Чукотским. Чтобы удовлетворительно разрешить вопрос о структуре всего Северо-Востока Азии, необходимо было исследовать также и Чукотский край.

По горам и тундрам Чукотки

Экспедиция 1934—1935 гг.

К Шелагскому мысу

И первые ветры, и первый прибой,
И первые звезды над головой.

Э. Багрицкий

Место действия — Певек, селение на берегу Чаунской губы, лежащей на северном побережье Сибири в 400 километрах восточнее реки Колымы и в тысяче километров от Берингова пролива, отделяющего Азию от Америки. Время — 14 августа 1934 года. Мы высаживаемся с парохода «Смоленск», который прошел сюда из Владивостока, почти не встретив на пути льдов. Сегодня кончается разгрузочная страда: «Смоленск» доставил большие грузы для полярных станций и научных экспедиций, которые надо было в чрезвычайно короткие сроки выгрузить на северном побережье. Навигационный период на восточном отрезке Северного морского пути очень короткий, ежеминутно могут надвинуться с севера льды, и поэтому в разгрузке принимали участие не только пароходная команда и сотрудники той станции, где разгружался пароход, но и все научные и технические работники остальных станций и экспедиций. Особенно трудна была выгрузка на мысе Шелагском, у входа в Чаунскую губу, где разгружались дома для новой полярной станции.

Сначала я принимал участие вместе со всеми в разгрузке и таскал на спине из маленьких разгрузочных баржкунгасов по зыбким сходням на берег мешки с углем, кули муки и соли, «места» кирпичного чая весом в центнер и тяжелые ящики, но вскоре мне это оказалось не по силам, и меня назначили на более легкую работу — буфетчиком. На моей обязанности лежало разливать суп в тарелки, класть

порции второго, вскрывать банки с компотом и разбавлять густой сироп наполовину водой (так инструктировал меня штатный буфетчик). Работа не была трудной, но мы должны были накормить все смены и поэтому дежурили непрерывно по двадцать часов.

Выгрузка в Певеке кажется нам легкой, ведь мы выгружаем собственное снаряжение и продовольствие — десять тонн. Наконец под дружные крики всех семерых сотрудников нашей экспедиции: «Разом, дружно!» — ползут вверх на галечник и наши будущие зимние друзья и мучители — двое аэросаней.

Певек в 1934 году был необычным даже для Чукотского

Севера поселением. По самому краю треугольной галечной косы, выдвигающейся от кочковатых склонов горы Паакынай, стоят в ряд девять круглых цилиндрических домиков около 7 метров в поперечнике, с конической крышей. Они похожи на какие-то чудовищные грибы, продукт болотистой тундры. Только мачта с большим красным флагом, поднятым в честь прихода судна, нарушает однообразие их длинного ряда. К востоку от них «рубленые» дома — три избы и землянка. Мы выбираем для своего будущего жилища место по другую сторону, к западу, возле кладбища. Пока у нас еще нет своего дома, и мы ставим палатки на гальке, среди гор нашего груза. Выше крутого обрыва косы сплошная галечная площадка, дальше, во впадинах, между галечными буграми, ютится трава, а еще подальше — неизбежное болото — кочковатая тундра.

На косе три озерка — два пресных и одно солоноватое. В одном берут воду для питья, в другом стирают, третье, еще не вошедшее в плановое распределение, служит только как площадка для охоты на уток. Морские утки время от времени пролетают над головой небольшими стайками, и у наших охотников блестят глаза и руки тянутся к ружьям.

Но охотиться некогда. Скоро осень. В Чаунской губе иногда уже 8 сентября прекращается навигация, и надо к этому времени исследовать все побережье губы (около 400 километров) и еще километров сто берега океана к востоку от Шелагского мыса. Необходимо собрать по берегам губы плавник, принесенный морским течением от устьев Колымы и Лены, и привезти его на нашей моторной шлюпке в лагерь. Из этого плавника мы заготовим дрова на зиму и наберем бревен для постройки дома.

Первоначально я предполагал организовать базу на устье реки Чаун, в южной части губы — центральном пункте района, откуда на аэросанях ближе пройти к горам.

Но капитан «Смоленска» отказался зайти в глубь Чаунской губы: там мелко, нельзя подойти близко к берегу, разгрузка затянется и можно прозевать сжатие льдов у входа в губу и остаться в ней, как в мышеловке.

Мелких транспортных судов в Певеке очень мало — две слабосильные кавасаки *, и они должны перебросить в Чаун большие грузы фактории и культбазы, так что нельзя и мечтать о перевозке наших десяти тонн, а тем более аэросаней.

Приходится обосноваться в Певеке. Если удастся, перевезем в Чаун немного груза с осенними рейсами, а зимой уже на аэросанях постепенно перебросим все остальное. Певекцы, то есть те русские, которые приехали сюда год назад и уедут в будущем году, пугают нас и капризной погодой в Чаунской губе, и опасностями плавания к востоку от мыса Шелагского, где сейчас нет льда и при отсутствии бухт и прямом скалистом береге негде укрыться от волн. Они рассказывают, как в Чаунской губе в прошлом году кавасаки и кунгас на пути в Чаун были выброшены на берег и разбиты. Поэтому пускаться в плавание на нашей шлюпке да еще с подвесным мотором, по мнению певекцев, очень опасно.

Хотя капитан «Смоленска» и советовал нам заменить нашу шлюпку более мореходным вельботом — ведь условия плавания в Чаунской губе совершенно морские, но мы гордимся своей шлюпкой и надеемся на ее успехи. Да кроме того, ничего другого нам не остается: во Владивостоке удалось достать только эту шлюпку, обычную «шестерку», с тремя парами весел, предназначенную для сообщения судов с берегом. Шлюпка эта имеет одно несомненное преимущество: она гораздо легче вельбота, и в дурную погоду не так трудно будет вытаскивать ее на берег. Во всяком случае сейчас, при отсутствии льдов, она лучше, чем чукотская байдара, сделанная из моржовой кожи,— если ее зальет, то она все же будет плавать, поддерживаемая еще и герметически запаянными медными баками, расположенными вдоль бортов под банками (скамейками).

17 августа мы отплываем на своей шлюпке на север. От Певека до мыса Шелагского, крайнего восточного пункта

---

* На Дальнем Востоке для перевозки грузов на морских рыбных промыслах и для других работ на побережье употребляются плоскодонные небольшие баржонки японского типа грузоподъемностью от 10 до 60 тонн, которые называются кунгасами. Кунгас с поставленным на нем нефтяным мотором называется кавасаки.— *Прим. автора.*

Чаунской губы, по прямой 44 километра, но мы идем кружным путем, вдоль берега, чтобы изучить прибрежные утесы.

Мотор сегодня хорошо заводится, и Анатолий Денисов, один из наших техников, который едет с нами в этот маршрут, пока что им доволен.

Погода благоприятствует: ветра нет, и только ленивая, мертвая зыбь качает шлюпку и мешает геодезисту Андрею Ковтуну вести съемку — брать буссолью направление пути и делать засечки на вершины гор.

К северу и востоку за горами полуострова Певека открывается бухта с низкой тундрой и лагунами у берега.

Сюда северо-западные ветры забивают плавник, и берега покрыты обломками деревьев и большими бревнами и корягами. Здесь привольные места для гусей и уток, но подходить сюда на лодке нельзя: мелко и мертвая зыбь на мели превращается в крутые опрокидывающиеся буруны. Мы идем дальше к северу, к горе Янранай, одинокому конусу у края этой равнины. Здесь начинается скалистый берег, и на мысу у речки волны дают себя чувствовать.

Первый наш ночлег не очень приятен: лодка не может подойти к берегу — мелко и, что еще хуже, много крупных камней. Ночью волна усиливается и не дает спокойно уснуть — все выглядываешь из палатки, не бьет ли лодку о камни. Но остановка здесь необходима — надо пойти вдоль речки, по тундре, изучить побережье и взять шлиховые пробы: промыть на лотке речной песок, чтобы выяснить, нет ли признаков золота и олова.

Места, по которым совершаем экскурсию, очень скучны — широкая долина, болота, вода под ногами. Мы с Алексеем Перетолчиным — моим постоянным спутником в экспедициях — бредем километр через кочки. Скоро появляются и комары; несмотря на осень и близость полярного моря, приходится надевать сетки. На речке мы встречаем крошечные кусты ивы, и Перетолчин рад: он вырос в тайге, на Ангаре, и ездил до сих пор с экспедициями по горнолесным районам. Его удручало отсутствие леса, но теперь, когда он увидал кусты и кучи бревен плавника по берегу, настроение его улучшилось: плавник сулит нам и дрова зимой, и теплый дом.

От горы Янранай до только что построенной полярной станции на Шелагском мысе еще километров двадцать. Все время шлюпка идет под утесами с превосходными складками черных сланцев. Местами на утесах сидят чайки и иронически смотрят на нас, поворачивая вслед за шлюпкой свои кривые носы. На одном утесе — целый

город: чайки сидят на его стене рядами, сотни их летают вокруг, присматривая за толстыми пухлыми серыми птенцами, плавающими под утесом. Шум и гам неимоверный. Время от времени какая-нибудь заботливая мать подлетает к шлюпке и, осмотрев нас внимательно, возвращается обратно к базару.

По мере того как мы приближаемся к полярной станции мыса Шелагского, с утесов все сильнее срываются порывы ветра и вскипает вода вокруг шлюпки.

Сама станция расположена против долинки, разрезающей высокие горы мыса, и по этой долинке, как по трубе, холодный воздух полярного побережья переливается через горный отрог на станцию и в бухту. Здесь он встречается с теплым воздухом Чаунской губы, и густой туман окутывает станцию. В то время как в Певеке тепло и ясно, туман толстой шапкой сидит на Шелагском мысе.

На мысе мрачно, холодно, пронизывающий ветер дует из лога — без полушубка не выйдешь, а в Певеке, всего в 44 километрах южнее, можно даже купаться в озерке (если, конечно, вы достаточно закалены). Сегодня, кажется, еще хуже чем неделю назад, когда стоял здесь «Смоленск». Вчера «Смоленск», который вернулся из Певека к Шелагскому мысу, даже сорвало с якорей береговым ветром, достигавшим силы десятибалльного шторма, и корабль отдрейфовал в море.

«Смоленск» задержится здесь еще на несколько дней — пока не закончится вчерне постройка станции. Уже шесть дней лихорадочно возводятся здания, и плотники и сотрудники станции ходят сонные, едва находя силы, чтобы еще и еще по восемнадцать и даже по двадцать часов в сутки непрерывно работать на стройке.

Но все три дома — жилой, радиостанция и баня — подведены под крышу, начинается кладка печей и установка радиомачт. На узкой полосе болота вдоль крутого берега роют ямы, потом рвут мерзлую почву аммоналом, и среди грязной воды и торфоподобных глыб показываются белые куски льда. Это прослои льда, образующиеся в результате замерзания грунтовых вод над вечномерзлой почвой.

Нам надо обогнуть Шелагский мыс, чтобы выйти из губы на восток, на полярное побережье. Мыс выдвигается на северо-восток двумя горбатыми горами в 470 метров высоты, и его тяжелые, громадные гранитные плиты круто опускаются в море. Здесь граница двух климатически различных областей: суровой зоны полярного побережья и гораздо более мягкой, по здешнему почти южной — Чаунской. На мысу всегда ветер, и на нашей открытой

шлюпке скалы надо огибать осторожно. Сегодняшний ветер не предвещает ничего хорошего.

От станции мыс не виден: до него еще 9 километров и утесы закрывают море. Чтобы узнать, что делается на мысу и на полярном побережье, надо подняться на гору или пройти километров семь по долине до лагуны, лежащей на другой стороне мыса.

Вечером мы с Ковтуном идем на разведку через горы. Вверх по долине речки идти трудно: в трубу напористо дует ветер, и приходится пробиваться, как будто прорезая плотную массу. Масса эта к тому же сырая, и моя кожаная куртка постепенно промокает.

Скоро туман совсем окутывает нас — ничего не видно, и, лишь двигаясь прямо против ветра, мы не сбиваемся с нужного направления. Наконец мы добираемся по покатому болоту до перевала. Ветер по-прежнему свистит, но он стал холоднее, и на камнях перевала цветут ледяные цветы — гребешки и пластинки кристаллов льда, вырастающие на холодных поверхностях.

Еще километра три идем в тумане по кочковатому болоту, по воде и к полночи достигаем обрыва — перед нами серая бездна, в которой белеет узкая полоска. Из тумана раздается монотонный рев, чередующийся с более сильными ударами,— это прибой где-то внизу бьется о скалы. Мы на высоте больше ста метров; и если вглядеться в туман, то различаешь, что белая полоса не линия прибоя, а занос снега, покрывающего часть склона.

Спуститься здесь нельзя, да и не к чему, и так ясно, что погода на северном побережье сегодня не для плавания на нашей шлюпке.

Мы проходим еще километр или два на восток над скалистым обрывом, потом возвращаемся наискось через болота к ручью, по которому поднимались. Снова ветер помогает держаться нужного направления.

В тумане все приобретает странные, таинственные формы, размеры искажаются. Вот мы видим громадные белые изогнутые кости, возвышающиеся над землей не меньше чем на 2—3 километра. Наверно, бивни мамонта или ребра кита! Но стоит к ним приблизиться, и они превращаются в рога обыкновенного северного оленя. Вот из тумана появляется огромный белый шар — ближе и ближе, и он становится человеческим черепом, который уткнулся носом в кочку. Вот и другой череп, полуоткрыв челюсти, показывает белый оскал зубов. Мы попали на чукотское кладбище: чукчи раньше не зарывали своих покойников, а вывозили их в тундру и оставляли на съедение песцам и пти-

цам. Возле трупа ставили нарту, на которой привозили покойника, иногда оружие, предметы обихода, табак, трубку, нередко складывали в кучу черепа и рога жертвенных оленей (мясо, конечно, съедалось за погребальной тризной). После того как на Чукотке появились советские школы, рядом с покойником-школьником стали класть карандаши, бумагу, учебники.

Мы делаем в следующие дни несколько пробных выездов к мысу, но встречаем суровые волны с высокими гребнями и принуждены возвращаться.

Только 21 августа море несколько стихает.

Северное побережье

Камень берегов был холоден и мутен.

К. Федин

Наша шлюпка сегодня несколько лучше вооружена против волн: на носу поставлены стойки и на них туго натянуты два распоротых брезентовых мешка, повышающие борт на 70 сантиметров. Шлюпка очень коротка, и уже в Чаунской губе ее начало захлестывать волной с носа.

Идем вдоль покатых черных и скользких гранитных плит Шелагского мыса. У крайней западной точки мыса берег, постепенно закругляясь, открывает море все дальше и дальше к востоку. Низкие тучи, серое море, покрытое большими волнами. Хотя беляков почти нет, но море еще не успокоилось, и вал за валом обрушивается на гранитные скалы, и полосы пены взлетают по ним кверху.

Все невольно посматривают на мотор — не подведет ли он. Подвесной мотор, укрепленный на корме,— не очень надежный помощник: стоит волне накрыть его, и он сразу остановится. Вблизи этого негостеприимного мрачного берега вряд ли будет легко выгребать на веслах.

Но мотор пока не сдает, и шлюпка, то проваливаясь между двумя волнами, то взбираясь на гребень, неуклонно ползет на восток. Ползет — таково впечатление от медленности, с какой мы огибаем мыс,— а на самом деле мы идем со скоростью 12 километров в час. Но громадный мыс выдвигается далеко в море.

На северной стороне мыса нас ждет новое препятствие: восточные ветры прижали к мысу льдины и полосы мелко-

битого льда. Эти полосы ледяной каши выделяются своей гладкой поверхностью с тусклым и жирным блеском. В них нет мелких волн, и только от крупной зыби полоса эта перегибается, ползет. Нам необходимо пересечь несколько таких полос, и, когда мы проходим первую, слышно, как лед ударяет о корпус и винт разбивает льдины. Денисов кричит мне: «Надо уходить, мы можем разбить винт»,— но нам приходится пересечь все же еще одну полосу ледяной каши, а потом мы поворачиваем и уходим все дальше в открытое море.

Вот стало легче, кончились утесы мыса, ветер и волны слабее, лед только у берега. Более крупные льдины сидят

на мели, маленькие бьются в волнах прибоя. Берег здесь более гостеприимен: обрывы чередуются с устьями широких долин и почти везде есть полоса галечника — пляж достаточной ширины, чтобы вытащить лодку. Но как провести ее через гряду прибоя с пляшущими льдинами, каждая из которых не меньше тонны весом?

Мы прошли уже довольно далеко к востоку. Надо изучить непрерывные ряды крутых склонов и утесов. Останавливаться возле каждого из них, как требует наша работа, не придется: даже однократная высадка представляет серьезную проблему. Мы проходим вдоль берега до ближайшего плоского галечного мыса — ничего утешительного: такие же льдины, такой же прибой. Возвращаемся немного назад — берег почти прямой, открытый волнам, но в глубине излучины как будто несколько спокойнее.

Если направить шлюпку за эту большую льдину, под ее прикрытием можно пробраться к берегу. С набегающей волной мы проскакиваем полным ходом между двух льдин и врезаемся носом в гальку. Все выскакивают в воду и начинают выкидывать груз на галечный обрыв. Вторая волна обрушивается на корму шлюпки, третья поворачивает ее вдоль берега, льдины смыкаются за шлюпкой и начинают ударять по борту. Но мы победили: груз на берегу, шлюпка уже вышла из прибойной волны. Теперь надо вытащить тяжелую шлюпку повыше, на галечник. Только предусмотрительно взятые с собой тали позволяют справиться с ней. Мы зарываем якорь в гальку на берегу повыше, вокруг корпуса обвязываем конец, и шлюпка под бойкую команду Денисова медленно ползет вверх.

Теперь можно взобраться на террасу и оглядеться. Мы на плоском, намывном мысу у устья широкой долины. За косой опресненная лагуна, превратившаяся в озеро, в которое впадает речка. На берегу рядом с нами земляные бугры — это остатки землянок прежних жителей, как пред-

полагают советские ученые — эскимосов, которые раньше распространялись далеко к западу, а сейчас живут только вблизи Берингова пролива. Землянки совсем осыпались, и только едва возвышаются остатки стен.

В километре к востоку — три яранги чукчей-оленеводов, которые на лето прикочевали к морю, чтобы поохотиться на морского зверя — нерпу (тюленя) и моржа и половить рыбу. Сами чукчи приходят вскоре к нам и помогают вытаскивать лодку на берег. Они бедно одеты: сильно поношенные ирэн (кухлянки) * из шкур оленя и такие же потертые меховые штаны; на голове только шапка длинных черных волос с выстриженной неровно серединой.

На другой день мы видим и оленей. Стадо пригоняют на галечник к воде, чтобы спасти от комаров, которые еще и здесь дают себя знать. Олени стоят, опустив рога, несколько часов подряд возле воды, хоркая и мотая головами. Оленей немного: к морю из тундры выходят только бедняки и середняки, а богатые чукчи уходят со своими стадами в высокие горы. Мы угощаем пастухов чаем с сахаром и хлебом.

Отсюда я делаю несколько экскурсий вдоль берега и в глубь страны. Надо выяснить строение этого участка, изучить береговые утесы и дойти до водораздела.

Закончив работу возле этой базы, через два дня мы двигаемся дальше. Зыбь не утихла, и прибой все еще обрушивается на берег. Но льдин стало меньше: ветер их угнал к Шелагскому мысу.

Чтобы нагрузить шлюпку нашим снаряжением, мы ставим ее на якорь, затем осторожно отпускаем к берегу, так, чтобы корма слегка билась о дно. Два человека в высоких резиновых сапогах, поверх которых надеты непромокаемые штаны, доходящие до груди, таскают груз с берега через прибой.

Зыбь стала более пологой, и плыть хорошо. Мы двигаемся вдоль береговых утесов, длинного ряда серых обрывов с яркими пятнами снега и черными мокрыми потеками. Жилы кварца прорезают сланцы в разных направлениях и местами вздуваются короткими полосами.

Я хотел на шлюпке пройти вдоль берега до конца утесов. Но проникнуть восточнее реки Куйвивеем невозможно:

* Ирэн, или по-русски кухлянка,— меховая шуба, глухая, без разреза спереди, с капюшоном, надевающаяся через голову. У чукчей она короткая, доходит лишь до середины бедер. Русские делают ее длиннее. Зимняя кухлянка большей частью двойная — мехом наружу и внутрь.— *Прим. автора.*

сплошная полоса льдов шириной более четверти километра блокирует побережье. Снова приходится немного вернуться назад, и на плоском галечном мысу, где льды не так густы, мы делаем высадку.

Новая наша база неприютна — это широкая старая галечная коса у подножия обрывов. Галька еще не покрылась травой — только черные лишаи одевают мрачную площадку. Но зато под горой снова пресное озеро, за водой ходить недалеко. И погода здесь неприятная: каждый день дует ветер с востока или с севера, валы низких туч лезут на горы, то дождь, то снег бьет в палатку.

Экскурсия на восток вдоль утесов по узкой полосе га-

лечного пляжа очень занимает меня: всякий утес, или обнажение, как называют геологи объекты своих наблюдений, всегда может заключать неожиданное — новую породу, интересную складку, новое соотношение осадочных пластов, ярко раскрывающее строение района. Здесь, в частности, я прослеживаю жизнь дна моря, существовавшего полтораста миллионов лет назад, в триасовый период. Хорошо видны мелкие складки в отдельных пластах; некогда в триасовом море мягкие пласты сползали по наклону морского дна, а сверху их срезанные верхушки перекрывались новыми пластами песка и глины. На поверхности пластов я нахожу следы ползания червей, отпечатки водорослей.

Одновременно увлекает и изучение современного морского дна. Смотришь, что выбрасывает прибой. Иногда это ракушки, иногда маленькие губки, а чаще длинные полотнища водорослей — ламинарий, которые с таким удовольствием поедают чукчи. Я пробую их есть, но сырые ламинарии довольно противны.

Море здесь выбрасывает очень мало кусков дерева. Чаунская губа своей широкой пастью обращена к северо-западу и захватывает львиную долю плавника, который норд-вест гонит от Колымы и Лены. Но и здесь можно набрать дров на костер, особенно у устьев речек, куда шторм загоняет плавник.

В устьях речек обычно стоят оленеводы, спускающиеся с гор. Сейчас они уже ушли обратно, и я нахожу только следы их стойбищ, круги камней на месте бывших очагов и большие камни, которые висели на ремнях поверх яранги и удерживали от ветра кожи, покрывающие ее. Часто тут же валяются рога оленей, но остальные кости мелко раздроблены и сожжены в очагах; от них остались только обожженные обломки. В двух местах я нахожу черепа медведей, один свежий, тщательно очищенный от мяса.

А вот дальше, под мрачным утесом, у самой воды, что-то сереет — это намокшая, полузасыпанная галькой оленья шкура. Рядом вторая, а затем по линии прибоя целая полоса оленьей шерсти, смытой со шкур.

Несомненно, это следы какой-то арктической драмы! В двух шагах к востоку я нахожу и более серьезные доказательства: теплая куртка на вате, тяжелая от воды, и белый бязевый мешок с дробовыми патронами. В карманах куртки документы на имя чукчи Рольтыкая, выданные в Певеке, и записка, адресованная фактории на мысе Биллингса, из которой явствует, что Рольтыкай ездил туда за грузом. Записка, к сожалению, не датирована, и нельзя определить, когда ездил Рольтыкай.

В гальке и вблизи берега под водой больше нет ничего интересного, и я иду дальше, захватив документы Рольтыкая. Когда погиб он и погиб ли? Очевидно, что не зимой: кто же зимой снимает с себя теплую куртку с документами? Вероятно, прошлой осенью или этой весной, когда он ехал вдоль утесов, его захватил шторм, байдару залило водой, и груз, а может быть, и часть экипажа погибли. Недаром меня предупреждали об опасностях плавания у этих берегов.

Мрачные утесы, низкие серые тучи, туман на море, немолчный прибой, тяжелые массы снега, нависшие на склоне над головой, невольно заставляют рисовать себе потрясающую картину крушения, людей, барахтающихся в ледяной воде, опрокинутую байдару.

Но, забегая вперед, я успокою читателя: в Певеке, когда я принес в райисполком документы, меня встретили очень спокойно и рассказали, что Рольтыкай ездил на мыс Биллингса зимой, на собаках и, испугавшись чего-то, бросил весь свой груз под утесом, где его потом и занесло снегом. Так рушились все мои детективные догадки.

Дойдя до последних утесов, я карабкаюсь по громадным глыбам мыса, под тяжелыми навесами скал. Сверху бросаются на меня чайки, крича отвратительными хриплыми голосами: они защищают своих птенцов, которые бродят под утесом. Последние уже величиной с взрослую чайку, но неповоротливые, пухлые и серые — гораздо темнее своих белых матерей. Птенец спокойно глядит круглым глазом на подходящего человека, повернув голову в профиль, и, только когда приблизишься на 2—3 метра, он степенно, но как-то боком сходит к воде и отплывает, не проявляя никаких признаков волнения. Матери беспокойно носятся над водой, их крики разнообразны: то это нежный призыв к птенцу, то резкие, отпугивающие

меня крики; иногда эти крики явно обращены к другим взрослым чайкам.

Один из следующих дней я посвящаю экскурсии в глубь страны, вверх по речке Куйвивеем. Для того чтобы составить представление о геологическом строении этого района, надо пересечь прибрежную гряду и добраться до гранитного массива, лежащего в водораздельной части хребта, выяснить значение этого массива в геологической истории страны, узнать, какие металлы он мог принести с собой.

Побережье покрыто густым туманом. Не видно ни гор, ни моря, едва белеют сквозь мглу белые призраки льдин.

Но как только отойдешь километра на два от моря в глубь страны, туман остается позади, становится тепло, солнце греет вовсю. Идти вверх по долине речки легко и приятно: болот мало, нога не грузнет между кочками, быстро шагаешь по старым галечникам, заросшим травой.

Тихо. Лишь изредка запищит суслик и, повертев головой, быстро скроется в норке; этих норок очень много. Часто попадаются более крупные норы песцов; многие из них разрыты как будто лопатой, и земля разворочена по сторонам — это охотился бурый медведь. Медведей здесь немало, и часто видишь их помет, но сам мишка очень осторожен, издалека чует человека и, наверно, сидит сейчас где-нибудь на сопке за камнями, высовывая черный нос и нюхая воздух.

В верховьях речки крутые осыпи гранитных глыб, а на дне долины — болото, низкий ивовый кустарник. Здесь можно уже набрать сухих веток и развести костер. На Чукотке летом во многих местах можно найти топливо для костра: в глубине страны на дне долин по рекам много кустов, и лишь наиболее высокие перевальные области голы. Зимой, когда из снега торчат только самые большие кусты, с топливом дело обстоит гораздо хуже.

К ночи я возвращаюсь назад; хотя по ночам уже темнеет, но все же можно различить, куда ступать. Для дальних экскурсий по тундре мы надеваем чукотские черные «голые» торбаса. Высокие голенища их сделаны из скобленой нерпичьей кожи, пропитаны нерпичьим жиром, действительно непромокаемы, и весят они очень мало. Подошва из кожи морского зайца (лахтака) очень тонка и поэтому непрочна: даже в тундре сносишь торбаса за десять дней. Но зато идти в них легко, и сегодняшний мой переход в 45 километров не кажется мне тяжелым.

В два часа ночи я погружаюсь опять в густой туман побережья и бреду по гальке вдоль озера к палатке. Все

спят, но в одном котле оставлен суп, в другом — большая порция компота.

За четыре дня мы закончили работу в районе новой стоянки.

Ковтун зарисовал горы для своей карты, а я сделал маршруты вдоль берега и в глубь страны; изучены гранитные массивы, сделаны пробные промывки песков на речках, текущих из них. Теперь надо возвращаться в Певек, чтобы исследовать Чаунскую губу. Но не тут-то было: прибой и пляшущие у берега льдины не позволят отчалить. А там, на западе, суровый мыс Шелагский, у которого при этом непрерывном восточном ветре прибой громоздит, наверно, целые горы.

Мы ждем день, другой. Ковтун и Выголка — охотовед Певекской промыслово-охотничьей станции, который поехал с нами, чтобы ознакомиться с полярным побережьем,— намерены отсюда пройти прямо через горы в Певек — всего около 100 километров. Ковтун хочет заснять эту область для нашей карты, а Выголка — изучить места обитания песцов и другого зверя вдали от моря. Этот пешеходный маршрут займет дней шесть. Им хочется уйти поскорее, пока нет дождей, но я их не отпускаю: нам втроем очень трудно будет справляться с тяжелой шлюпкой; может быть, если шторм усилится, ее придется вытаскивать далеко на берег.

Этот год — один из очень редких для побережья между Шелагским мысом и Ванкаремом, когда океанские волны могут свободно обрушиваться на берег. Обычно здесь дрейфуют льды, полыньи между ними незначительны и волна ничтожна. Поэтому самое лучшее судно для плавания в этих водах — чукотская байдара, легкая лодка, сделанная из моржовых кож, натянутых на тонкий деревянный остов. Она делается разной величины — от самых маленьких, в одну или две моржовых кожи, и до громадных, поднимающих больше тонны груза. Но в этом году для байдар плавание очень трудно. В сентябре две байдары, шедшие из Певека на мыс Биллингса с несколькими русскими и чукчами, едва обогнув Шелагский мыс, были выброшены прибоем на берег, и весь груз подмочен, а люди вернулись обратно, не рискнув двигаться вдоль открытого берега.

Другая авария произошла с учителями, направляющимися из Певека к устью Колымы, чтобы оттуда проехать на реку Малый Анюй. Их вельбот был разбит прибоем на мелях западной части Чаунской губы у озера Айона; учителя долго сидели на косе, на месте крушения, и, чтобы

согреться, жгли понемногу вельбот. Потом им пришлось уйти пешком на запад; только возле реки Раучуван они встретили катер с Медвежьих островов, который и увез их на Колыму.

Первых русских мореплавателей Шелагский мыс встретил также очень сурово: в 1648 году один из кочей, сопровождавших Дежнева в его походе к Берингову проливу, разбился в самом начале плавания у мыса Шелагского. Люди, по-видимому, спаслись и пересели на другие кочи.

Несколько дней мы слушаем днем и ночью рев прибоя. Иногда ночью надо выскакивать полуодетым из палатки, чтобы вытянуть лодку талями еще на 5—6 метров выше. Нам не хотелось сразу вытаскивать ее высоко на берег: потом придется тащить обратно. А прибой непрестанно размывает смерзшийся в сплошной ком галечный обрыв, и лодка начинает сползать вниз, в накат.

Каждый день — низкие облака, ветер, врывающийся в палатку, дождь. 29-го выпадает снег, который покрывает все кругом. Плавника почти нет: его собрали чукчи, стоявшие на берегу, и мы варим пищу на паяльной лампе, которую Денисов установил в яме, вырытой в гальке.

30 августа я просыпаюсь от необычной тишины: прибой смолк. Нельзя терять ни минуты! Спустя короткое время шлюпка спущена и нагружена, мы отчаливаем. На берегу остаются Ковтун и Выголка; отплывая, мы видим, что Ковтун пляшет от радости — кончилось томительное сидение.

Через три часа плавания мы опять у Шелагского мыса. Здесь, как всегда, ветер, пока попутный. Но едва мы начинаем обходить вокруг мыса, чтобы войти в Чаунскую губу, нас встречают юго-западный ветер и высокие, короткие, опрокидывающиеся волны. Заходя все дальше за мыс, мы должны идти уже вдоль волны, и несколько раз белый гребень обрушивается в корму шлюпки. Но отступить и вернуться назад нельзя: все равно мы всегда встретим у этого сурового мыса ветер — с той или с другой стороны. И надо руководствоваться правилом, которое указывается в морских лоциях для прохода у мыса Горн: «Что бы ни случилось, держи на запад».

Постройка дома

> Ушла по морскому берегу,
> иное жилище сделала, совсем
> поставила, обволокла шкурами,
> в нем развесила всякое мясо.
>
> **Из чукотских сказок**

Вернувшись в Певек, мы выяснили, что райисполком не может предоставить нам помещение в существующих домах и надо строить свой собственный.

Мы не взяли с собой из Владивостока леса, чтобы не увеличивать груз экспедиции и иметь возможность легче перебраться на устье Чауна. Зимовать я предполагал в утепленных сукном палатках или в домах, построенных из трех слоев брезента с засыпкой снегом между двумя внешними брезентами (видоизменение зимовочной палатки, предложенной Нансеном).

Но в Певеке можно устроиться с большими удобствами. По берегам губы везде много плавника, из него можно сделать стойки — остов для дома. Культбаза дает нам немного досок; мы с двух сторон обошьем стойки досками, а в промежуток между ними насыпем земли. Можно было бы на морском берегу набрать бревен для постройки рубленой избы, но это отнимет много времени, и мы не успеем исследовать губу. Начало сентября мы посвятили постройке дома. К сожалению, наш состав сильно уменьшился: Ковтун еще не пришел, механик Эдуард Яцыно уехал с нашим грузом в Чаун, другой механик — Александр Курицын — временно работал в райисполкоме: на отремонтированном им вместе с Яцыно моторном кунгасе культбазы он ездил вдоль побережья губы, заготавливая дрова для всего Певека, за что нам обещали полный кунгас дров.

Сначала мы два дня ездили на шлюпке вдоль берегов губы за бревнами. Я осматривал береговые обрывы, а Денисов с Перетолчиным связывали бревна в маленькие плоты. Стволы деревьев лежат на галечнике побережья оголенные, цепляясь растопыренными корнями, или полузарытые в гальке. Их много и на материке, и на острове Большой Роутан против Певека. Сначала надо по одному стаскивать стволы в воду, потом вброд тащить их вдоль берега и сплачивать у шлюпки. Мы буксируем за собой каждый раз два-три сплотка и за два дня приводим столь-

ко бревен, что хватит на постройку и останется еще на дрова.

В это время завхоз Володя Егоров нарезает дерн — влажный тяжелый полуторф — и укладывает его на просушку черными рядами на галечнике.

Постройка дома — ответственное дело, и наш главный строитель — Перетолчин становится суровым и требовательным. Хотя план дома выработан давно, во время сидения на полярном побережье, но много вопросов, в особенности вопрос о способе засыпки землей стен, дебатируется непримиримыми спорщиками ежедневно во время обеденных перерывов и вечером в палатках.

200 Жители Певека, русские, проведшие здесь зиму, непрестанно пугают нас зимними ветрами, которые пронизывают дома, заносят снег внутрь сквозь стены, срывают крыши, уносят людей. Один хвастун рассказывает, как его катило по льду из Певека; он не мог ни за что ухватиться, пока его не забило за торос, где он пролежал больше суток; когда стих ветер, за ним приехала спасательная экспедиция. Хотя мы не верим даже и наполовину этим рассказам, но все же решаем покрыть весь дом броней торфа — и снизу, и с боков, и сверху.

Сначала закапываем стойки, затем кладем на них матки, на отбор которых Перетолчин обращал особое внимание и во время заготовки радостно вытаскивал из галечника некоторые особо длинные и прямые бревна. Потом можно нашивать на остов дома доски — изнутри и снаружи.

К этому времени вернулись Яцыно из Чауна — осунувшийся после трехдневной бури, во время которой он качался в пустом кунгасе день и ночь среди губы,— и Ковтун с Выголкой. Последние сделали пешком 100 километров и пришли почти без подошв — мягкие чукотские нерпичьи торбаса и русские ичиги не выдерживают долгой ходьбы. Ночью им приходилось туго. В горах уже холодно: ночью 4 градуса ниже нуля, а топлива, кроме мелких кустиков, нет. Наши товарищи прошли через высокие перевалы хребта и затем по печальной и утомительной кочковатой тундре, где паслись на осенних ягодниках медведи и птицы.

Теперь мы все в сборе, и постройка дома идет намного быстрее. Трамбуем пол — тщательно укладываются пластины дерна, щели между ними забиваются землей. Из-под пола могут идти самые опасные потоки холодного воздуха.

Перетолчин очень строг и зорко следит за тем, чтобы не осталось ни одной щели, делая выговоры за небрежную работу.

Следующий этап — потолок и крыша. По наклонной

доске мы вносим наверх на носилках дерн, тщательно укладываем и потом утрамбовываем. Под дерн на потолок настилаем старые кули, рогожи, тряпки — все, что мы находим на берегу, брошенное после выгрузки парохода. Мы бродим по галечнику, как тряпичники, в поисках полезных отбросов, и особенно пакли.

Начинается обшивка стен наружным слоем досок и закладка промежутка дерном. Теперь можно и уехать на юг: ясно, что жильем на зиму мы будем обеспечены, а нужно успеть изучить еще все побережье Чаунской губы.

По западному и восточному берегам губы местами тянутся длинные обрывы утесов, и надо успеть осмотреть их до того, как их на восемь месяцев закроют крепкие снежные забои. Здесь очень мало утесов: мороз и ветер быстро разрушают скалы, всюду на горах видишь только осыпи. Лишь по берегу моря да кое-где по долинам рек, где размыв идет быстро, сохраняются свежие скалы. Поэтому каждый утес, в котором можно изучить условия залегания горных пород и их взаимоотношения, представляет большую ценность для геолога.

Становится холодно, по утрам ниже нуля, часто идет снег — надо торопиться. 10 сентября мы втроем, я, Ковтун и Денисов, уезжаем вдоль восточного берега губы. Втроем трудно будет вытаскивать тяжелую шлюпку на берег, но нельзя снимать со стройки людей: еще очень много остается сделать. Мы так привыкли к работе с талями, что надеемся справиться со шлюпкой и втроем.

Полуостров Певек выдается на юго-запад высоким скалистым мысом Валькумей (Матюшкина). Здесь, так же как и у мыса Шелагского, постоянно дует откуда-нибудь ветер, и встреча его с сильным течением из пролива между островом Большой Роутан и Певеком создает волны, в то время как за мысом и в проливе тихо.

Пролив этот очень интересен: вода течет в нем то на юг, то на север, в зависимости от направления ветра. При северо-западных ветрах вода из океана нагоняется в губу, и уровень последней повышается. Прошлой осенью северо-западный шторм нагнал так много воды, что было залито все устье Чауна до Чаунской культбазы, которая стоит в тундре в 10 километрах от устья; вода залила на метр дома, люди сидели на крышах больше суток. Этот шторм унес много строительного материала, подмочил грузы.

В самой губе этот же шторм выбросил на берег кавасаки, шедший с кунгасами из Певека в Чаун, разбил их и растрепал круглый домик, который перевозили в Чаун.

Чаунская губа встречает нас хорошо — даже у мыса Валькумей волна невелика. Морские птицы — серые толстые пушистые гаги, маленькие черные чистики с ярко-красными лапками и другие — собираются в стайки и перелетают мимо шлюпки. Денисов азартно стреляет, и в случае удачи нам приходится делать круги вокруг утки, чтобы поймать ее на ходу, не останавливая мотора.

Сегодня мы проходим первый утесистый мыс Млелин и ночуем у болотистой тундры. В нескольких километрах в глубине тундры белеют яранги богача-оленевода, и спустя час к нам оттуда прибегает, раскачиваясь на ходу и подпевая, оборванный чукча-пастух, один из батраков богача.

Произнеся обязательное чукотское приветствие «Я пришел», он садится к костру и, как только поспевает чайник, наливает себе кружку, вытаскивает из-за пазухи кусок своего сахару и пьет вприкуску, медленно и основательно. Потом внезапно срывается с места, ничего не сказав, и уходит, припрыгивая и подпевая. У чукчей нет обычая здороваться: пришедшему говорят только «йетти» (ты пришел), и он отвечает «и» (да); иногда он сам скажет: «Я пришел». Прощаться совсем не полагается. Сначала это кажется странным, но потом привыкаешь *.

Во второй день при небольшой встречной волне мы проходим вдоль низких берегов с лагунами, тянущимися за косами, до следующего ряда утесов, мыса Турырыв, или Росомашьего. Мы хотим исследовать весь ряд утесов сегодня же, но против самых высоких скал мыса из-под кормы поднимаются грязные волны — винт ударяет о дно, здесь мелко.

Денисов круто поворачивает от берега, мы огибаем мыс, потом опять осторожно приближаемся к утесам. Здесь еще хуже: три ряда кос — узких мелей — отделяют берег. Мы находимся в южной мелкой части губы, где реки Ичунь и Чаун засыпают ее дно своими наносами не только у низких берегов, но даже под утесами.

Приходится вернуться назад. Тотчас к северу от мыса, между камнями и песчаной косой, мы находим узкий проход в маленькую бухточку — ванну в песке, укрытую от южных ветров утесами. Здесь как раз столько места, чтобы поставить шлюпку на якорь. Юго-восточный ветер согнал воду и обнажил песчаный пляж; здесь можно разбить палатку, пока не подует северный ветер.

---

* Автор не совсем точен: уходя, чукчи говорят: «Аттау» (пока).— *Прим. ред.*

Эта бухта понравилась нам больше всех стоянок. Тихо, не беспокоишься за лодку, сколько угодно дров: плавник лежит кучами. Тут же и пресная вода в лужах на пляже, профильтровавшаяся сквозь песок из тундры.

На тундре густые заросли ивы высотой по пояс; очевидно, и северные ветры, поднимаясь на гряду холмов, затихают у их подножья. Под холмами на мху янтарно-желтая, налитая, крупная морошка, на которой пасутся гуси. При виде нас они с гоготом улетают; за два дня мы добросовестно очищаем все пастбище, не оставляя гусям ни ягодки.

С холмов у мыса видна равнина — Чаунская впадина, тянущаяся до горизонта к югу и западу. Только на востоке ее окаймляют какие-то горы, где текут таинственные притоки Чауна, нанесенные на карту 150 лет тому назад капитаном Биллингсом, прошедшим с чукчами по горам от Берингова пролива до Большого Анюя. С тех пор никто не был во внутренних частях Чукотского хребта, и карта хребта, за исключением частей, заснятых моими авиаэкспедициями 1932—1933 годов, до сих пор повторяет съемку Биллингса.

Изучение этих обширных пространств суши предстоит нам зимой и весной. А теперь мы должны идти на шлюпке к западному побережью губы. Там есть, судя по рассказам, длинные ряды утесов и даже месторождения графита, найденные одним из местных работников. Нам дважды надо пересечь Чаунскую губу — сначала сделать маршрут на запад и затем обратно в Певек, но, если погода испортится, придется огибать губу вдоль берегов, и на это нам не хватит горючего. Поэтому я решаю вернуться в Певек и захватить побольше бензина, чтобы крейсировать затем вволю по губе.

С мыса Турырыва мы забираем целую копну морских водорослей. Это единственное место на побережье, где на плоский низкий пляж волны выкидывают комки тонких спутанных волокон быстро сохнущих водорослей. Это те водоросли, которыми набивают непотопляемые «капковые» лодки и подушки. Мы можем использовать их в хозяйстве, начиная от стелек в меховых сапогах и до матрацев.

Попутные волны поднимают корму и бросают шлюпку вперед. Через семь часов мы уже и «дома», в Певеке. Но «дома» нас встречают нелюбезно: дом еще не готов, а мы хотим в нем ночевать. Постройка быстро продвигается вперед: втроем наши товарищи уже закончили стены, Перетолчин сделал рамы и приступает к внутренней отделке. Мы не будем им мешать — только переночуем.

Чаунская губа осенью

Ночь темна. Волны — одни волны кругом!

Александр Грин

Утро уже как будто сулит хорошую погоду. На юго-западе едва поднимается над водой вершина большой горы Наглойнын со ступенчатой вершиной, вероятно сложенной гранитом, как и другие горы с таким же рельефом, окружающие Чаунскую губу. Нам надо сделать рискованный переход — 100 километров прямо через губу к северному концу утесов. Певекцы не верят, что мы настолько смелы: «Неужели вы решились идти прямо через губу?» В Певеке несколько вельботов, вдвое большего размера, чем наша шлюпка, вполне мореходных, но на них пробираются вдоль берегов, чтобы выброситься на берег в случае бури. Даже кавасаки с кунгасами не решаются выходить на середину губы и при рейсах в устье Чауна придерживаются восточного берега. Прошлогодняя авария всех здесь напугала.

Действительно, пересечение Чаунской губы — настоящий морской рейс. По расстоянию это все равно что переплыть Ла-Манш у Шербура, или южный конец Адриатики, или Баффинов залив в узком месте. Вследствие мелких глубин — не более 20 метров — волны в губе не такие высокие, как в открытом море, но зато круче и опасны для открытой шлюпки.

Чтобы защитить нашу короткую шлюпку от этих волн, мы по чукотскому обычаю надставляем брезентовую стенку — пока только с правого борта, со стороны самого страшного ветра. Если поднять эту полосу брезента, то борт повысится на 70 сантиметров и волны не так легко будут заливать шлюпку.

Мы весело идем по проливу между островом Большой Роутан и материком, держа курс прямо на вершину горы Наглойнын, которая виднеется на юго-западе за губой. Но при выходе из пролива нас встречает «мордотык» — свежий встречный ветер. Быстро нарастают волны, шлюпка круто прыгает вверх и хлопает днищем. Волны плещут через незащищенный брезентом борт. Предстоящие 100 километров кажутся неприятными. Лучше немного обождать.

Причаливаем у мыса Валькумей возле двух яранг. Пока мы с Ковтуном заняты изучением ближайшего склона горы, Денисов обивает брезентом левый борт шлюпки. К нам бредет унылый чукча, хозяин этих яранг, маленького роста, худощавый, но коренастый, с необыкновенными для чукчей черными усами на морщинистом лице. Он целыми днями сидит на берегу вместе со своей семьей и смотрит за сетью. Сеть метров двадцать длиной выдвигается на длинном шесте с берега в море, затем, как только рыба (голец) подойдет к сети, последнюю быстро подталкивают к берегу, действуя ею как неводом. Когда рыбы много, этот примитивный способ лова приносит хорошие результаты. Голец — крупная и вкусная рыба из семейства лососевых, весом от одного до пяти килограммов.

Чукча приносит нам маленьких полукопченых-полусушеных гольцов, мы даем ему взамен сухари.

К вечеру как будто стихает. У мыса Валькумей еще бегут ленивые волны, но дальше на юго-запад блестит ровная поверхность. Мы пускаемся в путь. Не надо даже поднимать наших брезентовых заграждений. Мотор стучит без перебоев, шлюпка бойко режет волны. На средних оборотах мы делаем 12 километров в час; нам надо часов восемь, чтобы пересечь губу.

Тихо. Нет даже уток: мы ушли далеко от берега. Только изредка высунется усатая голова нерпы и посмотрит на нас удивленными круглыми глазами. Она «выстает», по образному выражению поморов, высовывая из воды плечи, и плывет за нами, чтобы рассмотреть эту большую странную штуку, которая стучит и разводит волну.

Быстро темнеет, но на фоне неба виден ступенчатый силуэт горы Наглойнын. Сзади — профиль Певекской горы. Он никак не хочет уменьшаться, а профиль Наглойнын все еще низкий. Кажется, мы остановились в темной бездне — только черная поблескивающая вода и темное небо без звезд, и хотя нос режет воду, отбрасывая ее двумя пенящимися струями, но мы как будто не двигаемся. Временами налетает ветерок, легкая рябь или даже маленькие волны бегут нам навстречу.

Профиль Наглойнын в темноте так и обманул нас — казался все таким же маленьким, пока вдруг не пахнуло на нас холодом, весло при промере уткнулось в дно, и, едва успев остановить мотор, мы сели на камни у берега. Берег плоский, с камнями — шлюпка подходит плохо. До утра надо подождать, потом выберем место получше. Над берегом поднимается мерзлый обрыв-оплывин торфяной почвы в несколько метров высоты, а над обрывом — кочко-

ватая тундра. В темноте натыкаемся на бревна — есть плавник, можно погреться. Скоро под толстым стволом запылал огонь, и, сидя возле чайника, мы с гордостью обсуждаем подробности ночного перехода: можно будет утереть нос певекцам!

Гора Наглойнын стоит, так же как и Певекская, на краю губы, высоко возвышаясь над лежащей к югу холмистой страной, и на ней постоянно образуются облака, переползающие то на юг, то на север. Вскоре с севера наползает туман, закрывающий и гору и все кругом. Местное ли это образование или туман охватывает большое пространство? Стоит ли утром лезть на гору или ее вершина также оку-

тана облаками? Но нам нельзя выжидать: каждый день могут начаться северо-западные осенние штормы, которые прижмут нас к этому берегу.

После утреннего чая мы с Ковтуном направились сначала вдоль берега на запад, пока, по расчетам, не поравнялись с горой. Затем смело лезем по кочковатому болоту в туман на юг. Через некоторое время поверхность начинает повышаться, появляются бугры щебня, и наконец под нашими ногами черный щебнистый пологий склон, сложенный сланцами. Долго идем мы по плоской его поверхности, стараясь не свернуть с водораздельной оси увала. Наконец сланцы сменяются роговиками, значит, мы идем правильно: роговики должны окружать кольцом гранитную вершину*, и мы приближаемся к ней. На высоте 200 метров над уровнем моря туман начинает разрываться, показывается голубое небо, клочья тумана ползут по логам, и вот мы уже поднимаемся по гребню над сияющим белым полем.

Перед нами вздымается мрачная вершина горы. Крутой подъем, сначала по осыпям черных роговиков; затем уступ, опять кочковатая тундра, болото, ручьи и выше в виде гигантской лестницы — гранитный склон. Ступени этой лестницы по 30 метров высоты, они состоят из неправильного нагромождения глыб гранита. Идешь, балансируя по острому ребру глыбы, потом прыгаешь на гладкую, скользкую поверхность следующей, ползешь по ней вверх. И так шаг за шагом взбираешься все дальше, а вершина все еще далека!

Эти гигантские ступени видны не только на склоне горы Наглойнын; все береговые горы высотой более 500 метров,

---

* Когда магматические породы внедряются в осадочные, они изменяют их состав и делают их более плотными, крепкими; сланцы, например, превращаются в роговики.— *Прим. автора.*

начиная от Колючинской губы на востоке до Колымы на западе, покрыты такими ступенями-террасами. Сначала я приписал им морское происхождение: они имеют на первый взгляд большое сходство с обычными морскими террасами, отмечающими постепенное поднятие материка. Но внимательное их изучение показало, что мы имеем дело с оригинальной формой нагорных террас, которые образуются вследствие неравномерного накопления снега (при господствующих здесь зимой пургах) и последующего оттаивания и замерзания влажной почвы и скольжения по ней камней. Террасы эти живут, расширяясь и надвигаясь вперед непрерывно.

Довольно поздно добрались мы до плоской вершины горы. Высота ее оказалась 900 метров, и отсюда открылся вид далеко во все стороны. Но вся Чаунская губа закрыта толстым ватным слоем тумана, над которым торчат черные и серые вершины окружающих гор. Белые языки вползают по логам и, ощупав гриву, переваливают через нее белым потоком.

Только на южном конце губы кончается пелена тумана, и здесь он лежит волнами, между которыми блестит вода. За покровом тумана к западу и югу цепи гор, все более серые и неясные вдали. Это неизвестная, неисследованная страна. Удастся ли зимой пройти сквозь эти острые хребты на аэросанях? Ведь аэросани не могут подниматься на крутые склоны.

Как ни интересен пейзаж, приходится торопиться назад, не закончив работу на вершине; наступает вечер, и до темноты надо пройти хотя бы хаос гранитных глыб. Спуск по ним в сапогах труден: после прыжка на острое ребро или покатую поверхность чувствуешь себя очень неуверенно. Уклон крут, и неудержимо тянет бежать вниз и прыгать с глыбы на глыбу.

К ночи пройден весь крутой скат и остаются твердый пологий щебенчатый увал и кочковатое болото. Ночью никак не удается прыгать с кочки на кочку и находить маленькие щебенчатые площадки. Бредешь по воде между кочками, спотыкаешься, ругаешься про себя. Кажется, этому болоту нет конца.

Наконец вот и берег. Но спуститься нельзя: мы попали к гряде низких утесов. Приходится брести выше по кочкам к востоку, пока Ковтуну не удается сползти по какой-то рытвине на пляж.

На другой день при пешеходной экскурсии по берегу к востоку я нахожу многочисленные следы чукотских стоянок. Сюда выходят оленеводы на лето, чтобы поохотиться

на морского зверя. То здесь, то там видны камни очагов, остатки костров и даже следы детских игр: белые камешки, которыми выложен план яранги и полога, а внутри положены пустотелые камешки — посуда. А вот три маленькие яранги, сложенные из дерна, высотой в 20 сантиметров.

Путь от горы Наглойнын на юг лежит мимо длинного ряда больших утесов. Это холмистая страна, размытая морем,— прибой образовал непрерывные ряды утесов в 50—70 метров высоты. У их основания узкая полоса пляжа, прерываемая обрывами и нагромождениями камней. В этих обрывах видны превосходные разрезы складок,

опрокинутые и перемятые, — вся толща сланцев и песчаников надвигалась на северо-восток, и складки разрывались, ползли одна по другой. И вот по этим разрывам потом проникли воды с растворами кварца и отложили кварцевые жилы, которые оживляют своими изгибами серые стены утесов. Среди жил в конце утесов, тянущихся на 20 километров, попадаются толстые, до двух метров. Я их осматриваю внимательно — нет ли где следов металлических руд. В первой же толстой жиле я нахожу зерна мышьякового колчедана и ползаю по склону в поисках более значительных вкрапленников. В это время ко мне подходят чукчи. Это оленеводы, они ловят здесь рыбу тем же утомительным способом, который я описал выше. Они с любопытством смотрят на мои поиски и уверены, что я ищу «мане-ман» (по-чукотски деньги, а также золото — от английского «money»; в чукотский язык проникло несколько английских слов от торговцев с американских шхун).

Чукчи одеты очень бедно, в протертые до кожи мягкие кухлянки и затасканные штаны. Опираясь на палку, дряхлый старик сосредоточенно следит, как я разбиваю кварц молотком.

Один из чукчей, большой детина со скуластым лицом, говорит, что здесь «мане-ман» мало, а вот на востоке у мыса очень много, и обещает показать. В награду он просит отвезти его вместе с его уловом на шлюпке до конца утесов, где стоят яранги. Я иду с ним и с другим маленьким парнем вдоль утесов. По дороге он захватывает нерпичью шкуру, снятую целиком и набитую рыбой, и легко несет ее на плече.

В двух километрах далее — еще одна толстая жила; кварц переполнен серным колчеданом и сияет, как золото, когда я отбиваю куски. Чукчи в восторге, но очень удивлены, когда я говорю, что весь этот блеск ничего не стоит.

Но «мане-ман», к которому вели меня чукчи, лежит дальше и оказывается еще менее ценным — это только мелкие желваки серного колчедана в серой стене утеса. Вот и конец утесов, носящих название Энмытагын. В тундре, над пологим берегом, белеют яранги, на широком пляже бродят русские фигуры, а в море блестят белые борта вельбота. Необыкновенная встреча в таком далеком мрачном углу — это сотрудники культбазы, приехавшие сюда сегодня из Чауна.

Русских трое — краевед Лобода и учительницы Абрамова и Волокитина. Они будут кочевать вместе с чукчами.

Как мне рассказывали потом учительницы, в течение шести месяцев постоянных кочевок им было очень трудно приохотить чукчей к учению. У каждой из них было очень мало учеников — два-три, редко до шести. Чукчи старались не стоять вместе, а разойтись на такое расстояние, чтобы сделать невозможным совместное обучение детей. Обстановка кочевки также мало способствует учению: чуть напьются чаю, полог убирается, и можно учиться лишь на морозе, где-нибудь у стада или в дыму костра в яранге. А вечером, когда расставят полог, опять пьют чай, едят и ложатся спать. По-видимому, главной причиной отрицательного отношения чукчей были шаманы — они считали учение опасным. Хозяин яранги, в которой жила Абрамова, вскоре вызвал шамана, виновато сообщил ему, что вот у него два несчастья: во-первых, его выбрали в нацсовет, а во-вторых, пришлось приютить русскую. И духи уже гневаются: волки задрали двух оленей. Но он обещает, что в нацсовете он будет делать только то, что соответствует чукотским обычаям, а что касается русской, то она безобидная и почти что чукчанка, и если что сейчас еще делает не так, то потом научится. Последовавшее затем камланье * должно было избавить хозяина от дурных последствий этих несчастий.

Обе учительницы сжились с оленеводами, принимали участие в работах чукотских женщин и заслужили полное одобрение чукчей, так что к Волокитиной даже дважды сватались чукчи, считая ее вполне пригодной для ведения чукотского хозяйства.

Нельзя не восхищаться самоотверженной работой этих первых пионеров советской культуры, которым в таких тяжелых условиях пришлось вести преподавание и бороться с влиянием шаманов.

---

* **Религиозный обряд, заклинание духов.— *Прим. автора.***

День был уже на исходе, нам очень хотелось заночевать у этих яранг, но море спокойно, ровная его поверхность отливает серым блеском, и надо спешить к самому дальнему, юго-западному углу губы.

Теперь темнеет уже рано, приближается осеннее равноденствие, и мы доходим до цели опять в полной темноте.

Наутро ветер бьет с севера. Мы с Денисовым выезжаем на лодке с намерением осмотреть низкий ряд утесов к северу, но мотор не желает участвовать в этой поездке: впервые за всю свою короткую жизнь он решает серьезно заболеть какой-то таинственной болезнью. Оставив Денисова возиться с мотором, я иду пешком вдоль утесов,

отыскивая тот графит, который был обещан одним из местных русских. Но всюду только твердые песчаники и марающие руки глинистые сланцы, которые при некоторой фантазии можно принять за графит. Но зато я нахожу другое, очень красивое полезное ископаемое. Пляж в некоторых местах покрыт тонким слоем кроваво-красного песка, он состоит из мелких зерен граната, вымытых прибоем из какой-то изверженной породы. Такие пески представляют превосходный материал для шлифовки и полирования.

На второй день ветер не стихает, мотор все еще болеет, и попытка выехать на юг вскоре кончается неудачей. Я ухожу по утесам и болотам вдоль берега.

К вечеру, победив мотор, Ковтун и Денисов догоняют меня за концом утесов. Дальше к юго-востоку видны только низкие песчаные берега с обрывами и оползнями, тундра с черными прослоями торфа; там геологу почти нечего делать, и исследование губы можно считать законченным.

Приходится здесь заночевать; по-прежнему свежий ветер гонит крутые волны с севера, и с трудом удается пристать и выгрузиться у устья ручья. Пока мы таскаем груз через полосу прибоя, начинает падать густыми хлопьями снег, закрывая все кругом.

У нас есть железная печка, в устье ручья прошлогодний шторм загнал плавник, и мы весело проводим вечер, несмотря на вой ветра. Завтра мы возвращаемся домой — какое хорошее слово «домой»!

Завтра в самом деле мы можем выехать: ветер стих. И нас обуревает дерзкое желание — пройти прямо в Певек наискось через всю губу. Это пересечение еще длиннее предыдущего; отсюда не видно даже вершины Певекской горы, хотя она более 600 метров высоты. Смело мы пускаемся на северо-восток, направляя нос шлюпки на горизонт, несколько левее едва видимых вершин восточных гор

Летайпиан. Слабая рябь, ветра почти нет, и только мотор что-то шалит: время от времени в нем раздается странный стук, резкий и короткий. За два дня Толе не удалось выяснить его болезнь — надо разобрать его как следует.

Проходит час, мы отошли километров на десять от берега, и положение резко меняется: с юго-востока подымается сильный ветер. Волны быстро нарастают, и со всех сторон видны крутые их гребни с белой пеной. Несмотря на поднятые брезентовые стенки, лодку захлестывает. Надо переменить курс, чтобы волна не била так прямо в борт. Постепенно мы склоняемся к югу, идем уже к Турырыву, но ветер все сильнее, и положение наше становится рискованным. Шлюпка каждую минуту встает на дыбы и затем с силой хлопает носом о волну. Мотор не внушает доверия, не говоря уже о том, что стуки в нем продолжаются. Само его положение на корме очень опасно: в любой момент его может захлестнуть волной, и тогда он остановится. А завести капризный подвесной мотор на волне не так-то просто. Кроме того, наливать бензин в бак надо высунувшись над кормой, и половина бензина при этом проливается.

Мы принуждены наконец бежать под защиту южного берега. Он очень плоский, и ближе чем за полкилометра к нему не подойдешь, даже на нашей шлюпке. И здесь также сильно хватает ветер, особенно когда надо отходить опять в губу, огибая косы и мели двух устьев реки Чаун. На низкой плоской тундре видны пирамиды опознавательных знаков, поставленных у обоих устьев, здание фактории, серые стволы плавника и толстые белые чайки на желтом песке пляжа. Ветер срывает пену с коротких крутых волн, а когда мы отходим из-за мелей в море, снова хлещет через борт.

Так идем мы до вечера к знакомой нам тихой гавани Турырыва. Здесь песчаная бухточка стала еще меньше, а вход в нее — еще более узким. Но все так же тихо, и уютно.

Утром не хочется уходить отсюда на север: в Певеке, наверно, холодно. Мы оттягиваем отъезд, бродим по холмам, но надо все же ехать. И в полдень, забрав новую порцию сухих водорослей, мы пускаемся в путь по несколько утихшему морю. Навстречу пыхтит кавасаки — из Певека тащится в Чаун последний в этом году караван кунгасов. Эти кунгасы так и не успели вернуться в Певек: в устье Чауна захватил их 1 октября речной лед, и только кавасаки проскочил обратно; море замерзло позднее.

Длинный шестичасовой переход к мысу Валькумей мы со-

вершаем спокойно. Попутный ветер весело подкатывает волны под корму, и, хотя мотор время от времени зловеще постукивает, мы не обращаем на него внимания: через несколько часов мы уже дома. Но мотор решает иначе: за месяц он отстукал уже 800 километров, хватит. И как только стемнело, он остановился. Денисов выясняет, что сорвана шпонка. Пока он меняет шпонку, мы с Ковтуном гребем, чтобы не отнесло в море. Через полчаса шпонка вставлена, но скоро и она срывается, и экспертиза устанавливает, что сломалась шестеренка. Приходится последние 10 километров пройти на парусах. У нас на шлюпке всегда лежат весла, мачты и парус — эти самые надежные средства передвижения.

Ветер тянет слабо и, когда мы заходим за Певекскую гору, совсем стихает. Приходится опять садиться за весла и тихонько шлепать вдоль косы. Темный силуэт нашего дома наконец выползает из тени горы, видны аэросани, куча груза, кресты соседних могил. Мы дома.

Наш зимний дом

Рви окна, подлая метель.

П. Антокольский

Мы вовремя успели вернуться в Певек: через день начался шторм с севера и северо-запада, продолжавшийся шесть дней. В губу нагнало много воды, и уровень ее поднялся больше чем на метр. Волны, казалось, хотели перебраться через галечный вал и опрокинуть наш дом. Они тащили водоросли — большие полотнища ламинарий, какую-то грязь, сучья, стволы и свечки. Да, самые настоящие свечки, но не такие, какие делали в те годы у нас в Союзе, а более короткие и толстые, так что можно ставить их на стол без подсвечников.

Я сразу узнал их — это американские свечи, которые завозили одно время в Якутию и Чукотку вместе с другими товарами из Америки фрахтованные американские суда, когда наш торговый флот был еще недостаточен для обслуживания Северо-Востока.

Наверно, наконец растрепало штормами шхуну «Элизиф», которую в 1925 году затерло льдами у мыса Биллингса.

Она лежала с тех пор на мели, и каждый год зимой из нее добывали вымораживанием часть груза и вывозили в ближайшие фактории.

Когда прекратился шторм, с острова Большой Роутан приехал живущий там чукча Аттык и рассказал, что на остров кроме множества свечей выкинуло 13 бочек газолина — такого же, как на «Элизифе»,— и банки с сушеным картофелем. Позже пришло известие, что на мыс Шелагский выкинуло нос шхуны, и из него там сделали крышу строящейся школы; а приехавшие зимой с востока рассказали, что у мыса Биллингса по берегу тянутся размотанные куски мануфактуры, перевитые водорослями и забросанные галькой, и чукчи делают себе из сукна покрышки для яранг. Сукно, впрочем, пролежав 5 лет в воде, частью уже подгнило.

Не удивительно, что «Элизиф», простояв 5 лет, разнесена на куски лишь в этом году: после нескольких тяжелых ледовых лет, когда льды блокировали чукотское побережье, впервые здесь свободно гуляют волны. И «Элизиф», корпус которой был наполнен льдом, не таявшим и летом, потеряла теперь это внутреннее крепление, внезапно растаявшее, и неистовый осенний шторм разметал на 500 километров вдоль по берегу корпус шхуны и остатки груза.

Для окрестностей Певека этот шторм был благодетелен: снова нанесло плавник на берега, где все топливо было уже подобрано при дровозаготовках. Теперь опять берег покрыт густым слоем древесной мелочи, водорослями, стволами.

Наша жизнь все теснее замыкается в доме. Сначала мы вносим все новые и новые усовершенствования: надо в маленькую кубатуру комнат заключить максимум комфорта. Перетолчин все прилаживает полочки, койки, делает стол, табуретки. Металлические изделия — это обязанность Курицына. Из его искусных рук выходит множество предметов, которые украшают наш дом. Во-первых, плита, сделанная из толстого железа и обложенная внутри кирпичом. Долго обсуждается вопрос о том, вывести ли трубу прямо вверх или по традиции всех северных жилищ сначала обвести трубы вокруг стен, чтобы лучше обогреть комнату. Наконец обе спорившие стороны пошли на компромисс, и печь получила одно длинное колено, которое пересекло половину комнаты и было выведено в отверстие над обеденным столом. Из этой трубы зимой жидкие возгоны капали нам в тарелки с супом, пока на стыках всех колен не подвесили жестянки.

Второе произведение Курицына — большой умывальник, сделанный из бензиновых банок. Умывальник этот может удовлетворить самым придирчивым требованиям

удобства и гигиены: у него бак с медным штифтиком, большой таз, две мыльницы. Пустые бензиновые банки служат Курицыну материалом для изготовления всевозможных предметов обихода, серия которых заканчивается мороженицей. Да, самой настоящей мороженицей, которую ставят в ведро, наполненное льдом, и вращают, чтобы экономить свои силы, при помощи американского сверла — дрели. Эта мороженица и беспредельный запас морского льда позволяют нам объедаться мороженым всех сортов.

Но следует познакомить читателя с нашим зимним бытом более серьезно и систематически. Снаружи наш дом имеет не особенно привлекательный вид — это низкое строение с плоской крышей и всего только с тремя маленькими окнами. И от этой низкой избы, которая отличается от северного лесного зимовья только брезентом, закрывающим ее сверху, да радиомачтой, к морю выдвигается такой же низкий амбар, обтянутый брезентом. Когда входишь в амбар, то видишь справа и слева стены ящиков и тюков — это наше снаряжение и запасы продовольствия, спрятанные сюда от пурги. А в глубине — верстак Перетолчина и рабочее место механиков. Амбар этот, кроме того, предохраняет входную дверь дома от ветра и снега.

Поэтому во время пурги мы имеем кроме дома еще обширное помещение, где можно свободно двигаться и работать.

Через крепкую и плотно сбитую дверь попадаешь в небольшое помещение, отделенное от главной комнаты занавеской. Вначале занавеска была белая, но теперь копоть от примусов придала ей мрачный оттенок. Точно так же потускнела жесть умывальника, украшающего простенок,— небрежность чисто мужского холостого общежития не соответствовала его чистоте, и умывальник не представляет собой такого выигрышного экспоната, каким был в октябре.

Первая комната — это прихожая, умывальня и кухня с великолепным столом для примусов, обитым жестью и клеенкой. За занавеской — большая жилая комната. По стенам пять коек наших технических сотрудников. Над каждой висят предметы, любезные сердцу обитателя,— ружья, бинокли, собственноручные рисунки. Но совершенно нет ни женских фотографий, ни головок из иллюстрированных журналов.

Койки в разной степени беспорядка, в зависимости от аккуратности владельца.

Три раза в день мы собираемся за длинным столом, стоя-

щим посередине комнаты, и поглощаем с неизменным аппетитом, несмотря на зимовочную сидячую жизнь, множество продуктов, которые заготавливает для нас завхоз Егоров. За этим же столом днем работают, а вечером я веду занятия по английскому языку, арифметике и русской грамматике. Стол освещен слабенькой висячей лампой, но лучшей мы не могли достать. Для лампы не было стекла, и мы заимствовали пузатое стекло от фонаря «летучая мышь». Стекло от сильного нагревания уже лопнуло, и сеть трещин пересекается сетью проволок и асбестовых нитей, скрепляющих стекло снаружи.

Недостаток ламповых стекол в Певеке — обычное явление, и притом уже в течение ряда лет. Поэтому певекцы
выработали технику превращения в ламповые стекла светлых бутылок, но эти бутылочные стекла живут очень недолго. Курицын внес и свою лепту в это изобретательство: он изготовляет для нас и для других певекцев изящные квадратные призмы — оконные стекла, вставленные в легкую жестяную раму, которые, к удивлению, не лопаются в течение долгого времени.

От большой комнаты перегородкой отделена маленькая, площадью семь квадратных метров, где помещаемся мы с геодезистом Ковтуном. Здесь наши койки, два маленьких складных столика для работы и даже наша «радиостанция» — два приемника. Недостаток площади заставляет нас очень экономить место, и взамен складных кроватей мы сделали койки из брезента, натянутого на брусья на большой высоте. Под ними можно держать неисчислимое количество ящиков.

Комната наша занимает самый опасный угол дома — юго-восточный, на который обрушивается ветер, падающий с Певекской горы. Нам пришлось обить стену изнутри папками, но и это не помогло, и в первую же пургу мелкий, как пыль, снег проник сквозь стены, сквозь земляную засыпку, и вдоль стены у нижнего плинтуса намело целые сугробы. Только когда мы покрыли южную стену дома брезентом снаружи, прекратилось это вторжение снега через стены.

Дом наш так тщательно сложен и законопачен, что в безветренные дни, несмотря на морозы, приходилось топить очень мало — полчаса утром и столько же вечером, и до января мы никогда не закрывали трубу. Даже пришлось сделать специальные отдушины в стенах, чтобы улучшить вентиляцию.

В Певеке мы имели возможность наблюдать интересную разновидность пурги — ветер типа фёна, падающий с Пе-

векской горы. Гора эта возвышается на полуострове, к которому с юга и востока примыкает обширная равнина. Зимой господствуют юго-восточные ветры, которые спускаются в Чаунскую впадину с Анадырского плато.

Двигаясь по Чаунской равнине с умеренной скоростью, ветер встречает препятствие — Певекскую гору высотой до 600 метров; воздух взбирается на нее и затем стекает к северному подножию с большой скоростью. В то время как на равнине пурга обычно имеет скорость не более 15—20 метров в секунду, в Певеке ветер достигает 30—35 метров в секунду. Кроме того, хотя воздух, спускаясь с горы, должен нагреться на столько же градусов, на сколько он охладился при подъеме, но вследствие образования облаков на вершине горы температура воздуха, спускающегося по подветренному склону, поднимается еще больше. Поэтому ветер типа фёна теплый, и в Певеке иногда температура за сутки во время ветра поднималась на 30 градусов: например, с 35° до 5° мороза.

Казалось, что наступает оттепель.

Интересно следить за развитием ветра «Певека», как иногда его зовут. Сначала над горой появляются сигарообразные облака, так называемые «цеппелины», верный признак того, что воздух перекатывается через гору; очень часто других облаков нет и небо кругом чисто. Затем начинает со значительной быстротой падать барометр и повышаться температура. Через сутки или даже через полсуток появляются первые ощутительные порывы ветра, но селение еще пока защищено от него. Ветер переваливает через низкую седловину, пурга метет восточнее Певека. Вершина горы вся курится — это вздымаются вихри снега.

Снежный поток все расширяется и захватывает один за другим дома селения, а с горы к нам начинают спускаться юркие, быстрые, тонкие снежные смерчи. Бывали дни, когда целый десяток их сбегал одновременно. В это время мы торопимся закончить все дела вне дома — принести дрова, привезти воды с озера, но не всегда это проходит благополучно: ветер похищает крышку от бака с водой и угоняет ее в море, забивает лицо снегом, не дает идти.

Потом пурга захватывает и наш дом; он расположен под защитой главной вершины, и когда к нам подходит пурга, то скорость ее достигает 15—18 метров в секунду. Этот момент для нас, сидящих внутри, отмечается двумя звуками: хлопаньем брезента, покрывающего крышу, и лязгом проволочных растяжек, укрепляющих трубу. Хотя на брезент положены бревна и тяжелая цепь и он туго натянут и прибит к стенам, но в течение целых суток, пока

длится пурга, он ударяет по крыше размеренно, тяжело и глухо.

Напряжение ветра неравномерно: он то усиливается, то ослабевает; волны воздуха падают с горы, подобно волнам моря,— то сильные, то слабые. Бывают даже перерывы — вдруг грохот и лязг внезапно стихают, наступает тишина, которую действительно можно назвать «мертвой», потом вдруг, через несколько минут или даже через полчаса, начинается снова неистовый грохот. При этом барометр ведет себя также невыдержанно — то подымается, то падает. У меня, например, 10 ноября записано в 2 часа дня падение на 3 миллиметра в течение 40 минут, а за следующие 20 минут — поднятие на 2 миллиметра. Ветер дует обычно около суток, достигая иногда скорости 35 метров в секунду, но бывают и трехсуточные пурги.

В это время мы сидим дома; печка топится, потому что дом быстро охлаждается. Иногда выглянешь на улицу, чтобы измерить анемометром силу ветра и попробовать, можно ли идти против пурги. Но уже при ветре в 18 метров в секунду передвижение доставляет мало удовольствия: лицо сечет снегом, каждый шаг берется с трудом, дышать можно только отвернувшись. Конечно, самая большая неприятность — это снег и холодный воздух, которые забиваются всюду; хотя температура и повысилась, но охлаждение очень велико. Идти все же можно, а ползти — как полагается в приключенческих романах, держась за веревку,— еще рано.

Между домами в Певеке, впрочем, веревок не протянуто. Но жители в пургу не очень любят ходить в гости и сидят дома. Певекская история прошлых лет повествует о людях, которые в пургу не могли проползти от одного дома до другого всего только 50 метров; они не могли найти даже вход в дом, а ветер перекидывал их через занесенные сугробами сени.

В отличие от фантастического рассказа К., которого, по его словам, катило прошлой зимой четыре километра по льду, эти рассказы заслуживают доверия. Мы сами видели, как мимо нашего дома два певекца провезли ползком, запрягшись на манер собак, тяжелые санки с дровами. Пурга с визгом перекатывала снег через береговой галечник, и они ползли под защитой берегового обрыва.

Во время пурги поле нашего передвижения ограничено домом и амбаром. Очень часто внешнюю дверь амбара заваливало снегом, и нам пришлось сделать на западной стене амбара откидной люк, прорезав брезент. Эта стена совершенно чистая: ветер обдирает здесь снег. После пурги мы

вылезаем в откидное окно и начинаем расчищать вход в дом. Сугроб со стороны двери наметает до крыши, и надо прорезать в нем траншею.

Можно было бы использовать наш опыт и сделать новую дверь на западной стороне, но до отъезда осталось так мало времени, что не стоило тратить на это драгоценное время.

После пурги Певек представляет интересное зрелище. Там, где нет строений, вся береговая терраса очищена от снега. Черные галечники мрачной полосой окаймляют берег моря. Но от каждого препятствия — камня, бревна, бочки с горючим — тянется на северо-запад длинный сугроб. Особенно большие сугробы идут от домов и от куч

дров. И, путешествуя по поселку, то карабкаешься на крутой перевал, то спускаешься в глубокую лощину. Дети с радостным визгом катаются с этих сугробов на санках, падают и вновь карабкаются вверх.

Между сугробами выглядывают круглые дома. Главное их преимущество, по мнению организаций, завезших их сюда, заключается в том, что цилиндрический корпус является обтекаемым и возле него ветер не наметает сугробов. Но, чтобы предохранить двери этих домов от ветра и утеплить вход, пришлось приделать сени, причем для экономии дома расположили попарно и каждая пара домов имеет общие сени, их соединяющие. Таким образом, получается сложное по форме строение, в виде восьмерки, которое при каждой пурге до крыши засыпается снегом. А сквозь щели снег проникает внутрь сеней и к концу пурги набивает их почти доверху.

От пурги очень трудно предохранить постройки: ветер забивает снег в мельчайшие щели и через какое-нибудь отверстие от выдернутого гвоздя может набить целый сугроб. Наши аэросани, хорошо укрытые чехлами, после пурги были совершенно напитаны снегом; крепкая белая масса покрывала корпус внутри, обволакивала мотор, набивалась даже в чехол пропеллера, превращавшийся в толстую колбасу.

В круглые дома, сделанные из двух слоев тонких досок («вагонки») с бумагой между ними, ветер проникал совершенно свободно, и там приходилось топить печи весь день. И все же к утру температура в домах падала до 12 градусов мороза.

Со времени передачи полярных станций Главсевморпути завоз круглых домов прекращен, и жители Севера не будут больше замерзать в этих остроумных постройках, предназначенных для южных широт.

Рядом с круглыми домами, дальше к западу, стоят три

рубленых дома, построенные из бревен командами зимовавших здесь в 1932—1933 годах судов. Дома эти гораздо больше приспособлены к здешнему климату, и в них можно спать, не опасаясь, что к утру снег завалит вашу кровать. Но эти дома также обращены дверями на север, и к середине зимы к ним ведут глубокие траншеи. При постройке нашего дома мы ориентировали его по другим постройкам Певека, предполагая, что они учитывают направление ветра, но оказалось, что строители имели в виду только эстетические цели — чтобы весь ряд домов глядел на море.

Но в Певеке пурга не так часта. Настоящая, юго-восточная сильная пурга бывает 3—4 дня в месяц, не больше.
Пургу с северо-запада и более редкую, с северо-востока можно не принимать в расчет: она слаба и не мешает жить. А жизнь в Певеке бьет ключом. Это центр большого полярного района.

Зима в Певеке

И мы поймем, в сколь тонких дозах
С землей и небом входят в смесь
Успех, и труд, и долг, и воздух,
Чтоб вышел человек, как здесь.

Б. Пастернак

Огромный Чаунский район в тридцатых годах занимал площадь свыше 140 000 квадратных километров и протягивался на 700 километров вдоль берега Ледовитого океана от реки Амгуэм на востоке до реки Раучуван на западе, а в глубь страны — до водораздела с рекой Анадырь, то есть от 125 до 250 километров. При транспортных условиях Чукотки поездки в пределах такого района очень затруднены, и оленеводов, живущих в верховьях Амгуэмы, работники райисполкома могли посещать не каждый год *.

Создание Чаунского районного центра было одним из первых шагов в деле преобразования этого края, одного из самых глухих и далеких в СССР. Фактория основана здесь

* В конце 1953 года был создан новый, Иультинский район с районным центром Эгвекинот у залива Креста. В этот район вошли восточная часть Чаунского района, северо-восточная — Анадырского и западная — Чукотского. Площадь нового, Чаунского района составила 77,9 тысячи квадратных километров.— *Прим. автора.*

в 1929 году, а другие советские организации появились только в середине 1932 года; но до 1931 года все это побережье входило в Чукотский район с центром в Уэлене, лежащем на крайней восточной оконечности Чукотки.

Сначала райисполком ютился в избушке на устье реки Кремянка, в юго-западном углу губы. После зимовки судов в 1932—1933 годах районные учреждения получили три «рубленых» дома в Певеке, и тут же были построены круглые дома, привезенные культбазой. В 1935 году русское население Певека достигло 50 человек, из них около 15 детей.

Население Чаунского района, по подсчетам местных
 организаций, в 1935 году составляло 1958 человек, из
них 75 % — чукчей-оленеводов, около 100 человек — русских, а остальные — береговые чукчи.

Береговые чукчи жили по морскому берегу к востоку от Певека поселками в две-три яранги, отстоящими один от другого на 30—40 километров, а иногда и на 200 километров. Оленеводы кочевали в глубине страны, более бедные летом выходили к берегу моря. Певек, основание которого связано с удобной стоянкой для морских судов, расположен очень неудобно для обслуживания оленеводов, и поэтому культбаза постепенно перевозила свои дома к устью Чауна, куда оленеводам попасть гораздо легче.

Вблизи Певека при нас было очень мало чукчей: две яранги в километре на востоке, две на острове Большой Роутан и две в десяти километрах к югу от поселка. Сообщение на собаках в этом году сильно затруднено: прошлой зимой по всей Чукотке вымерло от эпизоотии больше половины собак, так что в редкой яранге есть целый потяг (упряжка) собак. Даже в Певеке осталось только две упряжки. Поэтому сообщение из поселка поддерживается постоянно только с мысом Шелагским да изредка с устьем Чауна. А поездки вдоль побережья дальше на восток осуществлялись с большим трудом.

Например, местный судья никак не мог попасть на мыс Биллингса, за 400 километров к востоку: осенью байдару, на которой он ехал, залило водой у мыса Шелагского. Потом он пытался проехать на собаках, но не было упряжки, которую можно было бы послать так далеко. Наконец он проехал к оленеводам, чтобы, кочуя с ними, перебраться дальше на восток и через горы попасть на мыс Биллингса. Но оленеводы кочевали так медленно, что в феврале он был все еще вблизи Чаунской губы и принужден был вернуться обратно.

Из Певека в стойбища оленеводов районные работники

обычно выезжают на собаках, а сами оленеводы очень неохотно приходят в Певек, потому что здесь нет хорошего корма для оленей и прибрежная тундра покрыта таким крепким, убитым ветрами снегом, что олени с трудом могут добыть из-под него мох.

Летом оленеводы почти не кочуют, и понятно, что связь районного центра с кочевыми чукчами может осуществляться только выездами районных работников в глубь тундры. Поэтому зимой мы видели в Певеке очень мало приезжих чукчей (кроме жителей соседних с нами яранг).

К 7 ноября съехалось все же несколько десятков чукчей, и праздник прошел с большим оживлением. В одном
из круглых домов культбазы, отведенном под клуб, были поставлены пьесы — одна из них на русском языке, силами русских любителей, а другая на чукотском, на темы из местной жизни, составленная и разыгранная чукчами. Чукчи оказались очень хорошими имитаторами, и нельзя было без смеха смотреть на местных советских служащих в их изображении.

Наша экспедиция также постаралась оживить праздничные дни. К этому времени уже были смонтированы аэросани, и мы устроили катание на льду Чаунской губы. И русские и чукчи набивались до отказа в аэросани, и забавно было видеть быстро мчащуюся машину, из которой высовывалась груда мохнатых шапок и раскрасневшихся лиц.

Хотя было только 25 градусов мороза, но при быстром беге аэросаней и эта температура страшна, и после десяти минут катания многие вылезали с отмороженными щеками и носами.

Но эти легкие повреждения не отражаются на настроении, и новые пассажиры выгоняют старых, чтобы самим попробовать «удивительные сани» («колё—оргоор»).

Для зарядки аккумуляторов наших радиоприемников Денисов и Курицын приспособили подвесной шлюпочный мотор, и в особой палатке, поставленной возле дома, у нас работает теперь маленькая электростанция, которая во время зарядки освещает и дом. А 7 ноября эта станция позволила устроить иллюминацию: аэросанные фары освещали единственную улицу Певека, а над нашим домом сияла красная звезда.

Певек в 1935 году являлся уже значительным культурным центром: здесь была больница культбазы, школа для русских и чукотских детей, клуб, в котором устраивались постановки и иногда просмотр кинофильмов. В устье Чау-

на, куда постепенно перекочевывает культбаза, находилась школа-интернат культбазы; другие школы были на мысе Шелагском, на мысе Биллингса и на мысе Шмидта. Учителя выезжали в тундру к оленеводам и, кочуя с ними, обучали детей. Зимой культбаза посылала к оленеводам разъездную красную ярангу в составе механика и врача или фельдшера. Задачей механика было производить ремонт всевозможного бытового инвентаря, особенно оружия, чайников и котлов.

Таким образом, Певек являлся центром, который вел большую работу по преобразованию района и по культурному его обслуживанию. К сожалению, штат сотрудников райисполкома был еще очень мал, транспортные условия очень тяжелы, и неудивительно, что инертный быт чукчей, сложившийся веками, очень медленно уступал место новым формам жизни.

В дальнейших главах читатель ознакомится ближе с бытом чукчей-оленеводов и увидит, как много еще оставалось сделать, и вместе с тем сумеет оценить, как много уже было сделано за несколько лет, как много значит появление хотя бы настоящих школ в Чаунской губе, жители которой еще недавно считались самыми отсталыми среди населения Чукотки.

В 1935 году мы уже видели в Певеке чукчей-мотористов, инструкторов райисполкома, учеников-радистов на полярной станции, председателей нацсоветов и райисполкома.

Участие нашей экспедиции в культурной работе кроме прямых задач по изучению края было разнообразным. Сотрудники экспедиции читали доклады, составили карту и физико-географический очерк района для исполкома, преподавали на партийных курсах, ремонтировали лодочные моторы, делали и ремонтировали хозяйственную утварь для населения, участвовали в оборудовании клуба, в художественном оформлении декораций, стенгазет и т. п.

Все это занимало время нашей зимовки и не позволило нам скучать — тем более что у нас было очень много очередной работы по экспедиции.

Особенно много по бытовому обслуживанию населения пришлось на долю Курицына, который был хорошим слесарем-жестянщиком. В нашей палатке-электростанции он устроил настоящую слесарную мастерскую. Кругом него стояли примусы, гудела паяльная лампа, валялись листы меди. В пургу палатку забивало снегом, на крышу ее наваливало сугробы, но на следующий день в ней опять топилась печка и стучал молоток.

Нередко заглядывали к нам гости с Шелагской полярной станции, приезжавшие в Певек по делам. Вечером слышен на улице скрип саней, покрикивание; выходишь в амбар и видишь неуклюжую фигуру в мохнатой малице (у сотрудников Шелагской станции были только собачьи малицы, сшитые по западному образцу), с лицом, залепленным снегом.

Малица снимается еще в амбаре, потом человек сбивает снег с меховых сапог и заходит в дом, к печке — отодрать сосульки с бороды. А собаки остаются снаружи на твердом снеге, в котором нельзя даже выкопать яму, чтобы укрыться от ветра. Целые сутки лежат они, свернувшись в клубок. Изредка раздается ворчание или вой. Вечером им дадут несколько рыб или нерпичье мясо, а потом они опять постятся целые сутки. Считается, что сытая собака бежит тяжелее.

Приезд шелагцев — для нас всегда радостное событие. Они привозят телеграммы, и каждый надеется, что получит что-нибудь из дома. В 1935 году связь с Чаунской губой осуществлялась только через новую радиостанцию мыса Шелагского; получить же письмо можно только по прошествии года, со следующим пароходом.

В эту зиму была пробита первая брешь в глухой стене, отделяющей Чукотку от мира. 6 февраля Герой Советского Союза Водопьянов и пилот Линдель выполнили на двух самолетах почтовый рейс из Хабаровска на мыс Шмидта. Всякий, кто зимовал на Севере, знает, какая радость получить среди зимы письмо и что значит для всех зимовщиков возможность установления постоянной связи.

Но уже и радио совершенно изменило жизнь на Севере. Побережье Ледовитого океана уже в тридцатых годах было покрыто сетью радиостанций, и при правильной их работе уже на следующий день можно иметь ответ из дома. А если есть хороший приемник, то можно слушать чуть ли не весь мир.

Два наших приемника доставили нам зимой много удовольствия. В темное время хорошо можно было принимать дальние станции. Не говоря о Москве и Ленинграде, были слышны и станции Западной Европы. Очень хорошо было слышно азиатское побережье Тихого океана и очень плохо — восточное его побережье. Нам доставляло большое развлечение ловить телефонные переговоры между отдельными станциями. Вот где-то в Восточной Азии отчетливый голос по-английски: «С Формозы в Японию идет тайфун. Пусть наши пароходы укроются в портах». А вот мелодичный голос откуда-то с Гавайских островов вызы-

вает пароход «Аквамарин». И ночная тишина рассекается все новыми призывами: «Аквамарин, Аквамарин...»

А у нас пурга метет за окном и брезент гремит на крыше. Но мы чувствуем, что мы не оторваны, что мы живем со всей Советской страной. Мы слышим утреннюю зарядку из Иркутска, новости из Новосибирска, концерт из Свердловска и даже можем присутствовать во время парада на Красной площади в Москве, отчетливо слышать речи вождей, выстрелы пушек и возгласы демонстрантов.

224 Первые поездки аэросаней

Мы победили,
но мы
в пробоинах:
Машина стала —
обшивка
лохмотья.

В. Маяковский

Как только мы обосновались в Певеке, главное внимание наших техников было обращено на монтаж аэросаней. Поспешность сборов в Ленинграде не позволила довести монтаж до конца. Надо было внести ряд изменений в детали, чтобы приспособить сани к работе в суровых условиях Арктики.

Аэросани в то время были одним из самых молодых механических экипажей, и работа с ними приносила много неожиданностей. Недостаточно знать авиамоторы или управление автомобилем — нужно иметь специальный опыт работы на аэросанях, знать все их выгодные стороны и неприятности, связанные с ездой на них. Первый опыт с аэросанями в Арктике, проделанный известным географом Альфредом Вегенером на ледниковом щите Гренландии, именно поэтому и был неудачен, что он был первым для участников этой экспедиции. Кроме того, страшные ветры, которые дуют из середины Гренландии, сильно мешали саням и сорвали их работу осенью, что послужило причиной трагической гибели Вегенера. Следующим летом аэросаням его экспедиции удалось восстановить свою репутацию, они работали гораздо лучше и сделали необходимые рейсы до базы, расположенной в 400 километрах от края ледникового щита.

Советские аэросани работали уже в Арктике в экспедиции Арктического института в 1932—1933 годах на ледниковом щите Новой Земли (исследования геолога М. Ермолаева), и в том же году другие аэросани обслуживали полярную станцию Арктического института в бухте Тикси на устье Лены.

Мы получили от Арктического института как раз те сани, которые были на Новой Земле. Это одна из первых моделей известного конструктора самолетов А. Н. Туполева. Их внешность очень изящна: узкий дюралевый корпус обладает обтекаемыми формами и хорош на ходу, но сани неудобны для нашей работы, потому что в них можно везти очень мало груза. Впереди сидит водитель, за 225
ним в более высокой части корпуса могут поместиться только два человека и немного груза.

Вторые сани, более поздняя модель А. Н. Туполева, широкие, с закрытой кабиной. Рядом с водителем может сидеть еще один человек, а в большой задней кабине помещается большое количество груза или несколько человек. Денисов, который в прошлом году работал на таких же точно санях в устье Лены, говорит, что он перевозил больше тонны. Это нам очень нравится, потому что предстоят далекие разъезды и надо везти с собой возможно больше горючего.

На обоих санях поставлены советские моторы, стосильные М-11 с воздушным охлаждением. Опыт нашей экспедиции должен доказать применимость советских аэросаней для разносторонней исследовательской работы в условиях Чукотки, в горах, на равнинах и на льду.

Первые поездки аэросаней обнаруживают все новые и новые затруднения, и мы не раз приходим в отчаяние. Когда по окончании монтажа мы хотим испробовать сани, они сначала вообще не сдвигаются с места, они как будто прилипли к снегу. Собравшиеся на первую пробу любопытные с криком раскачивают сани, и наконец сани отрываются и сначала едва-едва, потом все быстрее и быстрее бегут по кочковатой террасе. Остановка, и опять их трудно сдвинуть. Денисов и Курицын утешают нас — это не страшно и очень обычно: на металлических подошвах лыж еще осталось масло, которым они были смазаны при перевозке; кроме того, постояв на снегу некоторое время, лыжа прилипает, и перед выездом надо очистить ее от снега. Во время стоянок надо обязательно подкладывать под лыжи куски дерева.

Аэросани делают несколько кругов по террасе вблизи моря. Мальчишки стараются попасть в вихри воздуха,

отбрасываемые винтом; им кажется, что они попали в сильную пургу: ветер срывает шапку, забивает лицо снегом.

Для следующих рейсов сани переходят на морской лед. Море стало уже 15 октября, и к концу месяца лед достиг толщины достаточной, чтобы выдержать аэросани.

Возле Певека под защитой Большого Роутана гладкий лед, но иногда под давлением северного ветра лед лезет на берег и образует торосы; потом, когда подует ветер с юга, лед отойдет, и трещина отделит его от берега. Но у Певека эти явления происходят в ничтожных размерах: в Чаунской губе гораздо спокойнее, чем на берегах океана, а за Роутаном и совсем тихо. Но у мыса Шелагского и

дальше к востоку берег окаймлен высокими грядами торосов, которые в течение зимы нагромождаются ряд за рядом, коверкая поверхность льда. Туда вряд ли можно сунуться на аэросанях, но возле Певека сани скользят легко и быстро, не встречая препятствий.

После удачных поездок по льду мы пробуем сани на тундре, под Певекской горой. Тундра еще мало пригодна для саней, ветер сметает снег с кочек, их верхушки торчат серыми пятнами, и между кочками снег еще недостаточно окреп. Первый опыт очень неудачен: как только мы выезжаем в тундру, от удара о кочку ломается рулевое управление.

Монтаж саней оказался очень длительной и сложной операцией. Каждый день находится что-нибудь новое, что следует исправить. То надо отеплить бак с маслом, чтобы масло не замерзало; то оказывается, что масло выбрасывается во время хода, и надо придумать такое приспособление, которое позволяло бы удобно заливать масло и предохраняло бы от разбрызгивания.

Наконец, надо подумать и о научной работе. Надо поставить на сани компасы для съемки пути. Их установка заставила нас изрядно поломать голову: в санях много металла, влияющего на стрелку, и с трудом удается найти для компасов удобное положение и уничтожить девиацию (подложив под компасы специальные маленькие магниты, уравновешивающие влияние окружающих масс металла)*.

На компасы влияет все — не только металл, но и пусковое магнето саней и даже счетчик одометра (колесо для измерения расстояний).

Этот последний также трудно установить — надо найти

---

* Девиация — отклонение магнитной стрелки компаса от направления магнитного меридиана под влиянием магнитного поля, создаваемого окружающими массами металла.— *Прим. ред.*

место, где бы тяжелое мотоциклетное колесо не мешало ни лыжам, ни винту. Решаем прицепить его к заднему концу задней лыжи. От колеса идет гибкий вал к счетчику, помещенному внутри саней, и таким образом мы можем всегда знать, сколько километров сделано.

Чтобы проверить счетчик, мы измеряем рулеткой километр на льду, и потом сани ездят взад и вперед от вешки к вешке. Для определения девиации на льду разбиваются радиусы по странам света и сани становятся в разных направлениях, чтобы определить ошибки компаса на разных румбах. Все это занимает много времени, а дни стали очень коротки, только два-три часа видно солнце или, вернее, его даже не видно, но мы знаем, что оно здесь, за Певекской горой.

Я рассчитывал использовать сани для работы уже в первые месяцы зимы, но природа была против нас. Хотя лед уже покрывает губу, но южнее полуострова Певек много трещин. Как рассказывают приехавшие чукчи, большие трещины тянутся от мыса Валькумей и преграждают путь в Чаун. Первый опыт поездки по тундре был не особенно утешительным: на голых кочках мы рискуем разбить сани и застрять где-нибудь вдалеке от Певека; но все же, чтобы сделать возможно больше маршрутов и воспользоваться последними остатками солнца, я назначаю на 23 ноября выезд обоих саней в Чаун. Оттуда мы, может быть, успеем съездить на восток по рекам Ичу и Млель и исследовать западный склон Чукотского хребта. Надо торопиться: через несколько дней солнце скроется и наступит 40-дневная полярная ночь.

С нами в Чаун поедут также три работника райисполкома, которым надо пробраться на юг, в тундру, к оленеводам. В Певеке так мало собак, что исполком не может перебросить своих работников даже до Чауна. Поэтому аэросани будут перегружены до отказа — семь человек, полный запас горючего, палатки, продовольствие.

Выезд очень торжественный, на проводы сбегается весь Певек. Мы все похожи на медведей, так много на нас меховой одежды: меховые костюмы, меховые сапоги *, сверху кухлянки. В маленьких аэросанях кроме водителя должны поместиться трое, а так как под ними еще груз, то они будут высовываться над целлулоидным козырьком, пре-

* Меховые сапоги — «плекты» у чукчей делаются короткими и надеваются под длинные штаны из оленьей или нерпичьей шкуры. Русские нередко носят высокие меховые сапоги до колен или до бедер, по эвенскому образцу, и называют их торбасами (от якутского «этербес»).— *Прим. автора.*

дохраняющим от ветра, и, наверно, отморозят себе носы. Большие сани доверху набиты вещами: палатками, печками, продовольствием, спальными мешками, и я сижу в откинутом верхнем люке, высунувшись наружу.

Сначала все идет хорошо, мы мчимся на восток: с таким грузом мы не можем одолеть перевал через Певекскую гору, и надо объехать ее с севера по льду, чтобы выйти в тундру и по последней уже двинуться на юг, в обход губы.

Интересно смотреть на сани, мчащиеся рядом по льду. От лыж летят густые струи снега, винт вздымает за собой целое облако, сани мчатся со скоростью километров до шестидесяти в час. Высокое наслаждение мчаться с такой

быстротой, без дороги, куда хочешь. И лишь пронизывающий холод портит это удовольствие.

От двух одиноких яранг, стоящих на берегу за Певекской горой, мы поворачиваем на юг, поднимаемся на крутой берег. Вот мы на поверхности тундры. Она покрыта белой пеленой: недавно шел снег и ветер не успел еще очистить верхушки кочек. Но они хорошо чувствуются: лыжи ударяют то по одной, то по другой, сани накреняются. Надо уменьшить ход.

Но не успеваем мы проехать и одного километра, как раздается сильный удар сзади, сани сразу замедляют ход, малые сани выдвигаются вперед и обгоняют. Мы едва ползем. Денисов с проклятием останавливает мотор, и мы неуклюже выскакиваем в снег.

Стоит взглянуть на винт, как становится ясно, что путешествие наше придется прервать: концы винта повреждены, медная оковка расщеплена; с таким винтом мотор не может больше давать нужного числа оборотов. Чем же поврежден винт? Неужели он хватил концом о кочку? Нет, вот и виновник: резина на колесе одометра в нескольких местах слегка надрезана и вилка его согнута.

Колесо одометра было поставлено у конца задней лыжи так, чтобы он не доставал до винта. И сейчас мы, поднимая колесо, не можем привести его в соприкосновение с винтом. Но, очевидно, при сильном косом ударе о кочку тяжелое мотоциклетное колесо с такой силой подскочило кверху и вбок, что согнуло все крепление. И хотя винт чуть коснулся шины, но при 1500 оборотах в минуту этого было достаточно, чтобы разбить и медную оковку, и дерево винта.

У нас с собой запасной винт, и мы начинаем отвинчивать сломанный. Малые сани скрылись где-то впереди за увалом, и их уже не слышно — неужели они уехали далеко?

Только через час раздается шум мотора, на гребне ува-

ла показывается черная точка, которая быстро несется к нам в вихре снега. Оказывается, водитель Яцыно остановился, чтобы подождать нас, и не подложил под лыжу деревяшек. Липкий, рыхлый снег тотчас захватил сани в плен, и пришлось долго помучиться, пока сани сдвинулись.

Наконец винт сменен, но уже поздно ехать в Чаун: скоро стемнеет. Кроме того, надо ведь починить одометр.

В Певеке нас встречают с иронической радостью. Действительно, первый опыт не очень удачен. Хотя повреждения исправлены и одометр мы поставили сбоку, чтобы он больше не смог разбить винт, но езда по тундре, очевидно, еще очень опасна. Удары о кочки, которых под пеленой рыхлого снега не видно, так сильны, что можно сломать и рулевое управление и еще что-нибудь. Видимость очень плохая: при пасмурном небе торосы видны всего за пять или десять метров, и водитель, почти наехав на них, должен круто поворачивать, рискуя сломать сани.

Особенно опасны предательские овраги. Они наполовину засыпаны, снег в виде карниза нависает с бортов, и при таком тусклом свете, когда нет теней, совершенно не различаешь обрыва — можно незаметно въехать на подобный карниз и свалиться с высоты в несколько метров. На днях один из певекцев упал в овраг с упряжкой собак — это при скорости 5 километров в час. У нас минимальная скорость — 15 километров, но если мы будем ездить с такой незначительной скоростью, то нам не хватит бензина даже на поездку до Чауна: мотор и при малых скоростях потребляет очень много.

И те и другие сани требуют еще кое-каких изменений. Особенно много хлопот с масляными баками. Но все же 25 ноября ремонт малых саней заканчивается. Большие будут готовы только к 28-му, а ведь 27-го, по расчетам, уже зайдет солнце. Очевидно, что при таких условиях передвижения и, главное, при быстро уменьшающемся свете мы совершенно не сможем вести геологические исследования и съемку.

Поэтому нам уже не к чему ехать в Чаун — это приведет только к лишним поломкам саней. Но надо отвезти туда председателя исполкома чукчу Тыкая, секретаря райкома Пугачева и заведующего культбазой Аристова. Их поездка очень важна для советской работы в крае; кроме того, они обещают подготовить также оленей для предстоящей нашей поездки на Большой Анюй. Я предполагаю в марте закончить работу в Чаунском районе и на оленях проехать в верховья Большого Анюя, построить там лодку и

доплыть до Нижне-Колымска. На аэросанях сделать этот маршрут с таким большим количеством груза, который нам нужен будет на Большом Анюе, нельзя.

26 ноября мы все встаем рано — проводить малые аэросани. Еще темно, но Яцыно начинает греть мотор, чтобы выехать как только начнет светать. Низкие тучи не обещают ничего хорошего. Светает, но выехать нельзя: даже в нескольких шагах не видно торосов.

Только на следующий день наконец малые сани выезжают в Чаун. Они быстро скользят по льду вдоль берега, затем поднимаются на перевал через Певекскую гору. Звук мотора смолкает. И целых десять дней мы ничего не знаем о результате поездки.

Между тем становится все темнее и темнее. Большие сани готовы, но ехать на них нельзя. Только к десяти часам светает, и три-четыре часа тянутся сумерки; можно читать у окна, ходить на лыжах. Но часто, при низких облаках, видимость так плоха, что, идя на лыжах, двигаешься в какой-то белесой мгле и замечаешь яму только тогда, когда лыжа уже наполовину повисла над ней.

Ковтун решает использовать темное время для определения астропунктов. Так как он уже определил пункт в Певеке, то 1 декабря он уезжает на собаках на Шелагский мыс *. Попасть туда на аэросанях невозможно; приезжающие со станции рассказывают очень красочно, как на пути им приходится преодолевать громадные торосы, перетаскивать через них нарты и собак, скатываться в воду, выступающую во впадинах.

От Яцыно нет никаких известий. Мы начинаем волноваться. При самых плохих условиях он должен вернуться через пять-шесть дней. Только в ночь на 6 декабря, когда мы все уже спим, открывается дверь, струя морозного воздуха проникает в комнату, и появляется Яцыно с лицом, закутанным обледенелым шарфом. Прежде всего он берет кружку и пьет без конца воду: он прошел 45 километров в теплом меховом костюме. Оказывается, с санями

---

* Астрономические пункты являются необходимой основой для карт. Наблюдая при помощи точных инструментов (теодолита или универсала) положение звезд и одновременно определяя разницу времени между данным местом и известными пунктами (обычно крупными радиостанциями, которые в определенные часы передают сигналы времени), можно вычислить положение места наблюдений с большой точностью. Имея несколько таких точно определенных точек в разных местах карты, можно «привязать» к ним маршруты, пропорционально удлинив или укоротив их, или «привязать» к астропунктам сеть треугольников, связывающих горные вершины, и таким образом придать карте бóльшую степень точности.— *Прим. автора.*

на обратном пути произошла небольшая авария; вдвоем с пассажиром, которого Яцыно прихватил с собой из Чауна, он не мог исправить повреждения, и пришлось оставить сани на берегу к югу от Певекской горы. По рассказам Яцыно, езда на санях в это время, в темноте, да еще с пассажиром, мало опытным и не могущим оказать помощи даже при заводке мотора, очень трудна.

Приходится отправить спасательную экспедицию на больших санях. Они могут уже пройти по льду вокруг мыса Валькумей: морозы последних дней закрыли трещины.

Большие сани вернулись очень быстро, через день к вечеру, но малым не суждено было так скоро достигнуть базы: в двух километрах от Певека у них прекратилась подача бензина из-за поломки бензопровода.

Ночью началась пурга, которая продолжалась трое суток, и сквозь вихри поземки мы могли видеть черный силуэт саней в проливе за косой.

Я так подробно говорю о всех этих неудачах первых наших опытов, чтобы показать, как много внимания и опыта требуют аэросани. Хотя наши водители все были хорошими мотористами, а Денисов и Курицын имели большой опыт работы специально с аэросанями и глиссерами, все же открывались все новые и новые подробности в работе, требовавшие новых и новых перемен и приспособлений. Только во второй половине зимы мы вполне овладели санями и могли уже всецело на них положиться.

На юг, к солнцу

Светает. Светает. Совсем рассвело.

П. Антокольский

Обычно на Крайнем Севере геологические исследования прерываются на темные и холодные месяцы, когда продуктивность работы мала. В одной из своих книг я описывал, как мучительна была геологическая работа в Якутии в декабре при шестидесятиградусных морозах. Но на этот раз у нас не было выбора — в начале марта я хотел закончить изучение Чаунского района и перейти через хребты в верховья Большого Анюя.

Поэтому, как только дни начали становиться светлее, надо было приступить к дальним поездкам, хотя мы хорошо понимали, что на аэросанях ездить еще очень трудно.

4 января большие аэросани с Ковтуном и двумя водителями вышли через Чаунскую губу до острова Айон, чтобы определить на западном его конце астрономический пункт. Громадный остров Айон занимает вход в Чаунскую губу и до 1935 года еще не был как следует нанесен на карту. Его унылая равнина тянется с запада на восток на 60 километров. Летом здесь кочуют чукчи, приходящие весной с материка со своими стадами, а зимой остаются только две-три семьи*.

Поездка на Айон была очень трудна, тем более что мы не знали, покрыта ли губа в середине сплошным льдом и нет ли там непроходимых трещин или громадных торосов.

Дни, вернее, сумерки были еще так коротки, что за один день наши товарищи не успели сделать всего маршрута и, найдя на южном берегу острова плавник, заночевали. На западной оконечности им удалось за две ночи закончить определения и поставить высокий знак из плавника.

9 января шум пропеллера возвестил о возвращающихся санях. В этот день им удалось, выехав еще затемно, дойти за один день до Певека, и люди устали и основательно продрогли. Сегодня 30 градусов мороза и ветер 3 балла, а водитель должен все время смотреть вперед. Тело еще можно хорошо защитить — мы сшили здесь полные комплекты полярного обмундирования,— но очень трудно закрыть лицо.

За горячим кофе, на который с жадностью набрасываются приезжие, они рассказывают о переезде, и мы обсуждаем планы на будущее.

Большие сани после этого большого перехода по торосам Чаунской губы снова требуют ремонта. Денисов очень строг к своим саням и ни за что не выйдет в маршрут, если есть неполадки. А теперь дело серьезное: от ударов о торосы стали вырываться заклепки на задних лыжах и скоро отвалятся обе подошвы. Надо отодрать их и заклепать новыми заклепками, большего диаметра. Это кропотливое дело, особенно когда нет готовых заклепок. У малых саней также надо на всякий случай укрепить хомутами пострадавшие лыжи.

После ремонта малые сани с Ковтуном и Яцыно и с астрономическими инструментами могут ехать к западному

---

* Позже на острове Айон был основан поселок колхоза Энмитагино чукчей-оленеводов, олени этого колхоза пасутся на богатых пастбищах острова; население так быстро увеличилось, что уже в 1947 году в поселке была открыта школа.— *Прим. автора.*

берегу Чаунской губы, к горе Наглойнын, где надо определить астропункт у острой отдельной скалы в море, которую давно облюбовал Ковтун. Это сэкономит нам время: когда будут готовы большие сани, мы перейдем на них прямо в Чаун, в нашу южную базу.

13 января уходят малые сани, а 20-го наконец отправляются и большие. Мы погружаем в них свыше тонны — нам так много надо перевезти на новую базу, что только пределы емкости саней и суровое запрещение Денисова мешают нам грузить еще и еще. Серые темные облака с утра стелются над Певеком, но мы ведь едем на юг и даже надеемся увидеть сегодня солнце. Мы знаем, что оно уже несколько дней как всходит и заходит за Певекской горой.

Перетолчин и Егоров, которые остаются в Певеке на базе, провожают нас со смешанным чувством зависти и удовлетворения: с одной стороны, соблазнительно уехать из Певека, который надоел за четыре месяца зимовки, а с другой стороны, перспектива мерзнуть в санях не так приятна. Мы и сами предпочли бы ехать в более теплый день, а не при 30 градусах мороза.

Из Певека сани уходят легко: снег утоптан, лыжи очищены.

Зрители, которые всегда сбегаются полуодетые к нашим выездам, слегка раскачивают аэросани, они плавно спускаются на лед и, описав полукруг, уходят на юг, в пролив к мысу Валькумей.

Лед в проливе гладкий, и пока можно идти, хотя света так мало, что не видно ни трещин, ни ям, ни заструг.

Но вот мы подходим к мысу. Здесь давление льдов южнее островов Роутан уже значительно. Начинаются торосы, мощными рядами тянущиеся от мыса. Мы входим в туман и тотчас теряем ориентировку. Видны только торосы в десяти — двадцати метрах от нас, а дальше все погружается в белесую мглу. Нет теней, и не знаешь, что впереди — яма или плоская заструга. У нас хороший авиационный компас, но он мало помогает: от страшных ударов о заструги и торосы корпус саней все время содрогается и стрелка компаса вертится, как бешеная. Чтобы узнать истинное направление, надо остановить сани.

Если мы пойдем дальше в этой сети торосов, то будем плутать в тумане столько времени, что изведем весь бензин: нам ведь надо пересечь Чаунскую губу с севера на юг, сделать более 120 километров. Есть еще другой путь — вдоль берега. Но он гораздо длиннее, и, чтобы пройти к берегу, надо также миновать громадные поля торосов.

Приходится вернуться в Певек и подождать до завтра.

21-го выезд опять в том же порядке. Небо покрыто облаками, но они выше, чем вчера. И когда мы выходим к мысу Валькумей, неожиданный яркий свет поражает глаза, привыкшие за два месяца к тусклому полусвету. Южная половина неба закрыта большим слоистым облаком, рябым и синевато-серым, но нижний его край багровый. И над ним, как лезвие меча, желтая полоса яркого неба, все более расширяющаяся. Скоро в центре этой полосы появляется громадный шар солнца — красный, сначала чуть видимый, медленно поднимающийся. На этот шар больно смотреть, но все время глаза невольно обращаются

к нему. Солнце взбирается невысоко; едва поднявшись до края желтой полосы, оно снова скатывается вниз. На желтом небе, на горизонте, выделяются черные зубцы торосов. Это те ряды их, которые нам надо будет пересечь.

Сегодня гораздо легче обходить торосы: гряды видны издалека и можно заранее выбирать ворота или обходить большие скопления. В середине губы как будто чище — торосы реже, иногда только высокий вал пересекает гладкое поле.

Но ближе к южному берегу снова громоздятся торосы. Сани то кидаются в сторону, то, выбирая низкий порог, смело лезут через гряду, то перескакивают с льдины на льдину над ямой. При одном из таких скачков чувствуется удар слева. Я выглядываю: колесо одометра, которое все время весело бежало рядом с лыжей и отсчитывало уже 80-й километр, как-то странно поникло.

Останавливаемся, вылезаем, ругаем одометр. Но он не виноват: при проходе над глубокой ямой колесо спустилось ниже лыжи и затем его подмяло под нее. Помня о прошлой его поломке, Денисов укрепил его пружинами, которые не позволили колесу высоко скакать вверх, но оказывается, надо теперь поставить еще твердые заграждения, мешающие ему также и опускаться. А пока что одометр выведен из строя.

Виден уже южный берег, вернее, гора Нейтлин, высокий гранитный массив к западу от Чауна. Но торосы сгущаются все больше. Теперь это непрерывное поле изломанного льда. Мы едем все медленнее и медленнее. Вот взбираемся на плоскую льдину, за ней — углубление, а дальше — глубокий ров между льдинами. Денисов еще уменьшает ход. Мы спускаемся в рыхлый снег углубления и дальше не можем двинуться: мотор не в силах поднять тонну груза на льдину при таком ходе. Наступает обычная мучительная страда наших аэросанных поездок:

надо лопатой разгрести снег, подложить деревяшки под лыжи, расчистить путь вперед, потом водитель садится в сани, а остальные раскачивают их. После нескольких минут такой работы забываешь, что сегодня 30 градусов мороза, скидываешь кухлянку и шарф, отгибаешь края шапки. Но ничто не помогает: груз слишком велик и уклон крут. Нам приходится перетащить груз на руках через ров на соседнюю чистую площадку. Разгруженные сани легко берут препятствие.

Уже становится темно, сегодня мы не попадем в Чаун. Приходится ночевать здесь. С нами только большая брезентовая палатка (утепленную маленькую увез астрономический отряд), и мы проводим довольно унылый вечер в холодной палатке, обогреваемой большим техническим примусом с тремя головками.

На следующий день мы с новыми силами атаковали торосы и вскоре прошли их широкую полосу, прижатую к берегу. Побережье можно отличить от моря только по отсутствию торосов — оно низкое и плоское.

К югу расстилается равнина, в которой надо найти селение Чаун. Единственные ориентиры — два морских знака, деревянные пирамиды, стоящие у берега. Мы знаем, что вглубь от правого знака, километрах в десяти, на берегу реки Чаун, лежит селение. Но где здесь найти реку? Все затянуто снегом, крутые яры занесены сугробами. Во все стороны видно только снежное поле с крепкими застругами, о которые стучат подошвы лыж.

Сани идут очень быстро, и через десять минут в этой белой равнине показывается черный бугорок. Потом он распадается на два, они вытягиваются, и вот мы уже въезжаем в селение — если это можно назвать селением. Два круглых дома, рубленый дом, баня и две землянки. И все это так погребено в сугробах, что издали видны только крыши.

Среди селения стоят наши вторые сани. У нас сразу отлегло от сердца — значит, все в порядке и не надо посылать спасательной экспедиции. Малые сани пришли только недавно; нашим товарищам пришлось прожить несколько дней у скалы в ожидании звездной ночи, необходимой для наблюдений.

Нам навстречу высыпает все население Чауна — несколько взрослых, русских и чукчей, и десятка два ребятишек. Чаунское поселение — это отделение культбазы. Пока здесь только интернат, но позже сюда должна переехать вся культбаза из Певека. Кроме того, тут помещается кооператив. Школьники живут в одном из круг-

лых домов, а в другом помещается пекарня и тут же за перегородкой живут служащие интерната. Учителю Ломову с женой отведен маленький домик — избушка в одну комнату.

Мы поселяемся в бане; она только что отстроена, но не оборудована и не может выполнять своего прямого назначения. Но это не значит, что в культбазе не моются; хотя в обычном быту чукчей вода для умывания тогда еще совершенно не употреблялась, но, по словам учителя Ломова, чукотские дети, попав в интернат, через несколько дней приучаются к мытью и охотно, по своему собственному побуждению, моются и чистятся. Ребятишки выглядят чистыми и упитанными, и надо отдать должное Ломову и его жене, что им удалось очень много сделать для перевоспитания чукчат. Особенно благотворно влияние интерната видно на одной девочке-сироте. Раньше она жила приемышем в семье оленевода и должна была работать, как взрослая. За всякую провинность ее били, плохо кормили, и, когда ее взяли в интернат, она была неимоверно грязная, вся покрытая бородавками, и, что всего ужаснее, у нее была повреждена зверским ударом челюсть. Теперь девочка поправилась, приобрела снова детские черты и, весело напевая, бегает по поселку.

Чаунское поселение — чрезвычайно унылое и уединенное место. Кругом безбрежная равнина, однообразие которой только на западе нарушается горой Нейтлин с ее черными гранитными террасами. Из районного центра Певека редко-редко приедет кто-нибудь на собаках. Чаще бывают чукчи-оленеводы, приезжающие через равнину с окраины гор, где они кочуют со своими стадами. Они приезжают на оленях, потому что в равнине почти везде есть корм, хотя и плохой. Но рабочий скот поселка, как и везде на побережье,— собаки. В сугробах возле берега реки вырыта для них пещера, там они укрываются от пурги, и в темноте поблескивают белые зубы и разноцветные глаза.

В нашей бане по сравнению с нашим уютным певекским домом тесно, но мы сразу вносим жилой дух. По обе стороны устраиваются широкие нары, которые покрываются спальными мешками, кухлянками, шкурами оленей; под потолком повисает на веревках множество рукавиц, меховых чулок, торбасов, шапок и прочего добра, которое надо просушить. Курицын делает из жестяной банки умывальник, поставленные друг на друга ящики из-под бензина заменяют шкафы, и баня выглядит уютной экспедиционной берлогой.

Особенно хорошо вечером, когда все забираются в спальные мешки и при свечах читают книжки из здешней библиотеки. Колеблющееся пламя свечей тонет в темных бревенчатых стенах, за окном метет поземка и подвывают собаки.

Авария у холмов Нгаунако

На Крестовом на угоре
Развязалися оборы,
Не доехал на привал,
Все собаки потерял...
Ой ты, Сидор Сидорок,
Что с тобою, мой
дружок?

Колымская песня

Нам не приходится долго задерживаться в этой уютной берлоге. Надо только произвести очередной ремонт: у малых саней от ударов по торосам повреждено шасси, у больших — одометр.

Через день ремонт закончен, но начинается пурга. Здесь она не такая жестокая, как в Певеке: ветер всего 14 метров в секунду, но все же мешает нам выехать. На быстром ходу легко свалиться в одно из русел Чауна и его притоков, которые в большом числе пересекают равнину; вся поверхность земли при поземке покрыта струящимся покровом снега, сквозь который ничего не видно. Кроме того, на такой однообразной равнине в пургу мы не сможем вести маршрутную съемку, не сможем брать засечки на горы и не найдем нужных нам речных долин.

Равнина почти безлюдна, и нам придется взять с собой проводника из Чауна. Здесь очень мало чукчей, знающих хорошо всю равнину и окружающие горы и умеющих кое-как объясняться по-русски. С нами согласился ехать председатель здешнего нацсовета Вуквукай («камешек» по-чукотски), или Укукай, как его зовут русские. Хотя он был довольно неприятным человеком и принадлежал к тому теперь уже вымирающему типу приморских чукчей, которые до революции были развращены русскими и американскими торговцами, но он здесь наиболее расторопный и знающий. Во время поездки с нами он будет проводить в стойбищах свою работу по нацсовету.

После трех суток пурги 27 января выдался тихий день, почти нет ветра, но зато 37 градусов мороза. Для поездки на оленях и собаках я счел бы это нормальной температурой, а где-нибудь в верховьях Индигирки — даже оттепелью, но при маршруте на аэросанях начинаешь находить, что такая температура чересчур сурова. Ведь все время приходится смотреть вперед, чтобы вести съемку, следить за рельефом, за выходами горных пород.

Мы закрываем глаза темными очками, а лицо шарфом, но шарф, как показал опыт первых поездок, плохо защищает лицо; ветер, который дует навстречу со скоростью хода саней плюс сила встречного ветра, то есть до 90 километров в час, проникает всюду. Я предложил сделать маски из мягких шкурок пыжика, прорезав в них дырки для глаз и рта и пришив завязки. Так как шкурки с изнанки белые, то мы походим на детей, играющих в привидения. Вероятно, поэтому только Денисов и я решаемся надеть в жилом месте такую маску, тем более что здесь нас выходят провожать две или три чукотские девицы из обслуживающего интернат персонала.

С берегового обрыва у селения мы спускаемся на лед левой протоки Чауна и быстро взлетаем по сугробам на другой берег реки. Отсюда — через равнину на восток: нашей целью сегодня является долина реки Паляваам, самого большого правого притока Чауна. Система Чауна очень необычна: вместо одной осевой реки здесь со всех сторон с гор, окружающих Чаунскую впадину, спускаются реки, которые затем и собираются вместе вблизи моря, образуя целый веер водных артерий. Мы пересекаем центр этого пучка — дельту соединенных рек. Спускаемся в какое-то русло, пересекаем его, потом идем по другому и опять взбираемся по отлогому сугробу.

Яры занесены почти везде снегом, но все же, подъезжая к обрыву, водитель замедляет ход и, если не видно, занесен ли яр до самого верха или нет, круто поворачивает и идет вдоль обрыва, пока не найдет спуск. Ведь если «загреметь» с яра на полном ходу, от аэросаней останутся одни обломки.

Вторая река — это правое устье Чауна, и в него тут же впадает с востока другая большая река. Укукай объясняет, что это и есть Паляваам.

Слово «объясняет» не передает способа разговора. Хотя мы сидим с ним, тесно прижавшись один к другому на малых санях, но мотор так шумит, что, только наклонившись и крича на ухо, можно разобрать что-нибудь. Поэтому легче объясняться жестами.

Налево черные бугорки — это фактория и землянки оседлых чукчей, в одной из которых живет Укукай. Мы мчимся по равнине вдоль Паляваам. Снег на равнине Чауна так крепко убит ветрами, что можно ходить по нему даже без лыж. Плоские зигзагообразные и округлые заструги, похожие на маленькие барханы, покрывают поверхность, и лыжи мерно стучат о них. Каждый удар отдается в сердце водителя, ведь это лишний шанс оторвать заклепки и подошву лыж,— водитель старается обходить заструги. Но часто заструг так много, что избежать их невозможно.

Кроме заструг равнину украшают странные холмы — куполообразные, как плоский стог или опрокинутая чашка. Они рассеяны на равнине везде — то в километре, то в десяти километрах один от другого. После некоторого колебания я решаюсь остановиться у одного из них для осмотра. После колебания — потому что знаю, как опасно останавливать аэросани в такой мороз.

Яцыно подводит сани к подножию холма и ставит носом вниз по склону, чтобы легче было сдвинуть. Холм не очень велик, высотой до двадцати метров. Сверху он покрыт снегом, сквозь который кое-где виднеются трава и куски торфа. После зимних работ я пришел к выводу, что эти холмы — мерзлотные бугры, вздувшиеся вследствие замерзания линз льда в глубине под ними. Но только последующая летняя работа дает этой гипотезе достаточные доказательства. Такие холмы известны во многих местах на севере Сибири и Америки, и советские исследователи предложили гипотезу, объясняющую их возникновение.

Пока я осматриваю холм, винт саней не перестает вертеться: если остановить мотор, его потом не заведешь без подогрева. Чтобы снова двинуться в путь, надо сначала прогреть мотор на полных оборотах, и потом начинается самая мучительная часть — раскачивание. При этом надо следить: как только двинутся сани, вскакивать на ходу. В длинной кухлянке, в неуклюжих мехах очень легко поскользнуться; сзади рычит мотор, и, если винт захватит край кухлянки, конец и винту и кухлянке, а может быть, и их владельцу. Поэтому сани в момент старта напоминают повозку с обезьянами, которые поспешно карабкаются вверх по корпусу.

Весь процесс упаковывания головы в шапку, очки, маску, шарф надо закончить до старта: на ходу в открытой машине пронизывающий ветер не позволяет обнажать руки и лицо.

Километрах в восьмидесяти от культбазы мы подходим

к гряде низких холмов, вытянувшихся вдоль реки Пальваам. Далее мы идем между этой грядой и рекой, которая обозначается полосой черных кустов, тянущихся справа. Еще 30 километров — и холмы отходят в сторону.

Я делаю остановку: надо посмотреть осыпи на холмах, закрытые снегом, и подождать большие сани, они что-то отстали.

Но, даже забравшись вверх по склону, я нигде не вижу их. Начинает темнеть, а нам следовало бы пройти сегодня еще 40 километров до края гор.

Если с санями что-нибудь случилось, надо прийти к ним на помощь. Приходится послать малые сани назад,

а самому остаться у обрыва. Осыпь закрыта снегом, но, если полазать по ней, может быть, удастся найти какой-нибудь интересный образец.

Оказав Яцыно последнюю любезность — раскачав сани перед стартом, я лезу наверх и слежу, как облако снежной пыли вздымается за уходящими санями.

Шум мотора становится глуше и глуше, и наконец я остаюсь один в глубоком снегу на склоне. Следовало бы сказать, как принято в некоторых популярных описаниях полярных стран: «Один в ледяной пустыне, перед лицом грозной природы», но мне сидеть в одиночестве здесь нравится гораздо больше, чем замерзать в аэросанях, внимательно разглядывая сквозь обмерзшие очки, нет ли впереди оврага, в который мы свалимся.

Я долго ползаю по склону. Никаких интересных камней не видно, осыпь состоит из кусков однообразных песчаников. Саней нет. Небо из серого начинает превращаться в черное, мороз щиплет все больше. Наконец на западе показывается облако, из него выползает, как черная головка чудовищной белой гусеницы, машина. Белая гусеница быстро ползет, изгибаясь вправо и влево, и черная головка ее жужжит все громче и громче.

Я сбегаю с холма к саням: надо постараться сесть на ходу. Пока я карабкаюсь, Яцыно что-то кричит мне. Сквозь шум мотора я с трудом разбираю, что с большими санями авария, надо ехать назад.

Мы делаем обратно десяток километров. На озерке в долине реки стоят большие сани, возле них Денисов и Ковтун, оба утомленные бесплодными попытками.

Мотор «не тянет». Придется его вскрывать. Для длительной остановки мотор выбрал не совсем удобное место: кусты не ближе километра, астропункта здесь определить нельзя, для геолога тоже плохо — нет ни одного утеса ближе нескольких десятков километров. Но если прики-

нуть, что мы отъехали за несколько часов 70 километров от базы, надо считать, что для чукотских способов передвижения мы сделали очень много.

Так возникает наш неожиданный лагерь у холмов Нгаунако, где нам предстояло просидеть очень долго. Чтобы обеспечить лагерь наибольшим комфортом, пришлось двоим тотчас отправиться за дровами. У нас при каждых санях была пара лыж, обшитых мехом. Сейчас они послужили санями для дров — люди могут идти пешком, настолько крепок здесь снег.

Пока мы устраиваем лагерь, ставим палатку, печку, в темноте показывается воз дров. В долине реки растут кусты в два-три метра высотой. Для полярного побережья Чукотки это почти дерево — редко где найдешь такую пышную растительность.

Но когда начинаешь ими топить, тотчас со вздохом вспоминаешь сухостойную якутскую лиственницу, которой я топил в палатке печку на Индигирке и Колыме. Кусты все зеленые (сухие под снегом найти очень трудно), и, чтобы они горели хорошо, надо, чтобы один человек сидел у печки и непрерывно подкладывал прутики. Время от времени истопнику приходится брать паяльную лампу и направлять сноп пламени в печку, чтобы разжечь потухающие ветки.

Ревет паяльная лампа, ревет трехголовый примус, на котором варится суп в котле, свисающем на веревке с гребня палатки, и стоит такой шум, что трудно разговаривать. Но зато в палатке тепло, по крайней мере у печки. Задняя стена и кровля постепенно покрываются льдом и копотью от примусов, палатка после нескольких дней стоянки будет походить на пещеру троглодитов. Температура все же не так высока, и мы снимаем только кухлянки и остаемся в меховых костюмах.

А Укукай — тот даже не снимает верхней кухлянки и весь вечер сидит неподвижно у печки.

Укукай для нас источник непрерывного удивления. Мы первый раз ехали с чукчей и полагали, что он должен чувствовать себя в тундре как рыба в воде. Но Укукай — береговой чукча, он живет в землянке, и когда выезжает в тундру к оленеводам, то останавливается в ярангах, где все для него делается женщинами. Поэтому в палатке он совершенно беспомощен. Он не принимает участия ни в каких работах: «Укукай, потопи, пожалуйста, печку».— «Я не умею сырые дрова разжигать».— «Укукай, наруби, пожалуйста, дров».— «Не могу, голова болит». И толь-

ко когда спросишь: «Укукай, ты будешь обедать?», он с готовностью отвечает: «Конечно, буду».

Главная причина его поведения вовсе не неумение, а лень и хитрость и отчасти нежелание уронить свое достоинство: мы предлагаем ему принять участие в работах, которые считаются в чукотском быту женскими и для мужчины унизительными. Но все же, действительно, он чувствует себя в палатке неуютно, в то время как нам она представляется надежным приютом. Как-то раз мы оставили его одного — и у него погасла печка.

Вечером мы все с удовольствием раздеваемся и залезаем в меховые спальные мешки, а Укукай смотрит на мешок,

который ему дали, с сомнением и предпочитает залезть в него одетым. Поэтому к утру он промерзает и встает рано, еще более недовольный, чем накануне*.

Просмотр саней на следующий день не принес ничего утешительного: надо снять крышку мотора, а для этого необходим подъемник, которого у нас с собой нет. Придется съездить в Чаунскую культбазу на малых санях. Чтобы не терять времени, сначала отвезут меня и Ковтуна к окраине гор, где можно будет определить астропункт и заняться геологическими исследованиями.

29 января с утра обычная лихорадка сборов. Встаем очень рано, задолго до света, потому что подготовка мотора требует сейчас много времени. Надо разогреть его, для этого Курицын сделал громадные трехголовые примусы, которые ставятся под мотор. Когда на дворе градусов двадцать мороза, то мотор нагревается в полчаса, но при 30 градусах и при ветре нагревание продолжается час-полтора. В это время мы укладываем груз внутрь саней. Малые сани вмещают так мало груза (половина корпуса занята баками с горючим), что мы решили привязать часть груза снаружи, на шасси. Обтекаемость саней значительно ухудшается, и скорость замедляется, но иначе мы не можем захватить с собой всего необходимого. Сегодня надо везти с собой кроме всего прочего астрономические инструменты: четыре ящика и треногу, а нам с Ковтуном придется сидеть поверх воза и мерзнуть.

Последний момент перед отправлением — заливается нагретое масло, затем каждый становится на место: механик — у винта, Ковтун подливает бензин для первых

---

* Через два года после нашего отъезда Укукай проявил себя как настоящий преступник и, взяв от чаунских организаций аванс на покупку оленей, скрылся в тундру. Следует отметить, что такой человек, как Укукай, являлся редким исключением среди чукчей.— *Прим. автора.*

вспышек, я — у пускового магнето. «Контакт».— «Есть контакт». — «Раз, два, три» — и механик дергает винт, я верчу ручку магнето. Еще раз. Наконец слышен шипящий звук, винт делает оборот или два и снова застывает.

Мотор все еще очень охлажден, и, пока мы так мучаемся с ним, он охлаждается еще сильнее. Но наконец наша настойчивость побеждает, и винт начинает с треском разрезать воздух. Теперь механик садится за штурвал, дает полный газ, прогревает мотор, а мы должны раскачивать сани. Они срываются и делают круг, чтобы накатать дорожку на снегу. Потом нам разрешается сесть в сани, которые при скользком снеге и хорошо укатанном пути легко срываются вместе с нами. Если нет — надо опять вылезать и вскакивать на ходу.

Наконец все кончено, сани пошли на восток. Но сегодня с востока дует пурга. Мы не обращаем на нее внимания, скорость ветра невелика, не более 10 метров в секунду. Но оказывается, сани идут очень тихо. И если мы пойдем с такой скоростью, то нам не хватит горючего на весь рейс. Опять неудача!

На аэросанях в трескучие морозы

Скрежещут пропеллеры,
Небо. Крепчает мороз.

П. Антокольский

Так как ветер дует на северо-запад, то приходится подчиниться и послать малые сани сначала в Чаунскую культбазу за инструментами, чтобы по их возвращении уже сделать рейс к горам. Мы отсылаем с санями и Укукая: его бесполезность для экспедиции выяснилась достаточно хорошо. Пусть Яцыно лучше привезет нам Курицына, который поможет при ремонте. Если мы встретим чукчей, мы сами как-нибудь объяснимся с ними и узнаем названия гор и рек. А дорогу теперь найдем к горам и назад сами.

Сани уходят 30-го и увозят с собой довольного Укукая, возвращающегося к привычной жизни в свою землянку. Мы остаемся втроем.

Холмы Нгаунако изучены мною уже в первый день, до гор очень далеко, и нам остаются только хозяйственные заботы. Основная — это обеспечение лагеря топливом.

Дни стоят морозные, при ясном небе до 42 градусов, а когда теплеет — только 23 градуса, но с пургой. Поэтому печка требует очень много дров.

После завтрака мы отправляемся за дровами к реке. Для этого четверо широких меховых лыж скрепляются в виде саней поперечинами, к ним привязываются лямки, и сани готовы. До реки километр по очень твердому снегу. Поземка с юго-востока гонит по нему свои молочные светлые струи. Но в кустах тепло. Здесь мягкий глубокий снег, в который проваливаешься по пояс.

В снегу следы куропаток и их спальные места — это глубокие ямки, в которых птица уютно прячется с головой. На дне ямки свидетельство пребывания птицы — кучка помета. Сами полярные куропатки, похожие на комки снега, ходят невдалеке по снегу, и Денисов клянет себя, что не взял ружья.

Кусты наполовину погружены в снег — надо сначала обтоптать их, потом рубить. Сухих совсем нет — они лежат где-то под снегом, приходится брать зеленые ветки; мы уже знаем, что лучше горит ольха, а ива гораздо хуже.

Мы нагружаем громадный воз, наверно полтора центнера,— наша печка очень прожорлива. И поэтому даже втроем мы с трудом вытягиваем его на береговой обрыв. В местах, где наст слабее, сани тотчас застревают, особенно если из воза торчит ветка, которая бороздит снег.

Домой возвращаемся уже в сумерки. Это тоже дом, и притом он скоро станет теплым: теперь только остается разрубить кусты на мелкие куски, разжечь паяльную лампу, и через полчаса палатка нагреется.

Еще надо достать воды, но за ней недалеко ходить: мы стоим на озере, и стоит расчистить снег и несколько раз ударить топором — получишь целый котел чистого льда.

За это время совсем стемнело. Тихо, густой дым из трубы подымается столбом прямо вверх. Сквозь мглу тускло поблескивают звезды. Северное сияние сводит и заводит свои бледные цветные занавески. Снег хрустит под ногами. Мы собираемся в палатке, сидим у печки и ждем, пока сварится обед. Вот и день прошел.

Проходит второй — саней нет.

На третий мы начинаем волноваться — не засел ли где-нибудь Яцыно, сломав сани? Четвертый день, несмотря на сложившуюся в экспедициях привычку ждать, мы проводим в беспокойстве. Сидя здесь, мы ничего не можем сделать: Чаунская культбаза далеко. Но придется, по-видимому, на днях идти на лыжах по следу и искать место аварии.

Только 2 февраля к вечеру слышим знакомый звук, и на равнине показывается узкий силуэт саней. Вот они близко, кажется, все в порядке. Но сидящий за водителем человек не похож на Курицына. И в самом деле, из саней вылезает бесстрастный Укукай.

Оказывается, что двое суток подряд сани не могли выйти из-за пурги. А вчера Яцыно дважды выезжал из Чауна с Курицыным и оба раза, сбившись с дороги в пурге, должен был возвращаться обратно: в Чаунской равнине в пургу не видишь ни гор, ни мерзлотных холмов, а компас на санях из-за ударов о заструги прыгает как бешеный, и полагаться на него опаснее, чем на встречного зайца.

Пришлось опять попросить Укукая, чтобы он указал дорогу, а Курицына оставить дома, так как вместе с запасом горючего сани не могли поднять троих.

3 февраля, оставив Денисова с Укукаем разбирать аварийный мотор, мы уезжаем на малых санях на юго-восток. Снова погода мало благоприятна для поездки: низкая облачность и туман, который сидит на горах. Я хочу пройти между двумя гранитными горами — Керпунг и Гитойхын, выдвигающимися в равнину, и проникнуть в дальние горы, расположенные уже по краю Анадырского плато.

Этот район особенно интересен для геолога: здесь проходит граница между двумя областями различного геологического строения — между лавовыми покровами Анадырского плато и более древними породами Чукотского хребта.

Но и обе горы, между которыми нам надо пройти, и вся равнина закрыты туманом. Только слабая разница в интенсивности света, светлое пятно на юго-востоке позволяют догадаться, что там должен быть перевал. И мы мчимся к этому перевалу. Мчимся, несмотря на туман, потому что наш мотор на малых оборотах начинает замерзать и надо идти с большой скоростью. У малых саней входящий в мотор воздух нагревается отработанным воздухом из двух цилиндров, а в больших санях позднейшей модели — из четырех. Поэтому большие сани при 40 градусах мороза оказались более пригодными.

Но мчаться так — не очень безопасно. Хорошо, что пока из тумана навстречу выбегают только заструги, о которые непрерывно ударяются лыжи. А если покажется овраг, русло речки, обрыв, успеем ли повернуть?

Справа идет черная полоска — это кусты вдоль речки, которая течет с перевала, как было видно издали. Судя по расстоянию, мы должны быть уже на этом перевале — это широкая и плоская седловина, равнина, перегибаю-

щаяся затем на юг, к притоку реки Алькаквунь. Но внезапно из тумана выдвигается группа черных гор, между ними темнеет узкая долинка, которая как будто идет вниз в нужном нам направлении. Нам не остается ничего другого, как углубиться в нее. Долинка все более суживается; справа тянется овраг, слева — крутой склон; если упремся в тупик, мы не сможем даже повернуть назад. А между тем по ходу саней видно, что это не спуск, как казалось в тумане, а подъем. В какую щель мы залезли? И как из нее вылезти?

Но судьба сжалилась над нами. Щель открылась в соседнюю долину, более широкую, начался пологий спуск, туман немного рассеялся, и мы увидели впереди окраину тех гор, куда мы стремились. А сзади оказался гранитный массив, в который мы забрели, уклонившись слишком вправо. В ясный день мы бы никогда не решились заехать на аэросанях в эти горы.

У подножия гор остановились возле жалких кустиков, поставили маленькую палатку — специальную палатку для пурги с вшитым дном и круглым, затягивающимся входом, изготовленную по моему рисунку в Певеке. Но погреться в ней нам не удалось: кустов оказалось очень мало, так что результат выкапывания не оправдывал труда, а бензин и керосин надо было экономить.

Мы горько пожалели, что из-за тяжести груза пришлось оставить в Чауне внутренний чехол этой палатки, сделанный из толстого сукна.

Сидим тесным кружком, прижавшись друг к другу, у пустой железной печки, в которую бьет пламя паяльной лампы (наиболее экономный способ использовать ее тепло), и я с завистью слушаю рассказ Ковтуна и Яцыно, как они у горы Наглойнын в январе отсиживались в этой суконной палатке во время пурги и под половым брезентом даже таял снег — так было тепло. Сейчас у нас не только не тает снег, но стенки палатки быстро покрываются толстым слоем инея. Паяльная лампа — слабая грелка в тонкой палатке при 40 градусах мороза. Когда готов суп и его разливают по тарелкам, то сквозь густой пар, наполнивший палатку, нельзя различить людей.

Но как ни жаль, а экономия в весе всегда будет сурово управлять нами, и если придется выбирать между теплой палаткой и банкой бензина, то всегда возьмешь последнюю.

У этих гор мы стояли две ночи. Погода опять гнусная: низкая облачность, пурга при 30 градусах мороза. Я с трудом делаю экскурсию по горам: когда идешь навстречу пурге, приходится закрывать все лицо шарфом, чтобы

не остаться без носа. Но бедный Ковтун страдает еще больше: ему нужна ясная погода для съемки; он обычно забирается на высокую вершину и рисует окрестные горы. А сегодня не видно ни гор, ни даже подножия их. Зато следующий день — чудесный, ясный, морозный. Все кругом сияет, мы можем пройти на санях назад прямо через плоскую седловину и только удивляемся, куда мы залезли третьего дня в тумане. С горы, где мы были тогда, сейчас спускаются черные точки — это чукчи кочуют вдоль гор на восток.

На стане у холмов Нгаунако Денисов с гордостью показывает нам результаты разборки мотора: поршень с прорванным дном, расшатанную зубчатую передачу. Один из поршней был отлит плохо, и от напора газа вырвало дно. Но у нас с собой всегда есть запасной поршень, мы не задержимся здесь долго.

7 февраля, через десять дней после случайной остановки, мы покидаем грустные холмы Нгаунако. За это время мороз значительно усилился: сегодня ночью уже 49 градусов. С каждым днем падает температура, и исчезают надежды на использование аэросаней для геологической работы. Наши исследования требуют остановки у встречных утесов и осыпей, а в такие морозы сани задерживать нельзя, потому что на малых оборотах мотор может замерзнуть. Во время морозов снег становится сыпучим, как песок, и не скользким; к этому добавляется еще много неудобств: исключительная трудность работать с металлическими предметами при низких температурах, опасность перехода через долины речек с плохо засыпанными снегом руслами и оврагами и т. п. Все это приводит меня к заключению, что геологическую работу во время февральских морозов в глубине страны, в горах, лучше провести на оленях, а сани вернуть пока в Чаунскую культбазу.

Укукай говорит, что чукчи с оленями стоят километрах в шестидесяти — восьмидесяти к юго-западу, в равнине на притоке Чауна реке Мильгувеем. Там мы достанем оленей, чтобы доехать до других чукчей, которые кочуют на склоне Анадырского плато. Для меня и Ковтуна нетрудно найти несколько легковых нарт, на которых мы быстро можем сделать маршрут в глубь плато.

Мешает одно обстоятельство: у нас осталось очень мало продовольствия, керосина и бензина; для поездки в горы нельзя выделить достаточного запаса продуктов для нас с Ковтуном и горючего для примуса. Нет также и утепленной палатки, а провести двадцать дней в легкой палатке без топлива (кустов там нет) очень тяжело.

Но если вернуться сначала в Чаунскую культбазу, потом ехать к чукчам, пройдет опять два-три дня. А если будет пурга? Нет, лучше отправиться с тем запасом, который есть у нас. У чукчей мы всегда достанем оленье мясо, а к холоду нам не привыкать. Промедление на несколько дней для нас было невозможно: уже 1 марта мы должны вернуться в Чаунскую культбазу, чтобы ехать на оленях на Большой Анюй.

С удовольствием покидаем мы стан у холмов Нгаунако. Но выехать не так просто: хотя с ночи немного потеплело, но все же сегодня 46 градусов мороза и нагревание моторов продолжается полтора часа. А палатка за десять дней

стоянки покрылась изнутри толстым слоем льда, и если мы ее снимем сразу, то она сломается по всем сгибам. Сначала надо ее осторожно обскоблить и обить, потом греть примусами и паяльными лампами. Несмотря на продолжительное нагревание, мы никак не можем довести ее до сухого состояния; давно пора выезжать — светло, и моторы нагрелись, и механики ругаются; скрепя сердце приходится сложить палатку, слыша с ужасом, как она при этом хрустит. Для настоящего путешественника палатка — любимое дитя, и он бережет ее как зеницу ока, особенно ее кровлю: если в кровле появятся дырки, то потом летом во время дождя будут литься целые потоки в постель, на карты, на коллекции, а зимой в пургу занесет снегом, проникающим даже в мельчайшие отверстия.

Наконец все уложено, водители сели, мы раскачали сани, вынуты из-под лыж деревяшки, можно вскакивать, сделаны пробные круги. Первый этап пути сегодня труден: надо пробраться сквозь заросли кустов реки Палявaам — большого притока Чауна, возле которой мы стояли, и найти переходы через ее русла. Это не так просто, потому что, высматривая спуски с крутых яров, надо идти медленно, а снег в кустах рыхлый, и сани на малом ходу могут застрять. Винт может задеть за высокие кусты и сломаться. Но за дни стоянки мы присмотрели хорошие переходы, и километровая полоса кустов и русел пройдена благополучно.

До следующей речки, маленькой Этлькун, мы мчимся с большой быстротой, и не проходит и получаса, как перед нами новая черная полоса кустов, на этот раз очень узкая. Но в ней виден опасный глубокий ров — русло, не вполне заполненное снегом, с крутыми бортами. Наша передовая машина замедляет ход и идет вдоль русла. Напряженно ищем, где обрывы лучше занесены. Медленно вращается винт — и вдруг останавливается. Как я уже говорил, ма-

лые сани недостаточно предохранены от сильных морозов. Вторые сани также принуждены остановиться; все выскакивают, и начинается долгая процедура — запуск мотора. После нескольких неудач винт начинает медленно вращаться; теперь надо его прогреть, потом вызволить сани из глубокого рыхлого снега — протоптать им дорожку, подложить деревяшки. Сани медленно двигаются, застревают, и мотор опять замерзает. Так мы бьемся больше часа, а красный шар солнца неуклонно спускается и наконец исчезает во мгле на западе.

Темнеет, и ехать дальше нельзя. Новая непредвиденная ночевка!

Мы благословляем судьбу, что завязли у самых кустов: ночью 54 градуса мороза, слышен шорох замерзающего дыхания, и без дров было бы жутко. Какая разница здесь по сравнению с морским побережьем: в Певеке в эти дни температура не спускалась ниже 40 градусов. Отъехав на 100 километров в глубь страны, мы уже попали в область гораздо более резкого континентального климата.

Следующий день еще суровее. Днем 51 градус мороза. Чтобы не заморозить моторы, мы решаем идти полным ходом, какие бы препятствия нам ни встретились. И вот мы мчимся со скоростью 50—60 километров в час по равнине к далеким холмам Чаанай. Приближается широкая полоса кустов реки Алькаквунь — следующего притока Чауна; виден широкий чистый прогал в зарослях и засыпанные снегом обрывы русла. За рекой плоский перевал через холмы Чаанай, и затем аэросани мчатся вниз, в долину реки Мильгувеем. Могу вас уверить, что при 50 градусах мороза даже в меховой маске чувствуешь себя скверно — ведь нужно непрерывно смотреть вперед, чтобы вовремя заметить предательский овраг, грозящий катастрофой. Маска быстро превращается в ледяной ком, примерзающий к носу и рту, нельзя ни снять ее, ни спрятать голову от ветра, и ждешь с нетерпением, когда же конец пути или хотя бы авария.

Мы пересекаем следы кочевки, Укукай машет рукой на юг, и мы поворачиваем вдоль следов. При такой скорости трудно разобрать, в какую сторону шла кочевка, и, только проехав километров пять, мы различаем, что следы копыт идут на север. Поворот по кругу — и назад. За нами в морозной мгле мчится вторая машина, и за ней клубится облако мелкой снежной пыли. Кричать бесполезно — только размахивая руками, мы объясняем причину поворота.

Пройдя вдоль Мильгувеем несколько километров на се-

вер, мы замечаем в стороне белый конус яранги. Издали белые оленьи шкуры, ее покрывающие, почти неотличимы от снега. Возле яранги никого нет — может быть, жители испугались аэросаней и спрятались внутри? Но нет, вход закрыт и не видно никаких признаков жизни. Укукай советует ехать дальше на север.

Вскоре мы различаем вдали еще несколько яранг. В хорошую погоду на равнине ярангу можно увидеть за пять — восемь километров, а если она стоит на склоне горы, то и дальше. Издали яранги похожи на маленькие кочки. На этот раз возле яранги видны люди, олени, собаки. Мы останавливаемся в некотором расстоянии, чтобы не пугать чукчей, и встреча с ними происходит на нейтральной почве.

К нам выходит глава стойбища, председатель артели Котыргын («встающий»). У него редкое для чукчи лицо совершенно русского типа, светлокожее, румяное, со светлыми усами. Вероятно, примесь русской крови в прошлом. Одет он хотя и не богато, но очень изящно и встречает нас весело и просто, как будто каждый день видит аэросани. С ним ребятишки и женщины. Механики подводят сани к ярангам и устанавливают в ряд с ними.

Это стойбище оленеводов-бедняков, которые все вместе имеют сотню оленей и принуждены для пропитания обращаться к подсобным промыслам. Они стоят здесь, в равнине Чауна, вблизи устья Мильгувеем, почти всю зиму и ловят рыбу — гольцов, которые из моря поднимаются вверх по реке.

У чукчей-рыболовов

На этом олене пойди,— говорит,—
дойдешь до озера, там кругом трава.

Из чукотских сказок

Нас приглашают в полог к Котыргыну. Полог — это внутреннее помещение яранги, которое у оленеводов делается из оленьих шкур мехом внутрь. У Котыргына полог очень мал, и когда мы все влезаем в него, то сидящим сзади приходится опираться спиной о стену полога. Высота полога невелика — можно лишь стоять на коленях. Кроме Котыргына в пологе еще несколько гостей и хозяйка, которая будет разливать чай.

На маленькую доску ставят фарфоровые блюдечки, и

хозяйка наливает в каждое немного чаю. Чукчи в Чаунском районе в то время почти никогда не употребляли кружек и стаканов. И в самом деле, привыкнув пить из блюдечек, находишь, что это очень удобно: чай не обжигает рот, как в эмалированной кружке, и не успевает остыть, он всегда имеет приятную среднюю температуру. Хозяйка сама не предлагает чаю, но, если ставишь блюдечко на дощечку, она тотчас наливает новую порцию.

Пол в пологе устлан шкурами оленей, а у дальней стенки светит эек — первобытная лампа — чаша, которую раньше делали из камня (теперь для этой цели пользуются железными тазиками). В нее налит нерпичий жир или жир из толченых оленьих костей, а на переднем краю лежит вместо фитиля узкая грядка мха, который и горит тусклым и ровным светом. Время от времени хозяйка подправляет мох палочкой.

Чай дают без всякой закуски, но мы принесли с собой угощение — мешочек сухарей. Это пока еще большая редкость в тундре, поэтому в глубине полога раздается почтительный шепот: «кау-кау» (хлеб). Перед уходом я оставляю остатки сухарей хозяину, хотя и с некоторой болью в сердце, ибо килограмм, который истрачен сегодня на угощение, составляет четвертую часть нашего запаса.

До чая никаких деловых разговоров вести нельзя. Только после чая Укукай начинает медленный разговор на волнующую нас тему — возможность найма легковых оленей для поездки в глубь Анадырского плато. Я хочу достичь таинственного озера Эльгытхын, расположенного в верховьях одного из притоков Анадыря, реки Белой.

Об этом озере давно уже рассказывали русским путешественникам чукчи; геолог П. И. Полевой, исследовавший в 1912 году Анадырский край, пытался проникнуть к озеру, но его проводники не могли найти дороги. Только в 1933 году при изучении Чукотского края с самолета мне удалось найти это озеро и увидеть его темно-синие воды в глубокой впадине в середине сложенного лавами плато. Его круглая форма и окружающее кольцо гор привели меня к убеждению, что озеро это образовалось в результате вулканического взрыва и заполняет кратер или трубку взрыва. Теперь надо было проверить это предположение, изучив окружающие озеро горы.

Здешние чукчи слыхали про это озеро, которое они называют по-корякски Эльгики (в XVIII веке вблизи озера жили коряки).

Котыргын не бывал на этом озере, но поблизости есть чукча Тнелькут, который там кочевал летом. Завтра он

должен быть здесь, и, может быть, его удастся уговорить свезти нас на озеро.

Укукай остается в пологе (он собирается провести завтра собрание по делам нацсовета), а мы отправляемся побродить по поселку. Ребятишки играют между ярангами, несмотря на такой мороз. Они хорошо укутаны в меховые комбинезоны; у самых маленьких рукава совсем зашиты, чтобы не попал снег, и они похожи на маленьких медвежат. Грудные дети завязаны в меховые мешки, в которых сзади сделан клапан — «макы», куда кладется мох пополам с оленьей шерстью; эту подстилку меняют несколько раз в день.

252 Дети залезают на пустые нарты, копаются в снегу и подражают движениям взрослых.

Женщины уже ставят пологи и начинают приготовление пищи. Надо и нам заняться своим домом. Сегодня в нем будет холодно: 53 градуса мороза, а дров нет. Ближайшие кусты находятся в семи километрах, и дрова чукчи привозят себе на нартах понемногу, чтобы поддерживать скудный огонек под котлом. Хозяйки так умело используют топливо, что той порции дров, которую нашей печке надо на сутки, им хватило бы на десять. Нагревать палатку примусами сегодня также нельзя: осталось мало горючего, мы простоим здесь еще сутки, надо сохранить запас для возвращения саней в Чаун и для нашей поездки. Трехголовый примус пожирает в час 400 граммов бензина, и Денисов категорически требует, чтобы лезли скорее в мешки,— нечего зря жечь бензин. Укукай сегодня спит в теплом пологе, но нам неловко проситься туда: у нас ведь есть свой дом, технически более совершенный, и, кроме того, по описанию всех путешественников, чукотский полог представляется нам очень неопрятным жильем.

Поэтому после супа и чая, которые наполняют густым паром палатку, мы лезем в холодные спальные мешки. Хорошо в мешке! Если одежда и меховые чулки сухие, то мешок быстро нагревается, особенно если закрыться с головой,— и забываешь, какой мороз снаружи.

9 февраля встречает нас таким же морозом, красным шаром солнца в дымке, струйками дыма, поднимающимися вертикально над ярангами. В ожидании прибытия Тнелькута мы занялись своей научной работой. Не так далеко до холмов Чаанай — всего 7 километров, и можно подняться на их вершину. Если не надевать лишних мехов, то прогулка по твердому снегу может доставить только удовольствие.

К вечеру приезжает Тнелькут; имя его обозначает «пер-

вая заря», или «начало рассвета». Тнелькут — стройный молодой чукча в белых камусных штанах. Это призиак состоятельности и даже франтовства: бедняки носят темные меха; пеструю, черную с белым, кухлянку надевают старики.

Тнелькут — быстрый и энергичный, приятный на вид человек. Он не выстригает себе макушку, как это делают многие чукчи, и спутанные волосы покрывают его круглую голову. Лицо его не носит резко выраженных чукотских черт: нижняя часть и нос не так тяжелы, как обычно у чукчей. Он бывал на озере Эльгытхын, но не очень хочет туда ехать: там мало корма, нет топлива и дует постоянно такой ветер, что у людей отмерзают носы и ноги. Тнелькут показывает жестами весьма наглядно, как это происходит.

После долгих разговоров Тнелькут соглашается все же свезти нас в это страшное место. Но с собой у него нет оленей, и нам придется ехать иа здешних олеиях до ближайшего стойбища у подножия плато, там переменить оленей и на них добраться до стойбища Тнелькута, находящегося еще дальше, вблизи Малого Чауна. Завтра можно назначить отъезд.

Последняя ночь в стойбище Котыргына была самая холодная — 55 градусов мороза, но иа следующий день с утра барометр стал быстро падать и температура подыматься. Я предложил нашим механикам скорее уезжать в Чаунскую культбазу: немииуемо должен скоро начаться сильный фёновый ветер с Анадырского плато, с поземкой, которая хотя и будет попутной для саней, но чересчур сильной.

После завтрака мы раскачали в последний раз аэросани, и они скрылись в облаке снежной пыли. Укукай также уехал в Чаунскую культбазу, и мы остались с Ковтуном одни в ожидании нашего каравана.

Пригнали оленей, начинается ловля нужных для запряжки «быков». Делается это очень медленно. Пастух прогоняет стадо мимо и особыми криками старается отделить ездовых оленей, которые обычно держатся вместе. В это время остальные мужчины с арканами (по-чукотски «чаат») стараются поймать оленя, намеченного для упряжки.

Чаат бросается очень ловко и попадает в оленя, но далеко не всегда захватывает его голову. У многих ездовых оленей отрублены рога, чтобы они не цеплялись при езде за соседа, и поэтому надо обязательно, чтобы петля чаата захватила голову или ногу. Хотя чукчи упражняются в

бросании чаата с детства — я видел уморительных малышей трех — пяти лет, которые бросали чаат на какую-нибудь палочку,— но все же из трех бросков два, а то и все три неудачны.

После ловли чукчи возвращаются совершенно запыхавшиеся и мокрые, садятся во внешней части яранги и закусывают перед дорогой. Они сначала едят из деревянного блюда мелко раздробленное мороженое оленье мясо и потом медленно пьют чай из блюдечек. Гости и хозяин сидят скрестив ноги на оленьих шкурах, а женщины — прямо на земле.

Мы с Ковтуном держимся пока в стороне: мы чувствуем себя еще чуждыми всей этой жизни.

Наконец чаепитие кончено, олени запряжены. Можно ехать. К нашему удивлению, мы видим, что нам с Ковтуном дали не парные легковые упряжки, как договорились с Укукаем, а грузовые с одним оленем. Это грозит затянуть нашу поездку к озеру вдвое, до начала марта. Объясниться с чукчами очень трудно. Я знаю слишком мало чукотских слов, и остается надеяться, что от Тнелькута мы поедем уже как следует. Мне необходимы легкие отдельные нарты для осмотра утесов, а приходится ехать пока в общем караване.

Сейчас везет нас не Тнелькут, а другой чукча, Ятыргын («пришедший»). Это пожилой человек с толстыми отвислыми губами и с испорченными трахомой глазами. Он ходит все время перегнувшись вперед — как будто не может выпрямиться.

Чукотская кочевая (грузовая) упряжка резко отличается от якутской или эвенской. Чукчи запрягают только одного оленя, и лямка надевается всегда с правой стороны. Каждый олень привязывается к левой стороне идущих впереди саней, и поэтому вся связка из десятка нарт двигается не гуськом, а диагональным ступенчатым рядом, и каждый олень идет по новому, не протоптанному другими пути. Поэтому за чукотским караваном остается широчайшая, раскатанная полозьями и истоптанная дорога. Такой способ хорош для езды по широким равнинам и твердому насту. Но если чукчи попадают в глубокие снега горных долин и в леса, их олени выбиваются из сил через два-три дня. Ведь каждый олень должен тащить по нетронутому снегу нарту, хотя и с грузом, в два-три раза меньшим, чем в Якутии, но чрезмерным для такой дороги. В Якутии, когда мы прокладывали дорогу, у нас обычно впереди шли пустые нарты с четырьмя оленями, затем полузагруженные парные нарты, а за ними уже кара-

ван с нормальным грузом, килограммов по полтораста на каждой нарте.

Пока еще эти путевые мучения впереди. Мы идем по равнине, по твердому, прибитому ветром снегу. Ятыргын уныло сидит на своей нарте и время от времени тыкает оленя «кенчиком» — длинной палкой с костяным наконечником.

Возле пустой яранги нас нагоняет Тнелькут на своем легковом выезде. Легковая чукотская нарта сильно отличается от грузовой: она гораздо изящнее и легче. Грузовая сделана из плавника — тяжелых бревен, собранных на побережье, плохо вытесанных, громоздка, нередко небрежно скреплена и представляет собой в сущности орудие пытки для несчастного оленя, который ее тащит.
Нередко полозья нарты даже кривые. А легковые делаются в основном из березы или ивы, из тонко выструганных и аккуратно пригнанных частей. Иногда копылья (дуги основания) делаются из оленьих рогов. Вся она — тонкая, беленькая, чистая. Два оленя легко везут одного человека, который сидит верхом, свесив ноги на полозья и направляя нарту ногами.

Тнелькут ловко останавливает нарту, перебрасывается несколькими словами с Ятыргыном и, к нашему огорчению, уезжает вперед. Мы опять тянемся шагом, и унылая равнина, кажется, никогда не кончится.

Над горами на юге скапливаются сигарообразные облака, и надо ждать фёна и пурги. Но пока совершенно тихо, только визг полозьев нашего каравана нарушает безмолвие снежной равнины. Впереди холмистые предгорья Анадырского плато, белые ровные скаты. Там мы должны ночевать сегодня у Ятыргына.

Медленно двигаемся мы, пока в сумерках вдруг Ятыргын останавливается, прислушивается и говорит: «Пенайоо» («пурга»). Действительно, с юга на нас надвигается резко ограниченная белая стена. Через мгновение мы чувствуем легкое дуновение, затем резкий свист — и все кругом заволакивается мчащимся снегом. Но все равно приходится идти дальше, навстречу ветру: здесь в равнине укрыться негде. Быстро темнеет. Сначала еще хорошо видна дорога, вернее, след нарт: постоянных дорог на равнине нет, всякий едет где хочет. Но очень скоро пурга заносит следы, стирает их вовсе, нагромождает заструги поперек дороги. Ятыргын идет впереди, согнувшись, и ищет следы. Вдруг он подзывает меня и Ковтуна и объясняет, что ему трудно идти, болит спина, и теперь мы должны вести караван по следу. Мы сначала опешили: как нам, никогда не бывавшим здесь прежде, найти дорогу, когда

след сметен и остался только кое-где помет от бродивших здесь оленьих стад! Но потом мы догадываемся, что надо идти как раз навстречу ветру, придерживаясь направления борозд, вырезанных ветром в твердом снегу,— заструг выпахивания.

Надо различать в снежных образованиях полярных стран два типа заструг — заструги навевания, которые имеют вид плоских барханов, вытянутых поперек к направлению ветра, и второй тип — это скульптурные заструги, заструги выпахивания, которые ветер вырезает в старом, уплотненном снегу. Заструги эти обычно имеют длинные острые языки, вытянутые навстречу ветру.

256 Вести караван навстречу пурге — работа довольно неприятная и физически очень утомительная. Нужно смотреть вперед, и закрыть глаза шарфом нельзя, не говоря уже о том, что ветер проникает всюду, под шарф и капюшон.

Стало тепло — наверно, градусов тридцать, не больше.

Несмотря на ветер, жарко идти в кухлянке, а сбросить ее нельзя: снег забьется под одежду.

В этот раз Ковтун самоотверженно почти все время вел караван, а я последовал примеру Ятыргына и большей частью сидел на нартах, отвернув лицо от пурги.

Часа четыре тащимся мы навстречу пурге. Олени начинают выбиваться из сил, останавливаются, глядят умоляющими глазами — мы перекладываем груз с одной нарты на другую. Кажется, не будет конца дороге, мы никогда не дойдем. Во всей вселенной нет ничего, кроме этого мчащегося, колющего снега и плотного воздуха, сквозь который надо пробиваться.

Наконец начинается подъем, все круче и круче,— это склон Анадырского плато. Из-под снега торчат отдельные камни, и мне приходится, несмотря на пургу и темноту, осматривать их и отбивать образцы: неизвестно, попадем ли мы сюда опять.

Хотя Ятыргын принимал мало участия в выборе дороги, но направление, указанное им, верно: мы приходим прямо к его стойбищу. В плотной стене пурги появляются белые неясные конусы — яранги. Их пять, целый поселок; но это мы разглядели только на другой день, а сейчас видим только ближайшие две яранги.

Плоская вершина горы Наглойнын с россыпью гранита. А. Ковтун готовится к съемке

Летняя яранга оленеводов Учительницы, кочующие с чукчами

Осенний шторм в Певеке.
Шлюпка экспедиции и кавасаки

Интернат культбазы близ
устья реки Чаун

Дом экспедиций в Певеке осенью

Тнелькут на своей легковой нарте

Ионле в помещении экспедиции в Чаунской культбазе

►

Стан артели Котыргына. На первом плане — нарта с одометром

►

Председатель Чаунского райисполкома Тыкай

Обратно в Чаунскую культбазу по глубокому снегу

Перевал через Северный Анюйский хребет

◄

Покровы древних лав на реке Тылеутын

Ледяной бугор на наледи

Ледниковые кары в начале развития. Водораздел Северного Анюйского хребта

◄

◄

Ледниковые кары расчленили водораздел

Обрыв базальтового покрова. Анадырское плато

Доставка досок для лодки в Чаунскую культбазу

►

Южный склон Северного Анюйского хребта. Стоянка у морены

◄

Последний стан в верховьях реки Уваткын

►

►

Игры чукотских детей — план яранги, выложенный белыми камешками. Внутри полога (ограниченного палочками) — посуда (котел и ачульхен) і шкуры для лежания

►

◄

Стоянка в Кольце базальтов

Стоянка на берегу реки Чаун. Сигарообразные облака — предвестники фёна

Летняя яранга оленеводов в устье реки Кремнянки

◄

А. Перетолчин около утесов с пластами мезозойских песчаников. Западное побережье Чаунской губы

◄

Девочка чукчанка

◄

Река Уваткын. Утесы порфирита

Старик чукча

В чукотской яранге во время пурги

Из мертвенных пустынь возникла буря вдруг
И в вихре злом смела земли и неба круг.

Низами (XII век)

Вход в ближайшую ярангу прикрыт оленьей шкурой. Когда, откинув ее, пролезешь внутрь, невольно отшатнешься: густой едкий дым наполняет всю внешнюю часть яранги («чоттагын»). Ветер не дает дыму выйти в верхнее отверстие, гонит его внутрь, завевает в щели. Но все же здесь спокойно, снег не сечет лицо, и, когда присмотришься, в середине увидишь маленький огонек под котлом и рядом темное лицо чукчанки.

Чтобы попасть в полог, надо сначала очистить снег с меховых сапог. Нам подают «тиуичгын» — выбивалки, сделанные из оленьего рога. Такая выбивалка — необходимая принадлежность чукчи как дома, так и в пути, и каждый везет ее с собой на легковой нарте.

Мы снимаем кухлянки, тщательно обиваем меховые штаны, сапоги. Потом надо стать коленями на меховой порог полога, приподнять переднюю его стену — завесу из оленьих шкур — и на четвереньках залезть внутрь. В это время следует похлопать ногой о ногу, чтобы сбросить с подошв остатки снега, или же женщина, находящаяся во внешней части яранги, обобьет вам подошвы выбивалкой. Только после этого можно вползти в полог, и затем надо тщательно подвернуть висящий конец шкуры, закрывающий вход («чоургын»), под шкуры, лежащие на полу.

Влезть в полог со снегом на одежде — это совершить бестактность, худшую, чем войти в грязных калошах в культурный дом: снег в пологе — страшное зло, полог и так насыщен влагой от дыхания людей.

Возможно, что в этот первый раз мы и совершили преступление против чукотских правил вежливости: мы очень спешили укрыться в пологе, который еще недавно внушал нам такое отвращение.

Как приятно почувствовать над собой кров, непроницаемый для ветра. Избавиться наконец от этого снега, бьющего в лицо, от необходимости тратить все свои силы на

преодоление давления ветра. Как приятно быть в тепле (хотя здесь, вероятно, не более 10 градусов) и сидеть при спокойном, уютном свете эека, тонущем в меховых стенах и потолке.

Спустя несколько минут наше восхищение чукотским гостеприимством еще более увеличивается: хозяйка вносит эмалированное блюдо, наполненное мелко нарубленным оленьим мясом, нечто вроде беф-строганова, но вареное; бульон уварен до густоты и превратился в соус.

Нам кажется, что нет ничего лучшего в мире, как после четырех часов борьбы с пургой сидеть в пологе и есть такое горячее, хорошо проваренное мясо!

258 После мяса следует чай. В этот раз мы уже не доставали кружек — кому охота выходить снова наружу к нартам — и без всякого отвращения смотрели, как хозяйка достает блюдечки из грязного кожаного мешочка.

Чаепитие совершается истово и долго. Приятно чувствовать, как теплая жидкость проникает внутрь и, кажется, растекается по всему телу. Мы то и дело подставляем хозяйке свои блюдечки. Когда каждый сказал традиционное «тыпаак» (я кончил, я сыт) или «мури паа» (мы сыты), хозяйка приступает к мытью посуды. Во-первых, она собирает и съедает чаинки, которые расточительные гости оставили в блюдечках, потом тщательно вылизывает блюдечки и прячет их в грязный мешочек.

Теперь можно немного оглядеться. Полог Ятыргына среднего размера, метра два в ширину и несколько меньше в длину. У береговых чукчей полог больше, потому что их яранги стоят всегда на одном месте. А оленевод, стесненный условиями кочевки, не может себе позволить устроить большой полог: его тяжело выбивать каждый день, трудно добывать для его освещения жир, трудно расставлять каждый день и тяжело возить. Но и в таком пологе может поместиться много народу, если сидеть по-чукотски, поджав ноги и тесно один возле другого.

Против нас, в правом углу за эеком, сидит сейчас сам Ятыргын. Ему тепло, он снял кухлянку и до пояса голый. Кухлянки у чукчей небольшие, вроде рубашек, и двойные — мехом внутрь и наружу, их не снимают во внешней части яранги, перед тем как влезть в полог, а только очищают от снега. У Ятыргына темный мускулистый торс и, как у большинства чаунских чукчей, несколько вздутый живот. Он взял столовую доску и режет на ней листовой табак. Толстые его губы полуоткрыты, красные вздутые трахоматозные веки опущены; он осторожно берет листики и режет их на мелкие крошки.

Так проходит время до главной вечерней еды. Является и Тнелькут — он ночует в другой яранге, но заходит посмотреть, как мы устроились.

Вечерняя еда начинается с блюда вареных оленьих ребер. Хотя мы основательно поели мяса, но берем по ребру и, так же жадно, как и остальные сотрапезники, отдираем мясо.

Чукчи смотрят на нас с удивлением, даже с презрением: мы оставляем на костях немного мяса. А надо было подрезать пленку, покрывающую кость, захватить ее зубами и отодрать так, чтобы ребро осталось совершенно чистое. Поэтому после нас приходится подчищать кости другим сотрапезникам. Отведав ребер, Тнелькут удалился: он должен совершить ритуал вечерней еды в той яранге, где будет ночевать. Тнелькут очень воздержан и, единственный из всех чукчей, с которыми мы встречались, часто у нас отказывался от второй тарелки еды.

Затем подается котел, из которого хозяйка выкладывает на доску куски вареной оленины. Каждый берет по куску и грызет его или обрезает куски своим ножом. В чукотском обиходе никаких столовых приборов, конечно, нет, и все надо есть руками. Хороший нож у каждого должен быть на поясе.

Наконец, опять неизменный чай в блюдечках. После чая тотчас ложатся спать. Хозяйка подбирает с мехов, покрывающих пол, кости, оставленные обедающими, и складывает их возле эека. Котел, в котором варился суп, ставится также возле эека — в нем остается бульон. Суп чукчи не едят, но, если кто ночью захочет напиться, он пьет бульон из этого котла, зачерпнув кружкой или просто через край, наклонив котел.

В этом бульоне, не меняя его, варят мясо изо дня в день, поэтому мясо не вываривается так сильно, как у нас. Нигде я не ел такого вкусного вареного мяса, как у чукчей. Правда, нигде я не был так голоден и не нуждался так в пище и тепле.

Мы с Ковтуном в этот вечер могли сразу понять основы быта чукчей и войти в него не как любопытные путешественники, а как товарищи. Прежде быт чукчей описывался обычно как первобытное существование, над которым можно свысока посмеяться и брезгливо отойти.

Проведя в общем двадцать дней с чукчами, деля вместе с ними кров и пищу, мы поняли, что все древние чукотские обычаи и житейские правила, кажущиеся столь неопрятными для культурного человека, были вызваны жестокими законами борьбы за существование среди скудной

и суровой природы. Экономия пищи и тепла — вот чем руководился в прошлом всякий чукча. Все, что может быть переварено человеческим желудком, должно быть съедено, поэтому от оленя оставались только рога и шкура, а даже кости раздроблялись и частью съедались, а частью из них вытапливался жир для эека. Съедалось также содержимое оленьего желудка — полупереваренный мох, который смешивали с кровью. Съедались, прежде как лакомства, личинки оленьего овода, которых специально выдавливали из спины оленя весной.

Чтобы сохранить тепло и сухость в пологе, нельзя заносить в него снег на ногах и одежде и нельзя часто вылезать из него. Когда вечером все жители влезут в полог, то они уже больше не выходят из него до утра; вечером в наружной части яранги остается только хозяйка или работница, которая и следит за изготовлением пищи и подает внутрь все необходимое.

Поэтому в пологе на ночь ставится возле эека и котла с бульоном «ачульхен» — железный тазик (раньше они делались деревянными), служащий ночным горшком. По мере надобности вечером и ночью хозяйка опоражнивает его, выливая содержимое на два больших куска плотного снега, стоящие в яранге рядом с входом в полог. Завтра при ловле оленей этот снег послужит приманкой: олени не получают соли и поэтому очень любят человеческую мочу. Так ничего не терялось в хозяйстве чукчей.

Перед сном все раздеваются. Меховые сапоги были сняты уже раньше, вывернуты и повешены для сушки на ремешках над эеком. В пологе так влажно и так ничтожен источник тепла, что одежда сохнет очень медленно, и за ночь повешенные вещи не просыхают, а лишь становятся из мокрых влажными. Поэтому чукчи сушат обычно только свои коротенькие меховые сапоги и меховые чулки, а остальную одежду лишь тщательно очищают от снега, когда входят в полог. Из-за того что обувь плохо просушена, у чукчей часто зимой мерзнут ноги.

Мужчины на ночь снимают кухлянки и штаны, а женщины свои меховые комбинезоны — «керкер» и ложатся спать совершенно голые, прикрывшись всей этой одеждой. Постели не надо, потому что пол состоит из двух слоев оленьих шкур и единственная щель под входной дверью тщательно закрыта. Иногда, впрочем, подстилают специальные шкуры для спанья.

В других семьях оленеводов, как мне рассказывали, мужчины надевают на ночь мехом внутрь свои внешние брюки и кухлянки и таким образом сушат их.

Ночью температура внутри полога у оленеводов не высока, а в эту ночь, когда дул неистовый ветер, вероятно, была близка к нулю. Максимума она достигает вечером, когда вносят чайник и котел, но, вероятно, никогда не бывает выше 20—25 градусов.

Гораздо сильнее колебания температуры в пологах у прибрежных чукчей, где, по измерениям доктора полярной станции мыса Шмидта, температура вечером достигает плюс 40 градусов, а ночью падает до плюс 10 градусов. У прибрежных чукчей гораздо больше жира, и они одновременно зажигают три эека, которые даже служат и для приготовления пищи.

Хорошо спать в пологе, когда буря свистит, снег метет по яранге и ветер непрерывно хлопает шкурами. Хозяйка еще некоторое время не тушила эек, чтобы просушить обувь; он горит ровно, без копоти. При его свете видны полуприкрытые мехами тела, сплошь устилающие пол. Чьи-то голые плечи — в одной стороне, чьи-то ноги уже легли на котел с бульоном возле моей головы. Раздается разнообразный храп, вторящий пурге.

Утром слышно то же шипение пурги. Все поднимаются лениво; сегодня в виде исключения хозяйка не будет снимать полога, потому что его нельзя выбить. Эта операция выполняется чукотской женщиной каждый день; полог снимается, выворачивается и выбивается большими выбивалками, вырезанными из оленьего рога или дерева. Выбивание продолжается несколько часов и имеет целью удалить иней, осевший от дыхания на внутренней стороне шкур.

Утренняя еда скучная — немного холодного мяса и чай, конечно без всякой приправы. После чая я пробую выйти. В яранге все засыпано снегом, и, когда я ищу кухлянку, оставленную здесь вечером, я вижу несколько меховых кучек; трогаю одну из них — она шевелится, соседняя тоже — это собаки, которые прячутся от пурги в ярангу. Собаки маленькие, жалкие, худые. При таком суровом хозяйстве им не остается никаких отбросов, никаких костей. В быту оленеводов они совершенно не нужны — это не ездовые и не пастушеские собаки, они не умеют охранять стада. Но они выполняют более важные обязанности: охраняют от злых духов, а если злые духи слишком могущественны, то собак убивают как искупительную жертву.

Но эти магические защитники, которые, казалось бы, должны были пользоваться большим почетом, влачат самое жалкое существование.

Выглянуть на улицу нетрудно — надо только приподнять шкуру, которая закрывает вход. Стоит высунуть голову, как понимаешь, что прогулка не доставит никакого удовольствия. Мы стоим почти на вершине увала высотой метров до двухсот над Чаунской равниной, и воздух, который мощной волной перекатывается с юга через Анадырское плато, низвергается по нашему склону с буйной силой. У меня нет анемометра, но скорость ветра, вероятно, не менее 30 метров в секунду — не только идти, но даже стоять трудно. Воздух наполнен мчащимся колючим снегом, но поток этой поземки, вероятно, не очень толстый: сквозь него видно солнце.

После короткой прогулки между ярангами я забираюсь обратно в полог. Можно заняться записями в дневнике, а потом проверить свой чукотский словарь.

Чукотский, или, как еще его называют, луораветланский, язык очень труден для изучения. Он относится к так называемым включающим (инкорпорирующим) языкам.

В нем, как писал лучший знаток этого языка покойный профессор В. Тан-Богораз, «сливаются вместе несколько корней. Одна слитная форма включается в другую слитную форму, составляя как бы морфологический сгусток, и все обрастает префиксами и суффиксами, образуя в свою очередь новые грамматические формы от целого сгустка». А так как при этом от сливающихся корней часто остается только одна буква, то слитное слово надо заучивать заново.

Очень мешает изучению языка закон гармонии гласных. Если в слове стоят буквы сильного ряда — «а», «е», «о», то все сливающиеся с этим словом другие слова меняют гласные слабого ряда на сильные: «и» переходит в «е», «у» — в «о», «э» — в «а». Поэтому каждое слово нужно знать в двух видах: например, в одних названиях «река» произносится «веем», а в других — «ваам».

Наконец, есть особое женское произношение: женщины вместо букв «ч» и «р» произносят «ц», и женская речь звучит совсем иначе, чем мужская. Не буду уже говорить о сложностях грамматики, действительно трудной.

Очено мало русских, даже проживших несколько лет на Чукотке, могут в самом деле правильно говорить по-чукотски. Моя задача была скромнее: мне хотелось только кое-как объясняться с чукчами, чтобы не возить с собой переводчика. В Ленинграде несколько уроков чукотского языка дал нашим экспедициям, уезжающим на Чукотку, филолог Н. Шнакенбург. Зимой в Чауне по

его лекциям и по грамматике Богораза я составил себе небольшой словарь. Теперь я пользовался случаем проверить произношение и научиться самым необходимым словам. Моим хозяевам доставляло большое удовольствие, когда я читал чукотские слова: их забавляло исправлять мое произношение и догадываться о значении слов вовсе исковерканных.

Но надо познакомить вас с хозяйкой. Ее зовут Эйчин, или Эчин, в женском произношении — Эйцын. Это, вероятно, сокращение от Эчинеут, что означает «жирная женщина». Но она не жирная — я вообще не видал особенно жирных чукчей,— а очень подвижная, разбитная женщина и, с чукотской точки зрения, вероятно, интерес-
ная и кокетливая. Она очень самостоятельна и предприимчива. Увидав у меня коробку с нитками и иголками, Эйчин тотчас стала в ней копаться и отобрала себе, что ей понравилось,— несколько иголок и две блестящие металлические пуговицы. Иголки попали в кожаный рабочий женский мешок — каждая чукчанка возит его с собой,— а пуговицы были тотчас вдеты с двух сторон в косы.

Эйчин все время что-нибудь делает, а если нет дела, то говорит без конца. Мне трудно следить за ее речью: я знаю только несколько слов, да и то в самых простых формах, вроде неопределенного наклонения или именительного падежа. Но иногда она явно имеет в виду нас: я слышу слова «кау-кау» (хлеб) и другие намеки на то, что следовало бы угостить хозяев из наших запасов. По-видимому, настаивать так на угощении противно правилам гостеприимства, и хозяин недоволен. Но Эйчин не унимается. Я делаю вид, что не понимаю: у нас осталось ничтожное количество продуктов — всего только 2 килограмма сухарей, 1 килограмм крупы, 500 граммов сахару, 700 граммов масла и 9 банок консервов, а нам, может быть, придется десять или двадцать дней путешествовать вне чукотских яранг. Поэтому, чтобы успокоить Эйчин, я отдаю хозяину плитку табака — подарок очень ценный для чукчи. Плитку передают из рук в руки, рассматривают и сейчас же начинают крошить и смешивать с более легким листовым табаком.

Сегодня мы не умывались, и вряд ли скоро удастся помыться. В то время в чукотском быту зимой совсем не употреблялась вода для мытья чего бы то ни было.

Первая причина та, что здесь слишком мало топлива, чтобы тратить его на таяние снега. Обычно яранги ставятся в таком месте, где много корма для оленей, и притом на склоне горы или на холме, чтобы видеть издали стадо.

А кусты большей частью ютятся на дне долины, закрытом от ветра, в нескольких километрах в стороне от стойбища.

Мужчины ездят за топливом на нартах и стараются выкопать в руслах рек сухие ветви, принесенные водой, потому что сырые кусты горят в костре очень плохо,— ведь у чукчей нет железной печки, в которой можно разжечь и сырые дрова. Поэтому сегодня очень экономят дрова — неизвестно, когда кончится пурга и можно будет съездить за ними.

Чукчанки с большим искусством умеют поддерживать маленькое пламя, чтобы оно охватывало только котел или чайник и не слишком дымило.

264 Если вымоешься, то где сушить полотенце? В пологе оно не высохнет, а на морозе будет сохнуть слишком долго. В такой обстановке, конечно, нельзя и думать о стирке белья, и, в то время как уже многие береговые чукчи носят белье, у оленных я совершенно не видал его. Как сообщали старые исследователи, когда-то чукчи умывались мочой; ею же мылась и посуда. Но, вероятно, этот способ уже совершенно исчез, по крайней мере мне не удалось его увидеть.

Когда хозяйке, хлопочущей у костра, надо вытереть грязные руки или котел, она обрезает полоску от шкур, покрывающих пол полога, и по миновании надобности бросает этот клок шерсти. После обеда жирные руки вытирают о мохнатую подошву мехового сапога — чукчи подошвы зимних сапог (плекты) сшивают из «щеток»,— кожи с крепкой шерстью, взятой с подошвы оленьей ноги между копытами. Такие плекты теплы и не скользят. Для осени и весны подошва делается из кожи лахтака (морского зайца).

Тнелькут приехал в плектах с подошвой из лахтачьей кожи. Поэтому сегодня после еды он был в большом недоумении — обо что обтереть руки? Эйчин заметила его затруднение и тотчас с милой кокетливостью заботливой хозяйки положила ему на колени свою ногу, он тщательно обтер руки о мохнатую подошву ее сапога. У Эйчин вообще очень много кокетливых жестов и нежных интонаций. Надо только послушать, каким нежным голосом она зовет мужа: «Мей» (обычное обращение, нечто вроде нашего «эй», но только к мужчине) — или будит его: «Кывакоэ» (садись).

На следующее утро, как только мы напились чаю, Эйчин, несмотря на пургу, выгоняет нас наружу: сегодня необходимо выбить полог. Пурга ослабела, и можно сделать это хотя бы внутри яранги.

Вынеся эек и свои мешочки — один с блюдечками, другой рабочий, она спускает полог с козел, вывертывает его и начинает бить выбивалкой. Делать это нужно с большой силой, и женщина настолько согревается, что вскоре спускает с плеч керкер и работает полуголая. Ее волосы покрываются инеем от дыхания, и голова кажется седой, а лицо, и так уже румяное, краснеет еще больше. Яркий цвет лица — один из основных элементов красоты чукотских женщин.

Керкер чукчанки представляет меховой двойной комбинезон, состоящий из широких штанов и еще более широкого, низко вырезанного корсажа. Корсаж имеет глубокое декольте спереди и сзади, так что керкер легко сбросить, и во время работы его большей частью спускают с одного плеча или с обоих, а в пологе женщины сидят обычно обнаженные по пояс, так же как и мужчины.

Пока Эйчин выбивает полог (это продолжается не меньше двух-трех часов), мы с Ковтуном уходим вдоль холмов Маркоинг для геологического исследования и съемки. Поземка еще свирепствует, но гораздо слабее, и, закрыв лицо капюшоном, можно двигаться поперек ветра. В ярангу нам нечего возвращаться раньше темноты: до этого времени полог не будет поставлен.

Несмотря на пургу, приятно бродить по холмам при ярком солнце. Поземка струится по склону, но уже покров ее не такой плотный, как вчера; кажется, что по склону стекают ручьи снега. Внизу, в равнине Чауна, эти ручьи сливаются, и равнина до горизонта залита густым покровом мути. У подножия холмов, возле края этой пелены, бродят олени и копытят из-под снега мох.

Хорошо вернуться в ярангу в сумерки, сесть у костра и получить от хозяйки блюдечко горячего, мелко нарубленного мяса. Полог поставлен, и, по-видимому, уже не будет неприлично залезть в него.

Сегодня кормят гораздо скуднее, чем вчера,— вероятно, убитый перед пургой олень приходит к концу. Ятыргын не главный в стойбище: я видел днем двух более важных жителей — одного толстого чукчу в коричневой с красной полосой камлейке (ситцевый чехол сверху кухлянки) и другого высокого эвенка в желтой ровдужной* камлейке. Они ходили по стойбищу, от нечего делать разглядывали одометр на нашей нарте, пробовали катить нарту

* Ровдуга — выделанная оленья кожа, нечто вроде грубой замши.— *Прим. автора.*

взад и вперед. По-видимому, в их яранге живет Тнелькут и оттуда мы получаем мясо. Этот эвенк, как я узнал, уже давно поселился вместе с чукчами.

Тнелькут пришел сегодня вечером с обмороженными щеками и рукой. Он ночевал у стада; очевидно, какие-то обязательства связывают его с этим стойбищем, потому что гость обычно не пасет стада (кажется, у него здесь есть свои олени).

Он рассказывал с большим воодушевлением, какая ночью была пурга и холод и как за эти дни сдохло от холода десять оленей. С Тнелькутом мне легко разговаривать: в то время как Ятыргын, чтобы объяснить что-нибудь, употребляет множество слов в самых сложных формах и сочетаниях, Тнелькут немногословен, говорит отчетливо несколько слов и дополняет их выразительными жестами. Вот и сейчас он картинно показывает, как дохнут олени — «камака» (термин русско-чукотского жаргона) и как при этом они сворачивают голову набок, высовывают язык и закатывают глаза.

Кроме Тнелькута за вечерней трапезой присутствует сын Ятыргына. Он, как полагается младшему, сидит сзади, в углу, и мать иногда передает ему через плечо кусок мяса. Чай он получает очень редко. Трудно сказать, сколько ему лет — одиннадцать или четырнадцать; он внимательными серьезными глазами смотрит на нас, как будто изучая и костюм и манеры.

На ночь Ятыргын уходит к стаду, но в четыре часа утра возвращается и посылает вместо себя сына.

У Тнелькута

А кто знает, что за границей много есть самородных красавиц!
Они милы от природы и не нуждаются в украшениях,
Хотя тело их покрыто пылью, но бело, как баранье сало.

Фань Шао-куй.
Путешествие в Монголию. 1721

13 февраля пасмурно, ветер стих, мы можем ехать дальше. Сегодня наш караван ведет Эйчин: во время кочевки это лежало на обязанности женщин, а мужчины очень не любили вести грузовых оленей и считали это унизитель-

ным. Тнелькут опять уехал вперед на своей легковой нарте.

Эйчин для поездки в гости приоделась: на ней хороший керкер из темного одноцветного меха, а на спине повязан русский платок. Костюм заканчивается парой меховых сапог, затянутых у колена поверх керкера; самая красота, по-видимому, в том, что икры делаются очень толстыми — как бочонки. При этом чукотская красавица идет переваливаясь. Постоянное сидение в пологе искривляет ноги чукчанки, широкие штаны керкера мешают ходьбе, и походка становится похожей на утиную.

Эйчин большей частью сидит на нарте. Оленей вести не надо, мы едем по следу Тнелькута.

Скоро начинает падать густой снег. Спустившись с холмов, мы попадаем в широкую долину реки Мильгувеем. Ничего не видно: снег внизу, снег в воздухе. Мы начинаем восхищаться опытностью Тнелькута, который без компаса так уверенно идет на юг.

Но восхищаться, кажется, еще рано: подойдя к подножию каких-то холмов, след вдруг круто поворачивает влево, вдоль них. Очевидно, Тнелькут взял слишком вправо, и теперь приходится идти на восток.

Яранги Тнелькута стоят на склоне холмов. Сквозь снег и мглу сначала видны только черные концы жердей, высовывающиеся из дымового отверстия, а потом уже вырисовываются очертания трех яранг. Между ними стоят, как обычно, пустые и груженые нарты — с запасными пологами, с продуктами; два крытых возка указывают, что здесь есть две семьи с маленькими детьми: при кочевках детей возят всегда в этих закрытых возках, потому что мать слишком занята надзором за гружеными нартами.

Нас встречают очень радушно. Тнелькут — середняк, у него 400 или 500 оленей, но такое стадо только дает ему возможность постоянно быть сытым. По исследованиям Чаунской культбазы, минимальное количество оленей, которое необходимо для семьи в 6 человек при тогдашнем хозяйстве с исключительно мясным питанием,— это 300 голов. Когда у чукчей оленей меньше, то стадо быстро уменьшается, попросту съедается. Для каждого члена семьи в среднем нужно было убивать по оленю в месяц. Чукотские олени очень мелкие, и чистый вес мяса (без кишок) иногда не превышает 20 килограммов, лишь у хорошо упитанных взрослых оленей достигает 30—35 килограммов и редко больше.

Кроме оленьего мяса, чукчам в тундре было нечем питаться: охота давала очень мало, да и постоянная пастьба

стада не оставляла времени для охоты. Оленные чукчи вели напряженную трудовую жизнь. Мужчины и молодые женщины были всегда заняты у стада и, чередуясь, стерегли его по ночам. Пожилые хозяйки, а часто и молодые, вернувшись из стада, должны были весь день варить пищу, чинить одежду и чуть ли не полдня тратить на выбивание, установку и сборку полога.

Поэтому оленеводы с презрением смотрели на береговых чукчей и считали их лодырями: пища сама идет к ним, стоит только выехать на байдаре в море. Но на самом деле жизнь береговых чукчей была в то время также тяжела, и некоторые исследователи считали, что им живется

труднее, чем оленным. Переход к новым формам жизни и полное изменение быта чукчей прежде всего захватили береговых чукчей. Здесь легче всего было создать звероловные артели, снабдить их моторными шлюпками, приучить к жизни в домах, обслужить все население школами. В этом направлении к 1935 году были сделаны уже большие успехи, особенно в восточной части Чукотского округа.

Гораздо труднее было изменить быт оленеводов. Чтобы сделать оленное хозяйство рентабельным, надо было слить несколько стад вместе, так как стадо в 2000 голов обслуживают столько же человек, как и стадо в 300 голов. Освободившихся при этом пастухов можно поселить оседло в тех местах, где они могут заняться звероловством, рыбной ловлей или какими-либо промыслами. Надо было избавить чукотскую женщину от ее рабского подчинения яранге, которой она отдает всю жизнь.

Но провести такую реформу было сначала очень трудно: ведь это коренное изменение всего быта оленеводов.

Из северных районов Чукотки ко времени нашего пребывания больше всего сделано в этом направлении в западной части, Островновском районе (теперь район Восточной Тундры). Здесь был построен по морскому побережью ряд изб, в которых оленеводы оставались для охоты на морского зверя, в то время как пастухи со стадами уходили в глубь гор. Но эти мероприятия тогда еще не охватили всех оленеводов района, это были только первые зачатки сложной реформы.

Сегодня Тнелькут, по-видимому, убил оленя, и нас кормят особенно обильно. Начинаем мы с обычного блюда — вареного, мелко нарубленного мяса, потом следует мороженое мясо, разбитое на маленькие кусочки, также очень вкусное. Мясо разбивают каменным пестиком в кожаном ведерке, поставленном на плоский камень.

Это самый быстрый и простой способ приготовления мяса.

С пяти часов вечера до десяти мы три раза едим вареное мясо, два раза — сырое и три раза пьем чай. Обычно, как я говорил, у оленеводов основная еда вечером одна, и сегодня такой пир ради приезда гостей.

В этой яранге общество еще многочисленнее. В правом от входа углу сидят Эйчин и две старухи. В пологе тепло, и они спустили керкеры до пояса. Керкеры лежат вокруг обнаженных торсов пышными складками.

Эйчин стрекочет без конца — рассказывает о нашем приезде, наших смешных манерах, преступлениях против этикета яранги. И без конца льется ее цокотание — ведь буква «ц» преобладает в женском говоре.

Дверная завеса поднимается, и снаружи влезает девочка лет пяти. Она деловито снимает обувь, выворачивает ее, очищает от снега над ачульхен, сбрасывает керкер и садится совсем голенькая между старшими. Молодая девушка, по-видимому сестра Тнелькута, сидит во внешней части яранги у костра и все время подает внутрь пищу. В промежутках между едой девочка забавляется — скатывает шарики из жира, рассматривает нас, раскрыв рот.

Последнее чаепитие кончено, внесен котел с бульоном, обитатели полога начинают раздеваться. Нам придется потесниться: в пологе ночует сегодня много народу. Счастье еще, что мы лежим вдоль стенки и можно вытянуться. Некоторые чукчи лежат скорчившись, прижавшись друг к дружке. Перед сном девочка подползает на четвереньках к котлу и, опустив внутрь головку, пьет бульон. Когда все улеглись, влезла в полог и девушка-хозяйка. Она в отличие от других, сняв керкер, надела на ночь узкие кожаные брюки — на тот случай, если ей придется выходить по хозяйству.

Уже с вечера Тнелькут сказал, что завтра мы не сможем выехать: будут колоть оленей на дорогу. Я просил продать нам мяса: у нас слишком мало продуктов для поездки. И для себя он тоже должен заготовить мясо.

Но в этот вечер появилась и другая причина отсрочки: Тнелькут серьезно заболел, он почувствовал сильные боли в желудке, от которых корчился и стонал. Вскоре Тнелькут ушел в другую, более свободную ярангу, и, когда я навестил его там, он не мог найти себе места от боли. Он показывал, как у него расширяется сердце, как что-то колет ножом в грудь и ломит глаза. Я долго сидел в недоумении; во время экспедиционных работ мне нередко приходилось лечить и своих сотрудников, и мест-

ных жителей, но, не будучи врачом, я всегда очень беспокоился, каков будет результат лечения. Особенно трудно пришлось мне с диагнозом болезни Тнелькута. Что это за болезнь? Острое отравление, или аппендицит, или язва желудка, или еще что-нибудь? Дать ли опий или слабительное? Можно ухудшить его состояние, и, не говоря уже о том, что он не в силах будет ехать, чукчи могут счесть меня опасным человеком, связанным с злыми духами, а болезнь — предупреждением свыше, и в результате они откажутся везти нас дальше. Поэтому я в конце концов налил немного капель Иноземцева, в таком небольшом количестве совершенно безвредных и успокаивающих боли. Но, кажется, когда я ушел, женщины поспешили вылить мои капли и применили собственные средства.

Наутро я нахожу Тнелькута томным и слабым. Он лежит полуобнаженный и потный. Кажется, боли прошли, и он хочет завтра выехать.

Сегодняшнюю дневку мы используем для осмотра окружающих гор. Ковтун для зарисовки гор поднимается на соседнюю вершину, а я иду через долину Мильгувеем к утесам северного склона. До них километров восемь. Хотя снег шел после пурги целые сутки, но под ним твердый наст, и можно идти без лыж: нога погружается не больше чем на 15—20 сантиметров. Но когда я подхожу к другой стороне равнины, то начинаю раскаиваться, что не взял с собой лыж: здесь вдоль реки растут кусты, возле которых нет наста, и иногда проваливаешься по пояс. Но делать нечего, приходится ползти по снегу вперед к утесам.

В кустах перепархивает куропатка, видны следы зайцев и леммингов и даже в одном месте след горного барана, спустившегося в долину за кормом.

Правый берег реки вознаграждает меня за тяжелый путь. Впервые после долгого перерыва я вижу настоящие утесы, а не осыпи. Утесы — большая редкость в этой части Чукотки. Морозное выветривание здесь так интенсивно, что скалы быстро распадаются на отдельные обломки, и за всю эту поездку на оленях я мог осмотреть не более десятка утесов.

Обратное возвращение скучнее. Яранги с расстояния в восемь километров кажутся маленькими точками на склоне горы, и так утомительно идти к ним, вытаскивая ноги из снега. Сильно дает себя чувствовать голод. Исключительно мясная пища для нас, привыкших к хлебу, каше, овощам, кажется недостаточной, живот как будто

пустой, и к вечеру бываешь прожорлив, как волк. Поэтому дымок над ярангами заставляет меня мечтать о вкусном мясе, которое я получу после возвращения.

Сегодня нас ждет еще новое блюдо: вместе с сырым мясом подают сырой мозг из костей оленьих ног.

Это лучшее лакомство, и девушка (ее зовут Кергируль, сокращенное от Кергирультына — «щербинка») распределяет его между гостями — между нами и Эйчин.

Нам приходится здесь расстаться с частью нашего сахара, чтобы угостить девочку и старух. Теперь мы рассчитываем на мясо, которое даст Тнелькут, и продовольственный вопрос стоит не так остро. А затем надо поддерживать хорошие отношения с хозяйками. Один молодой колымчанин, много ездивший по чукотским стойбищам, кратко формулировал мне в 1930 году основное правило своей дорожной практики: «Прежде всего угождай старухе. Она всегда поможет, починит платье, накормит. А молодой бабе нет расчета угождать».

Мы должны в особенности помнить это правило, потому что с нами отправится часть семьи Тнелькута. Он категорически отказался поехать так, как обычно я ездил в Якутии,— с палаткой, налегке, только одному или двум мужчинам. Это было совершенно неслыханно, невозможно для чукчей. Чукча может ехать только кочевьем, с семьей и ярангой, или даже на легковых нартах, без всякого груза, от одного стойбища до другого, в крайнем случае ночуя раз или два на снегу. А ехать одному за сотню километров с грузовыми нартами было невозможно: кто же согреет чай, сварит пищу, починит обувь, поставит ярангу? Все это женские обязанности. И вести караван также должны женщины. Ни у кого из народов Северо-Востока я не встречал таких пережитков в резком разграничении женских и мужских обязанностей и проистекающих отсюда множества осложнений в организации экспедиций.

Иногда мешали нашей работе и различные древние верования, касающиеся оленей, и тайное влияние шаманов, с чем нам пришлось еще столкнуться позже.

Утренние сборы на следующий день приводят меня в ужас. Снимаются сразу не одна яранга, а две, с маленькими детьми, со старухами. Неужели все они поедут с нами? Но Тнелькут успокаивает меня: его товарищ по стойбищу, бедный чукча, откочует со всем стадом в новое место, а с нами поедет только одна яранга. Мы поедем «акальпе́» (быстро), как я требую, и через пять дней будем на озере. Это, конечно, большой успех — значит,

мы будем проходить до 20 километров в день. А обычная чукотская кочевка делает всего 7—10 километров.

Чукчанки быстро снимают шкуры с яранги, разбирают ее остов, выбивают и складывают полог, грузят нарты. Мужчины в это время заняты ловлей оленей — опять тем же способом, при помощи чаата.

Тнелькут еще болен: во время ловли он часто ложится на нарту, но все же ловит чаатом оленей и тащит их к нартам.

272

В глубь гор с чукотской кочевкой

Кто знает, что за ужасный холод свирепствует
за границей?
Высокие горы, тянущиеся на громадное
Пространство, пески, покрытые вечным снегом;
Тресканье кожи и ломанье пальцев от холода
вещь обыкновенная.
Там даже летом носят собольи воротники.

Фань Шао-куй.
Путешествие в Монголию. 1721

Наш новый караван имеет вид настоящего чукотского кочевья. Впереди идет толстый мальчик лет шестнадцати, он показывает дорогу оленям, чтобы они шли прямо вперед. Мальчик веселый и краснощекий, одет хотя и скромно — в темные меха, но крепкие, не сношенные. Первой идет связка старухи Тегрине; с нами все же едет одна из старух. Ее олени, пара «ученых», как говорят чукчи, очень смирных, чуть ли не таких же старых, как и она сама, бредут с утомительной медленностью, не более трех километров в час.

Вторую связку нарт ведет девушка Кергируль. У нее только один упряжной олень, и она часто идет пешком. К этой связке привязаны и наши две нарты. За нартой Ковтуна крутится колесо одометра. Это колесо да внешний вид нашего груза только и отличают наш караван от настоящей чукотской кочевки.

Тнелькут, конечно, с караваном не поехал. Сначала он задержался, как всегда, сзади — попить чаю перед выездом, а потом обогнал нас в середине пути на своем легковом выезде. Он поедет вперед, чтобы выбрать место с хорошим кормом для ночевки, и там будет ждать нас.

Такова обязанность мужчины при кочевке. Как я ни просил Тнелькута дать мне отдельную нарту легковую, чтобы останавливаться у утесов и осматривать их, Тнелькут не согласился. Нет «ученых» оленей, а на упряжных — «моокор» — нельзя отъезжать от каравана. Они должны идти привязанными к передней нарте. Как при этих условиях я буду вести геологические исследования, не знаю!

Таким образом, Укукай обманул нас, и транспорт до самого озера будет грузовой, медленный, а на легковых нартах будут ехать только чукчи. Это обычная политика Укукая: он обещает русским все, что им хочется, и предоставляет делать чукчам то, что им хочется. Райисполком давно уже знает об этих уловках Укукая и его нежелании проводить активно нужные мероприятия, но пока нет никого в нацсовете, кто мог бы заменить его.

Сегодня нет ни утесов, ни осыпей, и можно мирно ехать в хвосте каравана. Идет снег, небо закрыто низкими облаками, горы плохо видны. Олени бредут, разбрасывая копытами пушистый, свежий снег. Пока еще они не проваливаются, так как близко под верхним легким покровом лежит твердый наст.

Мы проходим в первый день только 15 километров. Тнелькут выбрал место для ночлега на бугорке, на склоне горы. Его олени копытят снег. На своей нарте он привез несколько сухих кустиков, выкопанных по дороге в долине Малого Чауна. Здесь они уже редки, а скоро и совсем кончатся. Тнелькут показывает женщинам места, где надо поставить связки нарт. На этом его обязанности кончаются — женщины поставят ярангу, повесят полог, разведут огонь, тогда он зайдет в полог и будет ждать, когда согреется чай.

Нам не придется больше пользоваться привилегией мужчин; Тнелькут, как только мы приезжаем, сообщает, что он взял с собой маленький дорожный полог, в который с трудом поместятся они вчетвером, и поэтому нам нужно поставить палатку (по-чукотски «маневран»).

Это изгнание из чукотского рая, которому мы пять дней назад обрадовались бы, сегодня нас огорчило. Мы уже отвыкли от холодной палатки, от необходимости самим варить пищу, от залезания в холодный спальный мешок. Придется привыкать опять, и при этом в худших условиях: у нас тонкая палатка и только один маленький примус, который не в состоянии ее нагреть. Мы утешаем себя, что в палатке жить гораздо культурнее, чем в яранге. Мы сейчас согреем себе воды и вымоемся, впервые за

пять дней. Затем сварим настоящий русский суп — с крупой. И наконец, напьемся настоящего кофе. И никто не помешает нам заниматься.

Первая часть программы была выполнена с успехом, но заниматься нам не пришлось: когда в палатке 30 градусов мороза и сидишь неподвижно, то руки мерзнут и писать невозможно. Гораздо легче писать на ходу, во время работы, когда кровообращение живее и все тело согрето.

Спали мы ничуть не хуже, чем в пологе: спальные мешки были сухие и еще не пропитались влагой от дыхания.

На следующий день мы принимаем уже полное участие
 в жизни кочевки. После того как мы сложили свою палатку, мы укладываем груз на нарты и увязываем их. Еще вчера Тнелькут подвел меня за руку к нарте и показал, что это входит в наши обязанности. Он увязывает нарты с ярангой и пологом, осматривает сбрую.

Затем начинается ловля оленей. Чукотские олени гораздо более дикие, чем эвенские, и, чтобы их поймать, делают загородку из нарт. Для этого нарты ставятся в две дуги, образующие полукруг, открытый в одну сторону, с узким проходом в другую. У каждой нарты поднят передний конец и прислонен к стоящей впереди нарте. Получается забор с торчащими вверх полозьями, через который не решается перепрыгнуть даже самый дикий олень. В середину загона кладутся для приманки куски снега с мочой, заготовленные ночью.

Затем мужчины — у нас только один Тнелькут — ловят чаатом наиболее диких оленей, которые могут увлечь за собой все стадо. Олень, почувствовав на рогах петлю, бешено бьется. Тнелькут его тащит, и видно, что силы хрипящего зверя и человека почти равны. Зная, что Тнелькут еще болен и слаб, я побежал к нему на помощь. Но он махнул рукой: по-видимому, я совершил большую бестактность — никто из его семьи не двинулся с места.

Наконец олень побежден, приведен в загон и привязан к нарте. Очередь следующего — он падает, не хочет идти, но его поднимают, ведут за рога. Олень страшно мотает головой, упирается, и остается удивляться, как больной Тнелькут справляется с ним. Поймав штук пять оленей, Тнелькут совершенно выбился из сил; его волосы покрыты инеем (он бегает, конечно, без шапки), лицо мокрое.

Теперь мы все окружаем оленей постепенно суживающимся полукругом и загоняем их в кольцо нарт. Тнелькут с мальчиком Тынельгетом заходят внутрь и, пробиваясь

между коричневыми и белыми мохнатыми спинами, хватают нужных им оленей. А мы с женщинами стоим, растопырив руки, и мешаем оленям убежать. Так как вход в загон слишком широк, то с двух сторон протянуты жерди от яранги с навешанными на них яркими камлейками.

Оленей привязывают недоуздками к нартам и надевают на них шлеи. Как только операция эта кончена, можно двигаться. Стоит потянуть за узду переднего оленя, и один за другим олени будут вытаскивать свою нарту из-под следующей. При этом олени надрываются, выдирая свою нарту, портится груз, но чукчи очень равнодушно тянут связку дальше. Обычно нам самим, заботясь о целости груза, приходилось становиться у нарт и приподнимать полозья каждой нарты, чтобы освободить стоящую под ней.

Обоз тронулся, мы вскакиваем на свои нарты. Тнелькут, как обычно, задерживается и возится с чем-то у своей упряжки.

Сегодня опять идет снег. Мы двигаемся по плоской долине Малого Чауна вдоль склона гор. Все затянуто низкими серыми тучами. В этой белесой мути кое-где на склонах чернеют полоски осыпей. Утесов нет; очевидно, придется осматривать осыпи. Я пробую остановить свою связку у одной из осыпей, но старуха Тегрине (ее имя значит «метательный дротик») тотчас начинает ворчать. Да я и сам понимаю, что, задерживая караван в пути, я тем самым уменьшаю дневной переход: мы пойдем все равно только до сумерек.

Остается единственный способ для геологической работы — отставать от каравана и потом догонять его пешком или даже бегом, как придется. Ковтун также принужден вести съемку на ходу, и вся наша научная работа во время поездки на озеро протекает в подобных утомительных условиях.

Нам приходится бежать за караваном без лыж: с ними неудобно сидеть на нартах, а часто снимать их отнимает много времени, они ведь крепко прикрепляются ремнями к ногам. Свежий снег еще неглубок, не более 15—20 сантиметров над настом, можно еще бежать по нему. По крайней мере мы гарантированы, что у нас не замерзнут ноги. Караван идет очень медленно, но стоит отстать от него, как он уходит далеко, и приходится очень и очень приналечь, чтобы догнать. К своей нарте прибегаешь запыхавшийся и мокрый.

Мальчик Тынельгет медленно и бесстрашно идет впе-

реди, загребая ногами снег. За поясом на спине у него висит кожаный сосуд, имеющий форму митры. Время от времени он останавливается и угощает из этого «корачульхен» своей мочой оленей передней старухиной нарты. Это делается для того, чтобы они лучше слушались и хорошо шли за человеком. Олени, чуть только завидят, что он остановился, тотчас мчатся к нему.

Богораз так описывает процесс обучения ездовых оленей: «Намеченных для упряжки более красивых и статных телят начинают с раннего возраста приучать к моче, таская мимо них на длинном шнурке обледенелый корачульхен, для того чтобы теленок, заинтересовавшись новым предметом, начал играть с ним и привыкать к запаху и виду этого сосуда».

В этот день мы проходим 13 километров, на третий день — только 8; снег все падает и падает, олени начинают выбиваться из сил. Тнелькут все еще болен и настроен довольно мрачно. Он говорит, что до озера еще четыре дня и олени подохнут,— и опять он показывает, как олени вытягивают ноги, высовывают язык и закатывают глаза. Он решает уйти из долины притока, по которому мы шли последние два дня, в долину самого Малого Чауна — там должно быть меньше снега.

Мы лезем на перевал, оленям тяжело тащить нарты в гору; по чукотским правилам при подъеме на гору нельзя сидеть на нарте, и поэтому даже старуха слезает и бредет впереди своей нарты, держа оленей за поводок. Ей очень трудно идти; сделав несколько шагов, она останавливается и опирается руками о колени. Тем не менее она выдерживает до конца и храбро поднимается даже на самые крутые перевалы, хотя пара «ученых» оленей, вероятно, свободно завезла бы ее наверх. Я благословляю эти подъемы: караван двигается за старухой так медленно, что я успеваю хорошо осмотреть соседние осыпи.

Старуха Тегрине очень трогательна своим точным соблюдением чукотских правил и желанием быть полезной в караване. По утрам перед выездом она сама обметает нарты от выпавшего за ночь снега, чтобы облегчить груз. Впоследствии я не видел, чтобы кто-нибудь из чукчей обметал снег с нарт, и они очень равнодушно смотрели на то, как я это делал, памятуя пример Тегрине. Костюм Тегрине также показывает, насколько она экономна: он не подобран из хороших темных шкур, как у молодых чукчанок, и не пестрый, как носят богатые старики, но сшит из старых кусков. На нем есть даже заплаты из шкуры взрослого оленя, так называемой постели —

«айколь», в то время как вся одежда у чукчей шьется обычно из шкур молодого, полугодовалого оленя осеннего убоя — неблюя.

Благополучно переваливаем в долину Малого Чауна и ночуем в ущелье, сплошь почти занятом наледью.

Здесь есть еще жалкие кустики, и чукчи имеют дрова для костра. Но завтра кустов уже не будет.

Тнелькут немного повеселел: он выздоровел, здесь дорога легче, озеро «кит-кит чумче» (немного ближе). Но меня беспокоит новое обстоятельство: по-видимому, олень, которого закололи на дорогу, был больной, и большая часть людей мучается от страшного расстройства желудка. Возможно, что и первоначальная болезнь Тнелькута была вызвана именно неумеренным потреблением плохого мяса. Но чукчи относятся к этому равнодушно и продолжают уписывать оленину в сыром и вареном виде.

Мы чувствуем себя в нашей палатке не очень уютно. Первый восторг от возвращения к палаточной цивилизации прошел, да к тому же мыться оказалось и здесь очень трудно. Утром я просыпаюсь в шесть часов, зажигаю примус и начинаю сушить стельки. О том, чтобы просушить целиком короткие чукотские меховые сапоги — плекты, нельзя и думать: на сушку стелек над примусом уходит 40 минут. Поэтому мы ходим уже в мокрых мерзлых плектах.

Затем ставится чайник со снегом; чтобы растопить снег и вскипятить воду, уходит полтора часа. После этого я бужу Ковтуна, мы пьем кофе, и наступает его очередь сушить стельки. Кофе умываться нельзя, а согреть еще воду для мытья мы не успеваем: пора собираться и ехать, слышно, как чукчанки выбивают полог. Если бы мы имели мужество отказаться от кофе и пить чай, то мы могли бы им и умыться, но кофе слишком соблазнительно.

Затем мы складываем и выбиваем палатку, покрытую изнутри инеем, завязываем груз и двигаемся в путь. Целый день мы бредем по снегу и время от времени нагоняем караван бегом. В сумерки опять надо ставить палатку, разжигать примус и варить обед. Приходится ждать около двух часов, пока сварится суп. Это самое тяжелое время дня. Пока мы двигались, было тепло. Теперь, сидя в палатке, медленно покрывающейся инеем, мы постепенно замерзаем в своих кухлянках. Опять холодно рукам, и когда достаешь что-нибудь из ящика с посудой и продуктами, то концы пальцев тотчас обмораживаются. Температура совсем не так низка, всего лишь

около 30 градусов мороза, но наша одежда постепенно сыреет от дыхания и интенсивных испарений при беганье по снегу и перестает греть. Очень плохо с меховыми рубашками; они были сделаны в Москве из превосходной теплой тонкой экспортной овчины, но, очевидно, при выработке применялась соль.

Так же неприятны становятся и спальные мешки. Они пропитаны влагой от дыхания, просушить их негде, и вечером, когда их разворачиваешь, видишь смерзшийся ком меха.

Мы покидаем узкую мрачную долину с красно-черными осыпями липаритовых лав * и поднимаемся в область плоских, округленных гор. Тнелькут ведет нас на крутой перевал. Тегрине с большим трудом взбирается на гору, останавливаясь и тяжело дыша. Сверху открывается вид на юг и на запад; мы уже на поверхности Анадырского плато, всюду видны округлые вершины, конусы и плоские столовые горы, сложенные горизонтальными потоками лав. Где же озеро? Тнелькут показывает на юг — оно здесь, где-то «чумче». Дойдем ли сегодня? Неизвестно.

Спуск в другую долину. Это еще одна вершина Малого Чауна. Снова по глубокому снегу, опять в гору, опять перевал. Опять задыхается на подъеме Тегрине. Возле перевала черные утесы горизонтально лежащих покровов лав. С перевала внезапно открывается озеро. Оно в круглой, замкнутой котловине, заполненной туманом. Зубчатые горы стеной окружают озеро со всех сторон. На перевале и на спуске к озеру крепкий снег с глубокими застругами, похожими на стаю дельфинов с головами, обращенными на север. Тнелькут был прав: здесь должны дуть сильные ветры с севера; воздух, поднявшись через перевал, бурно спускается в котловину озера и затем с огромной силой мчится на юг, через понижение в кольце гор.

* Липарит — излившаяся на поверхность лава, аналогичная по составу граниту.— *Прим. автора.*

Озеро в кратере

То вдруг являлось передо мной озеро,
мрачное, бесформенное, сливавшееся
вдали с грядами облаков.

Эдгар По

Вот оно лежит перед нами, это озеро, цель мечтаний многих путешественников. Стоять на перевале над озером — это совсем не то, что летать над ним на самолете, как полтора года назад. Теперь я могу убедиться в его реальном существовании, взобраться на это кольцо гор, которое его окружает, пройти по льду. Его сходство с лунным кратером кажется мне еще разительнее, чем с самолета. Громадные размеры этого кратера — поперечник впадины достигает 17 километров, а ширина озера — 12 километров — ставят его наравне с маленькими лунными кратерами. А происхождение их одинаковое — и там и тут вулканические извержения. Здесь взрыв вулканических газов прорвал горизонтальные покровы излившихся ранее лав и образовал в них круглый канал. Эта трубка взрыва, вероятно, заполнена продуктами раздробления лежащих глубже пород. Теперь дно ее занято озером.

С перевала мы не могли сначала отличить, где кончается низкий пьедестал гор, полого спускающихся к озеру с севера и запада, и где начинается лед озера. Как только мы спустились с перевала, Тнелькут решил стать у подножия горы, где он нашел под твердым снегом сносный корм. Но нам для астрономического пункта нужно было приметное место, и Ковтун выбрал плоский холм, поднимавшийся на низком пьедестале гор, полого спускавшихся к озеру. Мы спустились туда с частью каравана. Навстречу поднимались дельфиньи морды крепких заструг, некоторые из них достигали более метра высоты. Толстый мальчик, который вел караван, двигался все медленнее и медленнее: ему не хотелось еще утомлять оленей для такой бессмысленной стоянки на холме, на камнях. Мне пришлось взять от него поводок, чтобы вести оленей туда, куда нам нужно было. Несколько минут он шел с надутым лицом, потом резко вырвал у меня из рук поводок: очевидно, я недостоин исполнять такое ответственное дело.

Сегодня, как говорят геодезисты, может быть, будет «ночь», т. е. ясное небо, и Ковтуну удастся произвести

астрономические наблюдения. Поэтому, едва поставив палатку, мы начинаем подготовку к ночи. Надо поставить мачту, натянуть антенну, наладить радио для приема сигналов точного времени, установить и выверить инструмент. И наконец, надо сварить обед. Мы едва справляемся со всем этим к наступлению темноты.

Ночь довольно скверная, звезды все время заволакиваются облаками. Ковтун успевает отнаблюдать очень мало звезд: погода портится, и он разрешает мне заснуть (я веду записи под его диктовку). Сам он остается еще дежурить, но скоро небо совершенно закрывается, и он тоже лезет в мешок.

280 Хотя для хорошего астропункта нужна целая ясная ночь, но мы не можем долго стоять здесь; утром приходит Тнелькут и говорит, что они изрубили на дрова одну нарту и собираются сегодня использовать несколько жердей от яранги. Здесь совершенно нет кустов. Летом еще удается кое-где найти мелкие кустики толщиной в карандаш, но сейчас их не отыщешь под снегом.

21 февраля на озере с утра лежит легкий туман. Я предпринимаю экскурсию через озеро на восточный берег. Пологий пьедестал гор (вернее, равнина), на краю которого мы стоим и который мы сначала принимали за поверхность озера, очень широк. Только пройдя пять километров, я достигаю берега озера. Два плоских береговых вала, состоящих из неокатанных кусков липарита и туфа, окаймляют озеро. Лед гладкий, без торосов, только редкие тонкие трещины кое-где пересекают его ровную поверхность.

Интересно было бы дойти до середины озера, пробить лед и смерить глубину. Когда в 1933 году я глядел на озеро сверху, с самолета, оно было темное, кобальтово-синее; значит, глубина его велика (как и должно быть у кратерного озера). Что таится под этим толстым льдом? Чукчи говорят, что здесь водятся большие рыбы.

Но у меня нет ни времени, ни нужных для исследования озера приборов. Этим займется когда-нибудь специальная экспедиция, которая сможет пробыть здесь десяток-другой дней.

Сегодня был зловещий восход — пять полос красных облаков, мрачная впадина, полная тумана, безмолвие этого страшного безлюдного места, настороженные морды мертвых дельфинов-заструг. Странное, жуткое место! Когда я буду писать роман о жизни на Луне, я помещу своих героев в такой кратер. Особенно мрачно озеро ночью, когда черные зубцы гор чернеют на лунном небе,

половина впадины в тени и белесая пелена тумана закрывает все ее дно.

Погода не сулит ничего хорошего. Барометр со вчерашнего дня поднимается — значит, скоро будет ветер с севера. Так как мы перевалили через ветрораздельный гребень Чукотки, то ветер будет здесь дуть при повышении барометра, в то время как на северном склоне он дует при уменьшении давления. Наверно, уже вечером пурга будет рвать палатку.

После прогулки по льду озера я взбираюсь на склон восточных гор. Так же как и северная часть кольца, они были сложены горизонтальными потоками разноцветных лав.

Я отдыхаю на одной из вершин и еще раз рассматриваю озеро. На юге виден единственный разрыв в этом непрерывном кольце гор: здесь вытекает небольшая река Энмуваам. Дальше к югу местность мне хорошо знакома по полетам 1933 года. Я помню, что эта река извивается тонкой линией по нагорной равнине, покрытой лавами, и затем в желтом каньоне течет на восток, в реку Белую. Выход реки из озера стерегут две пирамидальные горы. Нигде не видно ни следа жизни, все холодно и мертво; только черные камни и белый снег и лед.

«Ночи» для Ковтуна сегодня нет. Как только я вернулся, начался северный ветер, сначала слабый, затем все сильнее и сильнее. Палатка начинает прогибаться все больше; мы подпираем ее изнутри лыжами и шестами, но северная стенка по-прежнему выгибается внутрь. Всю ночь трепещет палатка, и мы ждем, что вот-вот она обрушится на нас. Никаких астрономических наблюдений при таком ветре, достигающем 20 метров в секунду, вести, конечно, нельзя. Да и небо закрыто низкими черными облаками. Только на короткое время в щель между этим черным покровом и черными зубцами гор выглянула луна.

Утром 22-го ветер продолжается. Оставаться здесь больше нельзя. Придется удовлетвориться наблюдениями первой ночи, дающими точность, достаточную для нашей карты.

Складывать палатку в пургу не очень-то легко. Она рвется из рук, и никак нельзя ее свернуть по всем правилам. Но все повеселели: мы едем назад, уходим от этого страшного озера, где отмерзают носы и руки, где нет дров. Отдохнувшие олени бодро идут против ветра на перевал. И как только мы переваливаем и спускаемся в верховья Малого Чауна, тотчас стихает ветер, прекращается свист и вой поземки, легкий пушистый нетронутый снег лежит на насте.

Здесь, вероятно, на днях подует другой ветер, с юга, который будет с силой скатываться по этому северному склону. Но сейчас воздух тихонько взбирается отсюда на перевал, не тревожа даже легкую пелену свежего снега.

Назад в Чаунскую культбазу

Кто знает, что за границей встречаются
двойные лишения?
При суровом холоде спят под открытым
небом на земле и песке;
Не спрашивайте, что служит для них
утренней и вечерней пищей —
Кусок сушеной баранины да полчашки
квашеного молока.

Фань Шао-куй.
Путешествие в Монголию. 1721

Обратный путь совершается в быстром темпе. Мы идем прямой дорогой по правой вершине Чауна. Снег глубже и глубже. Ночью доходим до перевала на правый приток.

Глубокие снега на подъеме, и олени выбиваются из сил, падают, караван часто останавливается; мы поднимаем оленей, перегружаем груз с одной нарты на другую. Тегрине взволнована, ей кажется, что олени совсем погибнут. Тнелькут, как всегда, уехал вперед.

Только очень поздно, уже в полной темноте, мы взбираемся на перевал и находим Тнелькута на седловине — здесь ночевка. Спуск на север очень крут. Когда мы шли на озеро, Тнелькут опасался, что олени не взберутся по глубокому снегу, и провел нас кругом, минуя этот перевал.

На другой день Тнелькут сводит нарты поодиночке, а мы с Ковтуном, навалившись на нарту грудью, тормозим ногами, бороздя снег.

Несмотря на снег и усталость оленей, обратный путь пройден в три дня. Последний день идем до поздней ночи. Все торопятся домой. И мы чувствуем, что тоже едем домой. Да и пора: наши спальные мешки совсем замерзли, вечером их трудно даже раскрыть. А когда залезаешь в мешок, конечно уже не раздеваясь, в меховых штанах и куртке, то чувствуешь, как постепенно покрываешься

тонким слоем льда. Вся одежда отсырела от быстрой ходьбы, а в мешке, когда закроешься с головой, за ночь еще прибавляется сырости от дыхания.

Поэтому возвращение в ярангу Тнелькута, в теплый полог, для нас большая радость. Уже несколько дней как мы с Ковтуном предвкушаем это удовольствие, мечтаем, как мы разденемся, будем сидеть в тепле, руки не будут замерзать, нам подадут готовое вареное мясо, мы не будем складывать и выбивать палатку.

Первое, что мы делаем, попав в полог,— снимаем меховые сапоги, вывертываем их и выскребываем лед, который за эти дни накопился внутри. Чукчи глядят с сочувствием, они хорошо понимают, как опасно проводить целые дни на морозе со льдом в плектах.

У Тнелькута опять большое общество. Приехал Ятыргын, здесь опять обе старухи, молодая жена Тнелькута с ребенком, которая раньше была в другой яранге. Так как мы приехали ночью, то наши женщины ставят свой полог в той же яранге, рядом с другим пологом, и все общество собирается к ужину вместе.

Сладок отдых в родном доме, даже когда дом так прост и грязен. И чем он примитивнее, тем яснее чувствуешь, как важно иметь кров для защиты от суровой природы.

Следующий день мы проводим у Тнелькута; опять надо зарезать оленя и собраться к поездке в Чаунскую культбазу. После тяжелого путешествия к озеру женщины решают отдохнуть, и полог не снимается, несмотря на хорошую погоду. Обе старухи с утра стрекочут, и Тегрине продолжает длинный рассказ о поездке, который она начала вчера. Это очень подробный и красочный отчет, и я разбираю, что речь идет и о нас.

Днем, когда я возвращаюсь из экскурсии на соседнюю гору, старухи все еще сидят и разговаривают. Они достали себе угощение — на тарелке лежат какие-то темно-зеленые кубики. Я хочу попробовать, но старухи отговаривают: «Это наша еда» («Мургин роолькаль»). Но я вижу, что это знаменитое «рилькэриль», которое описывают все путешественники XIX века,— содержимое оленьего желудка, полупереваренный мох, и мне обязательно хочется его отведать. И я съедаю кусочек, но только один: когда он растаял во рту, у него был натуральный запах навоза. Рилькэриль (или «моняло» по-колымски) отцеживают через волосяное сито, густой остаток выбрасывают, а жидкую кашицу хранят. Обычно ее смешивают с кровью и жиром и все вместе варят. В горячем виде эту «опангу» едят, погружая в котел пальцы и потом облизывая их.

На Чукотке раньше было очень мало растительной пищи, и поэтому чукчи использовали скопившийся в желудке оленя запас хорошо перетертой зелени, которая так нужна для организма человека. Чукчи собирают в тундре и употребляют в пищу до 18 видов съедобных растений.

После двух ночей, проведенных в яранге Тнелькута, мы уехали к устью Чауна. На этот раз Тнелькут взял с собой только мальчика и Кергируль: он рассчитывал большей частью ночевать в попутных ярангах.

Мы направились по Чаунской равнине вдоль реки Мильгувеем. Места уже знакомые, мы надеемся, что скоро дойдем до рыбаков, но Тнелькут получил неприятную для нас «пыныль» (новость).

Обязанность каждого приезжающего в гости рассказать пыныль: кто где стоит, куда откочевал, одним словом, все события в тех ярангах, откуда он едет. Это очень важно, ибо иначе чукча, не любящий ночевать в тундре, не может рассчитать своих переездов. А имея пыныль, он знает, где глубокий снег, где выбит корм, где больны люди или олени.

Пыныль Тнелькута о рыбаках сообщает, что они откочевали ниже по реке. Сегодня мы не успеем дойти до них, и придется опять ночевать в тундре, в палатке. Мы было рассчитывали на полог Тнелькута (старухи ведь нет), но как раз подъехали два путника, один из них — товарищ Тнелькута по стойбищу, и полог опять набит до отказа.

Здесь много кустов по руслу Мильгувеем, но в палатке у нас все равно нет печки, и мы еще раз залезаем в мерзлые мешки.

26-го мы доходим до впадения реки Мильгувеем в Чаун, где стоят чукчи-рыболовы. Нас встречают в ярангах везде приветливо, и мы сами, и аэросани стали привычными для жителей Чаунской равнины. Вечер проводим в пологе Котыргына. Он при свете эека искусно мастерит крючки с мушками для ловли гольцов. Против яранги прорублены проруби, и весь день мужчины сидят возле них с удочками. Улов иногда бывает значителен — до 10—15 рыб на человека в день, а каждая рыба весит до двух килограммов. Более крупные гольцы сюда, по-видимому, не поднимаются.

Поэтому мы едим сегодня деликатес — строганину из гольца. Строганина, мерзлая рыба, настроганная на тонкие стружки, вообще вкусна, а из гольца особенно. Затем нас угощают вареной рыбой, и верх роскоши — мороже-

ным хлебом. В этом стойбище сейчас находится разъездной агент Чаунской фактории, и в обмен на пушнину он продает сахар, хлеб, табак. Наши запасы давно кончились, и хлеб после мясной диеты кажется очень вкусным.

Ночью Котыргын вдруг вскакивает и начинает петь. За ним вскакивает его жена и вторит ему. Через две-три минуты оба падают на шкуры и опять засыпают. Потом я узнал, что они оба шаманы.

Среди чукчей в то время еще были профессиональные шаманы, и, кроме того, каждый хозяин умел шаманить частным образом, в маловажных случаях. В 1935 году внешне шаманы уже не имели власти в тундре, но подпольное влияние их, о котором русским трудно догадаться, было еще сильно.

Непонятные для нас поступки чукчей объяснялись иногда этим влиянием шаманов.

Мы путешествуем по-прежнему: Тнелькут с утра остается пить чай и есть мороженое мясо, Кергируль ведет нас вперед; затем в середине дороги Тнелькут догоняет караван, осматривает, все ли в порядке, и уезжает к месту ночевки.

Сегодня мы проходим только 13 километров — до стоянки другой половины членов той же рыболовной артели, пасущих здесь оленей. Три яранги среди равнины, рядом белые купола мерзлотных бугров, а вдали знакомый силуэт большой горы Нейтлин, стоящей к западу от селения Чаун. Нам остается до него только 50 или 60 километров.

Снег кругом истоптан оленями и людьми. Много детей, много проезжих — это последнее стойбище перед Чаунским селением. Тнелькут, как квартирмейстер, отводит нас в ярангу, где мы должны ночевать. Чтобы разместить всех, поставят еще запасной полог. Это делается быстро, и так же быстро полог нагревается, стоит в нем посидеть 15—20 минут. Мы уже не находим странным, что чужие люди встречают нас так ласково, уступают часть своей скудной еды и еще более скудной кубатуры своего жилища и принимают как почетных гостей. Понятно, что, приехав в русское поселение, чукча будет глубоко оскорблен, если в таких больших, теплых и сытых домах ему не найдется ни пристанища, ни пищи. И мы после этой поездки гордились, когда о нас чукчи говорили: «В Певеке только в доме экспедиции хорошо принимают — они совсем как чукчи».

Как хозяин дома чукча-оленевод большей частью очень приятен. Другое дело — быть работником и особенно

работницей богатого кулака-оленевода. Мы видели иногда, как дифференцировались куски при раздаче — лучшее гостям первого сорта и хозяину, затем идут гости второго сорта, работники и последние — жена и работницы. Старая чукотская пословица говорит: «Раз ты женщина, ешь остатки».

Сегодня мы сидим в обществе двух очаровательных ребятишек, мальчиков двух-трех и пяти лет. Изумительно красив младший — странно видеть здесь такое точеное лицо, похожее на амуров итальянских художников, с тонко очерченными губами и правильным носиком. Они оба смотрят на нас с любопытством, черные глаза блестят в полутьме.

Перед сном мать кормит грудью старшего, он сосет ее, сидя рядом с ней, а младшему, чтобы он не соскучился в ожидании очереди, мать дала папироску. Он держит ее в растопыренных пальчиках с изящным жестом курящей дамы и время от времени неумело затягивается. Это зрелище совсем не исключительное: чукотские ребята начинают курить трубку очень рано, а мать кормит грудью очень долго — иногда лет до шести.

Этой ночью было жарко: в пологе набилось много народу; и когда я зажег ночью спичку, то увидел раскиданные меха и тесно прижатые одно к другому темные, блестящие тела. Ребенок поднял головку и удивленно посмотрел на меня.

Тнелькут решил оставить здесь свою ярангу и спутников, взять только хороших оленей, занять свежих в стойбище (у чукчей очень обычны эти формы взаимной помощи) и доехать в один день до Чаунского селения. Ведь по дороге негде ночевать — нет яранг. С нами поедет и хозяин той яранги, где мы ночевали, и поможет в пути.

Утро начинается поэтому вылавливанием десятка нужных оленей из всего здешнего стада. Оленей прогоняют взад и вперед, трое мужчин приседают на корточки, взвивается чаат — и большей частью летит мимо. Снова загоняются олени, снова свиваются кольца чаата, пока все десять быков не привязаны к нартам; Тнелькут и его друзья, мокрые и гордые, идут пить чай на дорогу.

Кергируль выглядывает из яранги и приветливо смеется на прощание. Она простоволосая, и темный красивый керкер широко раскрыт, несмотря на мороз. Ей, наверно, очень хочется попасть в столичный город Чаун, но что делать. «Раз ты женщина, то молчи»,— говорит чукотская мудрость. Но, кажется, время пробило уже

значительную брешь в этой мудрости, если судить, например, по Эйчин.

Свежие олени идут хорошо, и, несмотря на тяжелые грузовые нарты, они иногда бегут рысцой. Я не раз уже уговаривал Тнелькута попробовать парную упряжку, принятую на западе у якутов и эвенков, и вести нарты одна за другой, особенно в глубоком снегу в горах. Но он, несмотря на свою практичность и действительно острый и быстрый ум, отказывается: «Наши олени дикие, их нельзя запрягать парой. И они не привыкли, чтобы шлея шла с левой стороны». И даже в легковых нартах, при парной запряжке, оба оленя несут шлею через правое плечо и мешают друг другу, переступая через постромки.

Я долго не мог понять причину такой упорной приверженности чукчей к старинной, явно неудобной запряжке, пока не нашел у путешественника Крашенинникова, изучавшего в XVIII веке Камчатку, указание на то, что коряки, народ родственный чукчам, при похоронах везут покойника на нарте и при этом «лямки таким оленям кладут на левые плечи, а не на правые, как сами ездят». Вероятно, и у чукчей, если не сохранился самый обычай, то крепко еще предубеждение против применения ритуальной похоронной запряжки для кочевки*.

Равнина тянется до горизонта. Вдали белеет гора Нейтлин, и Тнелькут держит путь несколько вправо от нее, чтобы выйти к культбазе. Никто не попадается нам сегодня, кроме редких куропаток с красными бровями. Километр за километром уходят назад. Хорошо ехать с самим хозяином, который хочет поспеть к ночи в теплую избу!

Дни стали длиннее, но все же дня не хватает на этот длинный перегон. Вечерняя дымка закрывает горизонт, и Нейтлин становится все призрачнее. Серо-белые облака, кажется, ложатся на равнину. Мы уже давно вышли к полосе кустов русла самого Чауна и идем вдоль нее, чтобы не сбиться с дороги в этой равнине. Но скоро надо будет взять влево: Чаун здесь отклоняется на восток, и нам придется пересечь сеть проток вблизи его дельты.

Совсем темно. Мы спускаемся в большое русло, под снегом чувствуется лед. Наверно, это Пучевеем, большой левый приток Чауна. По нашим расчетам, культбаза долж-

---

* В собранных В. Богоразом материалах есть указания, что чукчи при похоронах раньше также запрягали оленей через левое плечо.— *Прим. автора.*

на быть на северо-северо-востоке. Мы прикидываем даже по компасу, куда нужно ехать.

В поведении Тнелькута с наступлением темноты замечается какая-то неуверенность: некоторое время он ведет караван с колебаниями то вправо, то влево, советуется с другим чукчей, потом останавливается и спрашивает, куда, по-нашему, надо ехать. Мы поражены, как громом: с таким вопросом обращаются к нам, русским, которых чукчи называют снисходительно «танечхын» в отличие от «настоящих людей» — «луораветлан», чукчей; спрашивают русских, которые, по мнению чукчей, совершенно непригодны для жизни в тундре. Но вопрос задается серьезно и исполнен доверия к компасу. Едем некоторое время по компасу. Но опять Тнелькут останавливается и говорит, что дальше ехать нельзя. Почему? — Не видно направления. Надо ночевать здесь, иначе будем плутать, не попадем в культбазу и заморозим оленей.

Этот вечер был завершением долгого спора, который начался у нас давно, еще в палатке у холмов Нгаунако, о том, обладают ли чукчи особым инстинктом, позволяющим им ориентироваться в тундре, или они находят дорогу по признакам вполне реальным, которыми можем пользоваться и мы. Ковтун был ярым защитником последнего положения, и он сегодня торжествует. Вспомните: сначала Ятыргын, который поручил нам вести караван в пургу, указав признаки, весьма простые и ясные; потом Тнелькут, который во время снегопада нашел дорогу в свои яранги, только упершись в склон знакомых холмов; наконец, сегодня все время Тнелькут вел нас по ясным ориентирам, хорошо известным и нам, по горе Нейтлин и кустам Чауна, а потеряв их ночью, должен был сдаться. И, несмотря на наши протесты — мы были всего в 10 километрах от культбазы и надеялись найти ее,— Тнелькут не захотел ехать дальше.

Когда мы распрягли и отпустили оленей (это «приличное» для мужчины занятие, и мы к нему приобщились с самого начала), Тнелькут энергично начал нам помогать ставить палатку. Оказалось, что, хотя он ни разу не принимал участия в постановке палатки, он очень хорошо все заметил и теперь помогал быстро и умело.

В этот вечер мы постарались отплатить чукчам за их гостеприимство, но из жалких остатков русских продуктов мы могли предложить им только коробку консервов и немножко сухарных крошек, пахнущих к тому же бензином после долгого пребывания в аэросанях. Местные блюда были представлены богаче — строганина и мороженое

мясо. Наши спальные мешки, сделанные из двух отдельных легких мешков, вложенных один в другой, мы поровну разделили между всеми четырьмя, но один из гостей отнесся к ним скептически — он повертел мешок и, подложив его под голову, заснул на брезентовом полу палатки не раздеваясь. Тнелькут, как человек с пытливым умом, залез для опыта в мешок. Ночь теплая, градусов двадцать, и даже в наших мерзлых мешках тепло.

Несмотря на медленный темп нашей поездки к озеру, в назначенный срок, точно 1 марта утром, мы будем в Чаунском селении. До культбазы осталось два часа езды, не больше. Начинают попадаться признаки жилья: вехи, поставленные для указания направления, след чьих-то нарт. А вот сквозь утренний туман видно какое-то черное животное, быстро пробегающее вдалеке в тундре. Кажется, бык, отбившийся от стада. Но чукчи качают головой — что-то очень не похож этот зверь на оленя.

Немного спустя сзади слышится шум мотора, и по нашим следам показываются аэросани — это и есть таинственный бык из тумана. Наши механики, считая, что сегодня прошел срок, назначенный нами для поездки на оленях, отправились искать нас в тундру. Обнаружив место нашей стоянки, следы палатки и банку от консервов, они бросились вдогонку по следам и до того напугали оленей нашего каравана, что те сбились в кучу и опрокинули нарты с астрономическими инструментами. Нарты, которые мы так берегли всю дорогу от толчков и ударов!

Я отправляю Тнелькута на аэросанях, и сам доезжаю до селения на оленях. Мне хочется доставить Тнелькуту, которого я искренне полюбил за это время, не испытанное еще им удовольствие — прокатиться на «колё-оргоор».

Неужели не уедем?

Путешествие в тысячу верст начинается
с одного шага.

Лао-Цзы (VII век)

По программе работ нашей экспедиции после ознакомления с районом Чаунской губы предполагалось пройти на оленях 600 километров на юго-запад, через хребты

Анюйские и реку Малый Анюй, и выйти на реку Большой Анюй; здесь весной построить лодку и сплыть до Нижне-Колымска. Эта поездка необходима была для того, чтобы дать предварительные общие сведения о географии и геологическом строении большой области, в 1935 году совершенно неизученной и очень интересной.

В декабре, во время своей поездки в тундру, председатель Чаунского райисполкома Тыкай и его русские спутники должны были, между прочим, по моей просьбе организовать также и транспорт для перевозки нашей экспедиции на Большой Анюй, приток Колымы. Приехав в западные стойбища Ильвунейского нацсовета, они со-

звали собрание чукчей и предложили им распределить между собой выполнение этой задачи.

Чукчи решили, что перевозку должен принять на себя кулак Теркенто, так как у него больше всего оленей — до трех тысяч и он, прикочевав сюда недавно из Анадырского района, не выполнял еще никаких повинностей. Несмотря на щедрую плату, которая была обещана мною за транспорт, чукчи рассматривали эту работу как тяжелую повинность, так как поездка за пределы их обычных кочевок должна была надолго отвлечь оленей.

В Якутии, где я раньше работал, организация перехода оленьего каравана за 600 километров представляла самое обычное дело, но, покочевав с чукчами, я понял, насколько для них такая поездка по новым и далеким местам тяжела и неприятна.

Но Теркенто, привезенный к Тыкаю из глубины хребтов, согласился дать оленей и сам назначил, что он хочет получить за транспорт. Плата эта, в том числе такие соблазнительные для чукчей вещи, как место чаю (то есть 80 кирпичей) *, два ящика плиточного табака, медные чайники и котлы,— все это было привезено нами в Чаун. К 1 марта олени должны были прийти в Чаун; сам Тыкай перед отъездом из тундры проверил, что нарты уже отправлены.

Но, еще не доехав до культбазы, я получил «пыныль», что далеко не все в порядке. Олени поданы очень сухие и не смогут довезти нас до Большого Анюя. В Чауне эти слухи подтвердились: те, кто видел оленей, отзывались о них очень плохо. Я поспешил вызвать работников Теркенто, приведших нарты. К вечеру явился один из

* Место чаю — тюк кубической формы, плотно упакованный и обернутый расщепленными стеблями бамбука. Заключает 80 кирпичей черного чая, каждый весом в 1 килограмм.— *Прим. автора.*

них, парень низкого роста, с одутловатым лицом, по имени Лютом. Он заявил, что олени могут довезти нас только до гор (то есть до окраины Чаунской впадины, не более 100 километров), так как они очень слабы. И что еще неприятнее, Тыкай сговорился с Теркенто, что нас доставят до Уттувеем («лесная река»), то есть до Малого Анюя, который лежит гораздо ближе, чем Большой Анюй.

Очевидно, Тыкай не знал, что Большой Анюй называется по-чукотски Вильхвильвеем («березовая река»), и перепутал реки. Мы и сами узнали чукотские названия этих рек, только поездив с чукчами. А в Певеке осенью мы могли сообщить исполкому только русские названия. Все исследования обоих Анюев велись до сих пор с Колымы, и в научной литературе не упоминались их чукотские названия.

Проводник Вео, который должен был приехать в Чаун также к 1 марта, еще не показывался, и «пыныль» сообщала, что он кочует где-то очень далеко. Необходимо было вмешательство исполкома, чтобы снова наладить дело,— и вмешательство быстрое, так как при медлительности чукотского транспорта переезд на Большой Анюй будет продолжаться не меньше двух месяцев.

Поэтому на следующий день, 2 марта, мы выехали на аэросанях в Певек. Теперь мы решили не ездить прямо через губу, так как на этом пути слишком много торосов, а обогнуть ее вдоль восточного берега.

Первая часть пути по тундре дельты Чауна и потом по морскому льду до мыса Турырыв отвратительна. Сани так сильно бьет о крепкие заструги и мелкие торосы, что кажется, от ударов сейчас развалится голова.

Мы обгоняем нарту с тремя чукчами, сегодня рано утром они выехали в Певек. Мохнатые собаки бегут мелкой рысцой. Путь в Певек на собаках совершается в лучшем случае за сутки — это очень хорошая скорость. В пургу и на плохих собаках едут иной раз и трое суток.

От утесов Турырыва Денисов ведет большие сани по льду к Млелину, а Яцыно на малых санях пробует найти более ровную дорогу кругом по тундре и береговому пляжу.

После оленей поездка на аэросанях захватывает, и хотя лицо все еще мерзнет (теперь теплее, чем в феврале, но днем все же 20 градусов мороза), но начинаешь уже наслаждаться быстрой ездой.

Мы летим по узкой ровной береговой полоске пляжа, вдоль обрывов берега, и сани развивают скорость до семидесяти километров. Жутко и весело.

От мыса Млелин мы проходим опять по торосистому льду прямо к мысу Валькумей. Теперь остается только 15 километров, через четверть часа мы и дома. Но как только мы заворачиваем за мыс, нас захватывает пурга — воздух скатывается с Певекской горы со страшной быстротой и метет. Море покрыто пеленой струящегося снега. Сквозь поземку не видно, где мы едем, не видно торосов и трещин.

Через несколько минут раздается зловещий треск. Аэросани соскочили с плоской небольшой льдины, и ее край ударил по тяжу, укрепляющему лыжу; удар так силен, что тяж вырвался, свободным концом ударил по

винту и срезал оба конца последнего. Осмотрев повреждение, мы с Яцыно все же пытаемся добраться по дому. Заводим опять мотор — в пургу это очень трудно — и пробуем двинуться. Но движущая сила винта сильно уменьшилась, и, пройдя несколько метров, сани останавливаются.

Вскоре показываются большие сани. Мы перегружаем в них важнейший груз и добираемся домой. К малым саням для смены винта придется вернуться, когда кончится пурга.

В Певеке обстановка была далеко не благоприятна для нашей экспедиции. На днях должен был начаться районный съезд, второй за время существования Чаунского района, и, конечно, исполком не мог командировать в тундру никого из своих руководящих работников. В конце концов было решено, что поедет Эттувий, бывший председатель Чаунского нацсовета, чукча энергичный и близкий к состоятельным оленеводам.

Когда организовали для нас транспорт на Анюй, то один из ильвунейских чукчей, богатый оленевод Ионле, сказал: «Если Теркенто не повезет, то я сам повезу». Теперь Эттувий и должен был добраться до Ионле, стоявшего в 100 километрах от Чауна, и предложить ему выполнить обещание.

Для аэросаней после двадцати дней отдыха наступила жаркая пора: они должны были почти ежедневно циркулировать между Чауном и Певеком. Сначала они отвезли в Чаун Эттувия и будущих членов нашей оленной экспедиции — Перетолчина и Курицына — вместе с необходимым грузом.

Обратным рейсом сани выполнили целый ряд работ для исполкома: привезли пять чукчей-делегатов на съезд, рыбу для певекских собак, оленье мясо (целых пять туш) для жителей Певека.

В следующий рейс отправились мы с Ковтуном, захватив остальной груз сначала на двух санях; вблизи Певека с малыми санями опять случилась авария, и попытка пройти дальше на больших санях потерпела фиаско: густой туман покрыл море, и даже накатанную за эти поездки аэросанную дорогу не было видно. Пришлось вернуться, и лишь на следующий день, 9 марта, мы все собрались в Чауне. Эттувия еще не было, но я послал за присланными Теркенто оленями, стоящими в нескольких километрах от культбазы, чтобы завтра выехать на них в сторону стойбища Ионле.

На другой день явился Укукай и сообщил, что вместо тридцати нарт, необходимых нам для людей и груза, Теркенто прислал только 14. Остальные заняты ярангой и имуществом пастухов, которые поедут с нами. Кроме того, он еще раз подтвердил, что олени совершенно истощены и даже на эти 14 нарт нельзя особенно полагаться. Проводник Вео также еще не явился.

Таким образом, мы не можем даже двинуться из Чауна. Ближе чем за 100 километров новых оленей не достать. Надо послать опять нарочного к окраине гор. Мне удается уговорить нацсовет, чтобы командировали Укукая на собаках к оленеводам.

Наутро опять неудача: собак в Чауне только две нарты и сейчас они в разгоне. Приходится для Укукая взять оленей из стада Теркенто с риском, что они совсем выбьются из сил.

А между тем дни идут, и скоро уже нельзя будет вообще ехать на Большой Анюй — остается слишком мало времени до таяния снега.

12-го в 10 часов утра наконец возвращается Эттувий и с ним Ионле. Это плотный, крепко сбитый человек средних лет, с тяжелым лбом, тупым коротким носом, с умными и хитрыми глазами. Он коротко острижен, но с обеих сторон головы висят маленькие черные косички. Ионле входит к нам в баню уверенно и тотчас забирается с ногами на постель. Он чувствует за собой силу своих двух тысяч оленей и свой вес — одного из самых богатых оленеводов тундры.

Все его дальнейшее поведение показало, что главная его цель — это охрана целости своего стада, своего влияния на окружающих бедняков и что все мероприятия Советской власти он оценивает именно с этой точки зрения.

Не вступая в открытый конфликт с райисполкомом, он старается за кулисами провести свою линию и парализо-

вать те нововведения, которые он считает вредными для своего благосостояния.

Разговор с Ионле крайне неутешителен: он совсем не собирается везти нас на Большой Анюй. Подряжался Теркенто, а не он, дорога трудная, далеко, да и вообще поздно. Проводника нет, Вео кочует медленно, и неизвестно, когда прибудет.

Положение как будто безвыходное. Есть только один способ — сделать очную ставку Ионле с Тыкаем, которому он обещал обязательно организовать наш транспорт. И в полдень мы уже мчимся с Ионле и Эттувием на больших аэросанях в Певек. Теперь эта поездка отнимает у нас всего 3 часа 40 минут и, когда сани в полном порядке и видимость хорошая, выполняется быстро и просто.

День длинный — скоро ведь равноденствие,— и при желании можно вернуться в тот же день обратно.

В Певек мы приезжаем как раз к открытию районного съезда. Это знаменательный день в жизни Чаунского района. Первый съезд был созван в самом начале организации Чаунского района, когда этот район был только что выделен и районные организации еще не успели развернуть свою работу. Сегодня чукчи, собравшиеся из самых отдаленных частей района, смогут подвергнуть оценке и критике работу районных организаций и наметить пути дальнейшей работы.

Круглый дом клуба набит битком. Все скамейки заняты людьми в мехах, с черными волосами и темными лицами. Они внимательно выслушивают речь председателя райисполкома Тыкая. Он хороший оратор — по лицам слушателей видно, что речь интересна и убедительна. Затем говорят русские — члены райкома и райисполкома и несколько чукчей-делегатов.

Только поздно вечером Тыкай мог переговорить с Ионле. Утром беседа была продолжена — я провел Ионле к Тыкаю, когда тот еще спал; в конце концов Ионле дал обещание доставить нас на Большой Анюй на своих оленях.

Я уже хорошо понимал тактику Ионле, его хитрую уклончивость, и мне это обещание показалось простой увerткой, чтобы отсрочить время и не вступать в открытый конфликт с райисполкомом. Поэтому я опять просил райисполком командировать со мной до стойбища Ионле ответственное лицо, которое бы добилось выполнения обещания. Но до окончания съезда нельзя было оторвать никого для поездки, и мне пришлось удовлетвориться категорическими заверениями, что на обещание Ионле можно положиться.

Тотчас, не теряя ни минуты, мы выехали на аэросанях обратно в Чаун. Ионле поездка на аэросанях очень понравилась, и, может быть, только ради нее он согласился ехать в Певек.

Но в Чауне поведение Ионле подтвердило мое подозрение, что он дал обещание Тыкаю, только чтобы отвязаться: когда я предложил ему взять часть продуктов, предназначенных для уплаты за транспорт, он внимательно осмотрел их, но взял только немного сахару и чаю на дорогу. Он, по-видимому, опасался связывать себя получением аванса. В тот же день он уехал к себе в горы.

Снова неприятные дни ожидания в Чауне — когда же приедет Укукай с оленями? День, другой, третий, четвертый, и только 17-го приезжает Укукай. Он доволен: с ним 16 нарт хороших, жирных, как говорят на Севере, оленей. Но о Вео неприятные сведения: тот откочевал на север и не хочет ехать с нами. Какая-то злая рука систематически мешает нашей поездке.

И плохие олени Теркенто, и уклончивая тактика Ионле, и бегство Вео — все звенья одной и той же цепи. Это влияние все еще сильной группы богатых кулаков-оленеводов, которые стараются проводить в тундре свою политику и помешать тем мероприятиям Советской власти, которые они считают для себя вредными. Наверно, и шаманы приложили здесь руку.

Все медленнее и медленнее

Месяц очень плохой — Ленеон, для скотины тяжелый,
Бойся его и жестоких морозов, которые почву
Твердою кроют корой под дыханием ветра Борея.

Гесиод
(VIII век до нашей эры)

Новая наша кочевка с чукчами (иначе как кочевкой нельзя назвать передвижение экспедиции в условиях Чукотки) грандиознее, чем предыдущая. Кроме 30 нарт для нас и груза в караване еще до пятнадцати груженых нарт с имуществом чукчей — погонщиков оленей и шесть легковых нарт.

На этот раз после моего категорического требования мне также дали легковую нарту, и геологические исследования будут обеспечены лучше.

Наш караван растягивается на полкилометра. Впереди идет на легковой нарте один из работников Теркенто, обычно старший, Теулин («гребец»). Его брат Лютом большей частью ведет одну из связок.

Третий чукча, Лейвутегын, огромный детина большой физической силы, гонит стадо запасных оленей и самок, предназначенных на убой.

Чукчи для себя убивают очень часто самок, потому что их мясо жирнее и нежнее. Постановлением райисполкома

запрещено колоть на продажу самок: в правильно ведущемся оленеводческом хозяйстве число самок должно значительно превышать число самцов.

Наше стадо, около пятидесяти голов, идет то параллельно с караваном, то позади, то сбоку, и свободные олени, врываясь в ряды нарт, пугают и путают упряжных. У нас очень разнородный состав каравана: олени Теркенто сильно истощены и везут плохо; олени, приведенные вчера Укукаем и принадлежащие ильвунейскому чукче Рольтыгыргыну, очень хорошие и идут бодро. Среди них есть и довольно дикие, особенно два-три молодых, которые запряжены в конце связок и везут жерди яранги. Эти жерди кладутся одним концом на маленькую короткую нарту, а другой конец в виде веера тащится по снегу. Так как этот груз не боится повреждений, то обычно в такую нарту запрягают необъезженных, молодых оленей. Когда к ним приближаешься, они храпят, поводят круглыми красивыми коричневыми глазами с налитым кровью белком. К чукотским грузовым оленям вообще не рекомендуется подходить с левой стороны — они шарахаются и даже опрокидывают нарты: они привыкли, чтобы их запрягали, подходя с правой стороны.

Зато легковые олени Теркенто совершенно смирные. Они измучены не только дорогой от гор в Чаун, но и постоянными разъездами в Чауне. Пока пастухи Теркенто стояли возле культбазы в ожидании нашего отправления, они все время ездили в гости, и в результате у легковых оленей торчат ребра и выступают углы таза. С таким караваном, где много слабых оленей, несмотря на то что груз на нарте не превышает 70 килограммов, мы будем двигаться медленно, и 15 километров в сутки — предел мечтаний.

В первый день мы останавливаемся в равнине, даже не доходя до горы Нейтлин.

Теперь мы везем с собой печку и предполагаем, когда войдем в горы, топить ее кустами, если только чукчи будут становиться достаточно близко к кустам. Но сегодня мы стали на открытой равнине без всяких признаков кустов, а ночь предстоит холодная. У нас с собой есть немного дров, но я уговариваю своих спутников поберечь их на то время, когда спальные мешки отсыреют и их надо будет сушить. Поэтому, несмотря на ночной мороз в 39 градусов, мы сидим в холодной палатке у маленького примуса; мы с Ковтуном с некоторым злорадством смотрим, как Перетолчин и Курицын, всю зиму прожившие в теплом доме, ежатся от холода.

Но наше положение теперь гораздо лучше, чем во время поездки к озеру. Воспользовавшись отсрочкой выезда, мы заготовили для всех рубашки из пыжика (весенний молодой олень) и настоящие северные «кукули» — спальные мешки из неблюя, молодого оленя осеннего убоя, вместо наших прежних холодных мешков из собаки и европейского тонкошерстного волка. Поэтому мы с Ковтуном чувствуем себя как в раю и дразним своих спутников неженками и домоседами. Только с четвертой ночевки мы начали останавливаться на ночлег у зарослей кустов и могли хорошо протапливать палатку.

Мы двигаемся вперед с утомительной, устрашающей медленностью, и достижение Большого Анюя независимо от того, даст ли Ионле оленей, становится сомнительным. С каждым днем мы проходим все меньше и меньше. Четыре дня идем до реки Лелювеем, впадающей в Чаунскую губу западнее горы Нейтлин. Здесь стоянка для отдыха грузовых оленей и усиленная работа для легковых, так как наши чукчи поедут в гости к чукче Лёлё, кочующему южнее в широкой долине реки.

Этот чукча — яркий пример того, как было трудно изменить быт чукчей. Лёлё был работником чукчи Котыргына (не того, у которого мы ночевали, а другого). Этот последний, по количеству оленей принадлежа к середнякам, тем не менее держал в своей власти всех окружающих чукчей и оказывал на них очень вредное влияние, проводя чисто кулацкую политику. По-видимому, он был также и тайным шаманом. В прошлом году между ним и Лёлё возник резкий конфликт: к работнику ушла вторая, молодая жена Котыргына и Котыргын избил обоих. Дело было передано в Чаунский районный суд, который приговорил Котыргына к принудительным работам, а его стадо решил разделить между двумя его работниками, не получавшими много лет достаточного вознаграждения.

Котыргын был доставлен в Певек, где прожил всю зиму со своей старой женой, и работал по распиловке и доставке дров с берега в культбазу.

В мае 1935 года, соскучившись по тундре, он ушел с женой пешком в Чаун и далее к своему стаду. А его работники между тем отказались принять стадо и продолжали его пасти, считая его принадлежащим хозяину. Ввод во владение должен был произвести Укукай, как председатель нацсовета, и он вертелся между двух огней, боясь испортить свои отношения с чукчами и не решаясь настаивать на выполнении постановления суда.

Положение работников в чукотском стойбище не соответствовало положению их в классово более дифференцированном обществе.

Очень хорошо дореволюционный быт и общественное устройство чукчей описаны в монографии Богораза «Чукчи». По Богоразу, в стойбище кроме хозяина стойбища — владельца большой части стада («человек из главного шатра», «силач», «переднедомный») — жили обычно еще «товарищи по стойбищу», или «заднедомные». Обычно эти товарищи, или помощники,— обедневшие чукчи, большей частью родственники, которые со своим маленьким стадом, в десяток-другой голов, присоединялись к стаду хозяина. Они должны были пасти стадо, и за это он выдавал им время от времени по своему усмотрению оленей на еду и иногда выделял некоторое количество европейских товаров, полученных в обмен на проданные шкуры оленей.

Никакого договора с работниками не заключалось, и вознаграждение зависело исключительно от усмотрения хозяина и от оценки им работы. Поэтому, когда работники были не середняками (более независимыми, имеющими еще достаточно своих оленей), а бедняками, то хозяйственные соотношения выливались зачастую в настоящую беззастенчивую эксплуатацию. Работник получал мало пищи, вел со своей семьей полуголодное существование, ходил в вытертой одежде, которая почти уже не грела. На его долю доставались иногда и побои.

Еще хуже было положение бедняков, достигших последней стадии разорения и совсем не имевших оленей. Если они не смогли попасть в постоянные работники к какому-нибудь богачу, они скитались от одного стойбища к другому, жили из милости, тяжело работали и систематически голодали.

Лютом и Теулин, ехавшие с нами, были такими «товарищами по стойбищу» кулака Теркенто, но сохранили еще

остатки независимости — несколько собственных оленей, которые сейчас остались в горах со стадами Теркенто. Хозяином этих оленей считался Лютом.

В нашем караване едут также жена и маленькая дочка старшего брата Теулина. Дочка сидит с матерью на нарте с очень серьезным видом; к этой же нарте привязана маленькая собачонка, жалкое воплощение могущественной силы, которая должна охранять нас от злых духов.

Каждое утро начинается обычной ловлей оленей. Но теперь нарт много, из них делается громадный полукруг, в него загоняется около сотни оленей. Мы все участвуем в этом важном деле: чем быстрее будет окончена запряжка, тем скорее мы двинемся. Даже маленькая девочка — ей всего года четыре — становится в ряд и замахивается на оленей ремнем. Одна лишь собака уныло сидит у своей нарты и старается спрятаться от многочисленных копыт, снующих мимо.

С каждым днем олени устают все больше и больше. Уже с середины дневного перегона начинают падать упряжные олени, их заменяют свежими из стада. Потом в стаде остаются лишь одни неприрученные мясные олени, и приходится брать оленей из легковых нарт, а сами нарты связывают попарно. Люди понемногу приучаются идти пешком.

Легковой выезд, на котором я рассчитывал разъезжать к отдаленным утесам, мне приходится вскоре бросить: два оленя не в силах везти меня даже по дороге, накатанной караваном, а мне надо отъезжать в сторону по свежему снегу. Раз, когда мы с Перетолчиным отважились на такую поездку, нам пришлось самим вынести оленя из снега. Да, совершенно серьезно, бедный олень увяз в глубоком снегу, и нам пришлось протоптать ему дорогу и потом на руках вытащить его на твердый наст. После этого мы тотчас же вернулись на дорогу, я взял лыжи и отправился вдоль утесов пешком. А пустая нарта с трудом дотащилась до стана.

Мы поднимаемся по широкой долине речки Нетпнейвеем к подножию горной цепи, отделяющей Чаунскую губу от бассейна реки Раучуван (или «Большой бараньей»), впадающей в море западнее. Плоские холмы с обеих сторон покрыты блестящим белым покровом снега. Только отдельные черные утесы вдоль реки да узкая полоска кустов нарушают монотонную белизну. Даже животные здесь совсем белые: и куропатки, и зайцы, пока они сидят смирно, похожи на комочки снега. И только глаза и черные кончики ушей выдают зайца, когда он сидит между кустами и боязливо смотрит по сторонам.

Знаете, почему у полярного зайца черные кончики ушей? В юкагирской (одулской) сказке, записанной В. Иохельсоном на Колыме, рассказывается, как один коварный старик притворился мертвым. Старуха позвала зайцев на поминки, и, когда доверчивые зверьки собрались вокруг покойника и дверь избы была заперта, старик вдруг вскочил и бросился ловить зайцев. Зайцы стали выпрыгивать через трубу камелька и при этом испачкали себе кончики ушей.

Курицын очень пристрастился к охоте, уходит далеко от каравана и постоянно приносит на обед куропаток или зайцев, которые подпускают человека близко, потому что чукчи очень мало охотятся за ними.

25 марта мы все еще двигаемся по долине той же речки Нетпнейвеем, но чукчи говорят, что до стойбища Ионле недалеко. Сегодня они опять уезжают на двух легковых нартах: здесь где-то к востоку близко стойбище Рольтыгыргына, старшего брата (с нами младший, а хозяин нашего стада, хромой чукча, посетив нас возле Чауна, уехал вперед). И им обязательно надо съездить туда за каким-то делом. Обещая вернуться ночью, радостно уезжают через горы.

Но на следующее утро их еще нет, и в стане не видно никакого движения. Вероятно, это просто была уловка, чтобы дать оленям отдохнуть лишний день. Теулин и его жена спокойно сидят в своей яранге и на расспросы отвечают, что вряд ли сегодня удастся двинуться.

Только к вечеру с южных холмов скатываются нарты, и наши чукчи являются оживленные, довольные поездкой. Они выразительно рассказывают, что стойбище оказалось очень далеко и, подумайте только, пришлось ночевать на снегу. Это самое ужасное, что может сказать чукча о дороге. Но потом мы встретили Рольтыгыргына совсем недалеко, на той же речке, по которой мы шли, и перестали сочувствовать страданиям этой мифической ночевки.

Дневка мало помогла истощенным оленям Теркенто. Я с утра пошел на лыжах вдоль утесов другой стороны долины и мог видеть плачевное зрелище движения нашего каравана. Вскоре после выхода начали падать олени. Их отпрягали, запрягали новых, уставшие проходили несколько сотен метров и затем, совсем обессилевшие, ложились в снег. Скоро не хватило ни запасных, ни легковых; все люди уже привыкли идти пешком, и легковыми оленями пользовались для замены, но от них было мало толку; моя упряжка, например, сразу почти легла. Стали

бросать одну за другой нарты с грузом. И с утесов было видно, как в разных местах стоят брошенные нарты и лежат группами уставшие олени.

Поэтому, когда в 11 километрах от ночлега нашли корм, тотчас же остановились. И это при крепком насте, лишь слегка прикрытом мягким снегом. Что же будет дальше, в горных долинах и в лесу на Малом и Большом Анюе, где снег рыхлый и глубокий?

На следующее утро пришлось прежде всего отправить за оставленными семью нартами лучших оленей Рольтыгыргына и потом двинуться дальше вверх по реке. Хотя стойбище Ионле, как говорят чукчи, и близко, но, очевидно, силы оленей будут быстро падать, и неизвестно, сможем ли мы довезти груз. Некоторые олени из оставленных вчера вечером с трудом дошли до ночевки.

Печально я иду на лыжах вдоль утесов, поглядывая на тянущийся по другому берегу караван, и размышляю о будущей нашей судьбе. Если Ионле не захочет дать оленей, то мы не только не пойдем на Большой Анюй, но даже и назад сможем выбраться, лишь пригнав сюда за грузом аэросани.

Но не успели мы пройти и полутора километров, как вдруг с утеса мне навстречу спускается Укукай с каким-то мальчиком. Оба они идут на чукотских лыжах — так называемых вороньих лапках, похожих на теннисную ракетку с решеткой из жил. На таких же, несколько бóльших, индейских лыжах ходят в Канаде. На них нельзя скользить по снегу, но хорошо подниматься в гору или ходить и работать в густом лесу.

Несмотря на антипатию, которую мы все питали к Укукаю, я принял его почти за ангела-избавителя, спускающегося к нам с небес. Ведь он при нашем отъезде из Чауна был послан вперед, чтобы найти проводника Вео и затем проехать в стойбище Ионле и проверить подготовку нашего дальнейшего транспорта.

Я радостно приветствую Укукая и тороплюсь узнать от него новости. Он не особенно многословен. Вео откочевал далеко на север, по слухам, не хочет ехать с нами, и Укукай, проехав 400 километров, не мог его догнать. Ездовые олени Ионле стоят всего в семи-восьми километрах, и сам хозяин приехал вчера с юга, издалека, из гор, где у него отдельно пасутся остальные олени.

Второе известие меня несколько утешило. Но пройти восемь километров с нашими оленями мы за один день не сможем, и я решил остаться здесь; пусть Ионле, раз он везет нас дальше, возьмет груз отсюда. Укукай может

отправиться к Ионле и уговориться с ним, а наши олени пока отдохнут.

Часов в двенадцать дня ушел от нас Укукай, но тщетно мы ждали до вечера известий от него. Только на следующий день Лейвутегын, который также ходил к Ионле, вернулся с неприятным сообщением: Ионле категорически отказывается дать оленей и предлагает нам своими средствами добраться до его стойбища. Укукай, конечно, предпочел не возвращаться с такими новостями.

Что же делать, пришлось скрепя сердце собираться. Чтобы возможно облегчить передвижение, мы оставили здесь ярангу чукчей, их груз и даже шесть нарт из числа

наших, но и это не помогло: все-таки несколько нарт пришлось бросить дорогой.

Как все эти дни, я шел пешком, вдоль утесов. В восьми километрах от ночевки я увидал вдали от речки, у склона гор левого берега, три яранги и большое стадо оленей. Еще две яранги стояли на холме, на правом берегу.

В кустах у речки возились две чукчанки и чукча — добывали дрова. Я решил подойти к ним и узнать новости — ведь мне также нужна «пыныль», как и каждому чукче. Но представьте мое удивление, когда в дровосеке я узнал Ионле. Вместо какого-нибудь работника сам Ионле, богач, владелец двух тысяч оленей, добывает дрова для своей яранги.

Встретились мы по лучшим чукотским правилам: я сказал «я пришел» («тьетьяк»), а Ионле ответил «и». Но дальше, хотя я твердо знал, что никакие серьезные разговоры сейчас недопустимы, что сейчас можно говорить только о пустяках, я все же не вытерпел и спросил: «Сколько у тебя здесь грузовых нарт?» — «Пятнадцать».— «Как, ведь ты говорил о тридцати?» Но тут я сразу прикусил язык и прекратил расспросы.

Оказалось, что ближайшие яранги на холме принадлежат Рольтыгыргыну и Укукай там. Мы с Ионле поднялись на холм — надо было узнать у Укукая хотя бы час решительного разговора, если он ничего не выяснил до сих пор.

Передняя яранга Рольтыгыргына была исключительна по своей величине — ее диаметр вместо обычных пяти — семи метров достигал десяти или двенадцати. В ней одновременно ставились три полога. Сейчас пологи сушились на солнце после выбивания, и огромная яранга была пуста. В середине возле костра на шкурах сидели хозяин и Укукай.

Хромой Рольтыгыргын принял меня очень приветливо, предложил сесть на «постель» (шкуру), но Укукай

едва ответил на приветствие и поспешил продолжить разговор, прерванный моим появлением.

Мне оставалось сесть, слушать трудно понятный рассказ о каком-то мелком происшествии или развлекаться чукотским учебником, который валялся рядом на шкуре. Этот учебник — след зимней поездки учительниц Абрамовой и Волокитиной, одна из которых обучала детей в этой яранге.

Улучив минуту, я спросил у Укукая (по-русски, конечно), будет ли наконец сегодня вечером разговор о дальнейшей поездке. Он буркнул нетерпеливо, отвернув лицо в сторону: «Вечером поговорим».

Очевидно, дело наше плохо, Укукай знает что-то плохое и не хочет сообщать это от своего имени — пусть вечером Ионле сам сформулирует отказ.

Свежий чайник был повешен на костер, но я не имел силы сидеть дольше. Мне не терпелось дойти скорее до яранг Ионле, посмотреть, как дотащился наш караван, сколько у Ионле нарт и каковы на вид его олени. Поэтому, сказав универсальное «тагам», которое в русско-чукотском жаргоне употребляется для всех форм и способов движения и заменяет чуть ли не все времена глагола, я скатился на лыжах с холма и отправился на ту сторону.

Яранги Ионле стояли на пологом склоне, сплошь утоптанном оленями. Возле них уже разместились мои спутники и ставили палатку. Кроме наших нарт много пустых нарт, частью связанных попарно и, следовательно, привезенных недавно, стояло между ярангами. Олени паслись высоко на горе, на взгляд их было не меньше четырехсот; как я знал, у Ионле должно быть свыше сотни упряжных оленей.

Кочуем с Ионле

Сто следов бегут по снегу разом.

В. Саянов

Стойбище Ионле сегодня очень оживлено: кроме нас сюда съехалось до десятка чукчей Ильвунейского нацсовета, и во всех ярангах сидят гости. Легкий ужин, который предлагает Ионле гостям во внешней части своей передней яранги, собирает человек пятнадцать. Чай и

толченое мороженое мясо, медленный и полный достоинства обмен репликами и никаких разговоров о поездке. Мы терпеливо выжидаем течение событий и лишь у себя в палатке отводим душу. Наконец к вечеру приходит Укукай и приглашает на собрание: Ионле решил отказаться не лично, а опереться на общественное мнение.

В собрании будут участвовать главным образом чукчи, так или иначе зависящие от Ионле, связанные с ним хозяйственными отношениями, и они постановят то, что он хочет. Он скроется за другими и не пойдет на открытый конфликт с райисполкомом.

В начале заседания Ионле произнес большую речь, в которой указал множество причин, препятствующих поездке на Большой Анюй.

По его словам, поездка эта совершенно невозможна: на нее надо не меньше четырех месяцев, по дороге нет корма, лежат большие снега, мы будем идти по два-три километра в день и застрянем в горах, когда начнется таяние; и у него нет упряжных оленей в достаточном количестве, ни нарт, ни работников-каюров.

Остальные чукчи поддерживают Ионле и даже стараются сгустить мрачные краски. Тщетно я пытаюсь убедить собравшихся в необходимости поездки, указываю на ее государственное значение, рассказываю о тех ценных товарах, которые я дам в уплату за транспорт,— ничто не помогает. Да и Укукай не старается перевести как следует мои слова — ясно, что он также заодно с Ионле.

Несмотря на то что большинство фактов, приводившихся Ионле в доказательство невозможности поездки, были ложны (как мы убедились впоследствии), собрание постановило, что оленей для нашего транспорта на Большой Анюй дать нельзя.

Было совершенно ясно, что это решено не теперь, а с самого начала — богатые чукчи не хотели везти нас даже и на Малый Анюй. И Теркенто просто выполнял общую волю, посылая негодных для перевозки оленей, и Вео согласно с этим решением избегал нас, и вся политика Ионле сводилась к оттяжке решительного ответа, чтобы окончательно отказаться лишь здесь, в глубине гор, где мы будем уже не в силах прибегнуть к помощи районных властей и где само время, растраченное на поиски оленей, будет против нас.

Укукай, конечно, выполнял то, что решили кулаки. И его погоня за Вео, которую он мне ярко описывал, свелась, наверно, к сидению в ближайших ярангах, по-

тому что он заранее хорошо знал, что на Большой Анюй нас не повезут. Вео потом, после нашего отъезда, явился в Чаун и с хорошо разыгранной наивностью удивлялся, что не застал нас там.

Вероятно, здесь не без влияния шаманов — весьма возможно, что на нашу поездку был наложен запрет, как на опасную для благосостояния стад. Ведь, например, в 1935 году все еще почти невозможно было купить у чукчей живых оленей для организации транспорта для факторий или для устройства совхоза. Продажа оленей считалась очень опасной для стада и запрещалась шаманами. Единственный случай продажи большой партии живых оленей (более тысячи голов) на Аляску, который имел место в начале столетия, по мнению чукчей, принес большое несчастье владельцам и погубил их стада.

Грустно удалились мы в свою палатку. Хотя уже давно мы ожидали такого конца, но все же у нас таилась небольшая надежда, что Ионле честно выполнит свои обещания.

Но нет худа без добра. Наши исследования Чаунского района показали, что он представляет большой интерес в отношении полезных ископаемых; поэтому следует изучить его гораздо подробнее, чем предполагалось по плану. Мы можем использовать время, освободившееся от поездки на Большой Анюй, для систематического изучения района Чаунской губы, для его детальной съемки. При этом мы можем широко воспользоваться аэросанями: их работа в марте показала, как много можно на них сделать в более теплые месяцы.

Теперь предстояла задача вернуться отсюда скорее в Чаун и вызвать аэросани из Певека. Я ожидал, что встречу сильное сопротивление, но, к моему удивлению, Ионле тотчас же согласился доставить нас на своих оленях в Чаун. По-видимому, он считал, что опасно оставлять нас здесь, в центре кочевки. В помощь нам придут аэросани, приедут районные власти, и кто знает, что будет дальше. Воспользовавшись этим, я потребовал легкие нарты с проводником для разъездов здесь: раз мы забрались так далеко в горы, надо было изучить склон западной цепи, отделяющей нас от реки Раучуван. А за это время Ковтун определит здесь астропункт.

Через день мы откочевали в долину реки, к выбранному нами для астропункта месту. И откуда только у Ионле взялось множество крепких нарт — больше даже, чем нам было нужно. А когда пригнали оленей, среди них оказалось не менее ста пятидесяти громадных, упитанных, крепких упряжных быков, которые заполнили загон ле-

сом рогов. Приятно было видеть — после наших измученных животных — этих храпящих, отбивающихся, поводящих налитыми кровью глазами здоровенных животных.

В Ионле виден был хороший хозяин: олени были отборного качества, нарты не сломаны, упряжь из крепких, толстых ремней.

И сам Ионле не сидел сложа руки, а ловил и запрягал оленей и, наконец, сам поднимал нарты при старте, чтобы олени не портили себе плечи.

Мы откочевали обратно к тому месту, где были оставлены нарты; здесь возвышался приметный утес, к которому

можно было «привязать» астрономический пункт, чтобы будущие исследователи могли легко найти его и воспользоваться им для своих топографических съемок.

Здесь стан наш расположился в установленном чукотскими обычаями порядке: впереди стояла яранга Ионле, затем — яранга матери его жены и, наконец, яранга работников. Мы случайно поставили свою палатку перед ярангой Ионле, и не знаю, не нарушили ли правил чукотской вежливости. Обычно чукча, присоединявшийся к стойбищу, спрашивал согласие переднедомного, хозяина стойбища, и ставил свою ярангу позади.

Рядом на склоне густые заросли кустов ольхи, и из всех яранг подымается дым. У Ионле едят неплохо. Особенно много мяса истребляется, конечно, в передней яранге. Здесь спят дольше и огонь разжигают значительно позже, чем в задних ярангах.

Мы тоже купили себе мяса у Рольтыгыргына. Как полагается, туша была положена в содранную шкуру, туда же налита вытекшая кровь. Ионле любезно предложил услуги своей жены, чтобы разрезать тушу, пока последняя не замерзла (на обязанности мужчины лежит только заколоть оленя, а разделка туши — дело женщин). И чукчанка с удивительным искусством расчленила всего оленя по суставам: у чукчей не дробят костей топором, как у нас, и поэтому в вареном мясе никогда не наткнешься на острые обломки костей. Через полчаса куски мяса были аккуратно разложены на шкуре, а кровь, горло и внутренности пошли в хозяйство Ионле.

Для разъездов мне и Ковтуну дали сильных оленей, которые не боялись идти по цельному снегу, и на них мы смогли проехать и к горной цепи на запад, и к двуглавому гранитному массиву Нейтпней на север, с которого нам открылся замечательный вид на горную страну. С высоты 900 метров белые равнины и горы были безжизнен-

ны — вблизи, кроме яранг на нашей речке, нет ни людей, ни оленей. Только иногда пробежит пугливый заяц или песец.

Укукай уехал с Курицыным вперед в Чаун на легковых нартах. Курицын должен проехать на собаках в Певек и привести в Чаун к нашему приезду аэросани, чтобы мы могли тотчас начать маршруты.

Укукай перед отъездом оставил нам «приятное» наследство — молодого чукчу, которого за воровство оленеводы изгоняют из тундры. Его надо доставить в Певек в распоряжение районных властей. И Укукай не нашел ничего лучшего, как присоединить его к нашему каравану. В первый же день я застал его среди бела дня на одной из наших нарт, с рукой, запущенной в мешок с сухарями. Развязанный мешок он искусно прикрыл своим телом и делал вид, будто осматривает сбрую.

Ионле относится к нему по-хозяйственному — использовал его как пастуха — и вместе с тем предупредил меня, чтобы я смотрел и днем и ночью за грузом, так как «туркляуль» (молодой человек) очень ловок. Ионле даже показал мне, как нужно подкладывать прутик под завязки мешков с продуктами, чтобы узнавать, развязывал ли кто-нибудь мешок. И еще он собственноручно нарисовал мне, как туркляуль днем ворует продукты из нарт на ходу и ночью из стоящих, распряженных нарт. Рисунок этот мог служить, по мнению Ионле, как документ в суде, как свидетельское показание с его стороны.

3 апреля мы выступаем в обратный путь. Темп передвижения уже совсем другой. Вместо двенадцати дней, которые заняла дорога сюда, мы доходим обратно в шесть дней. Караван производит внушительное впечатление: сорок нарт под нашим грузом, двадцать у Ионле, стадо запасных оленей. И это у человека, который клялся, что у него нет ни нарт, ни упряжных оленей больше чем на 15 упряжек!

Олени бодрые, крепкие, ни один из них не падает на перегоне — наоборот, они норовят выкинуть какую-нибудь штуку. Например, на подъеме с реки Лелювеем одной связке из десяти нарт пришла фантазия удрать в тундру. И вот связка мчится, сгибается в кольцо, за ней другие, и целый час мы с чукчанками бегаем по снегу, ловим разорванные звенья, подкрадываемся к оленям, чтобы накинуть на них ремень. Сам Ионле, конечно, не едет с караваном. Он где-то впереди, в паре своих крупных эвенских (ламутских) оленей. Эвенкийские (тунгусские) и эвенские олени гораздо крупнее и сильнее чукот-

ских, и чукчи охотно покупают их для улучшения своих стад; легковая упряжка таких оленей ценится у них, как пара премированных рысаков в Европе. Это гордость хозяина, и он не устает ими хвастаться. Чукчи — большие любители быстрой езды и бегов, и нередко в тундре организуются оленьи бега, для которых хозяин стойбища выставляет несколько призов.

Кроме молодого вора с нами едет Лейвутегын, вступивший в какие-то неизвестные мне деловые отношения с Ионле, две работницы Ионле, его жена и мать жены. Ионле имеет двух жен: одна живет вместе с основным стадом на юге, а эта, кочующая с упряжными оленями,
308 бывшая жена его старшего брата, которую он взял вместе с детьми после смерти последнего. У многих чукчей сохранялся в то время еще обычай левирата, распространенный у ряда народов: после смерти одного из братьев жена его переходит к следующему по старшинству брату. Имя этой жены — Тненеут («женщина рассвета») — соответствует ее наружности — это видная, с яркими красками женщина. Ее керкер превосходен, и Эйчин, наверно, позавидовала бы блестящим пуговицам в ее косах.

Тненеут держится очень независимо и властно распоряжается в яранге. Единственный, кто позволяет себе ворчать на нее (кроме главы семьи, конечно),— это мать ее, Аатчак. Эта старуха, роскошно — по здешним понятиям — одетая в белый керкер, постоянно ворчит и делает выговоры всем. Особенно достается двум работницам, молодым девушкам с неправильными, грубыми, но забавными личиками. Когда старухи нет близко, они смеются и шалят. Ворот потрепанного керкера широко раскрыт, холодный ветер свободно скользит по худенькому телу, но им весело ехать по весеннему снегу, согретому солнцем.

У них есть еще братья, кажется два, которые остались пасти стадо Ионле.

По ночам еще холодно — 30 градусов мороза, иногда даже 36 градусов, но днем солнце начинает пригревать. Бодрое движение каравана и теплое солнце приводят всех в хорошее настроение. Ионле каждый вечер приходит к нам пообедать — слегка закусить перед своей основательной едой; у нас нередко ведь бывают куропатки или зайцы, которых в меню его яранги нет.

Ионле очень веселый и оживленный собеседник. Он любит рассказать анекдот — насколько я могу понять при моем скудном чукотском словаре,— изобразить, как разговаривает русский или эвенк, благодушно посидеть у печки после обеда. Внешне наши отношения очень

хороши, но, несомненно, Ионле ожидает всяких бед, которые должны посыпаться на него за такой мастерски произведенный саботаж. Об этом говорит труп его заколотой собаки, которую я увидел на первом стойбище после перекочевки к астропункту. Она была принесена в жертву злым духам, которых надо было умилостивить.

Кроме Ионле к нашим обедам или утреннему кофе приходит другой полноправный мужчина — Лейвутегын («ходящий до конца»). Он нам нравится своей положительностью, спокойствием, большой физической силой, легкостью, с которой он работает.

Так движемся мы по белым равнинам, оставляя за собой широкую полосу снега, распаханного нартами и оленями. Быстро проходят знакомые места, опять встречаются знакомые чукчи; они заезжают к Ионле узнать последние новости об интересных событиях, в которых он был главным действующим лицом. И, несмотря на то что целые сутки мы стоим из-за пурги у горы Нейтлин, все же днем 8 апреля мы входим в Чаунское селение. А через полчаса раздается веселый треск мотора, и с севера подъезжают двое аэросаней с нашими механиками.

В верховьях Пучевеем у Теркенто

Это ветер, весна и стремительный
март,
Это звезды со мной заодно.

С. О.

С каким удовольствием в начале февраля мы оставили аэросани и поехали с чукчами, и с какой радостью мы теперь вернулись от оленей к аэросаням. За два месяца, вернее за сорок дней, темпы чукотского передвижения совершенно замучили нас. А теперь — подумать только — мы сможем проезжать сто километров за три часа вместо двенадцати дней! Не надо будет загонять оленей в полукруг нарт, бегать за караваном. Можно подъехать к любому утесу, даже если он расположен за 15 километров в стороне. Стоит только сказать: «Толя, подверните направо к горке», и через четверть часа я слезаю у скалы.

Мы уже забыли о тех неприятностях, которые нам причиняли аэросани; теперь условия поездки совсем другие:

днем совсем тепло, можно останавливаться где угодно, а ночей почти нет, они быстро сокращаются.

Программа наших работ теперь такова: пройти в глубь Северного Анюйского хребта, пересечь его в двух или трех местах и, если возможно, перевалить через него в долину Малого Анюя. При этом мы хорошо выясним строение хребта, заснимем его на карту. Затем надо заняться исследованием Анадырского плато, для чего мы постараемся пройти возможно дальше на юго-восток, в бассейн Анадыря.

На следующий день мы прощаемся с Чауном и выезжаем на юго-запад вверх по реке Пучевеем, большому притоку Чауна, начинающемуся в Северном Анюйском хребте. Нам опять нужно пересечь огромную Чаунскую впадину, чтобы подойти к подножию хребта.

Сначала снег крепкий, и сани быстро стучат по застругам. Но когда мы уходим километров за сорок от берега, снег становится рыхлее и глубже, лыжа погружается целиком, и иногда только передний конец ее высовывается над поверхностью. Пухлый снег быстро режется лыжей, проваливается вниз, и за нами остаются три глубоких лыжных следа. На поверхности снега кое-где видны маленькие дырочки — это лемминг, копытная мышь, прокопал свои ходы вниз к земле. Часто возле этих норок следы песцов. Видно, как хищник прыгал в погоне за маленьким зверьком и раскапывал его ходы. Иногда и сам лемминг мелькнет черным тельцем по снегу. А раз даже один лемминг не успел убежать от аэросаней и встал на задние лапки, подняв передние с умоляющим видом навстречу саням. Но громадная лыжа наехала на него и втоптала в снег. Что с ним было дальше, мы так и не знаем. Остался ли он жив или погиб, сделавшись первой жертвой механического транспорта на Чукотке?

Песцов мы нередко видали весной и пробовали гнаться за ними на аэросанях, но, так как нам с ними было не по пути, они обычно убегали в сторону; приходилось скоро бросать погоню, хотя было ясно, что песец уже сдается.

Наши двое саней идут друг за дружкой — впереди я с Яцыно на малых, более легких санях, сзади большие сани с Денисовым и Ковтуном. Теперь мы едем наконец без Укукая: мы хорошо знаем Чаунскую равнину и сами найдем те реки, которые нам нужны.

У подножия гор, там, где черная полоса кустов вдоль долины реки Пучевеем поворачивает из равнины в ущелье, видны две яранги и невдалеке маленькое стадо. Мы направляемся к этим ярангам. Вблизи них никого не видно;

истоптан, как всегда, снег, стоят груженые нарты, но ни людей, ни собак. Одна яранга совсем пуста, в другой я нахожу собаку, в страхе прижавшуюся под опрокинутой нартой. Полог не снят, и дверь его опущена. Кричу — никто не отзывается. Поднимаю шкуры — в пологе сидит скорчившись чукчанка и держит шаманский бубен. Уже издали увидав этих странных черных зверей, мчавшихся со страшной быстротой и оглушающим визгом, подобно злым духам чукотских сказок, она спряталась в полог и пыталась камланием спасти себя и стадо.

Злые духи — «келе», населявшие, по прежним верованиям чукчей, в большом количестве весь мир, могущественны и злобны. Они могут быстро перелетать в любое место, превращаться в людей, зверей и насекомых, делать людям всевозможные гадости, всячески мучить их.

Как пишет Богораз, почти всегда «келе» — людоеды и питаются душами людей. Эти души можно откармливать на убой, жарить и есть. «Келе» очень любят внутренности человеческих душ — сердце, кишки и в особенности печень. «Келе» очень разнообразны: есть грубые жестокие великаны, есть невидимые злые духи, есть разные чудовища — огромный червь-ремень, хватающий людей, чудовищные орлы, медведи, белухи.

Шаман имеет в своем распоряжении особых, служебных шаманских духов — «янра-калат», которые являются по его призыву и исполняют его приказания. Принимая во внимание разнообразие «келе» и их злобность, шаману и служебным духам приходится много работать, чтобы защитить своих клиентов.

Впрочем, чукчи лучше защищены от нападения на их души, чем европейцы. Каждый из них имеет не одну душу, а несколько, пять или шесть, «увивит», маленьких, не больше комара. Одну или две души можно потерять без ущерба для здоровья, но, когда злые духи похитят большую часть этих душ и съедят их, наступает болезнь, а с исчезновением последней «увивит» человек умирает. Шаман может разыскать похищенные «увивит» в надземном и подземном царстве и вернуть их больному или даже мертвому человеку.

Обычно клиенту шаман доставляет обратно только один «увивит».

Советские учреждения ведут энергичную борьбу с шаманами и их влиянием на население. В 1935 году шаманы уже боялись выступать открыто, они старались действовать тайком, в глубине тундры. Уже тогда многие чукчи начинали относиться иронически к власти шаманов и

охотнее шли к доктору, чем к шаману. Особенно это было заметно на молодом поколении, побывавшем в советской школе.

После того как чукчанка убедилась, что мы живые люди, а не «келе», и немного успокоилась, с ней удалось поговорить. Но до самого нашего отъезда она не решилась подойти близко к аэросаням. Наверно, она думала, что это все же какой-нибудь волшебный, крайне опасный, чудовищный жук.

Географические ее познания были весьма ограниченны, и она могла только сообщить, что эта река, выходящая из гор, и есть нужный нам исток Пучевеем.

312 По долине Пучевеем мы вошли в горы и выбрали на устье левого притока стрелку приметных холмов, где можно было определить астропункт. Аэросани легко въехали на склон холма и стали рядком. Стоянка идеальная: крепкий снег, удобное место для палатки и для астрономических наблюдений, а рядом в русле реки большие кусты ольхи. Об этом тоже надо подумать, выбирая место для базы, ведь и в апрельские ночи мороз доходит до 36 градусов. А здесь нам предстоит простоять несколько дней — надо сделать экскурсии на лыжах по окрестным горам, а потом съездить на больших аэросанях в глубь гор.

Следующий день нарушает наши планы — пурга со скоростью до 12 метров в секунду, поземка тянет с гор при ясном небе. Можно сделать лишь маленькую экскурсию за десять километров вдоль береговых утесов. Только 12 апреля удается послать большие сани с обоими водителями в Чаун за новым запасом бензина, а самим отправиться на соседнюю гору.

Гора с тремя крутыми уступами и плоским верхом, похожим на платформу для взлета самолетов. До горы легко дойти на лыжах, но потом надо лезть пешком. Склоны покрыты крепким снегом, убитым ветрами, и, чтобы забраться на второй и третий уступы, приходится ползти, цепляясь за каждый камешек и выбивая молотком ступеньки в снегу. Мы ходим в меховых плектах с кожаной подошвой, которые на крутых склонах скользят, как коньки. Для этих зимних восхождений следовало бы надевать, конечно, альпийские башмаки с гвоздями и брать ледоруб, но внизу это снаряжение только мешало бы. А когда идешь на лыжах и предполагаешь тащить назад в рюкзаке груз камней — неизбежный плод всякой геологической экскурсии, то рассчитываешь каждую сотню граммов и берешь с собой только необходимое.

На вершине горы я встретился с Ковтуном, который поднялся по другому склону. Он уже установил на палке свою буссоль и определял направления на горные вершины. Отсюда видны гора Нейтлин и несколько других пунктов в Чаунской равнине, уже определенных им ранее, и, делая на них засечки, Ковтун определил положение нашей горы. А по ней потом будет определено положение вершин гор в глубине хребта. Таким образом, получается система треугольников, охватывающая всю изученную область. Когда будут обработаны астрономические наблюдения и точно вычислено положение астрономических пунктов, сеть треугольников будет, как говорят, привязана к астропунктам и положение ее уточнено и исправлено.

С горы мы можем видеть и безбрежную Чаунскую впадину, и Анадырское плато, и панораму Анюйского хребта, в который мы должны на днях проникнуть. Он представляет беспорядочное нагромождение множества вершин, и трудно понять, как мы пройдем в него на аэросанях.

А хотелось бы пройти возможно дальше, добраться до водораздела хребта и выяснить его строение.

Спуск с горы быстрее, чем подъем, но сопряжен с острыми переживаниями. В плектах чувствуешь себя совершенно беспомощным и невольно хочешь сесть, чтобы прямо катиться по снегу.

В тех местах, где внизу на склоне нет камней, очень приятно мчаться, скользя на своих меховых штанах, взметая вихри снега. Но когда то тут то там выскакивают острые камни, этот спорт становится несколько сложным. Сначала не представляешь себе, как коварны также и заструги, если они в виде борозд окружают гору. Ветер здесь дует вокруг горы по склону, и поэтому он вырезал в снегу горизонтальные глубокие борозды, крепкие, как лед. Вверх поднимаешься по ним, как по ступенькам, но когда катишься вниз, то начинаешь ударяться задом об эти ступеньки все сильнее и сильнее, и к концу спуска кажется, что ты уже рассыпался на куски.

Еще два дня мы с Ковтуном проводим в уединении и делаем ряд экскурсий. 14-го возвращаются аэросани — рейсы теперь совершаются как по расписанию, и 130 километров, которые нас отделяют от Чауна, проходятся в несколько часов. Вечером нас навещают гости: из Чаунской равнины пришли чукчи и стали в нескольких километрах ниже по реке. К нам приходят четверо бедно одетых мужчин — это настоящие пролетарии тундры, их со-

единенное стадо ничтожно. И когда я прошу их продать нам мясо, они улыбаются: они сами давно не ели оленины. Чем они питаются? Случайной охотой, а также остатками внутренностей, кровью, опангой от когда-то убитого оленя. Они боязливо осматривают аэросани. Эти чудовища теперь молчат, но сегодня утром одно из них пробегало мимо них со страшным шумом. С явным удовольствием они пьют чай с сухарями, который мы им предлагаем.

15 апреля решительный день — мы должны впервые проникнуть на аэросанях в глубь высокого хребта. Первые тридцать километров вверх по Пучевеем мы пролетаем быстро без всяких приключений. Только встречным ветром срывает кожаный шлем с Ковтуна, и мгновенно винт разрезает его на мелкие клочья.

У первого сужения долины мы останавливаемся в недоумении: оно занято от одного берега до другого наледью, по которой течет вода. Наледь, или по-якутски тарын, очень распространенное явление на Севере, в области вечной мерзлоты. Реки зимой промерзают до дна, вода принуждена идти под ложем реки по галечникам и вследствие давления поднимается вверх по бортам и вытекает из галечников на поверхность льда. Тонкие пленки воды быстро замерзают, толщина льда постоянно увеличивается и достигает к концу зимы нескольких метров.

Летом наледь частью тает, а иногда сохраняется и до осени — в зависимости от ее размеров. Передвижение по наледи зимой большей частью не представляет опасности, так как слой воды на ней тонок. Но весной он может достигнуть большой глубины и появляются опасные промоины.

Нас пугала не сама наледь, а вытекавшая из нее вода, которая ниже наледи образовала реку в снегу. Это признак весеннего таяния, и на глазах у нас эта река двигалась вперед и захватывала новые поля снега. Если в то время, когда мы будем в верховьях, она зальет всю долину от одного склона до другого, то нам назад не вернуться, так как проехать через эту кашу воды и снега на аэросанях невозможно.

Но идти вперед надо. Денисов осторожно направляет сани на лед — осторожно, потому что для удобства передвижения во избежание лишних аварий у нас сняты тормоза, и на голом льду металлические лыжи скользят с необыкновенной быстротой. Налево видны потоки воды и водяной бугор с фонтаном воды, выбивающимся из трещины на вершине бугра. Сначала мы пускаем вперед Ковтуна, пешком, чтобы он предупредил о трещинах. Но

это кончается тем, что мотор на медленных оборотах совсем останавливается. Завести его вновь нетрудно: ведь теперь тепло и мотор совсем горячий.

Аэросаии идут опять вперед, все смелее и смелее. Впереди вода захватывает всю ширину ущелья, Денисов дает полный газ, и сани мчатся через воду. Только струи воды летят в обе стороны от лыж, и через минуту мы на твердом снегу выше наледи. Как-то она пропустит нас обратно?

На душе стало легче: наледи, главная опасность горных долин, проходимы для саней. Кусты на берегах и террасах засыпаны снегом, снег уравнял все овраги и яры по берегам речки. Поэтому дно долины везде также вполне проходимо.

Мы мчимся вверх, оставляя километр за километром и останавливаясь только, чтобы осмотреть утесы. Теперь это не то, что зимой,— можно даже выключить вовсе мотор, и он не замерзнет и даже спустя полчаса заводится сразу. Горы стаиовятся круче и выше. Их вершины венчают черные пояса утесов — это горизонтальные покровы лав. От этих черных поясов спускаются вниз крутые белые скаты.

Вот и вторая наледь. Но вдоль нее тянется терраса, и мы пробуем обойти наледь стороной. Терраса все повышается, и мы попадаем в область моренных холмов: по этой долиие когда-то спускался с гор большой ледник и нагромоздил у своего конца эти груды камией, возвышающиеся на полтораста метров над рекой. Дальше идти нельзя, и на реку также нельзя спуститься — слишком круто. Приходится вернуться обратно и все-таки пересечь и эту наледь. Она дается легче, и, невзирая на воду, сани снова мчатся вперед.

Теперь мы вошли в цирк — расширение в верховьях реки, куда стекались раньше мощные ледники из долин водораздельной гряды. По бокам этот цирк загроможден моренами, но середина его плоская и широкая, выпаханная ледниками.

Здесь, наверио с перевала, дуют сильные ветры; поверхность снега в крепких застругах, о которые бьются лыжи саней. Мы пересекаем цирк и подходим к южному его концу. Направо открывается чукотское стойбище — несколько яранг, громадные стада, пасущиеся на склонах гор. Пора и нам стать на ночлег: наша цель почти достигнута — мы дошли до водораздельной гряды.

Мы ставим рядом с санями маленькую палатку (большая осталась на базе у астропункта вместе с малыми

санями, в ней живет Яцыно и ждет нас). Когда мы кончаем обедать, со стороны яранг показываются две нарты — чукчи не дождались нас и сами идут, чтобы услыхать «пыныль». Но упряжка странная — издали не разберешь, как будто везут нарты не олени, а какие-то другие животные. Когда нарты приблизились, то стало видно, что в них впряглись молодые чукчи и везут они двух стариков. Это довольно обычный способ, которым передвигаются старики. Летом их иногда носят на спине.

Один из пассажиров — старик очень дряхлый, с длинным красным лицом, с большим подбородком. Оказывается — это сам Теркенто. Мы смотрим на него с любопытством — вот он, первый богач этого края, который так вероломно поступил с нами. Немудрено, что он нам прислал самых плохих оленей,— ведь он настолько экономен, что предпочитает сам ездить на работниках, чтобы беречь своих легковых оленей. Если бы он видел, до какого истощения довели его оленей Лютом и Теулин!

Вряд ли совместимо с законами гостеприимства возбуждать сейчас вопрос о живо интересующей нас причине невыполнения подряда. Я ограничиваюсь тем, что рассказываю Теркенто все новости, какие знаю,— о ярмарке в Чауне, о судьбе его оленей, о чукчах, которых мы видели по пути.

Предлагаем суп с макаронами, но чукчи находят его несъедобным и отставляют в сторону. Чай с сахаром и сухарями заслужил полное их одобрение; по-видимому, несмотря на свое богатство, Теркенто редко видит «каукау». У него совсем нет зубов, и сахар ему разгрызает молодой чукча — его конь и нянька одновременно. Этот чукча, очень веселый, с зычным голосом, с грубым и темным лицом, охотно смеется шуткам и сам шутит. Мы расстаемся очень довольные друг другом. Чукчи сообщили нам названия соседних речек и обещали завтра в обмен на табак привезти оленя. Будем надеяться, что это будет жирный олень, достойный представитель стада. Сегодня, когда мы бродим по соседним горам, мы видим превосходных оленей — совсем не похожих на тех жалких одров, которые были высланы в Чаун.

Теркенто, по-видимому, живется неплохо, и он вряд ли склонен прибегнуть к самоубийству, которым еще недавно кончали свою жизнь многие чукотские старики и старухи. Когда тяжелые условия жизни становились непереносимыми для старика, он просил себя убить; часто просили о добровольной смерти страдающие какой-либо тяжелой болезнью. Это не результат плохого отношения родст-

венников, а невозможность переносить тяготы кочевой жизни. Смерть тем более была желательна в таких случаях, что, по представлению чукчей, на том свете лучшие места для обитания отдаются людям, умершим добровольно. Они живут в красном пламени северного сияния и проводят время за игрой в мяч, причем мячом служит моржовая голова. По древнему обычаю убивали человека, просящего о смерти, копьем, или ножом, или из ружья или удушали. «Помощниками», или «провожатыми», выполняющими этот обряд, могли быть только мужчины, и лучше всего, если это делал сын. При удавливании могли помогать и женщины.

Со времени введения советского строя на Чукотке такие узаконенные убийства были запрещены, и мне не приходилось слышать о случаях открытого выполнения этого обряда. Но все же и в те годы иногда в глубине тундры внезапно умирал при странных обстоятельствах какой-нибудь старик, и смерть его, вероятно, была связана с этим обычаем.

Широкая долина Пучевеем позволяет пройти и дальше на аэросанях, но при выезде с базы, чтобы не перегружать сани, мы взяли с собой мало бензина, и поэтому рискованно еще дальше углубляться в горы. Приходится ограничиться экскурсией на лыжах. Обычно мы с Ковтуном совершаем эти экскурсии отдельно, потому что объекты наших работ различны. Денисов, если у него нет работы по ремонту аэросаней, присоединяется иногда к одному из нас, но большей частью идешь на работу в полном одиночестве. Высокие обрывы гор с черными коронами утесов, черные осыпи, белые скаты и белые блестящие долины — и ни души. Здесь уже редко встречаются зайцы и куропатки. Весеннее солнце ярко светит, и, чтобы не заболеть снеговой слепотой, приходится надевать темные очки.

Выше цирка, где мы стоим, долина Пучевеем суживается, потом опять расширяется, и попадаешь в другой цирк, еще более обширный. Здесь по руслу реки видны кое-где маленькие кустики, и сюда работники Теркенто приезжают за дровами. За этим расширением тянется гряда мрачных обрывов, и через разрыв в ней можно попасть на южный склон хребта, но у нас мало бензина: следовало бы найти проход к Малому Анюю.

Я сижу на моренном холме в глубине цирка и, глядя на юг, мечтаю о том, как мы едем дальше, как раздвигаются горы и вдали открывается широкая долина Малого Анюя.

Рядом со мной круг камней, ограждающих место, где лежал, очевидно, труп,— это чукотское кладбище. Труп давно растащен песцами, и остались одни обломки нарты, на которой привезли сюда покойника.

Обратный путь на аэросанях через наледи, к нашему удивлению, не представил больших трудностей. За эти два дня, что мы провели здесь, опасные области снежной каши у нижнего конца наледей увеличились ненамного, и мы свободно обошли их. Вместе с поземкой, дувшей нам в спину (ветер переваливал через хребет с юга и, не ощутимый еще вверху, превращался в пургу на окраине хребта), мы примчались полным ходом к базе. Яцыно,

соскучившийся за три дня одиночества, бродил в кустах неподалеку в поисках куропаток.

Анюйский хребет пройден

Ты идешь на юг. В тучах перевал.
Лес лежит внизу, кончилась трава.
Только скаты скал, только снег и лед.

С. О.

Наши соседи, чукча Эттувий со своими товарищами по стойбищу, сегодня откочевали на запад, вдоль предгорий хребта. Мимо нас потянулись связки нарт с детьми, а потом пастух прогнал несколько десятков оленей — весь мясной и транспортный фонд этого бедного стойбища. Мужчины, конечно, проехали вперед на легких нартах и остановились на несколько минут возле наших аэросаней.

Пора и нам двигаться на запад. Вместо того чтобы возвращаться опять в Чаун через громадную Чаунскую равнину, мы проедем вдоль подножия Анюйского хребта и выберем новое место для базы в верховьях Лелювеем — большой реки, истоки которой прорезают хребет до самого водораздела (нижнее течение ее мы пересекали недавно на оленях).

Аэросани все больше радуют нас. Они двигаются так быстро и легко, что кажется, нет уже для них непреодолимых препятствий. Снежные поля мчатся навстречу и уходят назад. Поднимаемся все выше, на пологие склоны холмов; сзади остается ровный след — три колеи или,

вернее, лыжни, и по ним весело стремится вторая машина. Я впереди, на «флагманской» — на малых санях. Они легче и прокладывают путь. К западу снег становится глубже, ход замедляется, мотор начинает перегреваться. Но вот мы спускаемся в долину Лелювеем. Река глубоко заходит в хребет, громадная треугольная впадина замещает здесь предгорья и подходит вплотную к высоким горам. Множество притоков Лелювеем, выходящих из хребта, пересекает равнину. Надо выбрать базу в вершине этого треугольника, чтобы от нее можно было проникнуть в любую долину.

Здесь трудно найти место, одновременно удовлетворяющее требованиям астрономии и нашей печки: кусты расположены посреди долины, а приметные холмы — на краю ее, в двух километрах от кустов. Но без печки обойтись невозможно, и приходится стать у кустов. Ковтун определит пункт внизу, а потом путем засечек с базиса привяжет его к вершинам холмов.

Запас бензина позволяет нам сделать еще одну поездку, и назавтра большие сани выходят на юго-запад.

На этот раз у нас честолюбивая надежда — перевалить через Анюйский хребет, и мы взяли возможно больше бензина. Денисов ворчит: перегруженные сани могут не вылезти из глубокого снега, мотор не вытянет. Вопрос о том, чьи сани нагружены больше, дебатируется всегда с большой страстностью, каждый водитель заботится, чтобы его сани шли легче. И я помню, как однажды одна легкая оленья шкура, которую я хотел переложить на другие сани, вызвала целую трагическую сцену.

По мере того как мы идем вверх по реке Яракваам, левому притоку Лелювеем, глубина снега увеличивается. Здесь, в этой предгорной впадине, ветер ослабевает и снег лежит толстым и рыхлым слоем. Мы попадаем в заросли кустов, и сани идут с мучительной медленностью. У меня душа уходит в пятки — сейчас остановимся совсем, и мои спутники будут ругать меня за лишний бензин, за двухнедельный запас продовольствия, который по моему требованию всегда идет с нами. Но, вняв проклятиям Денисова, мотор тянет добросовестно, и наконец мы вылезаем из этого рыхлого месива на пологий склон, где снег крепче.

Впереди улепетывает в гору какой-то черный зверь. Это росомаха. Следы ее часто попадаются нам в горах — растопыренные лапы с крепкими страшными когтями. Охотники говорят, что она в ярости иногда набрасывается на человека и может нанести ему тяжелые раны. Эта

росомаха, кажется, не имеет никакого желания встречаться с нами, а особенно с аэросанями.

Росомаха высоко ценится жителями Северо-Востока. Ее черный крепкий мех идет на опушку одежды. Когда русские пришли в Якутскую и Чукотскую «землицы» и набросились на соболиные шкурки, местные жители очень удивлялись: мех соболя слаб и не стоек. Чукчи и эвенки считали, что росомаха гораздо ценнее и выгоднее для одежды.

У гор Иоанай на западной окраине впадины мы стали на ночлег. Со склона этих гор открывается великолепный вид на Анюйский хребет. Он круто обрывается к равнине,
320 белые склоны сразу вздымаются кверху, увенчанные черными поясами скал.

Узкие глубокие долины прорезают эти горы. По какой из них направиться в хребет? Какая из них приведет нас к легко преодолимому перевалу? Ведь аэросани не могут взбираться на крутые склоны.

Мне кажется, что крайняя, западная долина — самая удобная. Ее разрез широк, и оттуда выходит большая река. Плоское дно заманчиво — как широкая дорога скрывается долина за изгибом гор. И мы на следующий день направляемся по этой долине.

Направо, вдоль фронта хребта, уходит другая долина, и в ней две яранги. Мы уже стали настоящими чукчами — нам хочется подъехать к ярангам и узнать «пыныль», поесть мороженого мяса или костного мозга. Но мы сделаем это потом. А пока в горы. Вход в хребет суров и неприютен. Отсюда, из ущелья, вырываются сильные ветры — вся поверхность долины в крепких застругах. По бокам громадные морены прежних ледников; стесненное между ними русло покрыто от борта до борта наледью. Сани осторожно переходят через окраину хребта.

После легкого завтрака мы отправляемся в разные стороны: Ковтун на соседнюю гору, а мы с Денисовым вдоль хребта на запад, заодно зайдем к чукчам и расспросим о дороге через хребет.

Мы видим, как Ковтун поднимается на склон горы. Его черная фигурка с рюкзаком за спиной и лыжной палкой ползет по снежным буграм. И спустя немного времени я со сжавшимся сердцем вижу, что эта черная точка вползает на белое ребро главной горы. Когда мы обсуждали план его экскурсии, я имел в виду соседнюю широкую гриву с пологим подъемом. Но его привлекла эта более высокая трехгранная вершина, откуда открывается более широкий вид. Он должен будет забраться по ее

уклону и крутому ребру в своих скользких меховых сапогах. Но теперь ничего не поделаешь — догнать его нельзя, кричать бесполезно. Остается издали следить, не поскользнется ли он и не полетит ли маленькой лавиной по правому или левому скату.

Мы продолжаем наш путь. На поверхности морен вдалеке появляются черные силуэты — три нарты едут от яранг. Мы поворачиваем им наперерез, и, когда нарты приближаются настолько, что можно видеть лица, крик изумления вырывается из наших уст. Конечно, чукотский крик изумления — «какуме» (или сокращенно «каку-каку») — это восклицание в большом ходу у чукчей.

На задней нарте — Ионле, сам своей персоной. Здесь, на Ракваме, куда он ни за что не хотел нас везти, потому что здесь, по его словам, лежит непроходимый глубокий снег! И вот всего двенадцать дней спустя он уже пришел сюда из Чауна со своим караваном. А кругом на склонах гор ходят его олени, все его громадное стадо. В это место, где, как он говорил на совещании, нет корма, он пригнал всех своих оленей и собирается здесь стоять все лето.

Но Ионле ничуть не смущен этой встречей. Он весел, как всегда, и рад нас видеть. Он, оказывается, ехал к аэросаням показать своей первой жене «колё-оргоор». Жена его, Чаайкай,— единственная действительно хорошенькая с европейской точки зрения чукчанка, которую я встретил. Керкер, конечно, темный, из хороших мехов, не портит ее фигурку, а круглое личико кокетливо улыбается из мехов.

Ионле охотно рассказывает мне о дороге через хребет: надо идти вверх по долине, и когда река вильнет в боковое узкое ущелье, то следовать все прямо через широкую седловину, и мы попадем в бассейн Малого Анюя, к озеру Илирнейгытхын и увидим настоящий лес. Ионле даже предлагает свои услуги — поехать вместе с нами проводником или свозить на легковой нарте к соседним верховьям реки Раучуван.

Я рассказываю ему новости — о том, где стоит Теркенто, куда кочует Эттувий, и получаю высокое одобрение: «Ты хорошо умеешь передавать пыныль». Чувствую себя польщенным: ведь не так просто овладеть этим искусством.

Здесь мы разделяемся: Денисов садится на переднюю нарту, к работнику Ионле, и уезжает угощать гостей и показывать им аэросани, а я иду дальше на запад. Скоро я встречаю и оленей Ионле. Не обращая на меня никакого

внимания, крепкие, большие олени бродят по склонам холмов, копытят снег, фыркают, дерутся.

А на высоком холме стоит яранга; здесь живет мать самого Ионле, которой в его частые отсутствия поручается стадо.

В то время как середняки и бедняки к весне выходят на окраину гор и потом кочуют к морю, чтобы охотой на морского зверя и рыбной ловлей немного увеличить свои продовольственные запасы, богачи вроде Теркенто и Ионле уходят к высоким горам.

Здесь летом меньше комаров, корм хороший, и стада проводят все лето почти на одном месте. Чукчи не умеют возить грузы вьюком на оленях, считают это грехом и таскают грузы на плечах. Поэтому их кочевки летом очень ограничены.

Из яранги подымается дым, мне хочется пить, и меня очень тянет зайти туда, снять лыжи, сесть скрестив ноги на «постель» и тянуть густой чай из блюдечка, закусывая мороженым мясом и рассказывая «пыныль». И право, с трудом удается убедить себя, что надо идти к утесам и собирать образцы.

Возвращаюсь к палатке поздно. Уже темнеет. Ковтуна нет. На склоне горы его также не видно. Надо ли идти его искать или ждать утра? Ночи еще недостаточно светлы для поисков.

Только когда в ущелье уже совсем сгустился вечерний сумрак, показался вдалеке Ковтун. Я рад его приходу, но вместе с тем начинаю его журить: зачем так рисковать, когда можно было подняться на эту же гору кругом, через плоскую гриву. Ковтун и сам не хотел бы повторять этого восхождения: снег был так крепко убит ветром и такой скользкий, что ему пришлось ползти и цепляться голыми руками. Все ногти у него ободраны. А отступление было невозможно — спускаться вниз еще хуже. Так, отчаиваясь не раз в успехе, он дополз до вершины. К счастью, южный склон горы уже частью оттаял, обнажились осыпи, и можно было спуститься в долину Яракваам.

Следующий день был также посвящен экскурсиям. К вечеру приехал Ионле и привез заказанного ему оленя (нам нужно мясо для нас и в Чаун для нашей базы). Цена мяса у Ионле гораздо выше, чем у Теркенто. А привезенный олень, как это ни странно, не содержит некоторых существенных частей — например, у него только по три ребра с каждой стороны. Сразу видно, что Ионле человек хозяйственный.

Ущелье Яракваам вверх от первой наледи очень мрач-

но. Над черными осыпями и белыми скатами тянутся черные обрывы утесов. Ущелье, похожее на узкий коридор, постепенно загибается направо. Дно его покрыто крепкими застругами, а там, где морены стесняют русло, появляются наледи. Аэросани лезут все выше и выше; последняя наша стоянка была на высоте 600 метров над уровнем моря, а теперь мы забрались, наверно, еще метров на двести.

Снег истоптан оленями: сюда также заходили стада Ионле, так что сказка о непроходимости Яракваам, рассказанная нам на совещании у Ионле, становится еще смешнее.

Долина поворачивает к югу. Хотя речка уходит в узкое боковое ущелье, но на юг по-прежнему идет широкая ледниковая долина. Мы поднимаемся по ее полого-волнистому дну; подъем не очень крут, и сани легко берут его. Вот перевал — плоская седловина на высоте 900 метров над морем.

Мы победили, мы перевалили на юг, в лесную страну, в обетованную страну Анюев! Даже «местное население» радостно приветствует нас: возле самых саней вылезает из норки суслик и с любопытством глазеет на нас. Он стоит прямо, как столбик, и с забавным писком быстро поворачивает туловище направо и налево и взмахивает лапками. Денисов в изумлении останавливает сани, и мы смотрим некоторое время друг на дружку, пока наконец моя попытка достать фотоаппарат не пугает зверька, и он, пискнув, прячется в снег.

Спуск на юг круче. Долинка быстро выходит в главную, большую долину, которая идет широким раструбом на юг, к окраине хребта. Кусты здесь появляются вскоре после перевала — сразу видно, что мы попали в благодатную южную страну. А вдоль кустов у подножия склона идет тропинка с большими следами, похожими на человечьи. Но это ходили не дикие индейцы, а всего лишь бурые медведи. На северном склоне они еще спят, а здесь уже проснулись, гуляют и высматривают сонных куропаток.

После ночевки у первых кустов мы передвинулись до окраины хребта: нам нужно было дойти до озера Илирнейгытхын и этим маршрутом связаться со съемкой экспедиции геолога В. А. Вакара, работавшей в соседнем к западу районе.

Мы останавливаемся там, где кончаются высокие горы и начинается тянущееся к югу плато. Взобравшись на гору, я увидал, что южнее вся долина занята странным, длинным озером с изрезанными извилистыми берегами, с несколькими островами. Нижний конец озера перегорожен множеством (не менее десятка) поперечных валов.

Двадцать или тридцать тысяч лет назад по долине спускался громадный ледник, который здесь кончался и таял. Эти валы — его конечные морены, образовавшиеся из каменного материала, который ледник тащил на своей поверхности.

По обоим склонам лежат боковые морены — груды камней, вытаявшие с краев ледника. А острова на озере также морены, но срединные, образовавшиеся при слиянии двух ледников из их боковых морен. Поэтому озеро такое беспорядочное, как будто кто нес в решете землю и просыпал в разных местах. Но это еще не Илирнейгытхын (озеро с островом), а озеро Тытыль; с горы видно километрах в

двадцати другое озеро, в лесу. Да, в настоящем темном лесу. Очень бы хотелось добраться до этого леса, вытопить печку настоящей сухостойной лиственницей, но у нас бензин на исходе, и надо поворачивать назад.

Обратный путь мы совершаем в один день. Аэросани бойко взбираются в гору, и только на самом последнем крутом подъеме перед перевалом кажется, что машина сейчас станет. Но ничего — она тихонько вползает на перевал. Отсюда уже легко, даже дует попутная пурга, обдирающая снег с морен. На стоянке возле яранг Ионле мы забираем мешок с мясом, который оставили, уезжая на перевал. Возле него мы устроили чучело с гремящей на ветру коробкой от консервов, чтобы отпугивать росомах.

На пути к базе надо еще осмотреть длинный ряд утесов в долине Лелювеем. Пока я хожу вдоль скал и изучаю слои песчаников и сланцев (а также заодно и следы пиршества какой-то лисицы или песца: хорошо видно, как она подкралась к спящей куропатке и растерзала ее в клочья), Ковтун взбирается на гору, чтобы взять засечки.

Мотор начинает стынуть, мы с Денисовым заводим его и прогреваем; шум вызывает обратно Ковтуна. На гору он поднимался без лыж по крутому крепкому склону, а теперь спустился на подветренный склон, где снег доходит ему до пояса. Все медленнее и медленнее двигается он, судорожно прыгая в глубоком снегу. Мы теряем уже надежду, что он доберется до нас; надо послать спасательную экспедицию. Аэросани делают круг, проходят возле Ковтуна, но он уже выбился из сил и не может вскочить в них на ходу. А мы не можем остановиться в таком рыхлом снегу: потом придется долго раскачивать сани. Денисов делает второй круг и останавливается на накатанной санями лыжне. Ковтун влезает усталый и мокрый.

На базе Яцыно встречает нас с восторгом: уже пять

дней, как он сидит один в палатке. Охота на куропаток и зайцев надоела, другое занятие — строить опознавательный знак, пирамиду из камней на холме для привязки астропункта,— также приелось.

Еще одно озеро

Да слушать сквозь ветер холодный и горький
Мотора дозорного скороговорки.

Э. Багрицкий

Между нашими двумя маршрутами в глубь хребта по Пучевеему и Ярakвааму остается большой отрезок неисследованной части хребта. Следует пересечь хребет еще по какой-нибудь речке в восточной стороне впадины Лелювеем. С холмов у нашего астропункта видно значительное понижение в этой части хребта и несколько речных долин, поднимающихся к нему. Но трудно разобрать, какая из них глубже врезана и может иметь доступный для аэросаней перевал. Я выбираю восточную долину, наиболее широкую и наиболее далекую от реки Яраквaам.

27 апреля, после того как большие сани съездили в Чаунскую культбазу и привезли новый запас бензина, мы выезжаем для последнего пересечения Анюйского хребта. Благополучно проходим большую наледь, которая занимает значительное пространство к югу от нашего стана. Два зайца убегают в кусты; отбежав немного, они останавливаются и, подняв передние лапки, с любопытством смотрят на сани.

В десяти километрах к югу Лелювеем подмывает длинный ряд утесов. Мне нужно осмотреть их, и аэросани идут через полосу кустов и затем вдоль подножия. Но дорога становится опасной: из наледи, лежащей южнее, сюда бегут потоки воды, и в снегу расплылись большие влажные синие пятна и полосы. Мы попадаем на узкий мыс между двумя такими полосами. Немного поколебавшись, Денисов решительно направляет сани поперек синей полосы. Скачок, брызги воды и снежной каши — сани оседают задом. Несколько мгновений неприятного ощущения: вытянет ли мотор? Мы почти стоим на месте, медленно мотор выдирает машину на сухой снег. Это, вероятно, был самый опасный момент наших поездок на аэросанях. Если

бы сани застряли в этой яме, наполненной снегом и водой, не знаю, как бы мы вытащили их оттуда.

После этого происшествия мы уже остерегаемся пересекать русла под утесами без предварительной разведки.

Возле подножия хребта в долине Лелювеем стоит одинокая яранга. На звук мотора из нее выходят чукчи — и опять все знакомые лица! Кажется, теперь у нас везде в горах полно знакомых. Здесь стоят работники Теркенто — Лютом и Теулин с женой. Они гонят оленей в верховья Пучевеем, в стойбище Теркенто. Кажется, олени не пострадали от путешествия с нами, по крайней мере все они дошли сюда. Дочка Теулина глядит с изумлением, открыв ротик, на аэросани. У меня в кармане находится несколько сухарей для нее; к сожалению, нельзя разгружать сани, чтобы достать мешок с продовольствием и угостить всех.

Отсюда мы оставляем долину Лелювеем и направляемся в горы. Пасмурно, идет мелкий снег, гор не видно, и мы поднимаемся вслепую по какой-то речке, которую Теулин назвал Кыптыатам. Дно ее становится все круче, наконец мы попадаем на моренные холмы. Дальше ехать опасно: долину замыкают крутые склоны.

Экскурсия на лыжах в верховья долины показала, что перевалы из этой долины для нас недоступны, да и ведут не на южный склон хребта, а в соседние долины северного склона. Ковтун с высокой горы открыл, что долина рядом к западу гораздо больше нашей и уходит далеко в хребет. Очевидно, надо перебраться в нее. Но как это сделать? Перевал прямо в ней недоступен даже для собачьего транспорта. Придется вернуться назад и огибать подножие.

На следующий день мы спускаемся на север и по моренным холмам предгорий переходим западнее. Еще одно испытание для аэросаней — переход по пересеченной местности. Они выдерживают его с честью. Затем второе испытание — спуск с крутого обрыва речной террасы. И третье — переход по большой наледи. Здесь громадная конечная морена прежнего ледника загородила вход в долину, и река прорезала в этой морене узкую извилистую щель. Дно — сплошная наледь, по которой струится тонким слоем вода. Но сани не боятся теперь ни воды, ни наледей. Все же наледь влечет за собой иногда и неприятности: если после наледи мы идем некоторое время по твердому насту, то вода замерзает на лыжах, а передвижение по рыхлому снегу не в силах снять пленку льда, и сани сразу затормаживаются. Достаточно нескольких кусоч-

ков льда и прилипшего крепкого снега на подошве лыж — и тотчас резко падает скорость.

После очистки лыж (это надо делать на четвереньках, ножом) мы вступаем в ледниковую долину реки, которая, если судить по рассказам Ионле, называется Тылеутен. Это одна из красивейших долин хребта. С обеих сторон скаты гор с черными ребрами лав. Вверху, как всегда, они венчаются поясом черных утесов. Мрачно и пустынно.

По мере того как мы двигаемся вверх, долина разделяется на боковые отвершки. По которому из них лежит хороший перевал? Мы выбираем самый заманчивый на вид, с мягкими склонами; главное ущелье, идущее прямо на юг, слишком мрачно и дно его узко. На этот раз выбор удачен, сани легко въезжают на плоскую седловину, ведущую хотя и на запад, но уже к южной системе ущелий.

Здесь, на высоте 900 метров над морем, мы ночуем. Теперь тепло: по ночам не более 20—25 градусов мороза, и нам не так нужны дрова. Примуса и паяльной лампы хватает для согревания палатки.

Для прежнего, классического северного путешествия наш стан со стороны представлял бы странное зрелище: вместо низких нарт и лежащих рядом пушистых оленей или собак высокий черный силуэт аэросаней с пропеллером в чехле и рядом прикрепленная оттяжками к лыжам аэросаней стоит маленькая палатка. Единственный традиционный предмет старого экспедиционного быта — пара меховых лыж, воткнутых в снег рядом с палаткой.

Но эти лыжи не всегда нужны. Сегодня, например, при подъеме на горы над перевалом лыж совсем не надо: снег крепкий, убитый ветром. На поверхности камней цветут ледяные цветы — кристаллы льда, выкристаллизовавшиеся непосредственно из влажного воздуха, приносимого ветрами с юга. Переваливая через хребет и охлаждаясь, ветер оставляет на камнях эти цветы.

Северный Анюйский хребет, так же как и Анадырское плато, служит водоразделом ветров, и воздух переваливает через него то в одну, то в другую сторону. При этом поднимается он тихо и ласково, а падает вниз свирепо, и, поднимаясь на перевал, мы встречаем всегда пургу, дующую с хребта вниз.

С вершины у перевала замечательный вид на хребет. Перед нами огромная полоса гор, расчлененных глубокими долинами. Отсюда мы можем наблюдать поучительную географическую картину: вершины грив и гор местами сохранили мягкие очертания и представляют остатки прежней поверхности, так называемой древней поверхно-

сти эрозии. В нее врезаны крутые, скалистые, глубокие ущелья — это результат работы ледников недавней ледниковой эпохи. Снег скоплялся во впадинах мягкого рельефа, лежал годами, полз вниз и врезал кары — чашеобразные впадины на склонах. Мы видим и сейчас в верховьях долин эти кары, начинающие разъедать мягкий склон. Ниже по долине снег превращался в лед, стекал в виде ледника и пропахивал эти глубокие корытообразные долины, которые прорезают хребет на север и на юг. Так и кажется, что сам живешь в ледниковую эпоху и видишь, как на глазах изменяется ландшафт.

Хотя мы зря заезжали на речку Кыптыатам, но все же осталось еще немного лишнего бензина, и Денисов разрешает идти вперед еще 40 минут. Он, как механик нашего снежного корабля, имеет право определять пределы маршрутов, гарантируя обратную доставку на базу.

Можно попробовать дойти до южного подножия хребта. Спуск крут; наша долинка через 10 километров выводит нас в большую долину, прямо поворачивающую к югу. Это тоже ледниковая долина с крутыми стенками. Дно ее покрыто моренами и все ободрано ветром. Куда ни посмотришь, только крепкие, как наледь, заструги, или голые камни, или трава, почти без снега. Мы едем по речке, но и на ней снег ободран до льда, и сани с грохотом раскатываются по неровным ледяным буграм; слышно, как галька царапает лыжи. После десяти километров такого пути мы, жалея сани, решаем остановиться; до края гор осталось километров десять, и лучше пройти их пешком.

Экскурсия вниз по долине дала очень много интересного как для выяснения геологического строения района, так и для карты.

На наледях кое-где ледяные бугры, один очень крутой, метров до пяти высотой, с трещинами. Такие бугры — обычное видоизменение наледи: вода поступает особенно обильно из галечников в одном месте наледи, и под ее напором лед здесь вздувается, бугор лопается, вода частью выливается наружу через трещины, а частью замерзает внутри, и процесс возобновляется снова.

В конце маршрута я нахожу в долине озеро такого же ледникового происхождения, как и в долине Яракваам, и такое же большое. Судя по карте, нарисованной Ионле, это Вайгытхын. С горы видны конечные морены его южного конца; длинные поперечные острова — также конечные морены более ранней стадии оледенения; дальше тянется плато с редкими холмами, затем — долина Малого Анюя с черными лесами по склонам, а на горизонте в дымке —

Южный Анюйский хребет, тот хребет, через который мы должны были перевалить к Большому Анюю.

1 мая встречает нас свежим ветром с севера, с хребта. Поземка настолько сильна, что мы не решаемся выехать; наверно, не удастся завести мотор и не хватит бензина для перехода навстречу ветру.

Но после того как мы проскучали до полудня в палатке, которую придавливает со всех сторон ветер, наше настроение изменяется само собой. Денисов становится совсем оптимистичен: почему не попробовать? Ведь теперь не зима, только 15 градусов мороза, а ветер 14 метров в секунду — это не певекские 30 или 35 метров. Может быть, удастся завести?

И действительно, удалось. Мотор закрыли шкурами, мешками, и он скоро нагрелся. А как только двинулись сани, стало легче: выше по долине ветер становился все тише и тише, а за перевалом и совсем перестал. Грохочут сани по застругам, мелькают утесы и знакомые наледи, и вот мы выходим из гор. Теперь можно прибавить газу и 70-километровым ходом помчаться по равнине вниз к астропункту. Пологий спуск, нет ни кустов, ни наледей — исключительно благоприятное поле для любителей быстрой езды по бездорожным равнинам.

Такое же удовольствие предстоит нам и на следующий день, когда, закончив все работы на астропункте, мы выезжаем в Чаун. Белая Чаунская равнина для нас — родная страна. По всем направлениям исчерчена она лыжами наших аэросаней и полозьями наших оленьих караванов. Остается только еще один неизученный сектор — на востоке.

В кольце базальтов

...Был дик открывшийся с обрыва
сектор Земного шара...

Б. Пастернак

Прежде чем отправляться в новый маршрут, следует съездить в Певек за моторным маслом: оно уже на исходе. Надо привезти и запасную лыжу, потому что от постоянных ударов о заструги все лыжи обоих саней пришли в плохое состояние и могут сломаться в любой момент.

3 мая большие сани выезжают в Певек. Мы бережем малые сани, потому что на них мотор проработал уже много

часов, законные сроки прошли, и он может внезапно отказаться работать. А на больших санях мотор был сменен в марте (у нас был только один запасной мотор). Эти сани новее и надежнее, а малые имеют уже долгий стаж работы и аварий на Новой Земле.

Сани уходят в Певек и пропадают, хотя пурги нет. Только 5-го днем они возвращаются. Оказывается, дорога в Певек стала отвратительна, торосы обнажились, и от ударов у обоих лыж лопнула поперек верхняя алюминиевая покрышка — пришлось скреплять их продольными уздечками из железа. Теперь неизвестно, на какие сани ставить запасную лыжу: на малых санях лыжи также лопнули. Решаем пока хранить единственную лыжу про запас и производить ремонт старых лыж до последней возможности.

Аэросани нынче поставили рекорд по перевозке грузов: кроме громадной лыжи, не входившей в корпус саней и привязанной снаружи, Денисов привез несколько семиметровых досок, которые больше чем на метр длиннее корпуса. Доски были привязаны с боков, и концы их торчали далеко вперед. Из этих досок Перетолчин сделает нам лодку для поездки весной вверх по Чауну. Другой рекорд по перевозке грузов аэросани поставили зимой, доставив из фактории на правом устье Чауна сюда, в культбазу, большую железную бочку с керосином весом в 200 килограммов.

7 мая большие сани ставят еще один рекорд: в один день они доходят до юго-восточной окраины Чаунской равнины и возвращаются обратно в Чаунскую культбазу за новым запасом бензина. Малые сани на этом перегоне опять пострадали — вырван один из тяжей, соединяющих лыжу с шасси.

Новый маршрут продолжен вверх по большому правому притоку Чауна — реке Алькаквунь. Эта река собирает свои воды на склонах Анадырского плато и затем течет через равнину. Куда она впадает, мы никак не можем узнать: усть-чаунские чукчи, по словам Укукая, считают Алькаквунь притоком Паляваам, Ионле же на карте, которую он рисовал для нас, направил Алькаквунь в Чаун, и даже очень далеко от устья, к самым холмам Чаанай. Ионле нарисовал нам очень хорошие карты — видно, что он много ездил и умеет наблюдать.

До сих пор мы не могли при наших разъездах выяснить направление этой реки. Издали в равнине очень трудно проследить русло: оно не всегда сопровождается кустами, а низкие яры засыпаны снегом; ехать же по самой реке

невозможно: она образует в пределах равнины множество меандров (изгибов), и, чтобы следовать им, нужно потратить очень много времени.

Наша новая база выбрана очень удачно для астропункта — это одинокий холм у выхода реки из гор, увенчанный острым утесом-кекуром. Со всех сторон за десятки километров можно увидать этот холм, возвышающийся в виде плоской чаши.

Не буду описывать экскурсий с астропункта — снова восхождение на горы, геологические исследования, съемка.

9 мая мы двинулись вверх по реке Алькаквунь. Опять тяжелая задача — по какому из притоков идти? Какой из них позволит нам пройти глубоко в Анадырское плато?

Анадырское плато состоит из мощной толщи чередующихся покровов лав и вулканических туфов. Чтобы изучить его строение, нам надо пройти возможно дальше на юго-восток и подняться в нескольких местах на высокие горы, измеряя анероидом высоту залегания отдельных лавовых покровов.

В этот раз мне удалось убедить Денисова взять кроме полных баков еще четыре банки с бензином; две из них мы оставим где-нибудь, пройдя 60 километров, и таким образом обеспечим себе большой радиус действия.

В пятидесяти километрах от астропункта мы попадаем в интересное место: долина суживается и вся загромождена моренами, между ними — большие наледи. По долине реки Алькаквунь ледник спускался гораздо ниже, чем в Анюйском хребте: там мы находили конечные морены на высоте 500 метров над морем, а здесь всего на 250 метрах. Это и понятно — рядом к востоку лежал мощный центр оледенения, высокий Чукотский хребет, где скоплялось огромное количество льда.

Мы останавливаемся на моренах и сейчас же лезем на гору. Всегда хочется посмотреть, что дальше вверх по реке; этот вопрос важен и с научной и с практической точки зрения. Вид с горы очень интересен: Анадырское плато ниспадает к Чаунской равнине уступами, сложенными горизонтальными покровами молодых лав — базальтов, андезитов, липаритов. Эти уступы разрезаны глубокими ущельями, которые выгрызли ледники, недавно сползавшие с плато, поэтому мы видим дикий хаос вершин, черных и мрачных, припудренных снегом.

С горы мы разглядели, что нам надо будет пройти громадную наледь, потом подняться по узкой глубокой долине, изгибающейся к югу и скрывающейся среди обширных вершин плоскогорья.

На следующий день мы храбро пускаемся по наледи, сплошь покрытой глубоким потоком воды. Что будет через несколько дней, когда мы пойдем назад? Обойти наледь невозможно: она занимает все дно ущелья до крутых обрывистых склонов и может запереть нас на плоскогорье, как в ловушке.

Пройдя несколько километров по наледи, мы входим в узкую долину. Она имеет типичный для районов древнего оледенения корытообразный вид с крутыми стенками. Быстро двигаемся мы вверх по ней, к югу, и через два десятка километров открывается удивительная картина: речка, являющаяся истоком реки Алькаквунь, появляется из боковой маленькой долины с востока, а прямо перед нами — широкая и плоская долина без всякого русла, тянущаяся на юг и все более расширяющаяся.

Это, очевидно, перевал в какую-то реку системы Анадыря. Высота его ничтожна — всего 370 метров над уровнем моря, в то время как через Анюйский хребет мы переваливали на высоте 900 метров! Через этот перевал когда-то спускался мощный ледник, а теперь здесь может быть проложена удобная трасса аэросанного сообщения между Чауном и селениями долины Анадыря.

С жадным любопытством мы мчимся на юг по этой плоской долине. Куда приведет нас она? На протяжении 30 километров мы совсем не спускаемся: анероид, как я его ни стукаю, показывает все время одну и ту же высоту с колебаниями в 5—10 метров. Мы пересекаем две плоские впадины среди долины с едва заметными берегами. Это, наверно, озера Йогытхын (озера ветров), которые нам рисовал Ионле. Многочисленные заструги, обращенные мордами на север, подтверждают название озер и доказывают, что ветер здесь дует на юг. Следовательно, мы уже перевалили водораздел. Неудивительно, что через этот низкий перевал воздух должен передвигаться с большой силой.

Наконец мы пересекаем русло какой-то реки с обильными кустами. Вероятно, это река Пыкырваам, о которой мне говорили в 1933 году на Анадыре. Куда она течет — на запад или на восток? На западе долина как будто замкнута горами, а на восток открыта. Но кусты в русле слегка наклонены на запад, и, несомненно, вода течет в эту сторону. Впрочем, у нас еще хватит времени и бензина для исследования этой реки. Хорошо бы пройти возможно дальше на восток, чтобы увидеть центральную часть Чукотского хребта, которую до сих пор никому не удалось изучить.

После ночевки у любопытной группы острых гор, выделяющихся по своей форме среди столовых вершин плато, мы двигаемся на восток вверх по неизвестной реке. Мы проходим по пологим увалам, по наледям и достигаем узких долинок верховий реки. Наконец попадаем в такой узкий лог, что сани занимают все дно его между крутыми склонами. Если дальше будет так же узко, то мы не сможем даже повернуть назад.

Но долинка немного расширяется, и мы оказываемся на перевале. На север открывается система речек, впадающих в знакомую нам реку Паляваам, или Каленьмуваам, как ее называют чукчи-оленеводы, кочующие в ее верховьях. Эта река, главный приток Чауна, превышает его по своей длине.

С соседней высокой вершины, достигающей около 1200 метров, мы можем видеть изумительное зрелище — горы, заполняющие пространство во всех направлениях до самого горизонта. Мы стоим на одной из черных вершин, окружающих верховья нашей реки. Я назвал их Кольцом базальтов. На север от этого кольца лежит широкая впадина реки Каленьмуваам, и за ней тянутся цепи Чукотского хребта, уходящие на северо-запад. А на юге и западе нагромождено до горизонта бесконечное множество столовых вершин Анадырского плато, остатки изрезанных реками лавовых покровов, которые выливались на это громадное пространство в течение тысячелетий. Происходило это в геологической истории недавно, а по человеческому исчислению — сотни тысяч лет назад.

Когда стоишь на такой высоте, то кажется, что от этих снежных пространств исходит какое-то свежее дыхание, поднимающее ввысь. Становишься сам легким, и хочется подняться еще выше и лететь над горами все дальше и дальше.

Наиболее интересная для нас область, восточная, верховья Каленьмуваам, закрыта вершинами Кольца базальтов. Придется завтра взобраться еще на крайнюю восточную вершину.

Закончив изучение лавовых покровов, слагающих эту гору, и зарисовав на карту часть плато, которую можно видеть отсюда, мы с Ковтуном спускаемся к аэросаням.

Переходим в соседнюю долинку, к подножию вершины, намеченной для восхождения. Возле нас возвышаются две конические горы, увенчанные черными цилиндрами — коронами андезито-базальтовых лав. Это результат разрушения столовых гор: по мере того как выветривание разрушает краевые части утесов, они осыпаются, гора

уменьшается, пока от нее не останется такой конус с предохраняющей его короной твердой лавы.

Завтра с утра мы поднимемся на вершину, а в полдень поедем обратно на запад. Таково наше расписание. Но ночью начинает падать снег. Падает он с большой настойчивостью, все кругом затягивается тучами. Мы сидим в облаках, ничего не видно. Нельзя бросить работу и уехать, не увидав самого интересного участка Чукотского хребта, еще никем не нанесенного на карту. Да и вообще нельзя уехать — в этой пурге ничего не видно перед самым носом.

Итак, мы сидим. Первый день проходит хорошо. Приятно отдохнуть, полежать в спальном мешке сколько хочешь, сварить компот или кашу с урюком, полистать иллюстрированный журнал, который нам достался с разбитой штормом шхуны «Элизиф».

Хотя у нас нет печки и горит только одноголовый примус, но в палатке очень тепло — днем +13,5 градуса; в это время снаружи немного ниже нуля.

Второй день. Та же пурга, барометр не обещает ничего хорошего. Становится скучно: из-за экономии в весе мы не возим с собой книг. Приходится рисовать на бумаге карты и шахматные фигуры и заняться игрой.

Третий день. Все то же. Как поживает Яцыно на базе и наледь в ущелье Алькаквуня? Яцыно, наверно, думает, что у нас тяжелая авария, а наледь при такой теплой погоде могла уже покрыться непроходимым для нас слоем воды.

Хорошо, что мы ездим на аэросанях, а не на собаках. Необходимость кормить во время пурги собак — серьезное препятствие для дальних поездок в Арктике. Нередко бывали случаи, когда, просидев несколько дней, задержанные сильной пургой люди и собаки начинали голодать и потом с трудом добирались до дома.

Кольцо базальтов держит нас в плену трое суток.

16 мая мороз в 20 градусов и ясное небо. Мы с Ковтуном быстро взбираемся на восточную вершину. Когда мы вылезли на узкий гребень с обрывами снеговых карнизов вдоль него, трудно было удержаться от крика восторга, так красива панорама сияющих гор, открывшаяся на востоке. Ковтун наконец имеет возможность зарисовать ту недостижимую область между верховьями рек Каленьмуваам и Осиновки, рельеф которой до сих пор оставался для нас неясным.

Спуск с горы, как всегда, очень приятен; хорошо катиться вниз по подножию горы на лыжах, не задерживаясь ни на минуту.

Быстро проходят сборы, и еще быстрее мчатся сани вниз по долине реки, которая, судя по расспросным данным, собранным мною в 1933 году на Анадыре, называется Малый Пыкарваам. Пока мы сидели в тихом ущелье, здесь свирепствовала пурга.

Проходим знакомые места и затем решаем, насколько позволит нам запас бензина углубиться в узкую долину на западе. Бензин позволяет дойти до большой базальтовой столовой горы. Здесь кончался когда-то громадный ледник, спускавшийся по реке Пыкарваам.

Ледник этот нес такое громадное количество льда с востока, что одна ветвь его двигалась на север, в Алькаквунь,— этим и объясняется образование широкой и низкой долины перевала с озерами, рассекающей водораздел.

Новая наша стоянка важна для связи со съемкой 1933 года. Мы долетали на самолете почти до этого места, и теперь необходимо установить, какие речные долины были нанесены тогда на карту. В этом однообразном плато, где столовые горы и долины так похожи, очень трудно понять, та ли это река, которую я видел два года назад с самолета?

Спустившись с горы, тотчас же начинаем собираться в обратный путь; уже вечер, но надо торопиться пройти наледь, пока она не растаяла совсем. Темнота уже не мешает поездкам: ночи стали светлые. Через несколько дней солнце совсем не будет заходить за горизонт.

Как только мы переваливаем на северный склон, начинает чувствоваться попутный ветер. У наледи он очень силен, и мы едва рискуем остановиться, чтобы захватить оставленные здесь два бидона бензина; они совершенно засыпаны снегом. Наледь сильно покрыта водой, но еще проходима.

К астропункту подъезжаем в вихрях свирепой пурги, скатывающейся с Анадырского плато.

Яцыно собирался уже завести малые сани и ехать в Чаун за Курицыным, чтобы вместе искать нас,— ведь прошло уже восемь дней с тех пор, как мы уехали. Он вылез к нам черный от копоти примуса и мрачный от скуки, которая его совсем загрызла. Даже куропатки не могли рассеять его одиночества.

Несмотря на пургу, которая не прекратилась и на следующий день, мы поехали в Чаун. Нельзя терять ни одного часа, потому что снег садится прямо на глазах и становится мокрым. И хотя ветер дул нам в спину и струйки поземки весело бежали вместе с нами, иногда сани едва шли, настолько задерживал их липкий снег. Стоит толь-

ко остановиться — и не сдвинешь саней: лыжа покроется комом мокрого снега.

Чтобы выяснить место впадения реки Алькаквунь в Чаун, мы прошли сначала вдоль нее на северо-запад. Дойдя почти до самых холмов Чаанай, русло реки круто поворачивает и идет вдоль русла Чауна, не сливаясь с ним. Можно было проследить черные кусты русла Алькаквуня почти до самой дельты Чауна. По-видимому, прав Ионле: Алькаквунь действительно впадает в Чаун, но только гораздо ниже, чем он нарисовал.

Когда мы подошли к культбазе, то увидали, что в низовьях Чауна на льду появились пятна воды. Нельзя было и думать о последней намеченной нами поездке на северо-запад, в низовья реки Раучуван, а необходимо как можно скорее отправить аэросани в Певек, пока не вскрылись реки Чаун, Ичу и Млелю. В ночь с 20 на 21 мая мы проводили Денисова и Яцыно. Они поехали ночью, потому что в это время снег немного крепче и не так липнет.

Вешние воды

Как хорошо, что весна на свете!
Как это описать?

Н. Асеев

Как быстро наступает весна на Севере! Еще несколько дней назад термометр ночью показывал 20 градусов мороза, а сейчас уже все кругом тает, оседает снег, появляются голые участки тундры, на склонах обнажаются камни. На краю этих проталин снег превращается в тонкие пленки льда, которые так вкусно хрустят на зубах. Солнце с 23 мая перестает заходить и, едва коснувшись горизонта, снова поднимается. Нам предстоит провести дней двадцать в Чауне, пока не вскроется река. У меня смелое намерение — подняться по Чауну к горам на 200 или 300 километров. До сих пор никто не поднимался на лодках так далеко по северным рекам Чукотки. Чаунские кооператоры говорят, что по Чауну можно подниматься на моторной лодке только километров на пятьдесят.

Мы попробуем сначала подниматься на моторе, потом пойдем старинным, исконным способом русских землепроходцев — бечевой, а потом и пешком. Но, так или иначе, мы исследуем верховья Чауна.

Для этого путешествия Перетолчин должен сделать небольшую лодку. Он на Ангаре занимался постройкой ло-

док и хочет здесь, где совершенно не умеют делать хороших речных и морских лодок, блеснуть своим искусством. Верфь закладывается рядом с баней, на участке, очищенном от снега. Ставятся «стапеля» — попросту ящики от бензина, и на них Перетолчин строгает и прилаживает доски. Иногда кто-нибудь из нас допускается к этому серьезному делу, но большей частью Перетолчин работает один: он боится, что мы испортим драгоценный материал. Досок привезено в обрез, и нельзя погубить ни одной. И когда какая-то сучковатая доска при выгибании лопается, Перетолчин два дня в дурном настроении. Но лодка выходит на славу, легкая, стройная и изящная. В заключение ее красят черной краской внутри и желтой снаружи и выводят на носу имя: «Ангарка».

Между тем весна сказывается все сильнее и сильнее. 25 мая идет первый дождь. 28 мая мы получаем известия, что вскрылись реки Лелювеем и Кремянка. С устья Кремянки пришли люди уже по морскому льду. Чаун еще не вскрылся, но лед покрылся пятнами и полосами воды. На том берегу обнажились яры, и с них слышен неумолчный гам — это гогочут гуси, прилетевшие гнездиться на озерках тундры. Вся тундра ожила, круглые сутки со всех сторон раздаются различные птичьи голоса. Гуси храбро летают над нами и хрипло кричат. Охотникам не надо далеко ходить — можно стрелять молодых неосторожных гусей прямо из дома. Но все же большинство их, пролетая над домами, поднимаются за пределы выстрела.

Летят морские утки тесными быстрыми стайками. Шуршание их крыльев напоминает шум порывов ветра. Они деловито торопятся на север, не задерживаясь у нас.

Появилась утка-савка с длинным хвостом. Она кричит громко что-то вроде «ах-аллах». Крашенинников писал, что эту утку камчадалы называли «дьячком», потому что она поет, как на церковной службе.

Забавнее всех кричат куропатки. Они то кашляют, то хрипло смеются. Самки стали совсем серо-коричневые, а у самцов туловище осталось белым, коричневая только голова, над глазами появились красные гребни.

Радостно встречают весну и чукотские дети из интерната. Бóльшая часть их уехала в тундру, остались только те, у кого родители живут чересчур далеко или их нет совсем. Дети бродят по берегу, копаются в снегу. Две девочки, став лицом друг к другу, пляшут «танец оленя» — переминаются с ноги на ногу и искусно хоркают. Теперь Чаунское селение отрезано на все лето от оленеводов: вскрываются реки, тают болота, и никто не придет сюда

из тундры до осеннего санного пути. Когда в июле исчезнет лед в губе, придут катера из Певека.

Хорошо в Чауне весной. Тепло, вечное солнце, журчат ручьи талой воды, текущей из тундры. На проталинах из-под снега вытаивают осенние ягоды — голубика и шикша, и гуси с гоготом пожирают их. На месте снежной равнины появляются озера, протоки.

Хорошо, когда не нужно больше надевать меховые штаны, плекты, не надо топить непрерывно печку. Не надо идти навстречу пурге, закрывая лицо!

Можно даже вспомнить детство и начать прокапывать канавки вокруг нашей бани, чтобы вода из соседнего озера

текла в Чаун и не заливала сени.

Учитель Ломов и доктор культбазы Волошин, который проводил эту весну в Чауне, заняты огородом; уже в 1934 году доктор Андреев из предшествовавшей смены зимовщиков пробовал садить здесь овощи, и они дали обнадеживающие результаты, хотя из-за отъезда Андреева огород был заброшен в самом начале. Теперь рассаду Волошин каждый день выносит на солнце, а на ночь прячет от холода в дом. За интернатом вскопаны гряды, положено удобрение, проведены дренирующие канавки.

Мне, к сожалению, не удалось увидеть результатов этого опыта. С 6 июня на реке открылись большие полыньи вдоль берегов, а 9-го начался ледоход. В один день весь лед вынесло в море.

Морской лед будет еще держаться долго, и лишь у устьев рек пресная вода покроет и разъест его.

У нас нет своего мотора, чтобы подниматься вверх по Чауну; подвесной мотор, оставшийся в Певеке, слишком велик, и, кроме того, он нужен на морской шлюпке. Заведующий промыслово-охотничьей станцией Н. Елшин дал нам маленький подвесной мотор с тем условием, чтобы Курицын его отремонтировал; кроме того, Елшин будет нас сопровождать до устья Мильгувеем с целью выяснить вопрос о возможности заброски грузов в стойбища чукчей-рыболовов речным путем. Поэтому мы выходим из Чауна целой флотилией: впереди «Ангарка» с мотором, на буксире тяжелая лодка Елшина, а сзади болтается моя легкая резиновая складная байдарка.

Все изменилось вокруг: вместо того чтобы мчаться на аэросанях в любом направлении, мы должны медленно тащиться против течения, следуя всем изгибам капризной реки, вдоль черных торфяных обрывов. В пределах дельты Чаун мощная и глубокая река с тихим течением, и мотор бойко тащит вперед три лодки. То вправо, то вле-

во отходят протоки; многие из них нам знакомы: мы пересе́кали их на санях. В вершине треугольника дельты, откуда расходятся на север протоки Чауна, стоит мерзлотный бугор. Одна половина его срезана рекой, и видно, что в глубине, под слоями суглинка, лежит линза льда, которая и подняла кверху всю толщу.

Возле бугра удобный заливчик, как раз для завтрака. Пока варится чай, мы с Ковтуном забираемся на бугор, чтобы взглянуть на тундру. Из травы в разных местах взлетают гусыни; они сидят на гнездах, устроенных между кочками, и подпускают очень близко. В несколько минут мы набираем 25 больших тяжелых яиц и несем их вниз, чтобы изготовить яичницу. Елшин в это время ходил на охоту и принес пару гусей. Большинство гусей, гнездящихся в низовьях Чауна,— белоголовые казарки, сравнительно небольшие; более крупных видов гусей мы не встречали. Наша флотилия двигается дальше по полноводной реке. Налево отходит широкая протока — это и есть устье Алькаквуня, истинное положение которого мы так и не могли узнать зимой. Течение становится быстрее. Чтобы выгадать в скорости, мы идем под самым берегом. Появились кусты; между ними на островах сидят на гнездах гусыни и удивленно глядят на нас, не зная, надо ли скрываться или лучше притаиться и переждать. Самки куропаток сидят на гнездах в траве между кочками, а самцы стерегут тут же на кустиках. Самец почти весь белый и, выделяясь среди зелени, привлекает к себе внимание хищников. А серая самка и гнездо в траве останутся незамеченными. Так маленький самец куропатки трогательно жертвует собой для охраны потомства.

Километрах в пятидесяти от устья характер реки резко меняется: вместо одного глубокого извилистого русла она образует ряд проток, текущих между галечниками и маленькими островами. Сейчас весенний уровень метра на два-три выше нормального, вода покрывает все эти галечники и даже часть островов, и Чаун мчится мощным мутным потоком шириной в два километра, а местами, вместе с островами,— до пяти. Берега низкие, кругом только плоская тундра, и от этого водная равнина кажется еще безбрежнее.

Путешествие наше становится труднее: скорость течения велика, восьмисильный мотор едва тянет лодки. Под берегом идти можно не везде, и нам приходится выходить на середину проток, где мотор уже не в силах справиться. Мы приспособились помогать ему в этих случаях — одновременно гребем изо всех сил. У берега же, когда мо-

тор начинает сдавать и лодка ползет обратно, кто-нибудь выскакивает на берег и впрягается в бечеву. Это тем более просто сделать, что вода идет вровень с берегами, а иногда и переливается через край прямо в тундру.

Бывают и опасные моменты, когда берег делает крутой поворот и лодка, обогнув угол, выскакивает на сильную струю. Связкой из трех лодок управлять плохо: вторая лодка «запоперечивает», и волна заливает ее.

На четвертый день мы доходим до устья Мильгувеем. По реке мы сделали 100 километров — хорошее достижение для моторной тяги во время весеннего паводка. Елшин хочет вернуться назад со своим мотором, но мне удается уговорить его пойти еще немного с нами, так как помощь мотора нам пока необходима.

Река стала еще полноводнее, коричневые волны переливаются через берега прямо в тундру. Как идти с бечевой по этому топкому, болотистому, залитому водой берегу? Нигде не видно ни отмели — только кусты и болота.

На устье Мильгувеем, где зимой стояли чукчи, сейчас пусто и лишь несколько обломков оленьих рогов остались на месте яранг. Чукчи откочевали к берегу моря или в горы, потому что летом в равнине оленей заедают комары.

Еще один день мы идем с помощью мотора и затем сами принуждены отказаться от него. В этой части реки много мелких отмелей, которые приходится огибать по стержню, и мотор уже не в силах тащить три лодки против быстрого течения. Если бы мы имели возможность идти с одной только моторной лодкой, мы могли бы, вероятно, добраться по такой высокой воде до самых гор.

19 июня мы помогаем Елшину нагрузить его лодку, отдаем ему весь лишний груз; он заводит мотор и уносится вниз по течению со скоростью поезда. Но вода была так велика, что лодка Елшина нигде не задела за дно. В тот же вечер он вышел к устью Чауна.

Мы с некоторой грустью перешли сразу из XX в XV век, к тому способу, которым казаки поднимались по сибирским рекам.

Двое из нас взяли лямки и пошли по берегу, а двое сели в лодку. Сначала мы думали, что мы по очереди будем отдыхать в лодке, но оказалось, что работы там не меньше, чем на берегу. При таком сильном течении, при отсутствии хорошего бечевника приходилось всем четверым работать весь день. Шедшие по берегу должны были продираться сквозь кусты, превышающие рост человека; при этом тянул лямку только один, а другой перебрасывал ее через кусты, чтобы не «зарачило» (не зацепило). То надо было

переходить через протоки, то брести наискось через покрытые водой отмели, чтобы вывести лодку на глубокий фарватер. При этом трудно определить, как глубока протока, и часто случалось, что высокие резиновые сапоги были недостаточны и человек погружался в холодную воду до пояса.

Находящиеся в лодке должны также быть очень внимательными. Рулевой не только правит лодкой — там, где нужно обходить мели или заросли кустов, недостижимые для бечевы, он берет шест и вместе с сидящим на носу пропихивает лодку вверх. На мелких перекатах оба соскакивают в воду и ведут лодку «бродком», то есть толкают ее.

Но так или иначе мы двигаемся вверх. Вот уже холмы Теакачин; здесь Чаун разделяется на две реки — Малый Чаун, по которому мы уже поднимались зимой к озеру Эльгытхын, и реку Уваткын, главную вершину, берущую начало на стыке Анадырского плато и Северного Анюйского хребта. С холмов у реки можно посмотреть на Чаунскую равнину и горы на юге — наш кругозор вот уже восемь дней ограничен рекой, кустами и болотами.

Впереди река имеет тот же характер, такое же обилие коварных проток, островов; вдали белеют два громадных пятна — наледи. В 170 километрах от устья мы огибаем первую из них. Это поле льда толщиной более двух метров и длиной до трех километров. Она покрывает галечники, и часть проток реки проходит подо льдом.

Выше наледи в обрыве реки я нахожу стволы деревьев. В окружающих горах нет деревьев, и эти стволы были когда-то принесены морем. Вся Чаунская равнина десять или двадцать тысяч лет назад была залита морем, и волны лизали подножие окружающих ее гор. Вторая наледь страшнее: она охватывает половину русла. Неделю назад вся река протекала под наледью и проход был невозможен.

Выше наледи наша работа становится еще тяжелее. Здесь много маленьких проток с быстрым течением и мелкими перекатами. Очень часто приходится тащить лодку вброд, и нередко река на поворотах образует водовороты.

23 июня наша лодка терпит крушение. На крутом повороте в узком русле лежит вырванная из яра глыба земли с кустами, и вокруг нее бьется вода. Такой крутой поворот на быстрой и узкой реке — самое опасное место: здесь нельзя натянуть бечеву, она слабеет, лодка начинает «рыскать», ее забрасывает. И вот она прижата водоворотом к кустам и опрокидывается. Перетолчин и Ковтун стоят в воде, удерживая ее руками, а мы с Курицыным бросаем бесполезную бечеву и бежим на помощь.

Поток выхватывает из лодки весла, доски, тюки и тащит их вниз; стоя по пояс в воде, удается подтянуть нос лодки к берегу. Пока двое вытаскивают вещи, остальные бросаются вниз за похищенным рекой грузом — один в байдарке, другой пешком по берегу. Здесь же, на узкой отмели между двумя протоками, приходится стать на ночь, чтобы высушить вещи и продукты. Часть крупы и сахар погибли, но остальное удается спасти.

Пройдя еще 7 километров до подножия гор, мы решаем оставить здесь лодку, чтобы не мучаться больше. Мы пойдем дальше пешком налегке, с одной байдаркой. И так уже поставлен рекорд для северных чукотских рек — прой-
342 дено вверх по течению 200 километров.

Горы в цвету

Но верь мне, в этом горьком
поле
Растут чудесные цветы.

С. О.

База для экскурсии в горы устраивается на берегу вблизи последних утесов. Лодку мы прячем под кусты и наливаем водой, чтобы не рассохлась; вещи складываются в кучу и покрываются брезентом. Все, что нужно нам, мы повезем в байдарке. Не придется брать ни подушек, ни одеял — только легкие спальные мешки. Палатки наши также легки и миниатюрны: они сделаны из тонкой прорезиненной материи, легкий пол пришит к палатке. Самый тяжелый груз в байдарке — это запас продовольствия.

Наконец-то мы с Ковтуном имеем возможность отделиться от лодки и вести непрерывную научную работу. Байдарку поведут Курицын и Перетолчин. Она так легка, что и один мог бы справиться, но под кустами на быстринах и в водоворотах безопаснее, если второй помогает сзади. Быстрое течение постоянно прижимает байдарку к берегу, и, в то время как один тянет бечеву, другой отталкивает байдарку от берега веслом.

Часто приходится переезжать с одной стороны на другую из-за утесов, кустов и отмелей. Выгружать весь груз слишком долго: байдарка забита до отказа, в ней больше двадцати тюков и тючков; поэтому при переездах Перетолчин садится верхом поверх груза, спустив ноги в воду, и гребет двухлопастным веслом. Переехав на другую сторону и выгрузив наиболее тяжелые мешки, он возвращается и забирает Курицына, который садится также поверх

вещей. Это весьма неспортивный и опасный способ плавания в байдарках, и ни один инструктор спорта не разрешил бы садиться таким образом.

Собравшись в одно русло возле первых утесов, река Уваткын выше опять распадается на множество проток в широкой долине. Мы еще в предгорьях, и плоские увалы тянутся далеко от реки.

Осмотрев конец первого увала, мы с Ковтуном спускаемся в обширные заросли кустов, окаймляющих реку. В кустах перепархивают самцы куропаток и низко-низко перелетают через протоки реки. Кажется, вот сейчас упадет в воду! Медленно, смешно и часто махая крыльями, куропатки благополучно перебираются на другой берег.

Через десяток километров река вновь подходит к утесам. Здесь придется заночевать на низкой площадке, только недавно освободившейся от воды. Место это ничем не примечательно для туриста, но для геолога очень интересно: здесь проходит граница между областью молодых третичных лав Анадырского плато и более старых мезозойских лав Северного Анюйского хребта. Выше река пересекает уже восточную оконечность хребта, а плато тянется к востоку.

Выше утесов снова обширные заросли кустов ивы и ольхи, разделенные протоками. Мы разбредаемся в разные стороны; я поднимаюсь на левый берег и вижу, как остальные трое проводят байдарку через правые протоки. Место очень неудобное: протоки расходятся веером, и надо перейти на противоположную стрелку. Переплыть в байдарке трудно: течение слишком быстрое, и мои товарищи храбро пускаются вброд по пояс в воде. Черные фигурки людей странно дергаются, протягивают друг другу весло для помощи, одно из них падает, байдарка пляшет на волнах. Вечером мы ставим палатки на отмели между двух проток. Перетолчин очень доволен стоянкой: есть хорошее место для сети. Мы везем с собой маленькую ставную сеть, и каждую ночь, если только есть удобный затон, Перетолчин отправляется на байдарке и ставит сеть со всеми предосторожностями исконного рыбака. Нередко сеть приносит нам больших черных хариусов — вкусную рыбу, которую обычно называют сибирской форелью. Эти хариусы — арктический вид, Thymallus arcticus, с громадным спинным плавником. Но, так же как и более южные виды, он очень вкусен, особенно если зажарить его на сковородке с яичным порошком.

Так идем мы еще два дня. Долина суживается, склоны ее становятся высокими и покрыты непрерывными осыпями,

иногда попадаются утесы. Проток мало, но зато приходится переезжать с берега на берег из-за утесов, обрывающихся прямо в воду. Вскоре появляются и первые признаки более серьезных препятствий — стремнины с камнями, которые в Сибири называют шиверами. Скоро, наверно, увидим и настоящие пороги.

После перехода через первую шиверу мы с Ковтуном расходимся: я иду по левому берегу для осмотра утесов, а он уходит на горы правого берега. Километрах в шести выше река круто поворачивает, отсюда начинается узкая поперечная часть долины. Взобравшись на осыпь, на повороте я стараюсь выяснить, что сулит нам дальнейший подъем по реке. Кажется, довольно много неприятностей — шиверы, теснины.

По той стороне реки тянется полоска тундры — болотистый луг с мелкими кустиками березки Миддендорфа. И между ними бредет бурый мишка. Он останавливается, нюхает что-то в траве, потом опять двигается вперед своей развалистой походкой. Кажется, что он медленно передвигает лапами; на самом деле его шаг гораздо быстрее человеческого. Вот его бурая шкура мелькает уже против меня у устья ручья. Куда он пойдет? Может быть, ко мне? У меня, как обычно, нет ружья — кому охота таскать с собой лишние тяжести,— но на осыпи вокруг меня много камней, и, может быть, я сумею его достойно встретить.

Но медведь, очевидно, передумал: он направляется на восток, прямо к Ковтуну. Немного погодя, как рассказывал потом Ковтун, они встретились. Сначала медведь показался вдали, но Ковтун не пожелал познакомиться поближе и поспешил уйти на соседние холмы. Мишка счел невежливым в качестве хозяина тундры отклонить знакомство, зашел с другой стороны и вылез из-за холмов. Ковтун стал уходить — медведь за ним. Пришлось остановиться: от медведя все равно не убежишь, если он захочет догнать. Мишка подошел на двадцать шагов и встал на задние лапы, чтобы рассмотреть человека получше. Хотя известно, что чукотские медведи не нападают на людей, но, перефразируя слова М. Литвинова в одной из его политических речей, можно сказать: «Знают ли сами медведи, что им не полагается нападать?» И Ковтун поспешил вынуть единственное свое оружие — перочинный ножик. Вид ли этого страшного оружия испугал медведя, или то, что Ковтун поднял свой черный тюлевый накомарник и открыл лицо, но мишка повернулся и убежал.

Если добавить, что в этот день Ковтун видел еще полярного волка, рыскающего по тундре, то надо признать, что

его рабочий день был вполне достоин полярных романов.

Рабочий день Курицына и Перетолчина также был чреват неожиданностями: ряд неприятных шивер и один порог заставили их порядком повозиться с байдаркой.

Мы стали на ночь у конца большой шиверы. Река пенящимся потоком, усеянным камнями, выходила с юга из извилистого ущелья. Выше, в самом ущелье, река мчится по узкому руслу с громадными камнями и низвергается с них бурными каскадами. Байдарку можно переправить через этот страшный порог, только обнеся ее и груз по берегу. Но на это мы потратим много времени, а верховья реки уже близки; легче дойти до них пешком.

Поэтому, оставив наших техников отдыхать и ловить рыбу у порога, мы с Ковтуном уходим вверх. Перетолчин настойчиво советует взять ружья, а если мы не хотим, то обязательно уж финские ножи: из опыта ангарских крестьян следует, когда медведь навалится на вас, распороть ему живот ножом. Но я совсем не хочу, чтобы медведь на меня наваливался: мне кажется, тогда уже поздно будет пороть ему брюхо. Поэтому я отдаю свой финский нож Ковтуну и беру с собой катушку кинопленки: если зажечь ее, то вряд ли медведю придет охота знакомиться.

Мы по обыкновению расходимся в разные стороны: я иду вверх по реке, а Ковтун уходит на юг в горы. Выше порогов долина немного расширяется, низкую террасу покрывают болота и кустики. Часто попадаются признаки недавнего пребывания медведей: следы лап на влажной почве, разрытые норы сусликов, кучи помета, показывающие, что медведи пожирали огромное количество прошлогодних ягод. Но самого мишки мне не удалось встретить, и опыт с кинопленкой так и остался только в проекте. Нож Ковтуна также пролежал все время в ножнах.

Хотя мы находимся на Крайнем Севере, на 68 градусе широты, но горы теперь имеют радостный, сияющий вид. Зеленая трава покрывает нижнюю часть склонов, и нередко в ней видны чудесные цветы — то совсем чуждого нам вида, то представляющие уменьшенную копию наших южных растений, например карликовые незабудки, листья которых похожи на лишаи. Встречаются и небольшие желтые рододендроны, и кислица (Oxyria digyna), почковидные листья которой по вкусу похожи на щавель; из них мы варим превосходные зеленые щи.

Птиц здесь гораздо меньше, чем в тундре,— редко-редко увидишь здесь утку или одинокую гусиную семью, поселившуюся на маленьком озерке в долине реки. В траве

можно найти гнезда маленьких птичек, из них выглядывают широко раскрытые желтые рты птенцов.

Я ночую у развилины, где сходятся два истока реки. Вернее, лежу у костра, потому что светло и не хочется спать. Ночь холодна и туманна, и комары скрылись. Через вершины перекатываются сигарообразные облака — я сейчас нахожусь в той области, где они зарождаются во время фёна. Начинает накрапывать дождь. На другой день возвращаюсь к палаткам. Меня отделяла от них шумная река, и пришлось долго кричать, пока перевозчик — Перетолчин услышал и приехал за мной на байдарке.

Ковтун возвращается к вечеру; его пригнало с гор ненас-

тье, которое закрыло все кругом. Но то, что мы сделали, достаточно: пройдено 315 километров по реке, мы проникли уже на южный склон Северного Анюйского хребта, так как в области порогов Уваткын пересекает ось хребта. Следует спешить в Чаун: в начале июля туда может уже прийти наша морская шлюпка, и нужно будет начать работу на побережье губы. Ненастье принесло с собой большой подъем воды в реке. 3 июля под утро я проснулся от необычного шума и увидел, что река мчится мимо палаток бурным и мутным потоком, уже залила половину галечника, на котором мы стояли, и хочет унести вытащенную на берег байдарку и все, что под ней сложено на ночь, — резиновые сапоги, весла, бечеву. Порог Уваткына от этих дождей превратился в грохочущую пенистую стремнину.

Опять идет дождь, а ночью даже снег. Мы застали здесь еще старый снег, лежавший кругом под обрывами берега и в горах. Мы попробовали изготовить из него мороженое, но неудачно: снег уже превратился в зернистый фирн, и его приходится отцеживать сквозь зубы, съедая отдельно какао и сгущенное молоко.

Обратный путь вниз по реке для нас праздник после тяжелой работы по подъему лодки. Правда, первые 65 километров это отдых только для меня, потому что остальным придется идти пешком: байдарка вместе с грузом может поднять только одного человека. Это приятное плавание вниз по реке достается на мою долю.

Какое это удовольствие — мчаться вниз по горной речке, по шиверам и стремнинам, со скоростью 15 километров в час. Только успеваешь отгрестись от утеса, на который наносит течение, как из-за поворота выдвигается новая опасность. Все время надо быть начеку, внимание напряжено.

Но когда я выезжаю в область расширения с ее многочисленными протоками и кустами, путешествие становится еще опаснее. Сильное поднятие воды в реке вызвало но-

вое размывание берегов, и глыбы земли вместе с кустами загромождают фарватер, а вода мчится через кусты бывших островов. Очень опасно, если тонкая резиновая байдарка с размаху ударится о сучья, торчащие из таких барьеров, или попадет в водоворот и навалится боком на куст. Мне приходится усиленно работать веслом, и дважды я даже выбрасываюсь на полном ходу на берег, чтобы избежать грозящих мне кустов.

К концу дня я начинаю думать, что такие праздники, как этот, чересчур утомительны, и я охотно поменялся бы с кем-нибудь на более серые будни.

Река выносит меня к концу последнего увала, и я внимательно слежу, чтобы войти в большую протоку, которая ведет к левому берегу, где расположена наша база, но протоки нет. Выскакиваю на галечник, хожу взад и вперед, но протока исчезла. Вся масса воды уходит теперь вправо, а к базе попадает только несколько мелких ручьев; мне приходится перетаскивать байдарку по галечнику, обдирая дно. Впрочем, такие случаи были предусмотрены, и в начале работы мы обтянули дно байдарки слоем брезента. Теперь этот брезент уже весь в дырках.

Мои спутники приходят к вечеру, уставшие до смерти. Хотя по берегу гораздо ближе, чем по реке, но все же им пришлось отмахать километров пятьдесят по горам, по болотам, по кустам. И они жаждут скорее залезть в палатки, запрятаться от комаров и полежать спокойно.

Только Ковтун — инициатор этого героического похода, сэкономившего нам один день пути,— бодр и свеж: он привык каждый день взбираться на горы.

Выбраться на лодке отсюда не так-то просто: маленькая, мелкая проточка, текущая вдоль левого берега, только в двух километрах ниже соединяется с главным руслом. Приходится протаскивать лодку через почти сухие перекаты. Но через несколько часов обе лодки плывут уже по большой протоке. Скучные плоские береговые обрывы, вдоль которых мы поднимались с таким трудом, проносятся мимо нас с быстротой 10—12 километров в час. Через несколько часов мы уже у устья Малого Чауна. Здесь надо сделать остановку для осмотра холмов Теакачин.

Тундра переменилась за эти пятнадцать дней. Появилось множество комаров, и прогулки по болотам в густых сетках при удушающей жаре доставляют мало удовольствия. «Удушающая» жара — это, конечно, сильно преувеличено, но для нас после целого года холода 19 градусов тепла в тени и больше 30 градусов на солнце кажутся нестерпимой жарой.

Появились также другие маленькие существа, но более симпатичные — гусята. Везде в протоках и на галечниках видны уплывающие и убегающие гусыни с выводками. Как-то раз мы высадились на отмели возле такой семьи; гусыня улетела, а гусята доверчиво пошли за нами и спустились в воду возле лодки. Наши охотники испытывают большие мучения при виде такой доверчивой дичи. Но охота в Чаунском районе запрещена с 15 июня, да и мы сами не решились бы убивать мать и губить гусят.

Рыбная ловля не запрещена, и Перетолчин по-прежнему ставит сеть, которая неизменно приносит черных хариусов. Сегодня ночью на реке возле сети слышались пронзи-

тельные крики — это кричала гагара. Когда Перетолчин отправился осмотреть сеть, оказалось, что гагара, увидав в сети рыбу, нырнула за ней и сама запуталась. Сеть была порвана и безнадежно запутана, и по воде далеко разносились крепкие выражения, которые расточал по адресу гагары наш рыбак. Я услышал знакомые проклятия ангарских крестьян — «гад» и «змея».

Потом гагара была принесена к палатке и привязана за лапку. Лапки у гагары расположены на заднем конце туловища, так что она почти не может ходить, но зато замечательно плавает и ныряет. У нас она все время лежала на животе и время от времени кричала отвратительным голосом и переваливалась на другое место. Ее долго упрекали за неуместное вмешательство в рыбную ловлю и придумывали ей наказание. Предполагалось ее убить и ободрать шкуру на дамскую шляпу: у гагар очень красивое темно-серое блестящее оперение с красно-бурым пятном на шее (это была так называемая краснозобая гагара). Но потом Перетолчин решил: «У нее тоже на озере где-нибудь дети есть, пусть кормит» — и перерезал веревку. Гагара с криком, ударяя по земле крыльями и переступая короткими лапками, бросилась в воду, по дороге опрокинув сковородку, в которой жарилась рыба. Зоологи говорят, что мы счастливцы (конечно, если исключить испорченную сеть и опрокинутую сковородку): никто еще не видал, как ходит гагара.

На следующей стоянке у холмов Чаанай на нашу сеть сделали нападение другие разбойники — чайки. Но они гораздо осторожнее и выедали рыбу по кусочкам, не трогая сети. От хариусов оставались только половинки и четвертушки. Чайка — смелый и сильный хищник: однажды мы видели, как чайка тащила большого лебеденка.

Переменилась за эти две недели и река. На месте сплошной водной пелены шириной в несколько километров обна-

жились громадные галечники, по которым протекает небольшая река, шириной в сто или полтораста метров, то одной, то двумя протоками. Нельзя плыть где попало, надо выбирать фарватер и избегать многочисленных перекатов, мелей и кос. Чаун по своему режиму напоминает реки пустынь: необычайное обилие воды в течение короткого периода и громадные сухие галечники в остальное время. Неудивительно, что реки Чаунской равнины непрерывно передвигаются в новые места, и вся равнина покрыта слоем современных речных галечников: в половодье река легко прокладывает себе новые русла по тундре, заваливает галькой и илом старые протоки и таким образом перемещается в новое место.

10 июля дельта Чауна приветствовала нас встречным ветром и сильной волной, и мы едва добрались до культбазы. А ночью пришли первым рейсом из Певека кавасаки с кунгасом и за несколько часов до них — наша моторная шлюпка. Я не буду рассказывать о наших дальнейших работах на берегах Чаунской губы: они похожи на плавание прошлого года. Пока Ковтун на речной лодке производил съемку дельты Чауна и низовьев его больших притоков, мы с Денисовым и Перетолчиным отправились на морской шлюпке вдоль западного берега губы для осмотра месторождений различных полезных ископаемых. Мы открыли на речке Кремянке небольшое месторождение халцедонов, затем осмотрели кварцевые жилы возле мыса Безымянного. Здесь нас захватил северный шторм, и мы просидели несколько дней в обществе бедняков-оленеводов, вышедших к морю со своими стадами.

В ночь на 17 июля мы пересекли Чаунскую губу в средней ее части, держа прямо на Певек, и, несмотря на обнадеживающий штиль у берегов, попали в середине губы в очень тяжелую волну, которая изрядно нас помучила и напугала. Но в конце концов удалось выбраться под защиту певекского берега и войти в нашу тихую гавань. Весь пролив был загроможден льдами, которые пригнал сюда северный шторм.

На следующий день мы были свидетелями страшного летнего фёна — южного певекского ветра. При чистом небе ветер силой 30 метров в секунду срывался с горы и с такой яростью падал на селение, что море, начиная от берега, кипело. Все суда — кавасаки и кунгасы, стоявшие в бухте под горой, были сорваны с якорей и выброшены на противоположный берег бухты.

Пароход, тот же «Смоленск», который привез нас сюда, пришел в первых числах августа, и до его прихода мы

могли использовать конец июля для дополнительного исследования Певекской горы и острова Айон.

4 августа «Смоленск» увез нас из Чаунской губы, где мы провели целый год. При выходе из губы «Смоленск» встретил тяжелые льды, сплотившиеся у острова Айон. Потянулись долгие дни плавания — сначала на запад, к устью Колымы и к Медвежьим островам, затем на восток, к знакомым уже станциям полярного побережья, к устью Анадыря, вдоль берегов Камчатки; наконец, только в середине октября мы пришли во Владивосток.

350 Трудовая осада

Теперь
　　от абордажей и штурма
Мы
　　перейдем к трудовой осаде.

В. Маяковский

В течение целого года мы изучали Чаунский район — на аэросанях и оленях, на моторной шлюпке и речных лодках и в особенности пешком. Для того чтобы мне и Ковтуну выполнить план нашей научной работы, весь наш маленький коллектив самоотверженно боролся с суровой природой Крайнего Севера.

До нас никто не применял аэросани в таких тяжелых условиях приполярной горной страны. Мы ездили на аэросанях и в 50-градусные морозы февраля, и при оттепелях мая, и в полярную ночь, и при незаходящем солнце. Мы проходили на них и по твердому снегу прибрежных равнин, и по застругам высоких горных перевалов, и по глубоким снегам предгорий, и по голому морскому льду, и по горным наледям, покрытым водой. Мы доказали, что аэросани вполне применимы не только на равнине, но и в горах для самых разнообразных целей.

Эта интенсивная работа принесла ценные результаты. Был изучен район, до того совершенно неизвестный, составлена карта горной страны и ее физико-географическое описание. Изучено геологическое строение и составлена геологическая карта. И что особенно важно, полезные ископаемые, признаки которых были обнаружены нами, оказались при дальнейшем изучении заслуживающими самого серьезного внимания — в особенности месторождения олова. Арктическим институтом была послана в Чаунскую губу в 1937 году геологоразведочная экспедиция, затем — разведочные отряды и, наконец, началась эксплуа-

тация месторождений олова. Таким образом, наша экспедиция заложила основу интенсивного горнопромышленного развития Северной Чукотки.

Певек, ныне поселок городского типа, ставший центром нового крупного оловорудного района, сделался неузнаваем *. Уже в 1943 году здесь был построен первый двухэтажный дом, а теперь их несколько десятков, и притом теплофицированных. А среди них, как мне рассказывали, еще стоит наш скромный самодельный дом — свидетель прошлых исследований — со стенами, полом и потолком, утепленными торфом! В Певеке есть Дом культуры, рабочий клуб, три библиотеки, районная больница, два детских сада, ясли, гостиница, несколько столовых, магазины, пекарни. В 1933 году во всем Чаунском районе выпекалось 320 килограммов хлеба, а теперь в одном только Певеке ежедневно продается несколько тонн хлеба и булок!

Певекский порт летом принимает много судов, а в аэропорту круглый год садятся самолеты. Электростанция Певека снабжает энергией горные предприятия района, высоковольтные линии тянутся на сотни километров.

Таковы поразительные результаты скромных находок бурых минералов, обнаруженных геологом и его помощником в горах по берегам Чаунской губы.

Но еще разительнее перемены, происшедшие за 20 лет в жизненном укладе и формах общественной жизни чукчей. О новой Чукотке опубликовано уже несколько хороших книг, например Т. Семушкина, П. Кравченко, и ряд специальных статей. Сводку новейших сведений о Чукотке дают сборник «Преображенный край» и книжка И. В. Гущина и А. И. Афанасьева «Чукотский национальный округ», выпущенные в 1956 году в Магадане. Кроме того, большое количество интересных статей печатается в газетах и журналах, издающихся в Чукотском национальном округе. Из этих материалов и из докладов студентов-чукчей Педагогического института имени Герцена в Ленинграде я заимствую приводимые сведения.

Наиболее важными фактами являются, конечно, широкое распространение грамотности в народе, который до революции насчитывал меньше сотни человек, знавших начатки грамоты, и переход всех оленеводов на оседлое жительство. Созданы культурные поселки со школами, банями, медпунктами и т. д., в которых живут оленеводы, и только бригады пастухов теперь кочуют вместе со стадами оленей, но и они живут в более культурных условиях и

* Эти строки писались автором в 1957 году.— *Прим. ред.*

лучше питаются, чем оленеводы в 1934 году. Теперь чукотская женщина уже не извечная рабыня яранги и полога и не должна одна выполнять всю тяжелую работу по кочевке. Больше 160 чукчанок — депутаты окружных и местных Советов, 54 чукчанки — судебные заседатели, 55 — учатся в педагогических училищах. Не менее важно также, что все оленеводы вступили в колхозы, и нет больше ни богачей, ни бедняков. Нет кулаков и нет шаманов, которые причиняли так много неприятностей и нам, и первым советским, культурным и партийным работникам в начале 30-х годов.

В 1954 году из всего поголовья оленей в 434 300 голов 81,9% находилось в стадах колхозов и совхозов, а остальные — в личной собственности колхозников, рабочих и служащих. Всего на Чукотке 46 колхозов, объединяющих 2746 хозяйств (в 1930 году было 9 колхозов).

Среди этих колхозов есть очень крупные: например, в Чаунском районе на острове Айон, где в наше время не было стойбищ, создан крупнейший колхоз «Энмитагино», с большим центральным поселком, в котором уже в 1947 году была построена школа.

В настоящее время отпала необходимость в культбазах, которые вели вначале просветительную работу на Чукотке. Теперь эта работа ведется школами, медпунктами, кинопередвижками, которые имеются везде.

В округе уже имеется большая сеть культурных учреждений: окружная библиотека, Дом культуры и музей, 5 районных библиотек и 5 Домов культуры, 9 сельских библиотек и 15 клубов, 21 изба-читальня, 20 красных яранг, 70 кинопередвижек.

В 1955 году было 22 больницы, 7 диспансеров, 53 фельдшерско-акушерских пункта, 7 аптек. К началу 1955/56 учебного года количество учащихся в 66 школах равнялось 4357. Для детей создано 34 интерната. В Анадыре уже 15 лет существует педагогическое училище.

В заключение необходимо отметить, что вся эта культурная работа проводится силами не только приезжих русских — многие чукчи и чукчанки, окончив педагогические институты и вузы, становятся учителями, врачами, фельдшерами, медсестрами. Есть теперь и чукчи-писатели и чукчи-поэты. Не говорю о технических профессиях — уже в 1934 году я видел чукчей мотористов и радистов, а теперь есть и летчики!

Так разгорается над Чукоткой все ярче заря новой жизни. И тот быт, о котором я рассказываю в этой книге, скоро сохранится только в воспоминаниях стариков.

Сергей Обручев — исследователь Сибири

Имя Сергея Владимировича Обручева широко известно в геологической и географической науке, в истории путешествий первой половины XX века и связанных с ними крупных географических открытий. Массовому советскому читателю оно особенно хорошо знакомо как имя автора многочисленных научно-популярных книг, большинство которых посвящено описанию его собственных путешествий.

Представитель фамилии, известной прежде всего по научной и литературной славе отца, академика В. А. Обручева,— крупного ученого, писателя, путешественника, но также и по военным заслугам своих предков, С. В. Обручев с ранней юности пристрастился к далеким и трудным путешествиям и сохранил эту страсть до самого конца своей жизни. По его собственному признанию, еще мальчиком, во время поездок с отцом в Китайскую Джунгарию, он «на всю жизнь заболел неизлечимой страстью к путешествиям», однако, как далее он писал, «не той бесплодной страстью буржуазного путешественника-рекордсмена, а страстью исследователя, стремящегося изучить природу своей страны». И действительно, все книги, написанные С. В. Обручевым о его путешествиях,— яркое свидетельство не спортивного азарта, а научного энтузиазма землепроходца.

Сергей Обручев родился в 1891 году в Иркутске, в семье горного инженера и единственного в то время геолога Иркутского горного управления, будущего знаменитого исследователя Сибири и Центральной Азии В. А. Обручева. Он учился вначале в Иркутском реальном училище, а с 1902 года — в Томском училище, так как В. А. Обручев был назначен деканом и заведующим кафедрой геологии только еще создаваемого горного отделения Томского технологического института. В 1908 году С. Обручев сдал досрочно экзамены за курс реального училища, поступил в Технологический институт, но тяга к широкому естест-

веннонаучному образованию была в нем столь велика, что, покинув Томск, он в 1910 году поступил на первый курс естественного отделения физико-математического факультета Московского университета. Для этого юноше пришлось преодолеть тяжелый барьер — своими силами подготовиться и сдать экзамен по латинскому языку (впрочем, еще пятнадцатилетним мальчиком С. Обручев овладел языком эсперанто, а немецкий, родной язык своей бабушки, знал с детства).

Студент Обручев, уже имевший за плечами немалый опыт геологических экспедиций, прошедший отцовскую школу, со второго курса вступил на самостоятельный путь работы геолога, был в Закавказье, на Алтае, в Крыму, в Подмосковье и других местах России, но все это были кратковременные и не связанные друг с другом эпизоды. В 1917 году С. В. Обручев становится сотрудником старейшего центра по изучению недр России — Геологического комитета. Его направляют с большим и сложным заданием в Восточную Сибирь на почти не исследованное Среднесибирское плоскогорье. В год Великой Октябрьской социалистической революции начался главный в творческой биографии С. В. Обручева, прославивший его сибирский период путешествий и открытий.

Несколько полевых сезонов в самые первые годы Советской власти С. В. Обручев проводит со своим маленьким отрядом в Восточной Сибири, в лодочных и пеших маршрутах по Ангаре, Енисею, Нижней Тунгуске, Подкаменной Тунгуске, Курейке и другим рекам, охватывая, таким образом, своими исследованиями огромную площадь. Вместе с тем, отдавая Восточной Сибири большую часть своих сил и времени, он успевает принять участие в плавании на Шпицберген в составе океанографической экспедиции как начальник геолого-поискового отряда.

Закончив обработку материалов по Среднесибирскому плоскогорью (как увидим ниже, исключительно ценных), С. В. Обручев в 1926 году отправляется в новую далекую экспедицию — в Якутию. Перед ним еще менее известная страна, практически огромное «белое пятно». Ясно, что в первоначальные планы экспедиции на месте вносятся неизбежные изменения. Вместе со своим спутником — геодезистом-картографом К. А. Салищевым (ныне профессор МГУ) и другими сотрудниками С. В. Обручев преодолел великие трудности и сделал важные открытия. Обручев и Салищев на утлых лодочках спустились на значительное расстояние вниз по Индигирке. Это были места, где не ступала нога исследователя. Никто из геологов

и географов никогда еще не видел Индигирку в верхнем течении. Сама местность оказалась совсем не такой, как это следовало из разных слухов и рассказов.

Огромный запас собранных материалов обрабатывался в следующем году. Обручеву не терпелось продолжить исследования на Сибирском Севере, но новую экспедицию на Индигирку и Колыму удалось организовать только в 1929 году. Якутская экспедиция работала два года с одной зимовкой в Среднеколымске и только к осени на пароходе «Колыма», с огромным трудом пробившемся через полярные льды, вернулась во Владивосток.

Опыт прежних экспедиций убедил Обручева в том, что освоение просторов советской Арктики может быть ускорено только с помощью самолетов. Его мысли нашли поддержку во Всесоюзном арктическом институте, где Обручев возглавлял геологический отдел. Была организована Чукотская лётная экспедиция — первая в истории по средствам передвижения, приемам работы, целям и задачам. Снова вместе с Салищевым Обручев провел два сезона на Северо-Востоке СССР. Чукотская экспедиция вошла в историю освоения советского Севера, изучения географии полярных стран, а также в историю нашей полярной авиации как одна из наиболее значительных и плодотворных.

Последняя экспедиция С. В. Обручева в советскую Арктику заняла также два года — 1934—1935. В ней также использовалась современная для тех лет техника — аэросани. Заезд был дальний: через Владивосток и снова вокруг Чукотского полуострова до Чаунской губы Северного Ледовитого океана. Базу устроили в небольшом приморском поселке Певек, в ней провели и большую часть зимы, совершая глубокие рейсы на материк на аэросанях. Во время этой экспедиции Обручев близко ознакомился с жизнью чукчей.

Геологические и географические результаты экспедиции были блестящие. К началу 1936 года экспедиция вернулась в Ленинград и приступила к обработке богатейших материалов.

В 1937 году в Москве проходила XVII сессия Международного геологического конгресса. Одной из научных экскурсий конгресса — на остров Шпицберген — руководил С. В. Обручев. В этом же году научные заслуги уже широко известного полярного путешественника получили официальное признание: ему была присвоена ученая степень доктора геолого-минералогических наук без защиты диссертации и звание профессора. Он стал читать в Ле-

нинградском университете лекции по географии полярных стран.

С 1939 года начался последний, очень длительный период экспедиций С. В. Обручева, продолжавшийся 15 лет. Территорией исследования снова стала Восточная Сибирь, однако теперь ее южная окраина — Саяно-Тувинское нагорье. Первые годы — хребет Восточный Саян, последующие — южная часть нагорья. Великая Отечественная война застигла Обручева в сибирских горах и на несколько лет привязала его к Иркутску — родине ученого. Экспедиции продолжались. Обручева сопровождала его жена — геолог М. Л. Лурье. В военные зимы он читал лекции в Иркутском университете, постоянно и живо общался с местными научными кругами, особенно геологами и филологами, писателями, драматургами, театральными деятелями. С. В. Обручев был большим знатоком литературы, знатоком и любителем драмы, владел многими иностранными языками и в этой области не переставал совершенствоваться в течение всей своей жизни.

По окончании войны Обручев вернулся в Ленинград. Экспедиции в Саяно-Тувинское нагорье, затем в Прибайкалье и Мамский слюдоносный район продолжались оттуда. Теперь С. В. Обручев, лауреат Государственной премии и член-корреспондент Академии наук, работает в Лаборатории геологии докембрия. В 1964 году он становится директором этой лаборатории. Работы лаборатории расширяются, выходят за существующие узкие рамки.

Смерть от тяжкой болезни настигла С. В. Обручева на 75 году жизни, накануне превращения лаборатории в ныне существующий Институт геологии и геохронологии докембрия АН СССР. Жизненный путь ученого, путешественника, писателя оборвался в разгаре напряженной научно-организационной работы...

К чему же сводились главные научные заслуги и основные открытия, сделанные С. В. Обручевым во время его путешествий? Главные из них касались советской Арктики и Субарктики. Это признавал он сам, о том же говорят его книги. Об этих заслугах и открытиях лучше всего говорить в их хронологическом порядке.

Первое и, возможно, главное открытие относится, как ни странно, к самому раннему периоду его путешествий, ко времени его первой большой самостоятельной экспедиции. На Среднесибирском плоскогорье С. В. Обручев открыл, точнее, научно обосновал существование огромного угленосного бассейна, названного им Тунгусским. Этот бассейн простирается от низовьев Ангары к северу до гор Бырран-

га на Таймыре, занимает едва ли не половину территории между Енисеем и Леной. Это размеры Тунгусского бассейна, известные сегодня. В 20-е годы С. В. Обручев наметил более или менее точно его западные границы, но тогда же предположил, что угленосные толщи бассейна распространяются дальше и на восток, и на север. Не все сразу поняли и оценили по достоинству значение открытия. Но время шло, и все новые и новые геологические партии, исследуя огромное междуречье Лены и Енисея, подкрепляли первые смелые выводы С. В. Обручева. Он писал: «Я могу гордиться, что моя гипотеза о Тунгусском бассейне и выводы о геологическом его строении оказались удачными и плодотворными и что моя первая большая геологическая работа дала результаты, полезные для нашей Родины».

Почему же Тунгусский угленосный бассейн сравнительно мало известен широкой массе советских читателей? Почему не упоминается так же часто, как другие бассейны, например Донецкий, Кузнецкий, Черемховский? Ответ прост: Тунгбасс лежит пока далеко от железнодорожных магистралей, вообще от больших дорог Сибири, его территория еще очень слабо заселена. Тунгусский угленосный бассейн — это резерв для будущего, резерв огромнейший, как убедительно показывают следующие цифры. Из общих, так называемых геологических, то есть перспективных, запасов ископаемых углей в нашей стране, равных 6 800 миллиардам тонн, свыше 2 300 миллиардов приходится на долю Тунгусского бассейна. По запасам углей, среди которых есть бурые, каменные, коксовые, полуантрациты и антрациты, он превосходит больше чем в полтора раза Ленский и более чем в три раза Кузнецкий — угольные бассейны, стоящие соответственно на втором и третьем месте в Советском Союзе.

Открытие С. В. Обручевым Тунгусского бассейна насчитывает уже полстолетия. Кроме обнаружения колоссальных резервов для будущей горной промышленности края исследования С. В. Обручева заложили основу знаний о внутреннем геологическом строении бассейна, о составе слагающих его напластований, о так называемых сибирских траппах — вулканических породах, пронизывающих эти напластования. Масса сведений, добытых экспедицией в 20-е годы о ранее почти не изведанной территории бассейна, оказала огромную помощь последующим исследователям Среднесибирского плоскогорья — геологам-поисковикам, разведчикам, географам, почвоведам, ботаникам, всем тем, кто в довоенные годы впервые при-

ступал к экспедиционным работам в этой огромной таежной области.

Второе открытие — в географическом смысле, возможно, превосходящее первое — было сделано С. В. Обручевым и К. А. Салищевым также в 20-е годы во время экспедиции в Якутию. Это открытие хребта Черского, дотоле никому не известного, не показанного ни на одной географической карте. Открытие произошло во время плавания Обручева и Салищева вниз по Индигирке. Исследователи увидели, что вместо того, чтобы течь по равнине, как это следовало из старых расспросных данных географа Г. Майделя, Индигирка пересекает почти поперек одну за другой

высокие горные цепи. Выяснилось, что эта горная система тянется восточнее Верхоянского хребта, почти параллельно ему, пересекая верхнее течение как Индигирки, так и Колымы. По предложению С. В. Обручева, поддержанному Географическим обществом Союза ССР, вся горная система получила официальное название хребта Черского. То была справедливая дань памяти И. Д. Черского, замечательного ученого конца XIX века, геолога и палеонтолога, который, как выяснил С. В. Обручев из его дневников, уже тогда подозревал о существовании крупного хребта, пересекающего верховья Колымы. После открытия Обручева хребет Черского изображается на всех географических картах.

Легко сказать — открыть новый горный хребет! Ведь тогда у исследователей Сибирского Севера не было не только самолетов (что уж говорить о спутниках!), вертолетов и вездеходов, не было просто надежных лодочных моторов. Вся экспедиционная техника еще оставалась на уровне XIX века.

Открытие хребта Черского, самого высокого во всей Северной Сибири, было, как сказали бы теперь, открытием века. Хребет Черского оказался последним великим хребтом, открытым во всем северном полушарии.

Во время своей первой Якутской экспедиции как бы случайно и попутно С. В. Обручев сделал еще одно интересное открытие. Ноябрьские морозы застали экспедицию в долине Оймякона в поселке Томтор. Здесь пришлось оставаться в течение двух недель. Температура воздуха в начале ноября даже днем держалась все время ниже —40°, и можно было полагать, что по ночам она опускалась ниже —50°. Вместе с тем на известном в то время полюсе холода, в Верхоянске, температура ниже —30° держалась в том году с 6 ноября, а ниже —40° — только с 22 ноября. Простое сравнение показало, что Оймякон холоднее Вер-

хоянска. И в самом деле, последующие наблюдения подтвердили, что зимой в Оймяконе всегда на 3—4° холоднее, чем в Верхоянске. Так С. В. Обручевым был открыт истинный полюс холода — Оймякон. Лишь значительно позже было установлено, что сам Оймякон входит в целую зону холода северного полушария.

В 1929 году, когда экспедиция С. В. Обручева начала второе пересечение хребта Черского, на притоках Колымы уже находились первые золотые прииски и первые базы «Союззолото» (колымское золото было найдено три года назад неорганизованными старателями — «хищниками»). Дело только начиналось, и на долю С. В. Обручева как геолога выпала ответственная роль — дать общую перспективную оценку золотоносности Колымского района.
С этой ролью он справился наилучшим образом, выяснив, что речная сеть бассейна Колымы черпает, перемывает и переотлагает драгоценный металл из золотоносных жил, пронизывающих складки мезозойских песчаников и сланцев. Толщи этих пород вместе со сходными с ними по вещественному составу позднепалеозойскими (пермскими) отложениями образуют так называемый Верхоянский комплекс, а породы комплекса слагают почти весь хребет Черского. Открыв эту горную систему, С. В. Обручев вместе с тем показал, что она при всей своей геоморфологической сложности с точки зрения геологической является единым целым, что рудные золотоносные жилы — типичная особенность всего хребта, а размеры последнего создают самые благоприятные перспективы разработки золотоносных россыпей на Северо-Востоке СССР.

Открытие хребта Черского, а затем изучение геологического состава и обнаруженное единство его отдельных частей постепенно сделали возможным оценку золотоносности всего этого края и его превращение в крупную рудную базу. Так, казалось бы, чисто научные интересы С. В. Обручева привели к открытиям большого народнохозяйственного значения.

Богатые научные материалы, собранные С. В. Обручевым во время Чаунской экспедиции 1934—1935 годов, не только позволили понять в первом приближении геологическое строение этого северного края, но и привели к очень важному открытию, определившему его дальнейшее экономическое развитие. Обработка в Ленинграде образцов горных пород, собранных в горах, в окрестностях Чаунской губы, показала, что часть этих образцов содержит, притом в значительном количестве, оловянный камень (касситерит). Арктический институт, где в то время

работал С. В. Обручев, в 1937 году послал в Чаунский район специальную геологоразведочную группу, а вскоре там началась разработка оловянных месторождений. Вырос и поселок Певек, ставший центром нового оловорудного района. Развернулись поиски и разведки месторождений олова и других металлов на площади всего Чукотского национального округа. За открытия в Чаунском районе, содействовавшие быстрому хозяйственному развитию этого северного края, С. В. Обручев получил в 1946 году звание лауреата Государственной премии первой степени.

Нельзя пройти мимо еще одного из открытий С. В. Об-
360 ручева на Сибирском Севере. Изучая условия залегания мезозойских песчанико-сланцевых отложений и вулканических лав в южной части Колымской низменности и на Юкагирском плоскогорье и сравнивая их с гораздо более сложными условиями залегания отложений того же возраста в соседних горных хребтах, С. В. Обручев пришел к выводу о существовании в среднем течении Колымы древнего жесткого массива земной коры. Этот массив он назвал Колымской платформой. Сейчас он изображен на всех самых новейших тектонических картах СССР под названием Колымского или Колымско-Омолонского срединного массива, чем только несколько уточняется его геологическая сущность.

Таков ряд геологических и географических открытий С. В. Обручева на Сибирском Севере. Этот ряд нельзя не назвать грандиозным. Недаром и сам С. В. Обручев, организатор и руководитель более чем сорока различных экспедиций, считал «северный период» своих путешествий самым важным и плодотворным. Обратив затем свое внимание на южную часть Восточной Сибири, Саяно-Тувинское нагорье, знаменитый полярный исследователь сумел и здесь многое увидеть, понять, оценить и переоценить. Так, уже после первых своих маршрутов в Восточный Саян он отверг представление о существовании здесь первозданного материка — древнего «темени Азии», увидев на его месте каледонскую складчатую зону. Он обратил внимание на роль горизонтальных сдвигов в структуре земной коры Юго-Западного Прибайкалья, дал первые научно обоснованные схемы орографии и геоморфологии Саяно-Тувинского нагорья. Во всех этих и других достижениях своих экспедиций С. В. Обручев никогда и нигде не упускал из виду не только геологическую, но и географическую сторону дела. Как и его отец, он был одновременно и, что главное, по самому существу своей научной

деятельности и геологом, и географом. Это сказалось не только в экспедиционной работе С. В. Обручева, но и в той роли, какую он играл в Географическом обществе СССР, будучи постоянно связан с его публикациями и общественно-научной деятельностью. Его интересовал весь круг географических вопросов, предпочтение же отдавалось орографии, геоморфологии и проблемам древнего оледенения. И в геологии, и в географии С. В. Обручев был монументалистом: его занимали большие идеи, большие геологические структуры, большие географические явления. Отсюда и техника его экспедиционных исследований — наблюдения вдоль очень протяженных и значительно удаленных друг от друга маршрутов. В этой технике отражалось многое: и стиль путешествий предшествующего — XIX века, и необходимость схватить сначала самые главные и общие черты доселе не изведанной страны, и, по-видимому, особенность характера самого исследователя.

Следует сказать несколько слов о внутреннем складе С. В. Обручева вообще, и в частности о прошедшей красной нитью через всю его жизнь склонности к описанию своих путешествий, доступному и интересному широкой массе читателей. Читая его книги и знакомясь с воспоминаниями спутников С. В. Обручева по экспедициям, нельзя не прийти к выводу, что эти книги задумывались и начинали готовиться во время самих экспедиций. Научный отчет, статья, монография, научно-популярная книга в поле зрения С. В. Обручева были всегда одновременно.

Особо должна быть отмечена его роль как научного биографа своих сибирских предшественников — И. Д. Черского, А. Л. Чекановского и др. Он выступал как организатор авторского коллектива книг об этих исследователях и как их автор и редактор. Литературно-научная деятельность С. В. Обручева этим не ограничивалась. Систематически знакомясь с новинками науки по иностранным журналам, он публиковал о них свои заметки в наших журналах и таким образом доводил их до сведения советских читателей. Большое количество таких заметок было опубликовано, в частности, в журнале «Природа», в редколлегии которого он много лет работал. Как и его отец, автор широко известных научно-фантастических романов, С. В. Обручев отлично владел пером литератора, но и в этом отношении шел своим собственным путем.

Особое и, казалось бы, далекое от интересов путешественника-естествоиспытателя место занимали в жизни

С. В. Обручева литературоведение и литературная критика. В конце 20-х и в 30-х годах, часто выступая со своими статьями в литературных журналах, он даже некоторое время колебался, кем быть дальше — геологом или литератором. Интересы его в литературоведении были разнообразны: он писал статьи о драматургии, литературно-критические и специальные исследования, такие, как «К расшифровке десятой главы Евгения Онегина», «Над тетрадями Лермонтова». Увлекаясь поэзией, особенно русскими классиками первой половины XIX века, С. В. Обручев сам писал стихи, но, к сожалению, не публиковал их.

Как человек разносторонних способностей и интересов, С. В. Обручев мог избрать более спокойный, обставленный всеми удобствами путь ученого-литературоведа, критика, историка науки, лингвиста и, если бы это случилось, достиг бы немалого и на таком пути, о чем с несомненностью говорят его собственные труды. Но всего этого не случилось потому, что для С. В. Обручева это были только попутные, хотя и тянувшиеся через всю жизнь, боковые тропы. Они пересекали, но никогда не заменяли главный, неизмеримо более трудный, но и беспредельно увлекательный путь естествоиспытателя. С. В. Обручев был одним из последних путешественников-натуралистов стиля XIX века — всесторонне образованным ученым, но также одним из первых исследователей современной советской формации с ее духом коллективизма, высокой гражданственности, с ее новыми методами и задачами исследований. Как и его знаменитый отец, С. В. Обручев был свидетелем и участником последних великих географических открытий на величайшем континенте мира: В. А. Обручев — в Центральной, С. В. Обручев — в Северной Азии. Так рационально (и символично!) было разделение трудов и путешествий в одной семье.

С. Обручев прожил большую жизнь, полную труда, смелых и неустанных поисков. Он сделал одно за другим по крайней мере четыре важных геологических открытия, и каждого из них было достаточно, чтобы принести ему широкую известность.

Когда Сергей Владимирович приступал к своим самостоятельным исследованиям, перед ним лежали действительно не изведанные края, и каждый его маршрут был дорогой пионера, каждое новое наблюдение, описание, находка становились бесценными уже в силу своей новизны. Они несли исследователю известность и особое уважение научных кругов. Но невянущие лавры научно-

го приоритета никогда и никому не давались даром — ни в эпоху Великих географических открытий, когда открывались целые новые материки, ни в новое время, когда открывались последние великие горные хребты. Отправляясь в первой трети нашего века на далекие окраины Северной Азии, исследователь мог быть уверен, что на его долю выпадут новые и важные открытия.

Теперь географические и геологические открытия такого значения уже невозможны. Еще совсем недавно неизвестные науке бескрайние равнины Амазонки, пустынные горы Центральной Азии, ледяные поля Антарктиды теперь исследованы и с земли и с воздуха. Сейчас мы знаем больше о рельефе Луны, чем было известно о рельефе Северо-Востока Азии до первых маршрутов С. Обручева. И трудно в этом смысле не позавидовать исследователям прошлого. Но нельзя также забывать о том, какими широкими знаниями должны были они обладать, как постоянно и прилежно учиться у самой природы, встречаться с ее загадками лицом к лицу. Если природа как будто всегда готова поделиться с человеком своими тайнами, помочь ученому разобраться в самых сложных явлениях, то это удается далеко не всем. Крупные географические и геологические открытия, подобные сделанным С. Обручевым, кроме сложной научной и технической подготовки требовали большой отваги, страсти к познанию нового, готовности к риску, физической выносливости, способности надолго отказаться от городского комфорта, безропотно выносить массу неудобств, а подчас тяжелых лишений. Поэтому сегодня, когда наша страна доступна каждому трудящемуся во всех своих уголках, еще совсем недавно бывших медвежьими углами, когда с благоустроенных аэродромов по всем направлениям летят пассажирские самолеты, когда можно высадиться с вертолета практически где угодно — в тайге, в тундре, в пустыне, нам особенно дорога память о наших замечательных ученых-землепроходцах и землеведах, людях огромной научной страсти, энергии и бесстрашия.

С. В. Обручев путешествовал на северо-востоке России в 20—30-х годах, то есть около полувека назад. За это время многое изменилось в бассейне Колымы и на Чукотском полуострове. Советская быль пришла и сюда, она неузнаваемо изменила жизнь людей. Ученый еще видел старый быт, бедность, тесные яранги чукчей. Но он знал, что все это скоро будет позади, и был убежден, что грядущие времена принесут народам Сибири радость и счастье. Об этом свидетельствуют слова Сергея Владимировича, написан-

ные им еще в 1957 году в предисловии к его книге «По горам и тундрам Чукотки» *:

«В моей книге мне хочется показать закономерность того древнего уклада жизни, сложившегося веками, который я застал в 1934 году, показать его целесообразность в условиях той тяжелой борьбы с природой, которую до последнего времени пришлось вести чукчам, подойти, так сказать, к быту чукчей не снаружи, а изнутри, как товарищ и участник их жизни. И вместе с тем рассказать, как под благотворным влиянием энергичных советских работников — учителей, врачей, организаторов районов — этот косный быт уже тогда, при первой встрече с советской культурой, начал быстро и резко изменяться.

Я описываю Чукотку такой, какой она была в 1934—1935 годах, когда еще только что были организованы районные учреждения, впервые начали собираться районные съезды, впервые красные яранги и учителя поехали в тундру, к оленеводам-кочевникам.

Сравнение с данными о современных формах хозяйственной и общественной жизни Чукотки, приведенными в последней главе книги, показывает, как значительны происшедшие изменения.

Новая Чукотка — социалистическая, пришла на смену Чукотке каменного века».

Книги о путешествиях С. В. Обручева в дикие, почти необитаемые в то время окраины Советского Союза, где сейчас народное хозяйство и национальная культура фантастически быстро развиваются буквально на наших глазах, будут многие годы близки уму и сердцу советских читателей, умеющих ценить волю к успеху, страсть к познанию, готовность к лишениям, энергию и бесстрашие, отличавшие наших славных землепроходцев.

Н. Флоренсов

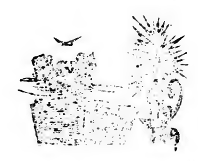
* Эта книга, изданная в Москве Географгизом, вошла в настоящий том, куда включены также два больших раздела «Открытие хребта Черского» и «Два года на Колыме» из книги «В неизведанные края» (М., 1954).

СОДЕРЖАНИЕ

Открытие хребта Черского

Два года на Колыме

По горам и тундрам Чукотки

Обручев С. В.

О 23 В неизведанные края. Послесл. Н. А. Флоренсова. М., «Мысль», 1975.

366 с. с карт.; 16 л. ил. (XX век: Путешествия. Открытия. Исследования).

Книга выдающегося исследователя Северо-Восточной Сибири С. В. Обручева (сына знаменитого путешественника, ученого и писателя-фантаста В. А. Обручева) посвящена его трем большим экспедициям на север Азии, происходившим соответственно в 1926, 1928—1930 и 1934—1935 годах. В результате этих экспедиций были открыты хребет Черского и Юкагирское плато, нанесены на карту Колыма с притоками и многие другие реки края, исследована Чукотка. После экспедиций С. В. Обручева неизведанная ранее огромная территория Сибири, недра которой оказались богатыми полезными ископаемыми, вошла составной частью в народное хозяйство нашей страны.

О $\frac{20901\text{-}041}{004\,(01)\text{-}75}$ подписное 91 (С)

Обручев
Сергей Владимирович

В НЕИЗВЕДАННЫЕ
КРАЯ

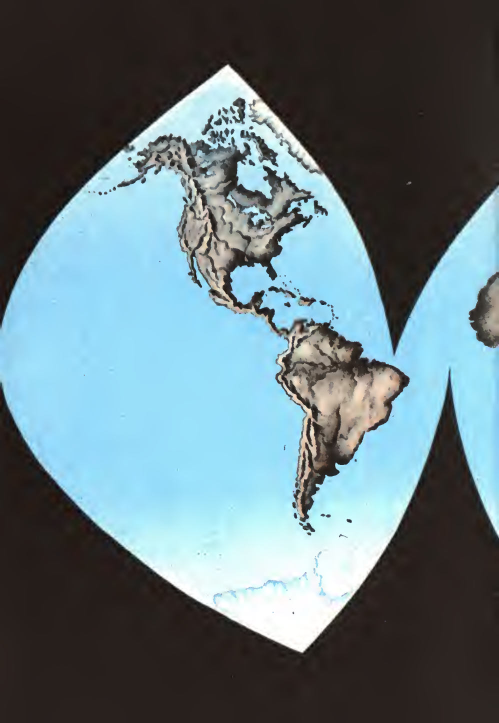
Главная
редакция
географической
литературы

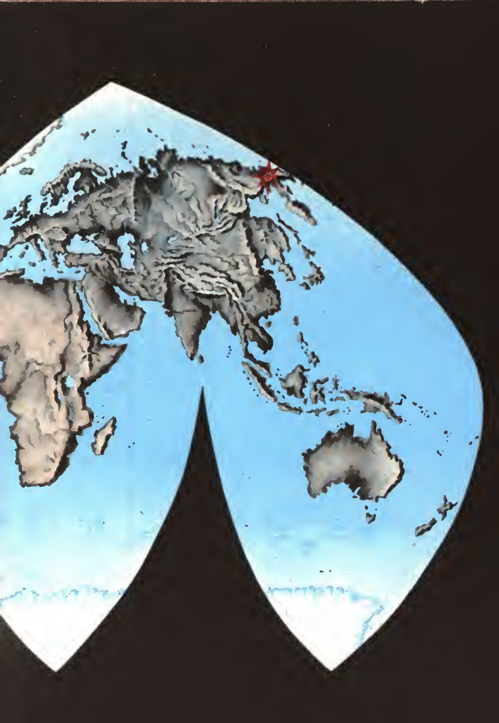
Редактор
Б. Н. Малкес
Младший редактор
Л. Ю. Артемьева
Редактор карт
З. А. Киселева
Художественные редакторы
В. Ф. Найденко,
В. И. Суриков
Технический редактор
Ж. М. Конобеева
Корректор
Т. М. Шпиленко

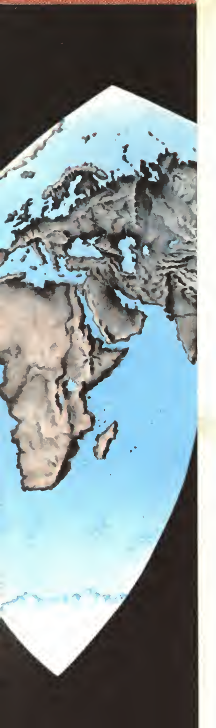
Оформление
и макет серии
Д. А. Аникеева
Суперобложка художника
С. Ф. Таран
Гравюра художника
Л. С. Быкова
Фото автора,
В. Данилова
и А. Денисова

Сдано в набор 24 декабря 1974 г.
Подписано в печать 13 мая 1975 г.
Формат бумаги 60×84¹/₁₆. № 1.
Усл. печатных листов 23,25 (с вкл.).
Учетно-издательских листов 23,92
(с вкл.). Тираж 150 000 экз. А01683.
Заказ № 2222. Цена 1 р. 27 к.
Издательство «Мысль». 117071. Москва,
В-71, Ленинский проспект, 15

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая Образцовая типография
имени А. А. Жданова
Союзполиграфпрома
при Государственном комитете
Совета Министров СССР
по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли.
Москва, М-54, Валовая, 28

1 р. 27 к.

